

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. Г. ПЕРИХАНИЯН

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

ИРАНА

В ПАРФЯНСКИЙ

И САСАНИДСКИЙ

ПЕРИОДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

9 (М)

п27

Ответственный редактор

И.М.Дьяконов

Монография представляет собой первое в научной литературе изложение истории социальных и правовых институтов в Иране II в. до н.э. - VII в. н.э. Исследование построено главным образом на данных сасанидского Судебника с широким привлечением материалов других пехлевийских текстов, эпиграфики, юридических документов, а также иноязычных текстов из Ирана и сопредельных областей.

п 0506000000 - 088 134 - 83
013(02) - 83

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1983.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории Ирана парфянский и сасанидский периоды охватывают более восьми столетий — от падения империи Селевкидов, положившего конец гегемонии греков (II в. до н.э.), и до завоевания страны арабами (VII в. н.э.), принесшими ей ислам. Существует обширная литература об иранском искусстве этих столетий, имеется и многочисленная публикация археологического материала и эпиграфики. Много внимания уделено и изучению религии, как основной — зороастризма, так и религиозных течений, имевших распространение в Иране, в частности манихейства. Политической истории Ирана этого периода также посвящено немало исследований, среди которых имеются и большие общие труды. Однако даже и таком серьезном общем труде, как "Иран при Сасанидах" А. Кристенсема (Копенгаген, 1944), описание права и правовых институтов вообще отсутствует, а общественные структуры и институты представлены весьма поверхностно и примитивно. Это не случайно. Большой вес Ирана на международной арене древности и его роль главного политического соперника республиканского и императорского Рима, а затем и Византии привлекали к нему внимание историков, да и в имеющихся письменных свидетельствах факты политической истории Ирана отражены несравненно лучше, чем другие стороны исторической действительности этой страны.

Между тем трудно переоценить важность раскрытия социальной и правовой действительности, существовавшей многие века на столь обширной территории. Помимо того значения, которое это имеет для истории самого Ирана, большое место в наших познаниях в этой области сильно мешает развитию сравнительно-исторической социологии и права; оно также мешает оценке того, что внес Иран в создание социальных и правовых институтов исламской цивилизации.

Цель данного исследования — познакомиться с воспоминаниями этого пробела. Оно основано главным образом на данных сасанидского Судебника (*mātakdān ī hazār dāstān* 'Книга тысячи судебных решений') — компиляции юридических норм, составленной Фарахмартом, сыном Вахрама, современником Хосрова II Анаршеза (591-628), использовавшим в юридических руководствах, а документы более раннего времени. Предпринятое нами полное издание этого текста в транскрипции, с комментированным переводом на русский язык в глоссарием-индексом вышло в свет в 1973 г. в Ереване. Во введении к нему читатель найдет развернутую характеристику этого памятника, историю его рукописей и ее изучения. К этому изданию и относятся многочисленные в настоящем исследовании отсылки там, где источник не указан специально. Наряду с Судебником широко использованы и другие ведлеви́йские тексты, эпиграфические памятники, а также иноязычные источники (древнеармянские, греческие, сирийские), дополняющие данные иранских.

Эта книга — результат многолетнего труда ее автора. Некоторые из затронутых в ней вопросов ранее уже были разработаны и предложены вниманию читателей в виде отдельных статей. Поскольку эти статьи касались важнейших общественных структур и правовых учреждений, они включены — с некоторыми изменениями и дополнениями — в настоящее издание. Так, первая глава второго раздела представляет переработку статьи, опубликованной в "Вестнике древней истории" (1968, № 3, с.28-53), первая глава третьего раздела — статья, изданная в 1973 г. в том же журнале (№ I, с.3-25), а третья глава седьмого раздела была в этом же виде опубликована в 1979 г. в "Переднеазиатском сборнике" (вып. II. М., 1979, с.182-192).

Как и в издании Судебника, при передаче иранских правовых терминов там, где содержание иранского слова это позволяло, применена принятая в литературе по истории права терминология, использующая термины неретрансформированного римского права. В иных случаях использован русский эквивалент иранского слова, а при отсутствии эквивалента во избежание неточности и двусмысленности иранский термин дан в русской транскрипции. Многозначные термины передаются в соответствии со своим значением в контексте.

Мне очень приятно выразить здесь глубокую благодарность моему учителю проф. И.М.Дьяконову, чьи советы были очень полезны при подготовке работы к печати. Я также очень признательна А.В.Яценко за осуществление ее многотрудного машинописного набора этой книги.

Р а з д е л I

П Р А В О Л И Ц

Г л а в а I. Лица физические и юридические

В иранском праве, как и в других правовых системах, правоспособность человека (= лица физического) наступала с момента его рождения. В период беременности матери неродившийся считался потенциально правоспособным, реально же свою правоспособность приобретал с рождением. В Судебнике упоминаются распоряжения о передаче вещи, стурства, а также определении доли в наследстве, сделанные на случай рождения (см., например, 51, 12-16; 51, 16-52, 15; 52, 15-17; 82, 7-9; 82, 10-12; 90, 8-14). Если нет каких-либо особых обстоятельств (речь о них ниже), потеря человеком его правоспособности (так называемая гибель физического лица) наступала лишь с его смертью. В частном праве право- и дееспособность обладали лица обоюбого пола; существенное значение пола приобретал только в области нублячного права.

Однако объем право- и дееспособности физического лица сильно варьировал и в иранском праве зависел, подобно тому как это имело место в правовых системах других народов древности, от следующих трех факторов: *status libertatis*, *status civitatis* и *status familiae*.

Полной и неременной правоспособностью обладал только свободный. Раб мог быть субъектом права лишь в ограниченных пределах, всегда оставаясь при этом объектом права (о правовом положении рабов см. ниже, гл.4). Право- и дееспособным в полной мере (*tuwālik*) становился каждый свободный член гражданской (и религиозной) общины, достигший совершеннолетия и не находящийся под патриархальной или опекунской властью другого лица. Полнота объема право- и дееспособности физического лица в частном праве получала, таким образом, свое законченное выражение в положении мужчины, являющегося главой семьи. Поэтому в среднеперсидских юридических текстах слово *katak-hvatāu*, определяющее семейное положение главы семьи, практически вытеснило другие социальные термины, обозначающие носителя гражданских правоотношений, правовую личность, также,

квх ānāt, āahrīk, mart ī āahr, āāhān āāh bandak (см. Глосса-
рий, с.445, 497, 525).

Для объема право- и дееспособности человека имело значе-
ние не только свободное его состояние, но и принадлежность
его к одной из семейных общин, место, которое это лицо в ней
занимает. Как будет видно из последующих разделов, с этим ме-
стом связано его право на (универсальное) наследование, на ак-
тивное владение имуществом, особенно недвижимым, на стурство,
как и его права и обязанности в отношении брака семьи и се-
мейной общины и во многом другом. В этом плане наряду с при-
надлежностью члена семьи к мужскому или женскому полу и даже
в большей мере, чем это обстоятельство, имела значение при-
надлежность его к той или иной возрастной категории.

Иранское право знало две возрастные категории — совер-
шеннолетних (arīgnāu) и несовершеннолетних (arīgnāu, arīgnāu-
ak). Совершеннолетним считалось лицо мужского или женского
пола, достигшее пятнадцатилетнего возраста (см. Y. 9, 5; Yt.
8, 13-14; 14, 17; Va. 14, 15; Va. III, 19). Несовершеннолетний
член семьи имел право на долю в наследстве и обладал также
правом приобретения имущества со стороны, но вступить в свое
право владения он мог только по достижении совершеннолетия,
когда он вправе был сделать заявление о своем принятии или
непринятии вещи (см., например, 19, 7-10; 20, 2-6; 67, 3-10;
67, 10-13). Дееспособность приобреталась только с совершенно-
летием. С того момента, когда в семье мальчик достигал совер-
шеннолетия, власть опекуна, назначенного над семьей в связи
со смертью главы семьи, прекращалась: совершеннолетний юноша
сам становился опекуном семьи своего умершего отца и лицом
дееспособным в полной мере (см., например, 26, 1-3; 26, 3-5;
A32, 9-13; Riv. Esh. Aš. V, 5, 17-18). Достижение совершенно-
летия лицом мужского пола открывало ему возможность официаль-
ного вступления в брак^I, и тем самым с созданием новой семьи
и после выхода из-под отеческой власти он сам становился ее
главой и самостоятельной правовой личностью независимо от то-
го, продолжал ли он оставаться под ирвом своего отца или по-
лучал полный выдел.

Место человека в семье и в более широкой родственной
группе — следовательно, и те или иные его права или правооб-
язательства — определялось родством. Иранское право признавало
обе системы родства — как родство когнатическое, так и осо-
бенно родство юридическое (агнатическое), подразделявшееся, в
свою очередь, на родство по браку и на родство по усыновле-

нии. Однако в силу существования в зороастрийском Иране нескольких типов брака картина родственных отношений здесь была сложнее, чем в большинстве стран древности. (Подробно правовое положение физических лиц в зависимости от их места в системе родства рассматривается в разд. II.)

Третьим фактором, определявшим объем правоспособности человека, была его принадлежность к общине — сельской или городской (и, более расширительно, к государству, к подданству царя царей Ирана), а также к той или иной религиозной общине. Принадлежность к общине была гарантирована человеку его членством а семье и агнатической группе, входящей в эту общину (см. разд. II, гл. 2). В Иране вхождение через семью в агнатическую группу в более широкий гражданский коллектив определяло, конечно, и принадлежность лица к одному из гражданских сословий в государстве, а следовательно, и тот или иной публично-правовой статус этого лица. Но оно влекло за собой также и ряд прав и обязанностей из области частного права. Так, членство в общине давало право на владение землей в общине и пользование всеми общинными святилищами, право, передававшееся по наследству всем личным преемникам члена общины, а член той же общины, что и умерший, не оставивший преемника, мог быть назначен стуром покойного (с возложением на него обязанности дать покойному преемника) и получить во владение с правом usufructa его имущество, если родичи-агнаты покойного отказались от принятия этого стурства. Человек, принадлежащий к той же общине, к тому же коллективу людей, не связанных, однако, между собой кровными узами, назывался *ādehīk* 'согражданин', принадлежащий к той же общине (44, 2-3; ср. ав. *ā.dahyav-*, *āgrw̄b*. 320) в отличие от членов другой общины. В правовом (и в социальном) отношении он противопоставлялся чужаку, живущему в той же местности, но стоящему вне общины.

Таким образом, полнота право- и дееспособности физического лица зависела от его классового (свободный или раб), семейного и гражданского статусов. Зависимость эта настолько тесная, что потеря, уменьшение или просто изменение хотя бы в одном из этих статусов обязательно влекли за собой соответствующую потерю или изменение в правах лица. В начале данной главы говорилось о том, что с физической смертью человека наступала также его правовая смерть. Однако также и по нормам иранского права потеря, даже полная, правоспособности, "гибель правовой личности", могла произойти и при жизни человека, если он был осужден за совершение такого преступления ("смертная вина").

В примитивном обществе за осуждением в тяжком преступлении обычно следовала смертная казнь преступника, его физическая смерть. Отсюда в иранское название преступления — *magkağīd* 'достоинство смерти'; в Судебнике приводится (I4, I7 - I5, I) и прямое предписание Авесты о необходимости "снести голову" (*mag vğit arāuēt*) виновному в тяжком преступлении после первого не пересмотра дела (не допуская вторичного пересмотра, законного для других случаев). Но строгость этого авестийского предписания стоит тут особняком: в сасанидскому времени физическая смерть (= казнь) преступника давно уже стала заменяться его гражданской смертью, хотя в отдельных случаях, особенно в отношении лиц опасных с точки зрения государственной власти, имели место и экзекуции.

* Гражданская смерть физического лица влекла за собой уничтожение (конфискацию) всего актива и пассива его имущества (исключая тот минимум средств, который был необходим для содержания его жены и детей), полную потерю места в семейной общине и связанных с ним прав, включая право участия в культе; последнего права лишился даже тот, которому было предъявлено обвинение в совершении такого преступления, но по суду он был признан невиновным (см. 31, 2-3; 97, 13-15; 97, 15 - 98, 1; 98, 13-14; A35, 9-II; ДКМ 719, 6). Сходное действие на правоспособность оказывала самопродажа или ревокация в рабство с характерным для данных случаев исходом — превращением субъекта правоотношений в их объект.

Когда манихейство (как и ныне религиозно-идеологические течения) превратилось в реальную силу, оно стало жестоко преследоваться официальной зороастрийской церковью и государством. По свидетельству Судебника (A38, I6 - 39, I), манихей были приравнены к вполне неспособным в правовом отношении, и по всем махрам страны был разослан указ, предписывавший конфискацию в царскую казну имущества манихеев и распространителей манихейства². Столь же суровой была кара за колдовство (A38, I2-I6).

Выше приводились примеры максимальной потери право- и дееспособности, именуемой гражданской смертью. Но и в отсутствие какого-либо ущерба или перемены в классовом, сословном или гражданском статусе человека могло наступить изменение в его семейном статусе, например вследствие усыновления его со стороны другого гражданина. Усыновленный теряет место в своей прежней семье вместе со всеми правами наследования в ней; к нему нельзя уже предъявлять исков по обязательствам его преж-

него домовладения, и сам он также не может предъявлять иска по требованиям своего родного отца; исключение составляет только ответственность за собственные долги и действия в период пребывания в прежней семье. Усыновленный получает место в семье своего усыновителя и приобретает сам все соответствующие права, активные и пассивные.

В рамках древнеиранского права можно отметить ряд различных изменений в семейном статусе человека, из коих одни не меняли самого объема право- и дееспособности данной личности, но меняли ее конкретные права, другие же действовали на сам объем ее прав, сокращая или увеличивая его. Проступки же, особенно религиозно-нравственные, как правило, приводили к тому или иному сокращению объема правоспособности виновного лица. Можно говорить даже о влиянии чести на правоспособность в иранском праве: лицо, имеющее дурную репутацию (*dazgavīh* = *infamia*), теряет свою правоспособность в области публичного права (см., например, Riv. Ем. АБ. V, 13) и, видимо, в известной мере также и в гражданском процессе, особенно в отношении дачи показаний; дурная репутация учитывалась и при вынесении решения суда (A34, 17 - 35. 3; A35, 4-5).

Правовое положение не-зороастрийцев

В связи с изложенным выше следует остановиться вкратце еще на одном вопросе, а именно на правовом положении иранского и не-зороастрийского населения в государстве Сасанидов.

Пехлевийские тексты не оставляют сомнения в том, что этввкм *ēr* 'иранец' (мн.ч. *ērān*) наряду с этим своим основным значением приобрел в сасанидское время, если не ранее, также и конфессиональный оттенок и стал употребляться как синоним терминов *verdēn*, *indēn*, *mazdēn*, передающих понятие "зороастриец, зороастрийский", а абстрактная форма *ērīh* служила синонимом *indēnīh*, *dēn ī mazdēn(ān)* 'зороастрийская религия; религиозно-этические нормы зороастризма'. Соответственно ср.-перс. *apēr* - букв. 'не-иранец' превратилось в синоним слова *avdēn* 'не-зороастриец, иноверец' и стало применяться также и к лицам иранского происхождения, не исповедующим зороастризм.

Как известно, при Сасанидах в Иране периодически производились жестокие гонения на не-зороастрийцев. Достаточно упомянуть длившееся сорок лет преследование христиан при Шапуре II (339-379). Однако в целом этническая или религиозная принадлежность не имели существенного значения в сфере частного права; правовая дискриминация не-зороастрийцев проводи-

лась почти исключительно в области административного права. Этим, видимо, следует объяснить отсутствие в Судебнике умзаний на умеренность прав иноверцев в их частноправовых сделках с зороастрийцами. Иное дело — вероотступничество этих последних: переход зороастрийца в иную веру, естественно, влек за собой потерю им его места в семье и общине, а следовательно, и потерю всего круга связанных с этим местом прав (ср. 44, 6-8; 60, 16 - 66. I), но вряд ли влиял на его общую правоспособность, ибо как прозелит он приобретал примерно тот же круг прав в новой общине. Особняком стояла принадлежность к манихейской религии: как уже было отмечено выше, по официальному указу, дата которого пока не поддается установлению, принадлежность к манихейству и пропаганда этой религии считались деликтом, влекущим за собой полную потерю имущественной правоспособности (A38, 12-16; A38, 16 - 39. I).

Что же касается лиц, исповедовавших иудаизм или христианство (среди христиан Ирана число лиц иранского происхождения было весьма значительным), то они входили в соответствующие религиозные общины, пользовавшиеся собственными правовыми системами и автономией в области юрисдикции: Вавилонский Талмуд и Судебник Инобохта являются памятниками права соответственно иудейской и христианской общин сасанидского Ирана³.

Лица юридические В нескольких статьях Судебника имеются указания на то, что в сасанидском Иране публичное целевое имущество и такие институты, как, например, царская казна или храмы, могли через своих представителей магистратов вступать с частными лицами в отношения, регулируемые нормами частного права. А это означает, что публично-правовые институты для введения их в сферу частноправовых отношений наделялись право- и дееспособностью — имущественной, обязательственной и процессуальной — отдельного индивидуума, физического лица, иначе говоря, учреждения эти выступали как юридические лица. Так, согласно Судебнику (101, 8-11; 103, 4-6), частные лица передавали храмам имущество, в частности рабов, и передачи эти (дар, продажа или сделка на каких-то условиях) совершались в полном соответствии с нормами передач, обязательными для законности подобных сделок между частными лицами (как декларация волеизъявления передающего и т.д.) и с таким же правовым действием. Храм и частное лицо могли вступать в со товарищество и стать совладельцами одной и той же вещи, например раба. Уже упоминание таких фактов в Судебнике, тексте, составленном в практических целях в качестве

10

руководства и справочника по гражданскому судопроизводству, свидетельствует о том, что не только оформление подобных сделок производилось по установлениям частного права, но и конфликты, возникавшие впоследствии между участвующими сторонами, подлежали рассмотрению судебных учреждений или, во всяком случае, могли выноситься на их рассмотрение, а не решались чисто административным путем. Судебник имеет также раздел (А25. 15 - 30, 6), посвященный различным аспектам правовой компетенции как судей, так и должностных лиц (kārdāgān), в ведении которых находились государственная или царская земля и соответствующие поступления в казну - āhīkān, храмовое имущество и поступления в храмовую казну. Это остандары, возглавлявшие ведомства по управлению царскими землями и имуществом, амаркары - государственные финансовые чиновники, раты, ведавшие храмовым имуществом. Эти лица соответственно компетентны в начислении и сборе подати и в определениях штрафов, как и в делах по изъятию у частных лиц их владений для возвращения изъятого в царскую или храмовую казну. Однако в указанных параграфах Судебника речь идет не только об административно-фискальных полномочиях и власти, которые у этих должностных лиц, несомненно, имелись, но и об их компетентности выступать и судебном процессе в качестве представителей соответствующих юридических лиц - казны и храмов. Так, рат (А26. 17 - 27, 4) компетентен в заключении частноправовых актов, касающихся "купли и обмена", в "определении стоимости подлежащего внесению в храмовую казну" в той же мере, в какой он компетентен во внутреннем, чисто административном управлении храмовым имуществом, в учете поступлений и в их дифференциации: "И в любых (судебных делах), касающихся храмовой казны, - будь это дело, касающееся царской казны, то амаркары были бы в этом компетентны - (судьи) должны принимать за компетентное (показание или представительство рата. - А.П.)". Точно так же и остандар считался правомочным не только в административных действиях, таких, как изъятие у частного лица участка на царской земле, некогда переданного ему или его предшественнику во владение, или обложение податью (rat arāḥ kart ut vāk arat nihāt), но и в приобретении (- в купле, rat kīt) у частных лиц имущества в пользу казны и в приеме у них платы (rat... vahāk ratigift), т.е. он представлял казну, когда она выступала в качестве покупателя или продавца в сделках купли-продажи; от него же как от представителя юридического лица исходили и объявления о передачах частным лицам наделов на царской земле в условное владение или в собственность

(pat dat rautāk kart) в полном соответствии с теми нормами об объявлении передач и заявлениях о приеме, которые были обязательны для частноправовых актов - передач или купли-продажи (A27, 12-13). Юридическое лицо, участвующее через своего представителя в такой сделке или в судебной тяжбе, получало изготовленную судьей копию документа - титула на владение (93, 3-4).

Требование фискального чиновника об уплате побора, как и его действия (например, конфискация у владельца его земельного участка), могли быть обжалованы путем гражданского иска и стать предметом судебного расследования (A27, 13 - 28, 3) - процесса, в котором истцом являлось частное лицо, а ответчиком - казна, представленная амарваром. В Судебнике (A37, 15 - 38, 4) говорится также и о том, каков согласно официальным установлениям должно приниматься судьями решение в случае, если иск будет вчинен лицом, владеющим (на правах эфитевта) участком на царской земле и у которого вследствие задолженности по уплате ренты владение было отобрано. Судебному рассмотрению мог подлежать и конфликт между наследником всадника, получившего от казны в условное владение надел, в казней в связи с ее требованием уплаты ей возмещения или штрафа за просрочку возвращения ей надела умершего всадника (77, 6-9).

Полностью отсутствуют, однако, упоминания о таких видах юридических лиц, как корпорация или союз. Судебник знает только товарищества, т.е. сумму физических лиц (с их имуществом), связанных корреляльным обязательством. Впрочем, не-корпоративный характер ассоциаций (*ἑταῖρος* и *κοινωνία*) был характерен и для греческой системы права.

Г л а в а 2. Сословия

О сословной организации древнеиранского общества нам известно по многочисленным упоминаниям в Авесте⁴ и в похленивских текстах позднего происхождения, по тесно связанным с авестийским каноном⁵. Согласно одному пассажию Авесты (Y. 19, 17), сословий (piātra- - букв. 'цвет' от *raiva- 'охранять и др.') было четыре. Они соответственно охватывали жрецов (ав. āyavān-), воинов (ав. raūaēšta-/raūaēštar- - букв. 'колесничий'), земледельцев (ав. vavtγuō. fēyuant-, композит-двандва, составленный из слов с первичным значением 'занимающийся пастбищами' и 'скотовод', по получивший более широкое значение лица, занятого в сельском хозяйстве, крестьянина) и ремесленников (ав. hūiti-). То же четырехчленное деление (4 rēšak ī

dēn) мы находим и в пехлевийских текстах, но другие пассажи Авесты упоминают только первые три сословия, т.е. отражают наиболее древнее общественное членение, предшествовавшее отделению ремесла от сельского хозяйства.

Как показали исследования Э.Бенвениста и Х.Дюнезия, это засвидетельствованное для общества Авесты деление на три, а затем и на четыре функциональных категории, или сословия, находит полную аналогию у ряда других индоевропейских народов в ранний пору их истории². Однако имеющиеся письменные свидетельства ахеменидского времени, включая греческие, не содержат указаний о сословном делении; подобных указаний нет и в текстах, относящихся к парфянскому периоду. И хотя основанные на позднесасанидской традиции персидские и арабские тексты (например, Письмо Тапсара, Заветание Арданира, труд Джахиза "Книга королей") приписывают Арташесту Папакану введение в Иране реформы, восстанавливающей священную Авестов сословную структуру, тексты равнесасанидского времени, в том числе официальные надписи, как и современные первым Сасанидам труды на греческом и латинском языках, не упоминают ни одного из известных нам по Авесте наименований сословий: они "всплывают" лишь в пехлевийских, армянских и греческих текстах V-VII вв., отражающих общественную реальность второй половины сасанидского периода.

И все же было бы неправомерно на этом основании полагать, что сословная организация иранского общества V-VII вв. совершенно искусственна, что она отсутствовала в предшествующие периоды и возникла в результате декретированного сасанидским монархом возрождения древней системы, возрождения, спровоцированного престижем Авесты и преследовавшего политические цели. С другой стороны, вряд ли возможно считать случайным отсутствие свидетельств о сословиях в источниках более раннего времени, особенно же в трудах греческих авторов, отмечавших и факты меньшей важности. Это обстоятельство можно приписать разве лишь сильному падению роли древней сословной организации в связи с возникновением сильных государственных образований — сначала Индийской, а затем и Ахеменидской империй — в с выходом на первый план новых, уже административно-государственных форм. Заболевания иранскими царями новых территорий, в том числе и неиранских, задачи удержания этих территорий и управления обширной империей, весьма пестрой в этническом и религиозном отношении, как и в отношении исторических и социальных традиций, делали необходимым создание многочисленной и хорошо организованной армии и соответствующего бюрократического аппарата,

а для этого рамки древнего членения на сословия были слишком тесны. Другим чрезвычайно важным фактором был эффект создания ахеменидской державы на экономическое и социальное развитие иранских областей, сдвиги и перемещения, происшедшие в социальном составе населения, особенно же в Западном Иране. Известную роль сыграли также и контакты Ирана с политическими и общественно-правовыми формами, сложившимися вне Ирана, в частности с месопотамскими, а затем и с эллинистическими.

Действие указанных факторов не привело, однако, к исчезновению сословного деления (на большей части территории страны, во всяком случае). Вместе с тем можно с уверенностью утверждать, что известная нам авестийская номенклатура этого членения не была общеранской и поэтому не пережила в других иранских языках. Объясняется это тем, что в Авесте в силу религиозного характера и возвышенного стиля и языка этого текста во многих случаях — также и в данном — выступают не обычные ходовые термины, а заменяющие их торжественные эпитеты. Таковым является, в частности, ав. *vāsturo. fīruant-* — искусственный и даже несколько поэтический эпитет-компонент, первый элемент которого произведен от *vastar-* 'пастбище', тогда как второй — от *fīru-* 'растить скот', а слово в целом может быть раскрыто как '(человек/народ), заботящийся о пастбищах и разводящий там скот'. Сформулированная в этом термине общественная функция отличала обозначавшуюся таким образом категорию населения от другой — воинов, которые, хотя и обладали стадами и землей, не занимались сельским хозяйством как своим основным родом деятельности. Воины были стоящими на колеснице (*gaṇāēšta-*, ср. санскр. *gathavthā* — эпитет Индры; форма *gaṇāēštār-* вторичного происхождения, навеянная именами деятеля на *-tar*); этот термин, обозначающий в Авесте сословие, также является возвышенным эпитетом (ср. древнегреческие термины-эпитеты, обозначающие сословие эвпатридов: *ἐπιτεῖς*, букв. 'сражающиеся на колеснице', *ἐπιπόροται* — букв. 'коневоды', *ἐπιπηλάται* 'колесничие').

С распространением зороастризма сословие жрецов (ав. *āytra-vaṇ-* неясной этимологии) стали обозначать термином "маг" (иран. *magi-*, ср.-перс. *mag*). Сословие воинов, по Авесте — 'колесничих' (*gaṇāēštār-*), соответствует в парфянской и равней сасанидской номенклатуре сословие аэатов — *āzātān* (иран. *āzātān-*, ср. *āzātān-*, букв. 'агнат; член рода', в более специальном употреблении 'член знатного рода, благородный'; ср. лат. *adgnatus*).

Наименование представителей этого сословия в научной литературе принято переводить и толковать как "свободный", хотя этимологическое значение 'агнат' данного слова ни у кого не вызывает сомнений. Это объясняется главным образом сопоставлением с фактами греческого, итальянских и германских языков, обнаруживающих семантическое развитие "член рода" → "свободный", развитие, вызванное, по-видимому, противопоставлением "полноправный член рода" — "раб". Так, к индоевропейскому этимону ^h(e)leudheros 'поросль' возводимы греч. ἑλευθερος 'свободный' и лат. liberi 'дети' и liber 'свободный', по-видимому, из liberi (gnati) 'дети, рожденные в законном браке' (при слав. ljudŭ 'народ', др.-нем. leod, нем. Leute 'люди' от того же корня ^hleudh-), тогда как и.-е. ^hrgiio-, ^hrgiia- 'свой, близкий; свои; жена (законная)' представлено в германском frijond- 'родичи; агнатическая группа' (образование с показателем коллективности -nt-) и frais 'свободный' (при кельт. rhydd 'свободный')⁷. Присутствие в иранском формы ^hāyāta- (и ее производных) в двух основных значениях — "агнат; благородный" и "свободный" — давно уже принято приписывать семантическому развитию, аналогичному данному⁸. Но хотя предположение аналогичного развития в иранском и допустимо, иран. ^hāyāta- 'свободный' совсем не обязательно производить от иран. ^hāyāta- 'агнат', ибо иранский пример можно свести к случаю омонимии, объясняя ^hāyāta- 'свободный' как дериват иран. ā+yā(y) 'оставлять, отделять и др.' (и.-е. ^hǵhēi-). В пользу такого заключения склоняют среднеиранские производные от корня ^hā(y)- (и.-е. ^hǵhēi-), особенно хорошо представленные в древнеармянском, в котором наряду с иранизмами azat 'агнат; знатный' и azat 'свободный' и их производными имеются иранизм yat 'отдельный; отдельно; кроме' (ср. греч. ἄλλοις 'кроме' от и.-е. ^hǵhēi-), yatahan 'отделенный', yatem 'освобождать' и др., никак не могущие быть возведены к ^hāyāta- 'агнат; благородный, знатный' и обнаруживающие четкое и хорошо засвидетельствованное семантическое развитие: "отделять; оставлять" → "отпускать; освобождать"

Во всяком случае, термин "азат" в применении к социальной прослойке всегда обозначал члена знатного рода, а не свободного в противопоставлении к рабу, да и маловероятно, чтобы социальное самосознание и самоназвание иранской знати строилось на антитезе к рабству, которое в социальной действительности Ирана никогда не принимало такого масштаба, какой оно имело в Афинах или в Риме. И если грехи послесолоновской эпо-

ли, вступив в контакт с иранской действительностью, нередко отождествляли иранских аэатов со своими ἑλευθεροὶ, "свободными", а не с эвпатриями, которых они не застали, но о которых некоторые из них слышали, то этому способствовали, с одной стороны, известное сходство в привилегированности социального статуса иранских аэатов и греческих "свободных", с другой же — указанная выше омонимия в иранской терминологии, не говоря уже о том факте, что отождествления и параллели проводятся обычно с хорошо знакомой реальной действительностью, а не с исторической¹⁰.

Будучи, подобно кречеству, сословием привилегированным, свободным от налогового обложения, аэаты занимали особое положение в государстве — в администрации и при дворе. Внутри этого сословия существовала иерархия, в основе которой лежали два критерия: родовитость и место лица в его агнатической группе, другой же критерий — официальная должность, придворная или государственная (подробное изложение этого вопроса см. ниже, разд. II, гл. I). Здесь же отметим, что во главе иерархической лестницы знатного сословия стоял царь ("царь царей"), за ним следовали принцы царского дома, "наследники"-васпухры или виспухры (vāspuhrān/vispuhrān)¹¹, которые при этом могли быть или не быть также и правителями зависимых царств или областей и носить титул царя (Arjēpān-šāh, Mēšān-šāh, Sakān-šāh и т.д.) или правителя (šahrdār); на той же ступени стояли и вассальные царьки местных династий.

На третьей ступени вверху этой лестницы располагались — по признаку самовности — начальники областей и военно-административных округов, носившие титул сатрапа (šahrap; ср. арм. šahrap), маршала (magrān; ср. арм. маркран), бхтиахиа (ср. арм. bdeahx) или нахадара (парф. nahadār > арм. nahagar); последние два титула засвидетельствованы лишь для арнакидского периода. Видимо, сюда же следует отнести и лиц, занимавших высшие придворные должности. Равное с ними место по признаку родовитости занимали вазурги (vazrakān), главы наиболее влиятельных агнатических групп знати. За ними следовали младшие, рядовые члены этих групп, которым поручались также и различные посты в царской администрации, в армии и при дворе. Нижней частью этой иерархической лестницы занимала многочисленная мелкая знать, среди которой было множество людей, получивших за административно-фискальную службу в царском домене-остане земли в наследственное условное владение¹², и их потомки. Из них формировался основной контингент царской конницы. В по-

следней служили также и всадники незнатного происхождения, получавшие от князя наделы в условное владение за воинскую службу¹³. Однако вхождение всех всадников (азатган) в сословие азатов маловероятно; параллель с армякдской Арменией, где наряду с конницей аз азатов (azatani azguzi) имелась также и конница из простолюдинов (gamik azguzi), говорит против такого предположения. Согласно мнению, высказанному Г.Виденгреном, всадники-азаты были катафрактариями, тогда как всадники-рамники (= простолюдины) были лучниками¹⁴.

Большой интерес представляют собранные Г.Виденгреном свидетельства источников, указывающие на существование отношений вассалитета между монархом и вазургами, как и между вазургами и главами менее знатных и влиятельных фамилий, отношений, облекавшихся в форму письменного договора, сильно напоминающего феодальный контракт; заключение такого договора сопровождалось церемонией принесения присяги верности сюзерену¹⁵.

Рост городской жизни, развитие ремесел и торговли, а также появление многочисленной прослойки мелких чиновников — служащих административно-фискальных ведомств, писцов, управляющих, надзирателей — вызвали существенные изменения внутри древнего третьего (и четвертого) сословия: на месте земледельцев (букв. 'скотоводов, культивирующих пастбища', vastgub. fācuavt-) Авесты мы находим сословие простолюдинов (гам : гамак : гамик), включившее плебс города и деревни.

В парфянский период эти наименования сословий проникли в соседнюю Армению, именно аналогичное иранскому государственное и общественное устройство. Как показывают многочисленные свидетельства древнеармянских текстов, здесь и после принятия христианства сохранялась сословная организация, включавшая следующие сословия: 1) духовенство, сменившее хречество; 2) знать-азаты, арм. азат-к', azatani; 3) простолюдины-рамники, арм. гамик-к'. В третьем сословии, бывшем в отличие от первых двух податным, входили как низаканы (ānakaṇ-k'), жители сельских общин-менов (арм. йән < парф. *yān < иран. *yāu-ma- 'поселение'), так и городской плебс — ремесленники, торговцы, писцы и т.п.

В Иране указанная выше номенклатура продолжала существовать и в первую половину сасанидского периода, отсутствие же упоминаний о рамниках или раме и дошедших до нас памятниках раннесасанидской эпиграфики вполне объяснимо: тексты эти носят официальный характер и отражают реалии, непосредственно относящиеся к царскому кругу. С другой стороны, следует пола-

гать, что до рубежа IV-V вв. сословия не имели специальной административной организации¹⁰ (впрочем, нет данных и о существовании сословной администрации в обществе Авесты), в противном случае соответствующие титулы встречались бы в легендах и парфянских и раннесасанидских печатах, в лапидарных надписях и в нарративных источниках.

Уже в конце III в. н.э. начался процесс превращения зороастрийского жречества в государственную церковь, роль которой во внутренней жизни страны особенно возросла начиная с правления Шапура II (309-379). Происходившее в связи с монархией усиление экономического могущества жречества и его внутренней организации сопровождалось и огромным ростом его идеологического влияния. Престиж Авесты стал особенно велик. Поэтому, когда не позднее начала V в. было введено — в целях бюрократической централизации, как и в фискальных, — новое разделение на сословия, то, с одной стороны, были учтены традиционно существовавшие в обществе сословные структуры и новые политические требования, с другой же — была возрождена авестийская номенклатура сословий в их пехлевийской "ученой" передаче.

Реформа устанавливала четыре основных сословия (rēšak), во главе которых стоял царь. Первое место отводилось, как и прежде, жречеству (āygaṇ/āyḡōn, *ayga. пехлевийская транскрипция ав. āygaṇ-). Это сословие было разделено на подгруппы и включало наряду с подгруппой жрецов (moṡān) подгруппы судей (dātaḡaḡān), духовных наставников, храмовых служителей и учителей. Вторым по порядку, также в соответствии со старой системой, шло сословие воинов (artēštāḡān, пехл. *ityštī, ученая транскрипция ав. artēštāḡ-), включавшее подгруппы воинов и пехотинцев. Успехи, достигнутые в области создания разветвленного бюрократического аппарата, вызвали появление отдельного сословия писцов (rēšak I dipīḡān), которому было отведено третье место; это сословие также было разделено на подгруппы, или категории: писцов, составляющих официальные документы, счетоводов, писцов судебных ведомств и писцов канцелярских, хронистов, равно как лекарей, поэтов, музыкантов, астрологов, также вошедших в это сословие. Четвертым по порядку стало сословие земледельцев (vāstryōšān, пехл. w'atlywš'n, передача ав. vāstryō.fšuyant-) и ремесленников (hutuxšān, букв. 'усердные, старательные' — несомненно, искусственный термин в силу некоторой ассоциации по созвучию для передачи ав. hūiti-); сюда же в качестве третьей подгруппы вошли торговцы.

Таким образом, реорганизацией было затронуто главным образом старое сословие рамиков, из которого некоторые категории лиц оказались включенными в новообразованное сословие писцов. Нововведением было также установление внутри каждого из этих сословий — и каждой сословной подгруппы — его главы (в масштабе Сасанидской империи), интенданта, ведущего регистрацию, фискального инспектора, ведавшего доходами, и инструкторов, на которых возлагалось обучение соответственной профессии, что предполагает учреждение и соответствующих ведомств. Как и прежде, переход из одного сословия в другое был закрыт и возможен был лишь в исключительных случаях, по особому постановлению царя и совета магупатов и эрпатов. Главе сословия, однако, совсем не обязательно было принадлежать к данному сословию. Так, Зервандат, один из сыновей Микр-Нарса, "премьер-министра" Ирава (У в.), был *ēbratān-ēbrat* — главой эрпатов, подгруппы сословия крепцов, тогда как второй его сын, Мах-Гумнасп, был главой четвертого сословия (*vāstguyōšānzaḡ-dār*), а третий, Нардар, возглавлял сословие воинов (*artēštā-gānvaḡdār*). Между тем как все трое принадлежали ко второму сословию, как и их отец.

В Судебнике, составленном, правда, на основании разнохарактерных и разновременных источников в начале VII в. и отображающем также и послереформенную правовую действительность, упоминаются (дважды) "главы сословий" (*rēšak zaḡdārān*; 2, 17). Здесь (см. 2, 17 - 3, 1) говорится, в частности, что решения (очевидно, касающиеся правового спора), вынесенные главами сословия, не могут иметь правовой силы иначе, как с санкции правителя (*debratān*), т.е. светской власти. Поскольку термин *āburt*, передающий в данной статье понятие "правитель (страны, области); высшая светская власть" и восходящий к политической номенклатуре Авесты (ав. *daīrhuuā daīrhuiraiti*), отсутствует в дошедшей до нас сасанидской официальной титулатуре и для сасанидского времени характерно его употребление в неконкретном смысле высшей власти вообще¹⁷, весьма вероятно, что и в данном случае компилятор Судебника отдал дань канонической традиции. Показательно также, что, хотя вопрос о принятии решения главами сословий и включен в название главы, все остальные входящие в данную главу статьи, кроме первой, этой темой не затрагивают. Более того, указанная статья сопоставима со статьей A27. 5-7, в которой проводится та же мысль о превосходстве прерогатив светской власти над прерогативами крещеного сословия (*rēšak ī ādḡavaḡān*), но здесь прямой зависи-

ность статьи от авестийского имени еще очевиднее (ср. "ученое слово" *yāt-gāhān* = ав. *yātr̥m gaōdān̥m*).

Из сопоставления этих двух статей следует также, что под главами сословий в первой подразумеваются предводители древнего иранского сословия, а не главы сасанидских пореформенных сословий. Что же касается идеи, объединяющей эти две статьи, то она многократно и очень детально рассматривается в зороастрийской литературе религиозно-философского содержания¹⁸. Однако в Судебнике один раз встречается термин *gāhāk* (92, 10) в качестве наименования социальной группы, которой наряду с рабами или челядью (ср.-перс. *vābāk/vāvāk*, см. Глоссарий, в.ч.) запрещалось приносить клятву, а возможно, и подвергаться ордали вообще. Контекст, следовательно, не препятствует пониманию и здесь этого термина в его распространенном значении "плебс; сословие плебеев", и можно полагать, что в Иране и после реформ термин *gāhāk* как живое слово применялся для обозначения реорганизованного простонародного (= четвертого) сословия.

Подводя итог рассмотрению имеющегося в Судебнике материала о сословиях, нельзя не отметить его скудость при обилии содержащейся в этом тексте информации по другим вопросам — обстоятельству, которое вряд ли можно целиком отнести за счет неполноты дошедшей до нас рукописи. Хотя в Иране сословия и представляли замкнутые общественные группы или категории со строгой регламентацией социальных функций, а также и прав, линия раздела между ними проходила главным образом в сфере публичного права, в области же частного права и соответственно общего судопроизводства фактор сословной принадлежности играл ограниченную роль. Он вступал в таких специфических сторонах судопроизводства, как, например, ордальная процедура. Но можно указать и на одно частноправовое ограничение более широкого значения, и в этом случае отсутствие в Судебнике каких бы то ни было упоминаний следует, видимо, объяснить неполнотой имеющегося у нас списка. Но об этом имеется информация извне.

Так, согласно восьмому канону Двинского собора¹⁹, в Армении *инаканы*, представители третьего сословия, имели право приобретать (= покупать) недвижимость, и в частности землю, по не дома и наделы лиц духовного сословия; очевидно, сделки по купле недвижимости *инаканам* позволялось заключать лишь внутри своего сословия или в случае продажи наделов царской казной. Говоря об отсутствии у духовных лиц права отчуждать

надела, находящиеся в их наследственном владении (наделы эти считались собственностью, фондом церкви), вне круга родичей этих лиц, канон допускает, однако, продажу такого надела — с согласия круга родичей его владельца — представителям того же сословия, но ни в коем случае не князю. Положение, обрисованное в этом каноне, как уже было отмечено Я.А.Мамадяном²⁰, перекикивается со свидетельством Письма Тансара. В этом тексте (19) "царю царей" приписывается указ, запрещающий простолюдину покупать недвижимость у азатов. Из этого можно сделать следующие общие выводы: а) отчуждение недвижимости допускалось в границах сословия при преимущественном праве на ее приобретение у агнатов владельца; в случае отчуждения недвижимого имущества вне агнатического круга согласие агнатов было необходимым условием легальности сделки; б) лицам неазатского сословия запрещалась купля недвижимости у знати и хречества, тогда как для представителей азатских сословий (знати и хречества) никаких ограничений в праве приобретения недвижимости у простолюдинов не существовало.

Предпринятая в фискально-бюрократических целях сословная реформа, несомненно, имела целью поднять также и социальное значение сословного деления в государстве, особенно же значение нового чиновничьего сословия, и, возможно, достигла в этом направлении некоторых успехов, но она не могла переместить основных акцентов в иранском обществе того времени. В рассматриваемую нами эпоху акцент лежал на социальной антитезе между теми, кто имел права гражданства, и теми, кто их не имел, а внутри категории граждан — между знатью, занимавшей в государстве привилегированное положение, и всеми остальными и, наконец, между всеми этими социальными группами, вместе взятыми, и той частью негражданского населения, которую составляли рабы.

Г л а в а 3. Граждане и не-граждане

Только член гражданской общины (любого сословия) был правовой личностью в обычном смысле этого слова. В Иране, однако, гражданский статус не был однороден и включал целый ряд более или менее замкнутых групп, разделенных одна от другой не только этническо-религиозной и сословной принадлежностью, но и — в пределах одного и того же сословия — немалым числом их отличительных признаков, причем перегородки между этими отдельными гражданскими группами и разрядами существовали независимо от имущественного ценза.

Существенные отличия в положении той или иной гражданской группы распределялись по следующим признакам: 1) "иранство" (*āgīh*) — "не-иранство" (*anāgīh*), т.е. противопоставление по этнической и религиозной принадлежности; 2) "азатство" — "не-азатство", т.е. противопоставление по привилегированности и непривилегированности; 3) сословность (принадлежность к тому или иному функциональному классу или подклассу в общей структуре общества; 4) отношение к налоговому обложению (свобода и не-свобода от уплаты налогов, а для податных групп — категория и разновидность налогового обложения); 5) отношение к повинностям — военной, трудовой. Статус приобретался и передавался по наследству и определялся законным рождением лица в семье и агнатической группе — элементарной социальной структуре, входившей в более широкую общинную и сословную структуру. Соответственно в среднеперсидских текстах гражданство выражается терминами, основным значением которых является отношение лица к простейшей (— основной) или к расширенной (— усложненной) общественной структуре. Так, в надписях и текстах, где речь идет о верхушечном слое, рядовые члены этой общественной группы (в противовес *waspuhrām* — принципам крови, *wasurgām* — главам агнатических групп знати, а также сановникам) определены термином *āzāt*. Букв. 'агнат', генерализовавшись в качестве обозначения представителя знати и лишь в редких случаях применявшимся для обозначения гражданской правовой личности. Но употребление термина "азат" в этом более общем значении также может быть отмечено, см., например, Dd. 55, где субъект зороастрийского права определен как *mart ī vārdēn ī āzāt ī āhān āh bandak* "мужчина зороастрийского вероисповедания, полноправный член гражданской группы (азат — 'агнат'), подданный царя царей". Хотя формула эта засвидетельствована в нехлевийском правовом тексте поздней, уже исламской эпохи, она, несомненно, исходит к ранней, доисламской традиции, на что указывает также и упомянутый в ней термин *āhān āh bandak*, истоки которого ведут нас в ахеменидский период (см. Глоссарий, s.v.) и который применялся для обозначения личности любого гражданского разряда и не обязательно лица иранского происхождения и зороастрийца. Другие известные нам термины: *hamān* 'агнат, сородич', *ādehīk* 'согражданин, член общины' (ср. ав. *ādahyav-*, AivWb. 320), *vālūnīk* 'член общины' — термин, образованный от иран. **vargāna-* (др.-перс. *vargāna-*; ср. ав. *vargānā-*, AivWb. 1378-79), *hamāyānīk* 'член соседской общины' и *šahrīk*, сформированный по аналогии с *vālūnīk*²¹.

В начальной главе этого раздела мы уже имели случай обрисовать в общих чертах круг прав и преимуществ, гарантированные гражданским статусом. В ходе всего дальнейшего изложения будут рассмотрены — в допускаемых имеющимся материалом деталях — структуры, составлявшие гражданские общины, формы, в которых гражданские права существовали в Иране, а нормы, направлявшие общественную практику. Но для общества Ирана, как и для других обществ древности, было характерно наличие многочисленного негражданского населения, которое было столь же неоднородным, как и гражданское население, но о котором в силу специфики дошедших до нас текстов и социального положения самих негражданских групп нам известно несравненно меньше, чем о гражданах; исключение составляет лишь совершенно особая категория негражданского населения — рабы, но о ней речь пойдет отдельно.

Упомянутому уже выше термину *ādehīk* в текстах противопоставляется термин *īdehīk* (P.Y. 26, 10; P.Vd. 16, 2; DkM VIII, 699, 7-8), манх.-ср.-перс., парф. *ʾwzdūh*, *ʾwzdh* (= *īdeh*). *ʾxdūh* (= *īadeh*). Он обозначает лицо, стоящее вне гражданской общины в местности, в которой оно пребывает, и социальное содержание этого термина раздвоено. Это может быть и человек, временно находящийся на чужбине, чужак в данной местности и, следовательно, не пользующийся в ней полнотой прав, но сохраняющий все свои гражданские, наследственные и имущественные права в родном городе или местности; один такой случай рассматривается в Судебнике (см. 48. 7-10). Но это равным образом может быть и человек, изгнанный из своей общины, лишившийся в ней прав и поселившийся в другой местности в качестве чужака с ущербными правами; такой человек уже может быть определен как не-гражданин в полном смысле слова.

Изгнание из общины, приводившее к гражданской смерти изгнанного, широко практиковалось в древности и зафиксировано также и для общества Авесты. Эта практика нашла отражение и в авестийской традиции, и в семантике праиндоевропейской терминологии, передающей понятия "чужак", "состояние материальной и социальной беспомощности" и т.д. По вынесении собрания полноправных членов общины приговора об исключении и изгнании из общины лица, повинного в тяжком преступлении, его выводили за территорию общины и "предавали дороге". Обычай "предания, выдачи дороге" или "вывода в путь" изгнанного зафиксирован в ав. *āwadaīti-* (пехлевийское "ученое слово" *'īrd't*), в арм. (из парф.) *rapdixt* (иран. **rapaduxta-*).

и н.-перс. *gān*-(*ā*), но он представлен также и в каноне Ави-
 сты (см. *Āfrīnākān*, где имеется описание этой процедуры), и в
 восходящем к нему Деикарте (DkM VIII, 699, 19-20: *Arag mākar-*
Ān gānak kartan). Судебник же сохранил нам (см. 24, 6) в
 качестве правового термина, обозначающего изгнание из общины
 в, расширительно, проступок, влекущий за собой такую кару,
 авестийскую форму **ragatādaeta*, явно заимствованную из форму-
 лы приговора и вполне соотносимую с др.-русск. потоць 'изгна-
 ние', поточати 'сослать, изгнать'²³. Заимствованный из пар-
 фянского в армянский термин *rapdxt* 'чужак, метэк; изгнанник'
 наряду с другим словом, *pidēh*, также заимствованным из пар-
 фянского (иран. *pidāhuav-*, см.: *Н и в в с ъ н а и н.* 46,
 203; ср. *pidēh*, *pidēhik* < **pidāhuav-*), передает в армянском
 переводе Библии греч. *παροικος* и *παρῆπιδῆμος* (= *gēt* и
tōbāb древнееврейского оригинала), а форма абстрактного име-
 ни, *rapdxtut'iwā*, служит соответственно эквивалентом греч.
ἀποικία, *μετοικεσία*, *παροικησις*.

Изгнание из общины было, однако, далеко не единственным
 источником возникновения негражданского населения. Свободными
 не-гражданами становились и отпущенные на волю рабы (рабы-чу-
 жестранцы, во всяком случае), как и насильно депортированное
 население, за исключением той его части, которой предостав-
 лался статус полктевмы. Бегство из общины (например, из стра-
 ха кровной мести) имело такой же эффект, равным образом и
 стихийные бедствия, приводившие к расселению пострадавшего на-
 селения. Приведенных факторов уже достаточно для того, чтобы
 представить, насколько велико было число не-граждан; следует
 учитывать и то, что этот социальный статус, как и другие, пе-
 реходил по наследству.

Вряд ли можно сомневаться в том, что в положении свобод-
 ных не-граждан имелись различия, вызывавшиеся разнообразными
 обстоятельствами, особенно же пестротой негражданского насе-
 ления, состоявшего из лиц различной этнической и религиозной
 принадлежности, из горожан и жителей сельских местностей, лиц
 разных профессий и сфер деятельности.

Отсутствие в Судебнике каких-либо данных о правовом по-
 ложении свободных не-граждан объясняется главным образом от-
 сутствием дискриминации в праве судебной защиты и в судопро-
 изводстве в отношении свободных любой социальной категории.
 Это положение сформулировано в Деикарте (DkM VIII, 699, 7-8):
Arag ādehik ut uidehik pat hāvand dāstānīh ut dāstān-iā
kē rēš bun hast "О равенстве судопроизводства для граждан и

для чужаков и о присдикции (в отношении тех лиц), которые прежде жили (в данном округе. — А.П.)". Но в социальном отношении равенства не было. Достаточно указать на то, что негражданин, метак, был лишен тех прав и преимуществ, которые давало членство в гражданской общине даже плебейского сословия. Любой член общины обладал правом наследования в своей общине и приобретения в ней недвижимости, как и правом пользования всеми обритурами, принадлежащими общине в целом; внутри общины действовала также система круговой поруки и солидарности. Членство в общине давало человеку право также на участие в ее общественной и религиозной жизни, а в случае его смерти гарантировало ему преемство, как и защиту интересов его вдовы и осиротевших несовершеннолетних детей. Лица же, стоявшие вне общины, и члены их семей были лишены этих прав, и они легче других могли оказаться в личной зависимости той или иной формы. Поэтому термины, определяющие статус лица, стоящего вне гражданского коллектива, стали применяться и для обозначения положения социальной беспомощности. Можно привести в качестве примера и фигуральное употребление термина *uzdeh, uzdehik* в одном манихейском тексте на парфянском языке: *вууг w 'aduñ w' d' wuñ 'š tw ruar* "(подобно) сироте и чужаку, тебе, отец, я покинут"²⁴.

Глава 4. Рабы

О рабстве в державе Ахеменидов вам известно на свидетельствах современников-греков, на документах на арамейском языке и на обширных клинописных архивах, главным образом нововавилонских²⁵. Нельзя, однако, упускать из виду тот факт, что лишь ничтожная часть этого материала отображает институт рабства в самом Иране или может быть с достаточным основанием распространена на Иран. В данной главе рассматривается рабство в Иране парфянского и сасанидского периодов и в центре внимания будет материал об этом институте, имеющийся в сасанидском Судебнике и дополняемый данными других иранских источников.

В среднеперсидских текстах имеется ряд терминов, обозначающих рабов: *bandak*²⁶, *andahrik*²⁷, *garik*²⁸, *tan*²⁹, *vīdāk/vēdāk*³⁰, *ragiatāg*. Все они засвидетельствованы в Судебнике. Парфяновзачные манихейские тексты содержат еще и слово *d'huft* 'рабство'³¹, сопоставимое с санскр. *dāśa* — 'раб, слуга'; термин *dāh*. *dāhik*, возможно, бытовал и в среднеперсидском; во

вском случае, он переживает и п.-перс. *dāh* 'слуга'. Самым общим и распространенным обозначением раба и среднеперсидским было слово *bandak*, поэтому и в Судебнике чаще всего встречается именно этот термин наряду с термином *apāhrīg*, который, правда, этимологически означает "чужестранец" и первоначально применялся для обозначения рабов из военнопленных, но в сасанидскому периоду давно уже потерял эту специфику, став общим термином, адекватным *bandak* (ср. также абстрактное имя *apāhrīgīh* 'рабство' = *bandakīh*).

Термин *bandak* употреблялся, однако, и в переносном значении "подданный", в частности в выражении *šāhān šāh bandak*, означавшем "подданный царя царей", а не "царский раб; раб царя царей". Уже в Бехистунской надписи др.-перс. *bandaka-* засвидетельствовано в значении "подданный (царя)". В одном лубочном отрывке из Денкарта (Dkm 737, 9 и сл.) говорится о том, что военачальнику (*vrāh-vardār*) надлежит перед началом сражения обратиться к противнику через парламентеров с призывом перейти в подданные "царя царей" Ирана (*ō šāhān šāh bandakīh*) и принять зороастрийскую веру. Древнеармянский перевод этого термина — *ark'auic' ark'aui saḡau* — имеется в тексте Езника (IY, 12), где им определен статус лиц, принявших подданство сасанидского царя. Это не обязательно лица иранского происхождения или зороастрийского вероисповедания, но обязательно — независимо от социальной категории — свободного статуса. В Судебнике *šāhān šāh bandakīh* противопоставляется рабству (I, 1-2; 20, 7-10 = 31, 15 - 32, 1), такое же противопоставление имеется в нехлевийском Нирангистаме (Р. Nīg. 16). Еще более показателен для уточнения объема содержания этого термина контекст упоминавшейся уже выше формулировки из Датастан-и денх (Da. 56, 2): "Мужчина зороастрийского вероисповедания, член гражданской общины (*āwāt*), подданный царя царей (*šāhān šāh bandak*)". Что же касается других терминов, то вполне возможно, что они не были полностью синонимами и в их употреблении имелась какая-то специализация. Тот или иной из них мог применяться для обозначения преимущественно одной определенной разновидности рабства или оттенять какой-то определенный его аспект, но имеющийся у нас материал не дает возможности это установить. Можно, однако, констатировать случаи формального противопоставления терминов *bandak* — *ragistār* (Dkm 737, 20-22; Da. LVII, 4), в Судебнике же второе слово служит специальным обозначением *неродулы* (см. следующую главу), хотя им пользовались и в качестве общего термина.

Наличие в древнем Иране значительного числа рабов вряд ли может вызывать сомнения, ибо факт этот не остался незамеченным и западными наблюдателями того времени, начиная от Геродота. Так, по свидетельству Диодора Сицилийского (XXXIV, 44a), Гимер, наместник парфянского царя Фраата II в Вавилонии, обратил в рабство большое число вавилонян и отправил их в Мидию для продажи в качестве добычи; надо полагать, что в этой области имелся немалый спрос на рабов, иначе там не нашлось бы на них покупателей. В одном из писем Цицерона к Аттику упоминается беглый раб, работавший, по его же собственному признанию, в рудниках, принадлежавших парфянскому царю; интересно, что в доказательство правдивости своего рассказа раб этот показал клеймо, выжженное на его теле. Здесь мы имеем прямое указание об использовании рабского труда в царских рудниках³².

Собственниками рабов в Иране были и храмы. Во всяком случае, это можно сказать о зороастрийских храмах сасанидского времени. Согласно данным Судебника, эти храмы имели как меродулов (речь о них будет идти в отдельной главе), так и рабов, не имевших отношения к культуре и его обслуживанию и использовавшихся в храмовом хозяйстве (см., например, I, 7-10). Одним из основных источников храмовых рабов (не-меродулов) являлись дарения со стороны частных лиц. Подобные передачи рабов храму могли быть полными, когда господин отказывался полностью от своего права собственности на раба и пользу храма, и могли быть частичными, в последнем случае господин раба и храм становились совладельцами одной вещи, т.е. раба, которого эксплуатировали сообща, в соответствии с "идеальной" долей каждого в этой вещи (IOL, 8-10; IOZ, 4-5). При передаче раба в храм у бывшего господина терялась власть над потомством раба (родившемся после вступления в силу декларации о передаче), которое становилось собственностью храма; в случае частичной передачи потомок раба (или: рабыни) наследовал статус своего отца (или: матери).

У нас нет документов, позволяющих составить хотя бы приблизительное представление о масштабах применения рабского труда на царских предприятиях или в храмовых хозяйствах Ирана рассматриваемого периода, как и об удельном весе рабского труда в производстве, а также и в частных хозяйствах в сравнении с трудом свободных. Как широка ни была сфера применения рабского труда, притом что отдельные знатные семьи и лица обладали большим числом рабов³³, все же нет оснований сомне-

витью и преобладании труда свободных во всех ведущих отраслях хозяйства — в земледелии, скотоводстве и ремесле. Было бы, однако, ошибочно определять значенке и место рабства в обществе, исходя главным образом из числа рабов в удельного веса их труда в обмен производстве: наличие института рабства оказывало огромное влияние на социальную психологию и на правовое мышление людей перабского статуса.

Рабство в Иране имело также и ряд особенностей, нашедших отражение в Судебнике, где этому институту уделено немало места, несмотря на то что до нас дошел лишь конец — и одну страницу рукописи — главы о рабах. Но поскольку этот текст является компиляцией нормы преимущественно частного права, мы располагаем гораздо большей информацией о рабах частных лиц, в те специфические черты, которые могли иметь место и положение рабов царских или храмовых, при настоящем состоянии источников не могут стать предметом исследования. Предлагаемое здесь читателям изложение данного вопроса не может быть полным еще и в силу того, что нашим главным, хотя и не единственным источником является юридический текст, в центре внимания которого стоит правовой аспект этого института, и из него мало что можно извлечь о других его аспектах, не менее важных и интересных для историка и социолога, как, например, формы эксплуатации рабов и многое другое.

Наряду с обращением в рабство военнопленных и митехников из покоренных областей его источниками являлись рабство по рождению и продажа, как и самопродажа в рабство. Дети, родители которых рабы, являются рабами³⁴. И если раб отпущен на волю хотя бы частично, то дети раба, родившиеся после акта манумиссии, наследуют его статус. В Судебнике нет сведений о детях от смешанного союза; очевидно, в Иране действовала наиболее распространенная в древних законодательствах норма, согласно которой ребенок наследует статус матери: там, где в Судебнике говорится о рождении у рабыни ребенка, этот ребенок всегда раб, вопрос об отце его даже не ставится, так как сожителство свободного с рабыней и его последствия не могли иметь легального значения. Менее ясна судьба ребенка свободной женщины от связи с рабом³⁵.

Продажа свободного в рабство, как и самопродажа, тесно связана с долговым бременем. На раннем этапе общественного развития, когда вся недвижимость и хозяйственный инвентарь рассматривались как священная и нераздельная собственность всей семьи, ее ушедших, настоящих и будущих поколений, как

имущество, которое нельзя было ни продать, ни заложить, долговое рабство должника или члена его семьи — одного или более — представлялось естественным выходом из тяжелого положения. Патриархальная власть главы семьи давала ему право передать в залог — в качестве раба — своего сына или иного подопечного. При этом в какой-то период, хронологические рамки которого нам неизвестны, не существовало никаких ограничений в отношении круга лиц, которым можно было легально передать, и зороастриец мог передать своего сына в долговое рабство и кредитору-иностранцу. Это следует из одного пассажа в Денкарте (DkM 717, I-6), где наряду с другим написано: "О тяжести проступка, если человек переданного в залог у не-зороастрийцев выкрадет, даже если он (- переданный в залог кредитору. - А.П.) его сын"³⁶. Положение вещей, при котором зороастриец мог быть отдан своим отцом в качестве залогового раба иностранцам, представляется маловероятным для права периода существования сильной зороастрийской церковной организации, запрещавшей зороастрийцам продавать не-зороастрийцам даже своих рабов зороастрийского вероисповедания: подобная сделка считалась деликтом (приравнивалась к краже), и продавший раба господин-зороастриец за это действие должен был подвергнуться клеймению (см. I. 13-15). Видимо, эта сформулированная в Денкарте норма отражает более раннюю действительность³⁷.

Патриархальная власть главы семьи давала ему право не только передачи в рабство-должничество, но и право продажи своих детей в рабство. Однако тут сасанидское право устанавливало известные ограничения: отец мог продать своего совершеннолетнего сына в рабство, только находясь при смерти, в состоянии беспомощности (- инвалидности) или в состоянии, охарактеризованном авестийским термином *abwadāti-* (пехл. *atwadāt*), т.е. в случае полного отсутствия средств к существованию³⁸. При этом он мог продать сына (так же как и жену, не-совершеннолетних и приемных детей, полученное им имущество) только своему родичу или родичу его (- сына) матери либо отцу или одному из этих родичей, иначе говоря, продажа могла иметь место лишь в пределах агнатической группы продающего и продаваемого (33, 13-17). Продавать членов семьи он мог, только исходя из расчета минимальных потребностей своих собственных и оставшихся членов семьи, а это означает, что он не имел права продать сразу двух членов своей семьи, если продажей одного ее члена он мог выручить средства, достаточные для обеспечения существования семьи на какой-то критический пери-

од времени. Тем же правом продажи члена семьи и на тех же условиях обладал опекун по отношению к своим подопечным (33, 6-9).

В статьях Судебника, содержание которых мы только что изложили, говорится о продаже, а не о передаче в долговое рабство: в них употреблен глагол *grōxtan* 'продавать', а не араа-*rārtan* 'передавать, препоручать'. Между тем ограничение круга лиц, которым глава семьи мог продать сына или иного члена семьи, его агнатической группой наводит на размышление о том, была ли непосредственным результатом такой сделки полная и окончательная потеря свободы, или в этой продаже следует усматривать не что иное, как древнюю форму гарантии кредита, подобно греческой *πράσις ἐπὶ λύσει* "продажи с правом выкупа"? Тогда реальная продажа свободнорожденного в рабство наступала лишь в случае неудовлетворения кредитора главой семьи в установленный договором срок, а до этого момента проданный находился во владении (и формально в собственности) кредитора *lōso vervi*, "на положении раба", "в рабах", не став еще им окончательно. Такое толкование этих статей, конечно, вполне допустимо, но, поскольку в них нет никаких указаний на какие-то условия, скорее всего здесь мы имеем дело с реальной и безусловной продажей, ограничение же круга покупателей агнатами следует, видимо, приписать параллелизму с равными сделками по отчуждению недвижимости и основных орудий производства, которые также ограничивались агнатическим кругом; известную роль в этом могли играть и соображения общности культа внутри агнатической группы.

Что же касается п е р е д а ч свободного в рабство (или, точнее, на положение раба) на установленный договором срок в обеспечение ссуды, выданной кредитором главе семьи, либо в качестве формы погашения самой ссуды или набегавших процентов, то формы и условия этих передач могли быть разными. Обратимся к статьям Судебника о передачах свободнорожденного "в рабы". В одной из них (58, 9-14) говорится, что "если фаррахв Михрена в качестве раба (букв. 'в рабы', *rat tan*) от Атурфарнбага примет, то, когда Атурфарнбаг потребует, фаррахв Михрена должен передать, в противном случае (Атурфарнбаг) будет вправе в качестве компенсации ("в обмен") за Михрена захватить (самого) фаррахва. Если же фаррахв против желания Михрена в качестве раба Михрена от Атурфарнбага примет, то фаррахв имеет право Михрена отпустить. А пока он (= фаррахв) им владеет - владеть им, а до тех пор, пока (его) у него не вос-

30

требуют, распорядиться он правомочен так же, как был сам Атурфарнабаг. Если же он его отпустит (= освободит), то до того (момента), когда (у него) востребуют, без согласия на то Михрена он возвращать его не вправе". Из приведенной статьи можно сделать следующие выводы. Во-первых, переданный *loco veevi* (= Михрен) должен быть возвращен по требованию (очевидно, последовавшему за погашением долга или иного обязательства) главы семьи (= Атурфарнабага), передавшего его кредитору (= Фаррахву); в другой статье (58, 14-16) упоминается обязанность наследников кредитора в случае смерти последнего вернуть долгового раба. Во-вторых, невозвращение кредитором долгового раба дает главе семьи право на захват личности (*griftār kartan*) самого кредитора, обратившегося таким образом в должника³³. В-третьих, на срок, определенный условиями контракта, переданный в рабы выходит из-под власти своего прежнего домовладыки и попадает под власть кредитора (ср. положение римск. *in mancipio*), который вправе распорядиться его трудом и его личностью так же, как до передачи его прежний домовладыка; кредитор вправе и отпустить его. В-четвертых, переданный "в рабы" сохраняет за собой известное право волеизъявления: он может не пожелать остаться у кредитора, а будучи до наступления срока отпущен кредитором, может не возвращаться, если он того не желает, под власть передавшего его главы семьи до востребования этим последним у кредитора, оставаясь, очевидно, все это время под патриархальной властью кредитора. Интересен в этой связи и казус, приведенный в другой статье (57, 16 - 58, 3): домовладыка одновременно заключает два отдельных договора с двумя лицами о передаче каждому из них "в качестве раба" сроком на один год члена своей семьи, при этом домовладыка не имеет права передавать этого человека своему второму контрагенту, пока не сделает официального заявления о принятии его обратно под свою власть.

Свободнорожденный мог быть передан "в рабы" сразу двум лицам (в поочередное владение) в качестве обеспечения ("гарантии", *rāuandānīn*). Очевидно, какой-то сделки, заключенной этими лицами с главой семьи переданного (см. 57, 14-16; другой случай представлен в 89, 1-3: свободнорожденный передается одному лицу "в рабы" сроком на один год в качестве гарантийного залога).

В Судебнике нет упоминаний о самопродаже свободного в рабство, но до нас дошли контрактные документы на пергамене из Дур-Эвропос периода парфянского владычества. В одном из

этих контрактов (DPg IO), оформленных в "царском суде". Некий Барлай, житель одной из деревень вблизи города Дура-Эвронос, отдает себя в антихретическое рабство (*ἀντὶ δὲ τῶν τόκων* 'против процентов') парфянину Фраату, чиновнику налогового ведомства (*ὀρεκαπάτης* = парф. *harkarat*), который ссудил ему 400 драхм серебром; Барлай при этом не становится рабом, а только *loco servī*, неся рабскую службу (*δοῦλικαὶ χρεῖαι*) у своего кредитора. Но в контракте оговорено, что в случае неуплаты долга не только все имущество Барлая, но и его личность будут "схвачены" (= "взысканы", *ἡ προῶξις ἔβται*, ср. *griftār kartan* в 58, 9-14) для удовлетворения Фраата, кредитора⁴⁰. В этой связи можно привести указание Судебника, по которому должник, признанный неплатежеспособным, должен быть передан кредитору для отработки своего долга (*pat kāg ōh ara-vrāgīb; A32. 4*).

В полном соответствии с правовыми воззрениями других народов древности, определявшими раба как объект права, вещь (*δούλος κτήματι*, *servī res vult*), раб в иранском праве считается вещью (*хвāвтак*) и, оказавшись в силу своей вещной природы в собственности господина, составляет часть его имущества⁴¹. Право господина раба определяется соответственно как *хвāйīh* (*proprietas, dominium*) и *рāтīхнāуīh* (= *potestas*). Плод (дети) рабыни есть часть, кусок вещи (94, 12: *tāk hāb arāgīk хвāвтак* 'кусок остальной вещи', т.е. своей матери-рабыни), и поэтому на плод рабыни распространяются не только право и власть ее господина, но и его распоряжения, сделанные относительно рабыни (40, 17 - 85, 2; 94, 10-14; 96, 13-16; A11, 12-17). Раб, используемый в сельском хозяйстве и живущий на земельном участке (дастакерте), принадлежащем его господину, составляет иввой инвентарь дастакерта вместе с тягловым и вьючным скотом и, представляя, таким образом, часть целой вещи (= имени), отчуждается вместе с ней (18, 9-10; 38, 13-17; A18, 2-7; A36, 16 - 37, 1)⁴².

Как вещь, находящаяся в обороте, раб обладал стоимостью. Цены на рабов зависели от возраста, пола, физических качеств ("улучшения тела", *tan ī хвāй veh bē kartan гāδ*, 54, 14) и квалификации, как и от конъюнктуры рынка (*arē ī šahr гāδ*, 54, 14); средняя цена на взрослого мужчину-раба определена в Судебнике равной 500 драхмам (12, 4-9)⁴³.

Раб может быть общей собственностью двух или более лиц, каждое из которых владеет и распоряжается им в соответствии со своей идеальной долей, как это имеет место с любой вещью,

представляющей общую собственность. Практически такой раб находился в поочередном владении и пользовании у своих господ — день у одного, день у другого или в каком-то ином порядке в зависимости от доли каждого и условий акта приобретения; дети таких рабов наследуют их статус (69, 3-6; 101, 11-15; А2, 1-2; А3, 6-13).

Право собственности господина на раба как на вещь управомочивает его не только на неограниченную эксплуатацию раба и присвоение результатов его труда, но и на распоряжение личностью раба, на производство с рабом тех деловых операций, которые производятся с вещью. Раба можно передать или подарить другому лицу⁴⁴, при этом можно передать его в полную собственность другого лица или передать его наполовину или частично, т.е. в общую с другим лицом собственность, как можно передать и только приносимый рабом доход⁴⁵. Раба приобретают по наследству (например, 94, 6-10) и продают (1, 13-15; 7, 4-6; 40, 17 - 85, 2; 105, 6 - 106, 1; 106, 1-4). Раб может стать предметом залога, как гарантийного залога-ипотеки (64, 9-15), так и залога-антикредит, вместе с дастакертом (38, 13-17) и сам по себе (39, 2-5; 39, 5-9). Подобно любой вещи, стоимость которой не ниже 60 сатеров, раб может стать объектом стурского владения (см. 48, 13-16; 94, 6-10; 96, 13-16). Наконец, право собственности на раба дает господину возможность вернуть своего беглого или уведенного другим лицом раба на законном основании и в легальной форме — путем ревидициционного или реновационного иска. В Судебнике имеется несколько статей, посвященных таким искам (11, 16 - 12, 4; 12, 4-9; 107, 9-12; А31, 15 - 32, 2). В одной статье (1, 10-13), где рассматривается случай ухода от господина-христианина его раба, принявшего зороастризм, сказано, что его прежнему господину должна быть возмещена полная стоимость этого раба.

Таким образом, принадлежность рабов также и с точки зрения иранского права и категории вещей, к объектам права не может оставлять никакого сомнения. Но здесь мы подходим к тому внутреннему противоречию в оценке положения раба, которым проникнуто правовое сознание всех обществ древности, широко применявших рабский труд, к противоречию, которое проявилось в юридических нормах, созданных их законодательствами, не только греческим и римским, но и эллинистическим и римским провинциальным, представляющим наложение этих двух на местные (восточные) системы права. Как будет показано ниже, то же противоречие выступает и в дошедших до нас нормах сасанидского

права. Вызвано это не столько тем, что, рассматривая раба как вещь и обращаясь с ним как с вещью, не так-то вросто было абстрагироваться полностью от человеческой природы этой вещи; по сути дела, этого никогда и не удавалось сделать полностью, и в области *ius nasciturum* раб с древнейших времен был в известной степени лицом, в некоторых местах, как, например, на Крите, раб-войкой мог рассматриваться, пусть с латентным правом и малореальным, как наследник войки. Распространение же впоследствии идей стоической философии среди образованной верхушки рабовладельческого общества затрудняло, должно быть, такое абстрагирование еще более. Основным фактором, приведшим к возникновению этого противоречия, было то, что сама человеческая природа раба, наличие у него разума, речи и способности к целенаправленным действиям, создавало ему исключительное положение среди остальных вещей, открывало перед его собственником как редкость широкие возможности эксплуатации такой вещи. На раба, тем более обученного, можно было переложить множество операций, и не только внутри хозяйства или предприятия, но и за его пределами, давая ему деловые поручения. Насколько же сужалась сфера использования рабского труда полным отсутствием у раба право- и дееспособности! Невыгодность такого положения для самих рабовладельцев обнаруживалась все отчетливее с развитием экономической жизни, с усложнением производственной и торговой деятельности, что открывало все новые и новые возможности для использования рабского труда и тем самым стимулировало признание у раба некоторой правоспособности. Всегда оставаясь объектом права, будучи даже им *par excellence*, раб в развитом обществе древности являлся, правда в ограниченных пределах, также и субъектом права.

Первая брешь в положении раба как вещной категории была, видимо, образована наделением его способностью приобретать. Даже приобретая для своего господина, он делал это посредством юридических актов; следовательно, за ним уже признавалась некоторая дееспособность. Однако принцип, согласно которому все добытое или приобретенное рабом в рабстве принадлежит его господину, продолжал оставаться в силе в течение всего периода существования рабства. Там, где мы сталкиваемся с казуальным отклонением от этого принципа, когда раб предстает перед нами в качестве владельца (или даже собственника) вещи, мы имеем дело с привилегией, с правом, дарованным рабу самим господином в силу наличия у господина права распоряжения как

рабом, так и добытым личным трудом раба или предоставленным ему со стороны имуществом.

Таково положение, вытекающее из имеющегося у нас иранского материала. В одной из статей Судебника (106, I-4) говорится о том, что до того, как господин купил раба, этому рабу другим лицом была передана (- подарена) вещь: эта вещь будет принадлежать рабу только в том случае, если ни новый его господин, ни прежний, при котором вещь была рабу подарена, не объявит о своем принятии этой вещи, т.е. если они откажутся от своего законного права собственности на эту вещь. Даже на принадлежащую рабу вещь господин сохраняет латентное право, и после смерти раба вещь наследуется его господином, господин теряет это право, только если вещь - неразделенная и неделимая - принадлежала его рабу лишь частично (101, I5-I7).

Еще красноречивее статьи, в которых говорится о рабе, представляющем общую собственность двух лиц. Если раба, принадлежащего двум лицам, одно из них наделит доходом ("в отношении дохода правомочным сделает"), то половину того дохода, который раб приобретает, он обязан отдавать своему второму господину (A2, I-2)⁴⁶. Больше деталей содержит другая статья (A3, 6-13). Здесь также раб принадлежит двум лицам, наполовину А, наполовину Б, и одно из них, А, наделило его правом на доход. Этому рабу со стороны передают вещь. При этом возможны следующие случаи: а) передача обычная, т.е. документ о передаче адресован обоим владельцам раба, А и Б, тогда половина доли А должна достаться рабу, поскольку сам А до этого наделил раба правом на личный доход; б) документ о передаче адресован рабу, тогда одна половина вещи будет принадлежать рабу, а другая - Б, второму господину раба, не наделившему его правом иметь доход; в) документ о передаче адресован А, тогда доход, приносимый вещь, в один год достанется рабу, а доход следующего года, по этому же титулу на владение вещь, должен принадлежать Б, т.е. раб и его второй господин оказываются совладельцами этой вещи, порядок же распределения дохода по годам объясняется, очевидно, порядком (погодным) владения рабом со стороны А и Б. В этой статье не рассматривается случай адресования передачи Б, господину раба, не наделившему его правом на доход, но правовой эффект такой передачи ясен из приведенных уже выше статей 106, I-4 и A2, I-2: приобретение рабом вещи, дарованной ему посредством такой передачи, записано исключительно от воли Б, и вещь эта досталась бы рабу, только если Б публично отказался бы приобрести ее для себя.

В Судебнике нет указаний, ни прямых, ни косвенных, на право у раба самостоятельно отчуждать или обременять, что совершенно естественно, так как у раба не было активного имущества, как его не было и у подвластных свободнорожденных⁴⁷. Этим объясняется и указание Судебника, по которому женщина, раб и несовершеннолетний исключаются из рассмотрения вопроса о платежеспособности или неплатежеспособности лиц (58. 16-59, 1).

Другой сферой, в которой обнаруживаются черты правовой личности у раба, является деликтная и процессуальная правоспособность. В восьмой книге Денкарта, среди перечней содержания утерянных юридических пасков Авесты, между прочим, говорится о "тяжбе иранца (= зороастрийца) с не-иранцем (= не-зороастрийцем), и не-иранца с иранцем, /и/ раба (vazdak) с гражданином (mart I ŷahr) в делах, касающихся имущества" (Dkm УИ, 708, 10-12). Из этого скупого сообщения по интересующему нас вопросу можно сделать только тот вывод, что раб мог принимать участие в процессе в качестве одной из сторон, судя по формулировке в Денкарте, даже в качестве истца, правда, не во всем объеме гражданских дел, охватывавшихся судопроизводством, но, во всяком случае, в некоторых из них, в частности в спорах из имущественных прав (= по вещным искам). В Судебнике имеется ряд статей, содержащих более конкретную информацию по этому вопросу. Из мест статей Судебника, в которых раб выступает в качестве одной из сторон (главным образом ответчиком) в процессе, пять представляют vindicatio in servitute, что является частным случаем или разновидностью именно вещного иска⁴⁸. Раб выступает на процессе в качестве ответчика сам даже в том случае, когда у него нет свободного de facto статуса, когда он и не утверждает, что был отпущен на волю истцом, а говорит, что является рабом другого лица (107. 9-12). По аналогии с западным правом⁴⁹ казалось бы более естественным, если бы истец выдвинул иск с требованием возвращения принадлежащей ему вещи (= раба) против фактического владельца, а не против раба, т.е. чтобы данный процесс шел полностью в русле вещного права, а сам раб в этом процессе не выходил бы за рамки вещной категории. Здесь же, в сасанидском процессе, мы сталкиваемся со смешением двух юридических аспектов раба: истец выставляет требование на раба как на принадлежащую ему вещь, но адресует это требование самой вещи как субъекту, и раб выступает в про-

цессе как субъект и самостоятельно⁵⁰, утверждая при этом, что он является объектом собственности, вещь другого лица.

Если ответчик — предполагаемый раб истца — находится к моменту возбуждения процесса на положении фактически свободного, то в случае его неявки в суд выносится решение, согласно которому до окончания процесса и выяснения статуса ответчика и его отношения к истцу он должен рассматриваться как раб истца и обязан нести в пользу истца рабскую службу (см., например, II, 16 — II, 4; II, 4-9). В случае вторичной констатации ответчик, если у него имеется личное имущество и он платежеспособен, может не нести у истца рабской службы, а ограничиться — до третьей попытки разбирательства дела — передачей залога, равного по стоимости либо той цене раба, которую назовет истец, либо 500 драхам — средней цене раба; третья попытка обструкции процесса — последняя, ее заканчивается процесс обязательно⁵¹. В одной из статей (A3I, 15 — 32, 2) предполагаемый раб (= ответчик) утверждает, что он был отпущен на волю своим господином, документа о манумиссии, однако, он предъявить не может, но документ этот имеется и находится у другого лица; тогда вторичное разбирательство дела производится при участии этого лица, действующего в качестве пропессуального представителя (*yātakgōr*) ответчика.

Только в одном из приведенных в Судебнике случаев раб вправе вчинить иск против своего господина и выступать в качестве истца — в случае акта насилия со стороны господина по отношению к рабу (раб был брошен им в реку, см. A13, II-13); решение суда, однако, не упоминается. Хотя мы не располагаем другими указаниями о привлечении хозяина раба к судебной ответственности за нанесение им рабу увечья, упомянутый здесь казус не был, конечно, изолированным в иранской судебной практике (у него было бы тогда мало шансов оказаться включенным в Судебник), существовали, несомненно, и какие-то общие нормы ведения этих дел в суде, нормы, предусматривавшие, в частности, право раба на иск против своего господина⁵². Если акт фактического насилия в отношении раба был совершен не его господином, а иным лицом свободного статуса, то юридически этот акт мог бы быть приравнен к ущербу, причиненному чужой вещью, и тогда истцом в процессе выступал, очевидно, господин.

Раб отвечает за совершенный им деликт, господин при этом несет расходы по процессу и по содержанию раба во время процесса (33, II-13), что, впрочем, делает и омакун, если проступок был совершен его взрослыми подопечными (ханинами).

Точно так же при совершении проступка рабом или женщиной на глазах у господина или опекуна господи раба или опекун женщины обязаны уплатить половину постановленного судом штрафа, другая же половина штрафа взыскивалась с совершившего проступок (I, 4-6)⁵³. В Судебнике особо выделяется случай, когда проступок совершается рабом с ведома и потворства его господина; ответственность тогда должна быть перенесена целиком на господина (97, 3-7)⁵⁴.

В сасанидском праве непослушание подвластных членов семьи власти (= приказу) *paterfamilias* относилось к ряду делктов и одной из основных мер наказания за такой проступок было лишение имущества и прав на него. Интересно отметить, что непослушание раба своему господину ставится Судебником в один ряд с непослушанием жены или детей господина A4. 15 - 5. 2: "И неповиновение что жены, что детей - равно, сына или дочери - также (расценивается), как и (неповиновение) рабов".

Раба можно было привлечь к любому процессу в качестве свидетеля, но он не мог (как и *regna alieni iugis*, женщина) выступать им самостоятельно, а только совместно с полноправным гражданином; лишь при таком условии показания раба можно было занести в протокол допроса (98, 1-5). С этим согласуется и свидетельство позднего пехлевийского текста "Мино-е крат"⁵⁵. Рабу, даже выросшему в доме (? *wešak*), было отказано в праве приносить клятву, если речь не шла о процессе, в котором он отстаивал свою свободу (92, 6-10).

Неясен вопрос о браках у рабов. Получали ли брачные союзы рабов какое-либо правовое признание и последствия? Скорее всего, нет. Во всяком случае, ни в одном из имеющихся в Судебнике случаев продажи раба или рабыни возможность наличия у них семьи не учитывается. Мать-рабыня и ее дети сплошь и рядом оказываются в собственности и владении разных лиц (см., например, 94, 6-10; 108, 8-11). Конечно, такое положение можно объяснить и просто тем, что рабам не обязательно было вступать в брак и образовывать семью, и там, где семьи не было, не могло быть и ограничений в праве господина. Но раб мог жить семьей, даже если его семейные узы не узаконивали, и рабам-зороастрийцам это, видимо, разрешалось. В 101. 11-15 упоминается жена и дети раба и даже приданое, которое женщина эта, очевидно также рабского статуса, принесла рабу при вступлении с ним в брак. Следует полагать, что судьба такой семьи зависела от воли собственника (или собственников). В одной статье Судебника (I, 2-4) сообщается, что "до царствования

Вахрама (У, 421-439) люди становились собственниками потомка раба по своему праву на его отца, а не на мать, ибо Сошманс (= один из комментаторов Авесты) сказал, что ребенок принадлежит отцу, а теперь говорит, что — матери". Данная статья предполагает такую ситуацию, когда составляющие семью — *de facto* по крайней мере — раб и рабыня являются собственностью разных лиц и возникает спор о том, кому из них, господину отца-раба или господину матери-рабыни, должно принадлежать потомство этой четы. Видимо, до середины У в. вопрос этот склонны были решать на основе патрилинейного права, которое автоматически переносилось на семью раба, и дети раба доставались господину их отца, но впоследствии одержала верх общая норма, согласно которой плод рабыни следовал за матерью.

Выше уже было сказано о том, что раб во всех странах и с очень раннего времени в области сакрального права был до некоторой степени субъектом⁵⁶. Иран и в этом отношении не был исключением. Так, в Судебнике имеются статьи, в которых упоминаются рабы-зороастрийцы или принятие рабами зороастризма (I, 10-13; I, 13-15; I, 16-17). Запрет продажи раба-зороастрийца иноверцам свидетельствует о том, что право отправления культа рабом признавалось официально, как и о том, что закон стоял на страже его интересов в этом отношении (разумеется, когда речь шла о господствующей религии): рабу-зороастрийцу практически было бы невозможно выполнять предписания и обряды своей религии и дома или в хозяйстве иноверца. Поэтому раб иноверца, приняв зороастризм, мог покинуть своего господина, и тот в этом случае терял право требовать возвращения ему покинувшего его раба, он мог воспользоваться только своим правом иска на возмещение ему убытков. Если раб-прозелит ушел от него к новому господину, зороастрийцу, то на последнего возлагалась обязанность возмещения убытков и размере стоимости раба его прежнему господину, но такой раб мог получить и свободу, если он сам уплачивал свою стоимость. Принятие зороастризма само по себе ничего не меняло в социальном статусе раба-прозелита. Это обрисованное на основании Судебника положение подтверждается данными Зрпатмстана (см. P. Nig. fol. 16). Что же касается права отправления культа рабами христианского или иудейского вероисповедания, находившимися во владении своих единоверцев, то оно обеспечивалось нормами соответствующих общин, пользовавшихся в сасанидском Иране автономией в области юрисдикции.

Данные Судебника позволяют, таким образом, рассмотреть две противоположные стороны в правовой природе рабства также и в Иране. И здесь наряду с ярко выраженной характеристикой раба как объекта права отчетливо проступают черты субъекта права. Право- и дееспособность раба всегда была ограниченной, никогда не вытесняла в нем его другого аспекта — объекта права, вещной категории, всегда с ним сочетаясь, сосуществуя. Сам объем его право- и дееспособности, не будучи в противоположность объему правоспособности свободного чем-то фиксированным, варьировал в зависимости от социальной характеристики самого раба (раб царский, храмовый и т.д.) и особенно в зависимости от воли его господина в границах, минимальный предел которых трудно определить (элементы *ius vasculum*?), верхним же пределом являлась, очевидно, право- и дееспособность подвластных *pater familias* свободных членов семьи (женщина, *mi-pogev*). Показательно в этом отношении и частое в Судебнике прямое сопоставление и даже отождествление правоспособности раба с правоспособностью свободнорожденных *regnum alieni iuris*, главным образом женщины⁵⁷.

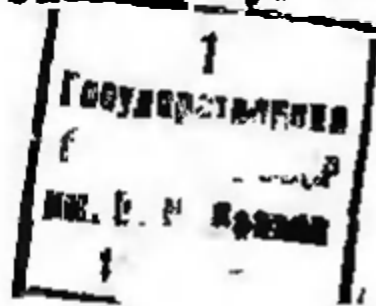
Выше уже упоминалась экономическая основа "субъективизации" раба. Какова же та общественная форма, которая являлась социальной основой этого положения? Ответ на этот вопрос, нам кажется, можно найти в определениях, данных самими представителями рабовладельцев. Так, Аристотель, считая семейную общину основной ячейкой государства и первичным сообществом, коллективом людей, определяет ее следующим образом: "Совершенная (= полная) община состоит из рабов и свободных" (*ὁκία δὲ τέλειος ἐκ δούλων καὶ ἐλευθέρων*, *Polit. I, 2, 1*). Экономическую основу этой организации, ее принадлежность, "часть" составляет *κτῆσις* 'имущество'. Рабы, по Аристотелю, не только являются — вместе со свободными — членами семейной общины, но и одновременно составляют наряду со скотом и хозяйственным инвентарем часть *κτῆσις*, ее имущества, представляя вещную категорию, "вещь" (*κτῆσιν τι*).

По представлениям Аристотеля, таким образом, рабы прочно входят в семейную общину, причем в двух аспектах. Данное определение Аристотеля нельзя считать чем-то исключительным, лишь субъективным отражением окружающей его действительности, хотя и в этом случае оно заслуживало бы внимания. До нас дошли в фрагментах Стобэя фрагменты экономического трактата неопифагорейца Калликратиды, который более подробно, чем Аристотель, излагает ту же точку зрения⁵⁸. Ойкос, определяемый Калликра-

тидом⁵⁹ как "система общности по родству" (*σύστημα τῆς βυβυλικῆς κοινωνίας*), состоит из двух несходных и противоположных частей, а именно людей (*ἄνθρωπος*) и имущества (*κτῆσις*), одна из них — управляющая, другая — управляемая. Далее, раскрывая содержание первого элемента ойкоса, *ἄνθρωπος*, Калликратид пишет: "Из людей, составляющих ойкос, одни являются сородичами, другие — рабами" (*τῶν δὲ βυβυλικῶν οἴκων τῶν ἀνθρώπων τοὶ μὲν βυβυλικῆς τοῦ οἴκου*). Такое же определение рабу в его отношении к семейно-агнатической общине дают и поздние лексикографы, в частности Гесихий.

Отношения внутри семейно-агнатической общины в Иране, как и ее структура, не отличались сколько-нибудь существенно от форм этой древней общественной организации на Западе (об этом см. разд. II, гл. I); аналогичным было и положение рабов в рамках этой структуры. Задолго до появления в Иране государственных образований рабы наряду со скотом и хозяйственным инвентарем составляли главную форму богатства, экономическую основу большесемейных общин, входивших в более крупную родоплеменную организацию, тогда как пастбища, а у земледельческих племен и земля находились в коллективном владении у целой группы таких общин (закрепление за семейной общиной владения земельным наделом произошло позднее).

Принадлежность рабов агнатической общине, их отношение к ней отображены уже в этимологии некоторых иранских терминов, обозначающих рабов, как, например, др.-перс. *vāpiya* (букв. 'принадлежащий/относящийся к *vāpa-*'), иран. **garda-* (букв. 'принадлежащий/относящийся к **grda-*'), засвидетельствованный в нововавилонских, эламских и арамейских текстах ахеменидского времени⁶⁰, и ср.-перс. *vāak/vāak*, хот.-сак. *vīsa* ('принадлежащий/имеющий отношение к *vīv'u*'), соответствует греч. *φοικεύς* 'войкей', *οἰκέτης* 'домочадец; раб', *οἰκέτις* 'домашний, родственник; родственник'). Авеста изобилует фактическими подтверждениями описанного выше поколения; в ней, в частности, многократно засвидетельствована формула *rauu.vīga-* как обозначение экономической основы иранского ойкоса (ав. *vāpa-*, *vīa-*), формула, корреляты которой отмечаются как в индийском, так и в итальянском ареале /ср. умбр. *u(e)ito requo* эгубинских таблиц и лат. *residensque vigoque*/⁶¹. Зороастр, калужь на свое бессилие преодолеть окружающую его враждебность, обращаясь к Ахурамазде, говорит (Y. 46, 2): "Я знаю, почему я бессилен, о Mazda! Это потому, что у меня мало скота

к мало рабов (mā kamafōvā huatōda kamānā ahmī)". Из того, что жалоба исходит от Зороастра, не следует, однако, заметить, что владение рабами было привилегией ограниченного числа знатных родов. Как скот, так и рабы составляли основные формы богатства семейных общин также в наиболее многочисленного третьего сословия — скотоводов и земледельцев; ср., например, Y. 31, 15: *hapaḡa... vāatruēnuā aīraḡō raeziī vīgātōdā adrujūantō* "без зла и насилия в отношении скота и рабов скотовода/земледельца, не сделавшего ничего дурного"; ср. также Y. 4, 5.

Можно представить внушительный список пассажей Авесты, свидетельствующих о наличии рабов в составе имущества кровнородственных групп всех сословий авестийского общества²², и сослаться также на известный параграф Бехистунской надписи Дарми (Bh. I, 14), упоминающий рабов (*māliya-*) как принадлежность агнатических общин (*vīv-*), очевидно, второго сословия (*kāga-*). Но если в Бехистунской надписи рабы обозначены уже почти специальным термином *māliya-* (также и в гламской версии: *kurtaš* — иран. ²³*garda-*), то во всех авестийских пассажах, упоминающих рабов, они переданы терминами *vīga-*, *lit-*, обозначающими мужчину (взрослого), чужевца вообще, но также и воина (представителя второго сословия). Отсутствие в Авесте дифференциации терминов, выражающих отношение свободные — рабы, следует приписать прежде всего тому, что здесь рабы упоминаются исключительно в составе имущества (*gaēdā-*) как одна из его форм, вещь-человек, в противопоставлении к другим его формам, в частности к скоту. С другой стороны, они составляли вместе со свободными людьми, которые принадлежали общине, во в отличие от полноправных членов общины, называвшихся *ānāta-* ('агнат'), *hvaētav-* ('сородич; свой'), *paḡānaxdīšta-* ('агнат'), не являлись сородичами, были подчинены власти и нраву последних, или, пользуясь выражением Каланихратиды, были "управляемыми".

В свете изложенного выше не удивительно, что латинские точность формулировок римские юристы определяли отношение господина к рабу двумя терминами: *dominium* (= власть над вещью) и *potestas* (= власть домовладыки над немансипированными членами семьи). Таким же представлялось положение вещей и иранским законооведам сасанидского времени, пользовавшимся для определения этого отношения термином *хвэйш* (= принадлежность вещи субъекту; титул на вещь), но подчеркивавшим при этом в ряде аспектов тождество в положении раба и подвластных сво-

боднорожденных членов семьи, в положении, определявшемся термином *rātixāyīh* (= 'власть', в частности патриархальная власть главы семьи, *mašīa*).

Легальным способом прекращения рабства в Иране, как и в других странах, была манумиссия, дарование свободы рабу его господином — акт, передаваемый в Судебнике терминами *āzāt kartan*, *āzāt hištān* 'освобождать; отпускать на свободу'. Нам неизвестно, с какими формальными церемониями был сопряжен этот акт в Иране и была ли тут одна общая процедура или их было несколько. Можно только сказать, что дарование рабу свободы фиксировалось письменно и вольноотпущеннику выдавали документ о манумиссии, *āzāt-pāmak* (Parurg. Mosc. n I, 14)⁶³ или *āzāt-hišt* (A3I. 17). В случае отсутствия у бывшего раба подобного документа его свободный статус не мог быть признан законным и его господин был вправе получить его обратно, если вольноотпущеннику не удавалось доказать на суде факт манумиссии (A3I. 15 - 32, 2).

Действие манумиссии абсолютно: раб становился свободным, попадал под защиту закона как "подданный царя царей" и его нельзя было снова обратить в рабство (20, 7-10 - 31, 15 - 32, 1). Свобода наступала сразу же, если не имело места нарушение какого-то условия. Так, господин мог освободить даже своего раба, находящегося в залоге у его кредитора, но лишь по возмещении кредитору-залогопринимателю стоимости отпущенного на волю раба этот последний мог его покинуть; до получения денег кредитор вправе был держать вольноотпущенника своего должника в залоге как раба (39, 2-5). Если хозяин раба, находящегося у кредитора в залоге, — неплатежеспособный должник, то манунитировать он не имеет права.

Освобождение раба происходило по воле господина. Право выкупить себе свободу, уплатив свою стоимость, признавалось только за рабом, принявшим зороастризм, если господин его не-зороастриец (I, 10-13; см. также P. Nig., fol. 16). Акт манумиссии совершался между господином и рабом непосредственно или путем одностороннего распоряжения господина, а не через третье лицо, или через храм в форме фиктивной продажи и посвящения раба, как это было принято у иудеев (Талмуд) и у греков (дельфийские манумиссии).

Иранские манумиссии подразделяются на две группы: а) манумиссии с полным освобождением раба (I, 10-13; 20, 7-10; 39, 2-5; A2, 16-17); б) манумиссии с частичным освобождением, когда рабу предоставлялась свобода в той или иной идеальной

доле - 1/2, 1/3, 1/4, 1/10 (I, 6-7; 48. 13-16; 59, 3-6; 101, 10-15; 103, 4-6). Частичных манумиссий не знало ни греческое, ни римское право, но они были известны местному праву эллинистического Египта и держались там и в римское время⁶⁴. Они практиковались также в иудейских и в христианских общинах сасанидского государства: об этом имеются указания в Талмуде⁶⁵ и Судебнике Инобохта⁶⁶. Раб оказывался частично свободным в двух случаях: во-первых, если господин, которому он принадлежит целиком, отпускает его на волю в идеальной доле; во-вторых, если раб, будучи общей собственностью двух или более лиц, получал свободу от одного из них, т.е. когда имело место полное освобождение в пределах идеальной доли в рабе одного из его собственников⁶⁷. Как полная, так и частичная манумиссия распространялась и на потомство рабыни (раба?), родившееся после этого акта. Манумиссия не открывала вольноотпущеннику никаких прав на имущество, приобретенное им в рабстве, если господином его не было сделано соответствующего заявления (см.: Инобохт У, 13, § 3).

В связи с манумиссиями остается рассмотреть еще вопрос о положении вольноотпущенника и его дальнейших отношениях с манумиссором. Как известно, римский вольноотпущенник получал ущербное (латинское) гражданство и должен был становиться под патронат своего манумиссора, обязывавший вольноотпущенника к оказанию патрону целого ряда услуг и к уплате алиментов. Сходным было положение вольноотпущенников в Греции: они не пользовались полнотой гражданских прав (статус метэков), обязаны были становиться под патронат своего манумиссора (вольноотпущенники в отличие от метэков не имели права выбора патрона) со всеми вытекающими последствиями, даже независимо от того, был ли раб освобожден безоговорочно или с обязательством патрона. Патронат бывшего господина над вольноотпущенником характерен и для эллинистического права (Египет). В Судебнике, однако, нет ни прямых, ни косвенных указаний на существование патроната над вольноотпущенником в Иране, а у Инобохта (У, 13, § 2) о патронате говорится как о какой-то практике, существовавшей "в некоторых странах", вне Ирана. Патроната не было и в талмудическом праве. Остается предполагать, что, с точки зрения правовых норм во всяком случае, манумиссия в сасанидском Иране открывала вольноотпущеннику полную личную независимость от его бывшего господина. Это, конечно, не означает, что на практике в силу экономических причин или обычных норм отноше-

ния зависимости вольноотпущенника от его манумиссора не могли возникать.

Итак, в результате манумиссии вольноотпущенник становился вполне свободным, "подданным царя царей" (𐭅𐭆𐭅𐭆𐭅𐭆 𐭅𐭆𐭅𐭆𐭅𐭆 𐭅𐭆𐭅𐭆𐭅𐭆). Здесь может возникнуть вопрос, как же складывалась его дальнейшая судьба в том, что касается общественного статуса, и была ли разница в положении либерта-зороастрийца и либерта-не-зороастрийца. Вольноотпущенник-христианин становился членом христианской общины, и у нас нет оснований полагать, что в Иране его гражданские права внутри этой общины были ущербными, если манумиссия была полной. Судебник Илобохта не содержит никаких указаний на это. Конечно, даже в отсутствие правовых препонов на практике судьба либертов могла складываться по-разному, и немалая часть их — как христиан, так и зороастрийцев — вливалась, видимо, в число свободных не-граждан. Естественно полагать, что вольноотпущенник-зороастриец, став самостоятельной правовой личностью, пусть не гражданской, должен был стремиться войти в круг культовых, экономических и правовых отношений внутри общины своих единоверцев и в этом наиболее доступным связующим звеном и известной опорой должна была явиться агвастическая группа его манумиссора.

На этот вопрос, как нам кажется, может пролить некоторый свет одна из статей Судебника (48, 13-16). Перевод ее следующий: "Если Фарраху достался один раб (anāhrīk) и Фаррах его наполовину освободил (от рабства), а другого (= неманумиттарованну. — А.П.) половину (раба) передал Михрену в наследственное владение ('в личную принадлежность'), то (в случае смерти раба, не оставляющего преемника. — А.П.) следует назначить (ему) стур. Некоторые говорили, что из такого-то предписания (из Авесты?) явствует, что Фаррах более подходящее лицо (для стурства освобожденной им половины раба.—А.П.), равно как и в отношении (той половины), которая передана в собственность (Михрену)".

Итак, раб в результате частичной манумиссии оказался наполовину свободным, рабская же его половина была его бывшим господином и манумиссором передана в собственность другому лицу. Как же складывается судьба двух идеальных частей этого раба, из коих одна — свободная, другая — рабская? Свободная его доля имеет право на личный доход и на приобретение собственного имущества, а в случае смерти раба при отсутствии у него родного или приемного сына свободного статуса эта его доля имеет то же право (и обязанность), которое имеется у ках-

дого свободного зороастрийца, не оставившего преемника, но оставившего имущество, стоимость которого не ниже установленного минимума (в 60 сатеров), а именно право назначения ей (= вольноотпущенной идеальной доле раба) стуря, обязанного дать преемника. В статье сказано, что наиболее подходящим лицом для роли стуря вольноотпущенной части раба является Фаррахв, бывший господин и манумиссор. Известно, однако, что стуром становится или назначается обязательно один из агнатов покойного, притом ближайший, если умерший не оставил распоряжения о передаче стурства другому лицу. Из этого может следовать лишь один вывод: вольноотпущенник (в данном случае свободная идеальная доля раба, представляющая самостоятельный субъект) в результате акта манумиссии подпадала к власти своего манумиссора. Конец этой статьи предполагает, видимо, случай, когда на имущество, специально выделенное на эти цели, Михрен, его господин, по своей воле (ибо в обязательном порядке стурство учреждалось только свободному) учреждает ему стурство. Тогда стуром и этого дополнительного стурства, учрежденного полурабу-полулиберту, на началах как бы агната умершего становится Фаррахв, его манумиссор, а не владелец его второй — рабской — половины, учредивший ему дополнительное стурство. И поскольку полураб-полулиберт не мог состоять в полномочном браке со свободной, один из детей его манумиссора, родившийся после принятия манумиссором стурства, становится сыном — преемником покойного либо, если это была дочь, его эпиклерой. Но по праву "естественного" стурства (= стурства, приобретенного на основании естественного призвания) манумиссор мог, конечно, передать данное стурство другому лицу по своему выбору.

Г л а в а 5. Иеродули

В предыдущей главе уже говорилось о том, что зороастрийские храмы владели рабами, труд которых использовался в храмовом хозяйстве. Вместе с тем, хотя термины *bandak* и *anbahrak* были синонимами, передававшими понятие "раб", там, где первый из них выступает в конструкции со словом *ataxē* или *atur*, несущим функцию определения (*ataxē bandak*, *aturān bandak*, *bandakīn I ataxē*), обозначаемый таким словосочетанием статус нельзя отождествлять с храмовым рабством, во всяком случае, при отсутствии дополнительных указаний, дающих на это основание.

Это со всей ясностью вытекает из параграфа I, 7-10 Судебника, проводящего четкое различие между бандаками и анвахриками одного и того же храма Огня. Так, передача, адресованная бандакам храма Огня, не распространяется на рабов-анвахриков того же храма. А это указывает на то, что термины *bandak* и *ātax* и *anvahrīk* и *ātax* не рассматривались как синонимы, и если второй из них всегда употребляли применительно к собственно храмовому рабу, то первый имел преимущественно иное техническое значение, хотя общая взаимозаменяемость слов *bandak* и *anvahrīk* могла привести и здесь к меньшей терминологической строгости. Подобный частный случай отклонения от точного технического употребления словосочетания *āturgān bandak* (Ih) представлен в параграфе 101, 8-11, контекст которого не оставляет сомнений в том, что имеется в виду обычное храмовое рабство (речь идет о передаче господином своего раба храму; ср. также 103, 4-6). И хотя обозначаемые как *āturg/ātax* *bandak* лица принадлежали отдельным храмам, будучи туда посвященными, они не представляли особой социальной категории, тем более не являлись рабами. Их связь с тем или иным храмом, какой бы тесной она ни была, носила лишь культовый характер. Можно поставить знак равенства между термином *ātax/atur(ān) bandak* и греческим термином *ἱεροδούλος* 'иеродул', который также имел двойное употребление, обозначая как храмовых рабов, так и более специально свободных, посвященных в храм или богу лиц, не терпевших своего гражданского статуса и принимавших активное участие в культовых обрядах и действиях, становясь, таким образом, под особое покровительство храма и божества.

В Судебнике об иеродулах имеется всего несколько статей, но очень содержательных, на которых стоит остановиться специально.

В результате посвящения в храм иеродулами могли становиться как мужчины, так и женщины (A40, 1-3; A40, 3-6). Посвящение было почетным, и благочестивое поведение посвященного было обязательным условием (ср., например, A40, 1-3, где женщина заявляет: "Мне иеродулия досталась вследствие невинности в отношении отца и мужа"). Иеродулия в Судебнике определяется как статус, предоставляющий свободу перед людьми и рабство по отношению к Огни или к храмам Огня (A39, 9: *āturgān bandak* и *āzātīh* и *pat mart gāḍ pat āturgān bandakīh* и *hāḍ* *hāhīkān* *bē* *dāt*).

Иеродулом могло стать и лицо весьма знатного происхождения. Достаточно показателен в этом отношении случай, которому

посвящены две статьи Судебника — А39, II-I7 и А40. 3-6. В них сообщается о том, что Михр-Нарса, происходивший из знатного рода Михранидов и бывший вазург-фраматаром (= первым визирем) Ирана при трех царях, — известно также, что он был прозван Намāгъваніак ("Обладатель тысячи рабов"), — по указам царей был сделан неродулом. Царь Вахрам У (421-439) передал вазург-фраматара Михр-Нарса в "рабство" храму Огня Артвахит и храму Огня Афзон-Артанир (храм царского Огня), и в течение ряда лет он был неродулом этих храмов. Впоследствии царь Киздигерд II (439-457) за какой-то совершенный Михр-Нарса проступок, который не уточняется, приказал перевести его в царское хозяйство, или домон (ōstān), для отработок в качестве наказания, которое он отбывал там в течение нескольких лет. После этого уже третьим царем, Перозом (459-484), с согласия главного магната Мартбута и других авторитетных лиц, которые "являлись" (очевидно, на царский совет, решающий судьбу Михр-Нарса), он был снова передан в "рабство" в храм, но не в тот, в котором он был раньше, а в другой — в храм Огня Ормизд-Пероз (также храм царского Огня), что было в строгом соответствии с тем общим положением (см. А39. 8-II), согласно которому неродул, совершивший проступок и отбывший наказание в остана, должен быть передан в другой храм.

Михр-Нарса был передан в "рабство" храмам не один, а вместе с женой (очевидно, главнейшей — от брака сша налп mariti) и с рабом. Известно также, чем он там занимался: сам Михр-Нароз был āturvachē — культовым служителем, следившим за тем, чтобы не угас священный Огонь, жена его была неродулой (ragi-stāg), а раб, очевидно, им прислуживал. И хотя проступок совершил один Михр-Нарса, на отбытие наказания он был отправлен в остан в сопровождении жены и раба, что также отвечало общему положению, по которому жена неродула, совершившего проступок, даже если сама она невинна, обязана разделять участь своего мужа и отбывать вместе с ним наказание в остане (А40. I-3).

Можно полагать, что неродулы знатного происхождения несли наряду с участием в культе и какие-то ритуалы в пользу храма, в который они были посвящены, но данных об этом нет.

Храм оказывал покровительство своим неродулам. Так, знаменитый храм Огня Фарисбаг на свои средства выкупил "у врагов" неродулов этого храма (103. 9-10). Что в bandakān I ātur I Farisbaу данной статьи следует видеть именно неродулов, а не просто храмовых рабов, следует из того, что они были выкупле-

ны у врагов, следовательно, были захвачены противником. Но храм Огня Фарнабаг находился в Фарсе, в области, которая не была, в сасанидский период во всяком случае, театром военных действий, и захватить рабов, занятых в храмовом хозяйстве, поэтому противник не мог: речь может идти только об иеромах храма, несших свою гражданскую и воинскую службу в действующей армии и попавших в плен.

Р а з д е л П
ОБЩЕСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ: АГНАТИЧЕСКАЯ ГРУППА
И СЕМЬЯ

Г л а в а I. Агнатические группы

Задолго до сасанидского периода визовой ячейкой иранского общества стала семья — малая и большая (семьи неразделенных братьев). Для обозначения понятия "семья" пользовались терминами *āytak* (букв. 'дом') и *katak* (букв. 'дом'); последний выступает главным образом в композитах *katak-kvatāy* 'демо-владелец, глава семьи; *patērfamiliāz*' и *katak-bāhāyk* 'хозяйка дома; *patērfamiliāz*'.

Определяющими институт семьи (в его основном и простейшем виде) чертами являются родство по нисходящей и боковой линиям, общность культа (в частности, культа домашнего Огня и душ умерших предков по отцу) и культовых обрядов, экономическая общность (общее семейное имущество; в большой семье неразделенные братья имеют лишь идеальные доли и выступают в правовом отношении как сотоварищи, *brāt-hambāy*), как и общность производства и потребления. В правовом отношении иранская семья представляла возглавлявшуюся главой семьи группу агнатов^I, связанных между собой отношениями власти и подчинения, действующими и на личность (*patēronae zūi iurīz* — глава семьи и его совершеннолетние сыновья и внуки, с одной стороны, *patēronae aliēni iurīz* — женщины и несовершеннолетние дети — с другой) и на имущество. Иначе говоря, она была визовой общественной организацией, внутри которой действовала строгая система прав и обязательств ее членов.

Однако предметом нашего рассмотрения является не семья, а более широкая родственная группа, характерная также и для Ирана в древности, та группа, в которую входила семья в качестве сегментированного ее члена. Эта группа заслуживает особого внимания, ибо, во-первых, связи семьи с ней проступают в иранском праве довольно часто и в различных формах, во-вторых, она представляла весьма важную структуру внутри гражданской общины.

Речь пойдет о союзе многих семей, главы которых ведут свое происхождение по мужской линии от одного общего предка,

отстоящего от них на три поколения. Таким образом, родственные связи, объединяющие каждую данную группу семей, и порядок родства реально ощущались и были хорошо известны лицам, входящим в ее состав, ибо рамки этой группы, ее генеалогия, были соотносимы с общей длительностью человеческой жизни. Так, здравствующий глава семьи мог помнить своего прадеда, которого он видел в свои юные годы, будучи подвластным несовершеннолетним, так же как он при жизни мог видеть своих правнуков, а те — находиться в сфере его патриархальной власти. В этой реальной осязаемости родства и знании его порядка состоит важное отличие рассматриваемой родственной группы от патриархального рода или клана (в который данная группа могла входить как одна из составных единиц), между представителями которого реальные родственные связи сплось и рядом оказывались утерянными в толще многих поколений, отделяющих их от общего предка, ставшего мифическим. Отсюда — жизнестойкость данной кровнородственной группы, тогда как патриархальный род как кровнородственная организация очень рано стал растворяться в соседской (территориальной) общине, включая в свой состав и такие группы, "основатели" которых не состояли из в каком кровном родстве с членами рода.

Помимо родства членов данной группы родичей объединяла общность культа душ умерших предков (по мужской линии) и участие в общих культовых обрядах и пиршествах, а также экономическая общность, которая, однако, с выделением индивидуальных семей с их имуществом стала все более терять свое первоначальное значение. В развитых обществах древности она сводилась к наличию общей собственности и владения на некоторые виды недвижимости, как, например, мельница, оросительный канал, выгон для скота и т.п., при этом отдельные семьи выступали как совладельцы, к наличию вещных сервитутов, особенно же к существованию латентного права наследования (в случае отсутствия у умершего главы семьи наследника по прямой линии). Соответственно члены группы были объединены между собой (разумеется, менее тесно, чем члены семьи) рядом прав и обязанностей, тесно связанных с правом наследования, которые вступали в силу в строгом соответствии со степенью родства (с соблюдением принципа старшинства в каждой степени) и так, что ближайший круг родичей исключал последующий.

Эта агнатическая группа — в советской научной литературе ее часто обозначают термином "патронимия"² — существовала у большинства народов древности и, будучи естественным коллек-

тизем, создававшим его членам известные преимущества производственно-экономического характера, у ряда народов сохранилась в сельских местностях вплоть до наших дней. У древних греков она называлась *γένος, πάτρα* (в узком смысле употреблении этих терминов, имевших также более широкое значение рода), также *συγγένεια*, у римлян — *gens* (также в узком смысле слова), *stirps, familia* (в широком значении; в узком обозначающая семью). В древней Индии ей соответствуют структуры, составившие более широкую группу — *готру (gotrā)*.

Уже в прошлом веке исследователями было установлено наличие в древности большого сходства между иранским и индийскими обществами в отношении сословного деления. Сейчас нам предстоит отметить это сходство на примере иной общественной формы — индийской *готры* и иранской *пайга-*. Но прежде следует это сходство установить путем сопоставления фактических данных. Обратимся сначала к индийской организации, дополнив с некоторыми модификациями до нашего времени, поскольку в отличие от иранской она очень тщательно описана и имеет уже долгую историю изучения и обширную литературу³.

Слово *gotrā* не встречается в Ригведе в значении "группа лиц, семей" или "род". Впервые в этом значении оно засвидетельствовано в Атхарваведе (У, 21, 3) в форме *viśvagotruṇā*, выступая уже в качестве общего термина в Брахманах, Праугасутрах и в Дхарманастрах. В текстах упомянутых групп *готра* предстает перед нами как уже сложившийся и очень важный элемент структуры индийского общества. Хотя общее значение термина определяется совершенно точно — "совокупность лиц, ведущих свое происхождение по прямой линии от общего мужского предка", конкретное его употребление не отличается единством, вследствие того что термин этот обслуживал уже, по сути дела, два института. Один из них, так называемая светская готра (*laukika gotra*), представляет общину агнатом, насчитывающую значительное число (до сотни и более) больших семей (*grha*), восходящих к общему по отцу предку. Входившие в эти общины семьи были связаны общностью культов, в частности культа предков и основателя-родоначальника группы, а также общностью целого ряда обрядов и регламентаций. Наряду с этим внутри этой группы-общины действовало общее латентное наследственное право (в случае отсутствия у главы семьи необходимого наследника). Характерной чертой индийской *готры* была ее экзогамность (при этом запрещалось вступление в брак не только с женщиной из своей *готры*, но также и с женщиной из *готры* матери, точ-

нев, из готры деда по матери). Но для более ясного представления о готре необходимо остановиться на образующих ее структурах.

Круг родства, представляющий очень четкую уже в силу своей соотносительности с длительностью человеческой жизни структуру, воспроизводимую в конкретном составе с каждым новым поколением, этот круг родства определялся индийцами терминами *varipda*. Первоначально слово *ripda* означало "компактная масса", ср. арм. (из парф.) *ripa* 'крепкий', хот.-сак. *ripdaa*, но в Брахманах и в последующих текстах это поименный пирог из риса, приносившийся в жертву магам во время ежегодной поминальной трапезы - *врадхи*. Данное жертвоприношение состояло из трех именных частей, соответствовавших первому кругу умерших предков жертвователя - главы семьи. В первый круг предков входили его отец, дед (по отцу) и прадед. Второй круг предков начинался с отца прадеда, и пределом ему служила память или традиции, изустная или фиксированная; предки второго списка относились уже к общей категории предков, им не делались именные жертвоприношения и имвокации: на их долю приходились остатки жертвоприношений, принесенных предкам первого круга, и поминальные коды. Соответственно глава семьи получал (после смерти) в списке предков своего преемника место своего отца, а его прадед вытеснялся из первого круга и включался во второй ("именной"). Первому кругу предков помимо *врадхи* посвящалась также часть необходимого ежедневного ритуала - *махауаџџа*, так называемая *ritruaџџа* (с поминальными имвокациями).

Таким образом, первый круг предков замыкался прадедом живущего главы семьи⁴. Все нисходящие от этого общего предка и их жены от брака *сим важи кагити* составляли круг родичей, именуемый *сапнида*. Значение этого круга отнюдь не исчерпывалось их участием в *врадхе* и обязательностью для них серии обрядов, например обрядов очищения в случае смерти одного из *сапнида*. Именно с кругом *сапнида* и связывалась первоначально экзогамность. Брачащемуся запрещалось вступать в брак с девушкой, которая приходилась ему *сапнида*. Поскольку брачащийся был обычно *внова*, а живущий глава семьи мог приходиться ему прадедом (опять же исходя из пределов человеческой жизни), то от *врадхи*, прадеда этого последнего, он был отделен семью поколениями и девушка, с которой он вступал в брак, не должна была быть ему родственницей в пределах этих семи поколений по отцу. Она также не должна была быть *сапнида* его матери (до прадеда матери, во всяком случае). Впоследствии это правило

экзогамности вышло за пределы круга сапида и распространилось на всю готру.

Круг сапида играл важную роль в имущественном и в наследственном праве. В случае отсутствия прямого преемника наследовал ближайший сапида (по отцу)⁵. "Кто наследует имущество, тот приносит также и (жертвоприношение) *ripda*". И, наоборот, право наследования принадлежит тому, кому дано право принесения пинды. Поэтому термины *āyāda* 'наследник, сонаследник, совладелец' и *varipda* часто выступают в текстах как синонимы, заменяющие друг друга⁶. Этому же кругу отдавалось предпочтение при выборе усыновляемого или при определении опекуна.

Хотя глава семьи, как уже говорилось выше, совершал именные жертвоприношения и называл в вывозах только трех своих ближайших предков, объединив своих более отдаленных предков в одном общем культе, он, несомненно, знал свою родословную и в линии прадеда: присутствуя в юные и молодые годы на обрядах, регулярно совершавшихся его дедом и даже прадедом, он постоянно слышал имена предков, предмественников своего прадеда, и знал ветви, которые к ним восходили (скажем, братьев своего прадеда и их потомков и т.д.). Родичи по второй "тройке" предков у индийцев назывались "саманодала" (*śāmanodala*). В целом изустная семейная традиция могла сохранить имена около десятка поколений своей родословной (между первым — верхним — и последующими именами списка возможен был и разрыв), а следовательно, и сознание отдаленного родства данной семьи или родственной группы с другими семьями, ведкими свое происхождение по отцовской линии от общего с ней в том или ином колене предка.

Такой большой общиной агнатов, близких и дальних, связанных общностью занимаемой территории, культов и обрядов, организационным единством, рядом прав и обязанностей, а в области брачного права — экзогамностью, и являлась индийская готра. Она состояла из целого ряда однотипных структур (*kuḷa*, *śāla*) — малых агнатических групп, каждая из которых включала несколько десятков (а то и сотни) больших трехпоколенных семей (*gṛha*). Все члены такой агнатической группы находились между собой в родстве сапида, т.е. в отношениях, порядком которых (а соответственно и конкретные права и обязанности) очень точно определялся для каждого индивидуума. С течением времени готра должна была сегментироваться на "дочерние" готры, ибо каждая из составляющих ее структур могла сама со вре-

менем развиться в готру⁷. Организационное единство могло при этом держаться довольно долго, и, таким образом, наряду с малыми готрами могла существовать и большая готра, представляющая, по сути дела, крупную гражданскую общину.

Главы семей, являющиеся старейшинами⁸ в каждой из входивших в готру структур, составляли совет этой общинной организации. Но главная роль принадлежала собранию (*gabha*, *gaha*) готры; в нем могли принимать участие все полнолетние мужчины, обладающие правоспособностью⁹. Собрания имели место по разным поводам: рождения, свадьбы, похорон. Собрание принимает решение о назначении опекуна над осиротевшими несовершеннолетними в случае отсутствия у них ближайших родичей. Акты усыновления (усыновлялся обычно один из *sapinda* или в крайнем случае *vagotra*) также происходили перед собранием. Оно же решало вопрос о передаче выморочного имущества одному из *vagotra* умершего в тех редких случаях, когда у последнего оказывался исчерпанным круг *sapinda*, как и ряд других внутренних дел. Собрание являлось одновременно и трибуналом: оно рассматривало случаи нарушения ритуалов и обычного права и устанавливало форму искупления или меру наказания, вплоть до изгнания из общины (*pataka*, *prapataka*), равносильного гражданской экскомуникации.

От обрисованной выше готры, представлявшей естественную организацию внутри каждого из трех социальных классов (*варн*), следует отличать брахманскую *gṛha-gotra*. Эта последняя, хотя она и возникла исторически на базе рассмотренной естественной организации и включала в свою систему аналогичные брахманские агнатические общины, может быть охарактеризована как искусственный институт, внедрившийся благодаря влиянию брахманов и в небрахманские *варн*. Это не только усложнило общую картину, но и создало известные трудности в пользовании источниками, так как в брахманской литературной традиции центральное место отведено, естественно, брахманской *gṛha-gotra*, да и сам термин *gotra* в текстах почти исключительно обозначает именно эту брахманскую организацию. Согласно этой традиции, первичных готр было восемь, к которым прибавились еще десять. Так, по *Bandhūvalābhagaitavāyā*, готры пошли от восьми мудрецов-*риши* (*ṛṣi*), потомство которых и составляет каждую из них. Но в том же сочинении сообщается, что "готр тысячи, и десятки тысяч, и миллионы", при этом *Bandhūvalābhagaitavāyā* содержит около 500 названий готр¹⁰. Противоречивость этих свидетельств (также и в других текстах) объясняется прежде всего тем, что данные о

брахманских готрах здесь переплетаются с реально существовавшими — к чрезвычайно многочисленным — небрахманскими готрами. Да и сами восемь брахманских готр (каждая из них представляла экзогамную единицу) имели сложный состав, подразделяясь каждая из них на *гара* (из коих десять были приравнены к готрам, являясь также экзогамными единицами), а те, в свою очередь, на *ракра*, которые сами состояли из отдельных готр: брахманская готра *Vasiṣṭha* включала 105 отдельных готр. Все они были объединены в группы, между которыми были распределены 49 *правара*, т.е. родословных. Каждый *правара* включает одно, два, три или пять имен канонизированных "предков"; сюда входят как имена восьми *риши*, так и имена некоторых мифических царей¹¹; имена, входившие в *правара* каждой готры, фигурировали в ниволяциях к Агни перед жертвоприношением. Таким образом, разные готры брахманского сословия, будучи включены в одну группу, могли иметь одну и ту же родословную (*правара*).

Влияние брахманов, однако, было настолько сильным, что в систему описанных брахманских *āgva*-готр, организаций, искусственность которых очевидна (у них не было даже территориального единства), оказались включены и обычные светские готры, и следующим образом: лица, входившие в светские готры, должны были принять *ргавача* своего *рагоһита*, брахмана-куратора семьи, и, следовательно, наряду с принадлежностью к своей светской готре они оказывались связанными по *правара* с определенной брахманской готрой, а именно с готрой брахмана-*пурсхити*¹². А это, в свою очередь, отразилось и на нормах или, точнее, пределах экзогамии. Если, как мы видели, принцип экзогамии первоначально ограничивался кругом *сапннда*, т.е. не выходил за пределы основных структур, составлявших готру, а затем распространился и на всю готру, то с принятием обычая "подключения" к *āgva*-готре стал предосудителем также и брак с *варгачага* (: *валāпаргачага*), особенно для брахманов.

В силу большой исторической и культурной общности иранцев и индийцев данные о древнеиндийской общине имеют особую важность для понимания иранской общины и составлявших ее структур. Однако, как уже было отмечено в начале данной главы, агнатические структуры, являясь естественной формой общественной организации, лежали в основе общинной организации у разных народов древности. Группе *варпнда* индийцев полностью соответствовали греч. *ἄρχιστεῖς*, у римлян же отомення между входящими в эту группу лицами определялись термином *agnatio* (также: *propinquitas*). И на Западе мы имеем ту же систему

трех "именных" предков, выделявшихся от предков "собираательно". У греков они назывались *τριτοπατρῆες, τριπάτωρες*¹³, о них же отчетливое определение имеется у Исаия¹⁴. у римлян "именными" предками являлись *pater - avus - proavus*¹⁵.

Сходно также положение с когнатическими связями агнатов. С ростом значения семьи эти связи неизбежно должны были получить признание, поскольку билатеральность семьи отвоёвывала позиции у унитарности клана. Так, для участия в культе, а также и для расширения круга наследования стали приобретаться и когнатические связи агнатов, например сестра отца и ее сыновья или отец матери, ее братья и их дети. Но эти связи занимали второстепенное положение и в области наследования или опекунов вступали в силу только после того, как оказывался исчерпанным круг агнатов¹⁶.

Основной материал по интересующей нас организации у иранцев содержится в среднеиранских источниках, главным образом в пехлевийском Судебнике и в ривайатах. Но некоторые сведения о ней можно почерпнуть также и из памятников более древнего периода.

В сасанидском Судебнике упоминание самой общины агнатов отсутствует, и по причинам вполне понятным: в области частного права цельным институтом, носителем определенного комплекса правоотношений, являлась семья (в аршакидско-сасанидскую эпоху, во всяком случае). Но там, где правопреемство по прямой линии, внутри семьи, исчерпано, вступают в действие агнатические связи и линия ахмистим. Именно эта линия агнатства как порядок (дополнительный) правопреемства и упоминается, причем многократно, в Судебнике и в ривайатах.

Обычным в Судебнике обозначением агнатического порядка служит термин *navānaxdištīh* (от *navānaxdišt* 'агнат, родич') — это "ученое" слово, заимствованное из текста Авесты. *Navānaxdištā-* (букв. 'ближайший по родству') — родич, входящий в одну из парентел круга, соответствующего индийским сапида и греческим ахмистим. По Авесте (vd. 12, 1 и сл.), это лицо, стоящее в одной из следующих ступеней родства по отношению к главе семьи: 1) родители; 2) дети; 3) братья и сестры; 4) дед и бабушка; 5) внуки; 6) дядья и тетки; 7) двоюродные братья и сестры; 8) племянники и племянницы; 9) внуки братьев и сестер. Синонимами этого термина в Авесте являются *nāfya-* и *xvāštav-*. Различие между термином *navānaxdištā-* и двумя последними состоит в том, что первый употребляется в соотношении к индивидууму (или его душе) и с акцентом на порядок род-

ства с ним, тогда как *nāfya-* и *xvātāv-* — общие, безотгосительные термины, указывающие на принадлежность лица или лиц к агнатической группе, называемой в Авесте *nāfa(h)-*. В этой связи важно отметить и то, что в древнеиндийских текстах (например, у Ману) *vapābhi*, *vamāna pābhi* (корреляты ср.-иран. *hamnāf*) служат синонимом термина *varīṇḍa*.

Также и для ахеменидского Ирана можно привести засвидетельствованное в элефантинских папирусах *nfyw* = иран. **nāfai-* на- 'агнат' (ср. ав. *hama-nafaēna-*)¹⁷; любопытно и отражение термина *nāfa-* в иранских именах собственных, встречающихся в эламских табличках из Персеполя, в частности в именах *Навбака* = **nāfaka-*, *Нараратана* = **nāfa-bardana-* (= *-βαρζάνης*; букв. 'тот, кто возвышает агнатическую общину') или же **nāfarātana-* (букв. 'сражающийся за свою агнатическую общину, род'; ср. И.С. *Danturigdanna* = др.-перс. *Danturgtana-*, иран. **Zanturgtana-* 'сражающийся за свое племя')¹⁸.

Эсхил в "Персах" (146) вкладывает в уста "хора", собравшегося перед дворцом в Сузах, следующие слова: "Что же делает царь Ксеркс, сын Дария, нам сородич по отцовской линии (*τὸ πατρωνύμιον γένος ἤμέτερον*)?"

Более узкое или, наоборот, расширительное употребление термина, так и перенос обозначения отдельной, показательной для данного коллектива черты (кровное родство, соотрапезничество, общность имущества и т.п.) в ранг технического термина для коллектива в целом, эволюция самих институтов и т.п. и, следовательно, множественность синонимов и известная растяжимость содержания — явление повсеместное и характерное для терминов, обозначающих родственные группы и общественные коллективы. В Авесте засвидетельствовано адекватное *nāvānādišta-* употребление термина *taoxša-* в аналогичной формуле; он отмечается неоднократно и в Бехистунской надписи (др.-перс. *taoxšā-*) в том же значении агнатической группы и патрилинейного родства¹⁹. Дошедшее до нас в эламской передаче (*kurtaš*) производное от иран. **grda-* (ав. *gagāda-*), коррелят санскр. *grhā-*, упоминалось уже в главе о рабах, но иранское слово сохранилось и в ср.-перс. *gāl* 'семья; домохозяин; свита', а также в *gil-xvatāy* (ср.-перс. *gil* < иран. **grda-*, см.: В а г т h o l o ш а е. ММ III, с.20-22), эквиваленте *katak-xvatāy* и *nāfarat* (арм. *naharet*). В контексте (*Kānpālak XV, 22*) *gil-xvatāyān* I *Ēgānāhr* обозначает глав знатных родов. Имеются и другие синонимы, передающие понятия "род", "сородич". Один из них, иран. **āyāta-*, букв. 'агнат' (см. разд. I, гл. 2), спе-

циализировался как обозначение члена агнатической группы знати, но в древнеармянских текстах иранизм *azat* наряду с этим наиболее употребительным значением ('знатный') засвидетельствован также и в своем первичном значении 'агнат, сородич'²⁰, которое может быть отмечено и в одном пехлевийском тексте (Da. 55), но с иным оттенком: "агнат" → "правомочный член общины; гражданин".

Для рассматриваемой группы помимо родства характерна общность культа, в частности культа душ умерших предков и членов этой группы. В Авесте часты упоминания этого культа в формуле *navāzdaīstanaḡ raça.igistanaḡ... fravašayō uzaḡaide* (например, Y. 26, 6). Но в этом памятнике отсутствуют указания на именные жертвоприношения и мизокадии трем ближайшим предкам; термин *aoxtō.ñānaḡ* здесь употреблен только применительно к культам богов. Это либо случайность, обусловленная характером памятника, либо отражение специфики доктрины Зороастра или, точнее, Младшей Авесты. Во всяком случае, вне Авесты и в последующие времена именные культы предков и родичей хорошо засвидетельствованы в Иране.

Первый (поименный) круг предков и в Иране, видимо, включал трех лиц — отца, деда и прадеда здравствующего *pater familiae*. Родословные ахеменидских царей, содержащиеся в их надписях, можно разделить на три группы: 1) большие списки с четырьмя именами и более, как родословная Дария в Бехистунской надписи, родословные в надписях Артаксеркса II и Артаксеркса III; 2) списки из двух имен, отца и деда, как в надписях (строительных) Артаксеркса I; 3) списки с тремя именами, которые, очевидно, повторяют сакральный инвеститурный (= коронационный) список. Такой именно официальный список представлен в "Манифесте" Кира II (Камбиз I — Кир I — Чинниш); любопытно, что то же мы находим и в аккадском тексте ("сын Камбиза, великого царя, внук Кира, великого царя, царя Ашшур-шумера, потомка Темспа, великого царя, царя Ашшур-шумера, из семьи, которая всегда царствовала")²¹. Аналогичный список в надписи Ксеркса I в Персеполе (Дарий — Вистасп — Армама). Гораздо более показательна, однако, надпись Шабура I на Каабе Зороастра, в которой сообщается об учреждении этим царем именных жертвоприношений "для душ и имени" его родичей. В список включены три его предка, начиная с Сасана, а также родичи круга сапиинда — *navāzdaīntōn*²². Образец пехлевийского брачного контракта также дает имена отца, деда и прадеда царя, по правлению которого датируется документ.

В Авесте имеется также полная параллель культу греческих героев и индийских риши. Тринадцатый янт содержит огромный канонизированный список героев, фразами которых почитались жертвоприношениями с invocациями (Yt. 13, 96-142). Дармстетер (2А П. 504) называет этот список "гомеровским каталогом маадезма". В этот список входят имена дозораострийских героев, мифических царей и первых правителей и пропагандистов учения Зороастра, как и лиц, живших в более поздние времена.

Лица, входившие в группу, были связаны солидарностью и поручкой. На вопрос о том, "сколько (лиц) становятся повинными в проступке, если человек нарушил словесное обязательство", Ахурамазда отвечает: *Ūgriā vatvīā haōa.ōiŪāpām naḡam nabāpān-dīštāpām raḡa.ḡaraitī* 'вместе с тремястами платящими вместе с ним²³ мухами из числа его родичей-набанаэдмитов он снимает ('умосит', 'искупает') свою вину' (Vd. 4, 5 и сл.). Аналогичное указание о коллективной солидарности в обязательстве и в ответственности содержит "Нирангистан" (9): "...своего сородича делает он тогда повинным в провинностях (степенях) гаēба и абвадāтау-" (*nabāpān-dīštām hē raḡa raḡāḡāta gaēḡāḡa abwadāityaḡa āstāraiti*). Но столь высокая солидарность внутри группы агнатов, вплоть до общей деликтной ответственности, была бы невозможна при отсутствии у них экономической общности — коллективной собственности на пахотную землю и пастбища, на некоторые виды орудий производства, хозяйственные постройки и пр. — и общности имущественных прав и обязательств.

Дошедший до нас канон Авесты весьма скупо освещает эту сторону, но в нем имеется очень интересный термин *haōō.gaēḡa* 'совладелец', 'обладающий (долей) в общем имуществе' (в пехлевийском переводе: *hamgēhān*). Близкородственный термин (с иным префиксом, иран. *hama+gaēḡa*-) засвидетельствован в арамейских папирусах (*hagyt*; см.: Kraepling, № 9, 18; 10, 12; 11, 9), где он выступает в сочетании с *ōdng* 'лицо, связанное обязательством; партнер', а также в парф. *h'aguh* 'совладелец; соучастник' и в хорезм. *angēḡ*²⁴. Авест. *haōō.gaēḡa* фиксирует, очевидно, более ранний этап развития этого юридического термина, когда он определял не просто отношения, возникшие из частного контракта, а те отношения, которые существовали внутри определенной общественной группы или структуры, а именно имущественно-правовые отношения внутри общины агнатов. В Авесте, в ряде контекстов, *gaēḡa* формально противопоставляется как *hāpā-*, так и *vi-*'у, выступая, по-видимому, как обозначение материального богатства, имущества агнатической группы

в отличие от имущества семьи, с одной стороны, и более широкой общины, *viā-ia* (патриархальный род), — с другой (ср. также *gāi/a-* в Бехистунской надписи, в частности в Вв. I, I4). Соответственно в десятом янте (см.: *G e g e n e v i t s h . Mithra, c.130-131*), где дается сравнительная характеристика "крепости" или, точнее, обязывающей силы договорных отношений между лицами той или иной степени родства или "согражданства", обязательство, которое связывает лиц *hābō.gāēda-*, считается более прочным и тесным, чем то, которое связывает сообщников (*vaḡavāna-*), но уступает прочности обязательств внутри семьи (= между супругами, *huuāna-*; об этом слове см.: *G e g e n e v i t s h . Mithra, c.267-268*). Еще более определенное указание на то, что за данным авестийским термином скрывается известный общественный институт, а не имущественные отношения из договорного обязательства, имеется в Ирангистане, где говорится о совместном принесении жертвоприношения лицами *hābō.gāēda-* (Nir. 60; ср. там же, I). Таким образом, можно говорить о полной параллели между синонимическим употреблением терминов *varīda* и *dāyada* в значении "сонаследник, совладелец" в индийских текстах и ав. *hābō.gāēda-* 'совладелец': 'член агнатической группы' (ср. иран. **hama-gsēda-*), обозначающим, очевидно, тот же круг агнатов, что и инд. *varīda*.

Возвращаясь к свидетельству Авесты (Va. 4, 5 и св.) о последствиях нарушения договорных обязательств различных типов, стоит остановиться и на другой его стороне, а именно на варь-врущем в зависимости от типа контракта числе лиц (мужского пола), определяемых нам *hāvānādišta-* каруителя обязательства. В первом случае, когда речь идет о нарушении вербального соглашения (*vaḡavāna-*), число разделяющих ответственность родичей составляет сто человек мужского пола (видимо, совершеннолетних). Круг вовлекаемых лиц расширяется с каждой следующей более ответственной формой соглашения, достигал предела — одной тысячи мужчин-набаназдитов — при нарушении соглашения формы *āwīdān mān-* (по пехлевийскому комментарию, при заключении этого соглашения выставлялся гарантийный залог ценности свыше 500 драхм). Если эти возрастающие цифры — 100, 600, 700, 800, 900, 1000 — возможно расценивать как реальные, то они могли бы быть использованы как известный ориентир для определения примерной численности групп.

Особенно интересны первые две цифры, между которыми имеется значительный разрыв, свидетельствующий, видимо, в том,

что — этими двумя цифрами стоят разные агнатические круги. Последующие цифры с нарастающими сотнями производят впечатление искусственного построения, вызванного необходимостью расширить с каждой новой ступенью обязательства число ответственных за него лиц. Если исходить из того, что за первой, второй и, возможно, последней цифрой стоят естественные коллективы лиц и что 100, 600 и 1000 представляют среднюю цифру полнолетних мужчин внутри соответствующего коллектива, то, очевидно, наиболее тесный коллектив агнатов представлен в первой цифре. Известно также, что входившая в общину элементарная структура — агнатические группы — включала в среднем несколько десятков трех-, а то и четырехпоколенных семей. Но для такой группы 100 полнолетних мужчин — вполне реальная средняя цифра. Поскольку община состояла из целого ряда аналогичных групп, некоторые из них находились между собой в отдаленном родстве и, сегментировавшись за два-три поколения до этого из одной агнатической группы, сохранили память об общем предке и о культовых связях, то реальной оказывается и вторая средняя цифра — в 600 полнолетних мужчин-агнатов, — представляющая расширенный круг агнатов, включавший несколько малых кругов.

Сам термин *nāgah-* легко мог получить, как это имело место в аналогичных случаях у других народов, также и расширительное употребление, охватывая все родственные между собой группы, и стать впоследствии, как это было в Согде, обозначением гражданской общины вообще, от малой до большой, общины-города, а также и "людей", "народа", живущего по общинам, ср. согд. *n'ā* 'община (города Панджикента)', 'люди', *n'āc* 'член общины'.

Также и в Иране разросшиеся со временем агнатические группы сегментировались, образуя новые. В этих дочерних агнатических группах могло держаться некоторое время представление о родстве, связывающем данную агнатическую группу с другой или с другими, также являющимися ответвлениями одной общины, но память о родстве, объединявшем некогда исходную группу (до ее сегментации) с другими агнатическими группами, входившими в ту же общину, становилась абстрактной. Общины, включавшие целый ряд агнатических групп, связанных в прошлом более осязаемым родством, выступают в Авесте под названием *vīv-* (ср. др.-перс. *vīv-*). Как более широкий коллектив, *vīv-* противопоставляется семейной общине, *paada-*, и агнатической группе: *gaēdā-* (ср. *Y.* 60, 2; *Vīsp.* 13, 10; 13, 17-18; 13, 40),

nāfah-, kvaētav- (Y. 65,7). Поселения таких больших общин обычно обносились оградой (стеной или валом), отсюда второе их название – ав. varəzāna-, др.-перс. varāna- (иран. *vra-
na-) ²⁵.

Общины, таким образом, состояли из агнатических групп, и такая структура общин проступает уже в Авесте. Ср., например, следующие пассажи: Y. 32, 1: ahuāda kvaētūš yāzāt ahuā varəzānān mat aiṛuamā... utvāzama māxīā "и его, Ахура-Мазды, удовольствия домогался агнат, его – община вместе с союзниками..."; Y. 40, 4: aīā kvaētūš aīā varəzānā aīā naṣmān kuāt yāiē hišbamaidē "таким образом агнаты, таким образом община, таким образом конфедераты, с которыми мы объединились..."; Y. 46, 1 (халода Зороастра): pairi kvaētūš aiṛuamānaṣda dādaitī nōit nē xānāš yā varəzānā hābā naēdā dāhuēš yōi vāstāgō dṛagvantō "Агнаты и союзники отвергли меня, (и) община ко мне немилостива, как немилостивы нечестивые правители стран"; Y. 49, 7: kē aiṛuamā kē kvaētūš dātāiē arhat yā varəzānāi vādūhīm dāt fravaatīm "кто союзник (= друг), кто агнат по закону, (кто тот), который сотворит ('даст') общине доброду славу?" Ср. также Y. 33, 4.

Ни в одном из этих контекстов нет предполагаемого Х.Бартоломе (AirWb., в.ч. kvaētav-, varəzāna-) противопоставления "знати" (kvaētav-) и "третьего сословия", "крестьянства" (varəzāna-, которое Бартоломе, видимо, производит от *varə- 'действовать'). Повсюду здесь мы имеем последовательное перечисление трех важнейших форм организации авестийского общества: агнатическая группа – община – союзные общины.

Членство в общине определялось принадлежностью к одной из составляющих общину агнатических групп. Принадлежность же к группе определялась патрилинейным родством (при рождении в полноправном браке родителей), а для женщин – также вступлением в брак снi matī. С наступлением совершеннолетия, примерно в пятнадцатилетнем возрасте ²⁶, юноша проходил обряд посвящения в культ и в общину. Обряд этот, сопряженный, как и у индийцев, с инвеститурой священного пояса (ав. aiṣuāzāna-, ср.-перс. kiatik) и рубанки, происходил перед собранием всей агнатической группы. У парсов этот обряд называется paot < м.-перс. *paizād, что означает "второе рождение" (или: "новое рождение") ²⁷ и полностью соответствует санскр. dvija, dvijati 'дваждырожденный'. Таким образом, гражданское рождение человека, получение им гражданской правоспособности рассматривалось как его "второе рождение" также и иранцами. С этого мо-

мента ему предоставлялось право вступления в обязательственные отношения, в брак и т.п., как и право участия в общественной жизни.

Важнейшие дела общины, как, например, периодические переделы пахотных земель между агнатическими группами, общепроизводственные вопросы, организация общих работ, суд и определение меры наказания в связи с проступком правоспособного члена общины²⁸, как и многие вопросы, решались советом общины, состоявшим, очевидно, из глав агнатических групп (ср. арм. *paḥaret* = иран. **pāgarati-*, согд. *𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤* < иран. **pāgarāga-*), и общим собранием (вн. *kaḥjamaṇa-*) правоспособных членов общины. Как можно судить по имеющемуся в Денкарте перечню содержаний не дошедших до нас правовых кодексов Авесты, за капитальное преступление можно было подвергнуться изгнанию из общины ср. ДКМ УШ, 699, 19-20: *Arag maḥkaḥān gāpaḥ kaḥtan ut haḥāyūgīh rat maḥkaḥān* "Об изгнании (из общины. - А.П.) лица, совершившего капитальное преступление и о пособничестве преступнику", т.е. гражданской смерти, сменившей смертную казнь более древних времен²⁹.

Как уже было отмечено выше, одной из характерных черт агнатических групп в древней Индии была их экзогамность (при эндогамности сословий или социальных классов - варн). В Иране же на значительной части территории страны, хотя и далеко не повсеместно, агнатические группы были эндогамны. Брак внутри агнатической группы, ав. *xvaētvaada-* (иран. **xvaētav-* 'сородич; агнат' + *vaada-* 'брак'; пехл. транскр. *xwētwd'v*)³⁰, упоминается в Авесте в пяти пассажах, но, как показал Л.Грей³¹, пассажи эти сравнительно позднего происхождения. Наряду с этими мы располагаем множеством свидетельств античных авторов о существовании в Иране обычая заключать браки внутри родственных групп, в частности о доведенном до крайности проявлении принципа эндогамии - о браках между отцом и дочерью, матерью и сыном, между братьями и сестрами. По Геродоту, Камбиз был женат на своей сестре (Негод. Ш, 31), Дарий - на Атоссе, сестре Камбиза и вдове Бардии-Гаумати, а также на Пармисе, дочери Бардии (Негод. Ш, 88) - оба брака в пределах агнатической группы, но в обоих случаях выступает право и обязанность ближайшего агната вступления в брак *visp* матери с вдовой и с энциклопедией. Другими примерами являются браки Артаксеркса Лонгимана с сестрой (Григ. Агтах. 23; на ней затем женился ее дядя, см. там же, 26); бахтрийского сатрапа Сизимитра с матерью (Q.Surt. УШ, 2, 19) и т.д. Обычай этот античными авторами

приписывается персам вообще, а не только царской семье³². По Ксанфу Лидянину (у Clem. Alex. Strom. II, 2), эти браки были характерны для магов (ср. также Catulli LXXIII, 3: *magus ex matre et gnato gignatur*).

По-видимому, не будучи повсеместным, принцип эндогамии агнатических групп выпадал также и из доктрины Зороастра, но впоследствии, по мере распространения зороастризма в областях, где принцип этот преваляровал, он был "канонизирован" и *хвājvādēdā*-стали даже приписывать Зороастру как одно из десяти его предписаний человечеству (ДКМ III, 195; Дд. 78, 19). При этом крайняя форма выражения принципа эндогамии, индестный брак, в пехлевийских текстах расценивается как акт высшего благочестия, искупающий смертный грех и ведущий в рай (ср. ДКМ III, 82; Мх. IV, 4; XXXVI, 7; XXXVII, 12; Шлх. Уш, 18; ХУШ, 3)³³. Обычай эндогамии был достаточно широко распространен и в сасанидский период. Для царской семьи он известен и по надписи Шапура I (K12)³⁴, но гораздо важнее в этом отношении показания Судебника, в котором крайние формы эндогамии (браки отца с дочерью, брата с сестрой) должны были неизбежно получить отражение в связи с режимом наследования внутри семьи (см., например, 4, II-14; 44, 8-12; 44, 13-14; в A36, 6-10 упоминается *Dātχvāy*, которая была сестрой и женой главного магуспата, Атурпат-и Зартумтав).

Данные об агнатических группах для среднеиранского периода можно найти в письменных памятниках самого разнообразного характера.

В надписи Шапура I (K12) первый список лиц, как уже отмечалось выше, состоит из предков и родичей-агнатов царя. Не меньший интерес представляют три последующих списка той же надписи, включающие соответственно двор царей Папак, Арташира I и Шапура I. Имена этих списков построены по схеме из двух основных вариантов: 1) личное имя индивидуума, "для души" которого учреждены литургии с жертвоприношениями, и его титул (или, когда речь идет о царице, развернутое определение, например: "Родак, мать царя царей Арташира", стк. 56); 2) личное имя, сопровождаемое либо именем типа Вараз, Сурен, Нарен, Михран, либо именем, снабженным суффиксом *-akān*, как *Tōvāgākān*, *Vastākān*, *Maḡābākān* и т.д.; в среднеперсидской версии первое имя сопряжено со вторым посредством относительного местоимения *ī* (ZY), в парфянской они выступают в аппозиции.

Первый вариант формулы ясен. Иначе обстоит со вторым вариантом. Тут второе имя, и в частности имена с суффиксом *-akān*, принято считать патронимом в узком смысле этого слова, т.е. как указание личного имени отца субъекта. Так, сочетание ср.-перс. *Mtky zī twak'n*: парф. *Mtk twakn*, греч. *Μεερακ* *Τουββαρυου* (K12, стк. 59) А.Марик переводил: "Mihrak, fils de Tovar"³⁵. Того же мнения придерживается Э.Бенвенист: суффикс *-akān* выступает в роли форманта, участвующего в образовании отчества, входящего в собственно патронимическую синтагму ("такой-то, сын такого-то") в обоих диалектах³⁶. Однако в силу ряда соображений, которые мы приведем ниже, такое толкование синтагм списков в надписи Шапура I не представляется приемлемым.

Разумеется, суффикс *-akān*, будучи в некоторых иранских диалектах активным формантом имени прилагательного, мог участвовать также и в образовании отчества. Несомненный пример такого образования в упомянутой функции засвидетельствован в надписи Картира (Kartīr N. Va1. 29-30), в которой формы *šāh-rūhākān*, *Varahgānakān* действительно являются патронимами в узком смысле слова. Хорошо известна, однако, тенденция к расширительному употреблению патронимов, обращение патронима в узком смысле этого слова (= отчества) в попер *gentilicium* — в родовое имя или фамилию. Такое функциональное развитие патронима определенного типа приводило к тому, что для передачи отчества все чаще прибегали к образованиям с иным суффиксом или к описательной конструкции.

Это положение наблюдается и в среднеперсидском. Здесь для передачи отношения имя — отчество преобладающее значение получила конструкция, построенная по типу *Bagtaḥ I Varhāmān*. В синтагме этого типа формантом для образования отчества служит суффикс *-ān*, присоединенный к личному имени отца субъекта. Она была настолько обобщена, что в пехлевийских текстах отчество субъекта передается лишь этим способом, ставшим стандартным. Такой же тип образования представлен и в среднеперсидской версии K12, там, где элементами синтагмы действительно являются имя субъекта и имя его отца (отчество), ср.: *šāpūruy Mlk' zy P'rk'n* "Шапур, царь, (сын) Папака" (брат Арташира, царствовавший в Парсе до него). В парфянском эта конструкция выражена при помощи присоединения того же суффикса *-ān* к имени отца, что, собственно, образует отчество субъекта, но имя субъекта и его отчество стоят в простой аппозиции.

без изафета, характерного для среднеперсидского (Šhurwānīk MLK' P'rkī - стк. 20)³⁷.

Осложненные суффиксом -akān имена выступают в надписи не как патронимы ("отчества"), а как *nomina gentilitia* - обстоятельство, важное не только для синтаксиса, но и для содержания списков надписи, их характера и происхождения. Что присоединение суффикса -akān к имени создавало родовое имя, "фамилию", подтверждается надписями армянского царя Арташеса, сына Зармадра, чье родовое имя - gwādkn (Севанская группа надписей) : ʔgwādkn (надписи из Зангезура и Тегута), т.е. "Ервандид; из рода Ерванда"³⁸. Известно также, что мать Мани была из парфянского рода Камсаракан и что один из представителей этого рода, обосновавшись в Армении, положил начало армянскому княжескому роду Камсаракан. Весьма показателен и параллелизм в формулах второго типа: ʔrthētr ZY Wr'ō, ʔrthētr ZY Swlud, P'ruwzu ZY K'lnu и т.п. не отличаются по конструкции с рядом Mtrky ZY Twlkn'p, P'rkū ZY Waplykn, ʔrthētr ZY Wuplkn, Ywān'it ZY Latkn и т.д. Однако совершенно ясно, что имена Вараз, Сурен, Карен и т.п. первой серии представляют имена, определяющие принадлежность лиц списка к соответствующему знатному роду: эти родовые имена достаточно хорошо известны и по армянской и по западной традиции, чтобы можно было сомневаться в их характере. В списке есть и Михранид, ср. стк. 34: ʔrētr'it ZY arut ZY Mtr'p ZY Mn Lay "Арутат, эпистограф, рейский Михранид". Очевидно, один из его потомков упоминается у Назара Парбского (II, II3): Ywat-wānasp, ordi Aštatay i Mihran tabē "Язат-Вмасп, сын Арутата, Михранид (букв. 'из дома - рода Михран')". Равным образом стоящие на том же месте и несущие ту же синтаксическую функцию формы Twlkn'p, Waplykn, Wuplkn, Watkn и т.п. второй серии следует рассматривать как родовые имена, тем более что в той же надписи образования с -akān засвидетельствованы и в такой позиции, при которой предположение определительной синтагмы с отчеством невозможно, а именно (стк. 31/25): B'w'p ZY Wwyt'p ZY Pwn Plak'p a'ētū : B'w'p Wwyt'p Mn pty Prdkn Wwēt "Сасан, принц, (что) вскормленник в (роду) Prdkn"³⁹ с полной аналогией в следующем номере списка, где упоминается его тезка, - "(что) вскормленник в (роду) Ktwk'p"⁴⁰.

В связи со списками K1Z давно пора обратиться к памятнику, который не привлекался при интерпретации надписи Шапура, а между тем он имеет для данной цели первостепенную важность. Это древнеармянский *banmak* - "Разрядная грамота", отража-

ни разрядное положение нахараров при армянском дворе конца IV - начала V в. Текст его был обнаружен Д.Ахвердовым более ста лет назад, опубликован Н.О.Эмином в приложении к русскому переводу "Истории" Моисея Хоренского (М., 1858) и затем подвергнут тщательному анализу Н.Г.Адонцом⁴¹, сравнившим гахнамак с нахарарскими списками, имеющимися у Лазаря Парбского, Елише, в протоколах соборов и т.д., а также с более поздней "Воинской грамотой". Как известно из трудов армянских историков V в., номенклатурные принципы двора армянских Аршакидов не отличались сколько-нибудь существенно от протокола иранского двора. В частности, и номенклатурные списки армянских нахараров, гахнамаки, скреплялись печатью сасанидского царя царей, и копия их хранилась в царском диване в Ктесифоне.

Фавст Бузанд (IV, 2), говоря о составе армянского двора и строгой регламентации ранга, различает две основные категории: а) главы знатных родов (= агнатических групп) и "двигладыки" (naharet-k', mesames-k', ср. ср.-перс. vazgāyān; taptēr-k'); б) сановники, лица, состоящие на государственной службе (gotakal-k'). Место, на которое придворный мог претендовать в присутствии царя, и оказываемые ему при дворе почести, "подушка" (barj) и "повязка" (ratiw), зависели от порядкового места, которое занимал его род (если речь идет о naharet'e), или от ранга (если речь идет о "служилом", сановнике). Разумеется, принципиальной разницы между этими двумя категориями не было, поскольку на государственные должности назначались, как правило, представители знатных родов⁴². Некоторые должности передавались от отца к сыну, в ряде случаев становились наследственными, и со временем та ветвь рода, которая имела на нее преимущественное право, могла производить от нее свое новое родовое имя; ср., например, родовое имя Zagehawanēan - несомненно, от должности žaharp Zagehawanī (представители этого рода, возможно, состояли в отдаленном патрилинейном родстве с царским родом, ср. Моисей Хор. II, 8), родовое имя Mařxazuni - от должности mařxaz и т.п.

Гахнамак дает ту же классификацию двора: он содержит перечисление в их номенклатурном порядке родовых имен знати и государственных (или придворных) должностей. Полную аналогию мы имеем в списках надписи Шапура, с той лишь разницей, что в надписи перечисляются конкретные лица и поэтому приведены личные имена представителей знатных родов и носителей должностей; достаточно отбросить личные имена, и мы получим те же два варианта, родовое имя или должность, в соответствии с при-

веденной характеристикой Фавста Бузанда. Указанные в Гакнамаке должности следующие: *azretn*⁴³, *šahapn soršac tēr* "сатрап, владыка Софены", наследственная должность (# 5), и *kšaxak'aretn arš'unī* "царский градоначальник"⁴⁴, *ošvarētn arš'unī* "царский охотничий"⁴⁵, *mašxaz* "малхаз" (# 4), *Basenoy dat-worn* "Басенский судья"⁴⁶. Из других списков (Лазарь Парбский, Блике, *Soršerk'*) известен *šaxkošaret arš'unī* "царский шталнейстер"⁴⁷ и ряд других должностей, упоминаемых также в KIZ.

В качестве примеров родовых имен, произведенных от названия должности и засвидетельствованных в KIZ, можно привести следующие: *Bythākn* (34/28), *Sr'purt* (29/24)⁴⁸, *Duzrtkn* (34/28)⁴⁹. В KIZ (32/26) упоминается правитель Демавенда "Артабак, Демавендец"⁵⁰, у Фавста Бузанда (I47) же приводится и основное родовое имя правителей Демавенда — *Kawoakap*. Помимо упомянутых уже в примеч. 49 можно указать и другие примеры образования в армянском *nomina gentilia* от названия должности путем присоединения суффикса отношения или принадлежности *-unī*⁵¹, соответствующего иран. *-akān*, это фамилии *Srandunī* (# 51) от *srand* 'жертвоприношение' (представители этого рода, согласно Хоренскому, ведали жертвоприношениями), *mašxazunī* — от *mašxaz*.

В KIZ среди представителей иранской знати, занимавших также государственную или придворную должность, упомянут *Zudku* *puwrt* : *Zu'k puwrtu* (KIZ, стк. 54; двор Арташира I), греч. *Zῆκ ὁ δευπρωκλήτωρ* "Зик, церемониймейстер". У Фавста (I5, I5I, I69, I77, I87) упоминается один из его потомков, занимавший ту же должность, — *Zik pušakarat*. Имя *Zik*, подобно именам *Vagaz*, *Sugēn*, *Kāgen* и др., было также и родовым именем. Достаточно привести указание из греческого текста Агафангела (6): *Ζηκᾶν καὶ Καρυνᾶν, μεγίστου γενεάρχου καὶ στρατηγού*, где *μεγίστου γενεάρχου* передает арм. *naharet mesakes*. Речь идет об иранских полководцах, и в данном случае мы имеем совмещение у упомянутых лиц положения главы одной из агнатических групп знати с должностью в государстве. Армянской классификации двора на *naharetk'* (синонимы: *azgaretk'*, *mesakesk'*, *tamšētk'*), с одной стороны, и *gogoakalk'* — с другой, в иранской номенклатуре соответствует деление на *vazgaurān* (также: *xvatāurān*; ср. сир. *gšgabānē*) и *kārdagān*. С термина *kārdag* — он засвидетельствован в Судебнике (A25, I5) — был калькирован армянский термин *gogoakal*⁵².

Помимо примеров, уже приведенных выше, в армянских источниках приводятся и другие родовые имена иранской знати, окан-

чивающихся на -akān, среди которых имеются и имена списков К12. Персидский наместник в Армении при Хосрове II носил родовое имя Vādātakān (Vādatakan у Себеоса, 34, 70). В К12 (стк. 30/24) упомянут Zrk из рода Zāragakān (Zrīk'n : Zōrkān). При последних Сасанидах некоторые знатные роды или, вернее, их ветви получали к своему родовому имени почетную "приставку" Šahr; так, мы имеем родовые имена Šahr-Vagāh (наиболее выделяясь, видимо, ветвь Варазидов), Šahr-Vahrīd (представители этих фамилий были полководцами Хосрова II, ср., например, Себеос 61, 92)⁵³ и др. Такой же "приставку" получило и родовое имя Zāragakān: в Судебнике (A39, 3-7) говорится о завещании некоего Дат-Гумнаспа (из рода) Šahr-Zāragakān (Štr' - Z' rīk'n), которое было скреплено печатью Вах-Шапура, главного магупата. Возможно, именно это родовое имя скрывается за арм. Šahrapakān (Себеос 79), греч. Σαραβλαυῆς (ср.: Nöldeke-Tavari, с. 292). Представитель рода Vardakān (Zrwōd't ZY Vrdk'n : Zrwōd't Vrdk'n) присутствует в списке Шапура I; то же родовое имя носит знатный перс при дворе Хосрова II, Šahrapan Vardakan текста Себеоса (66). Родовое имя Andakān, дважды встречающееся в К12 (стк. 57, 62), засвидетельствовано у Фавста (Andikan, Andkan) и у Лазаря Парского (Andakan); греч. Ἀνδίαυ, н.-перс. Andiyān (ср.: Nöldeke-Tavari, с. 286).

Таким образом, вряд ли можно сомневаться в том, что имена списков К12, оканчивающиеся на -akān, представляют родовые имена, "фамилии" знати, как и в том, что конструкции Vrdt ZY Wldrtk'n, Wld'r ZY S'vnykn (К12, 35) и т.п. следует переводить "Багадат (из рода) Вардпатакан", "Винвар (из рода) Сасавакан - Винвар, Сасанид", а не "Багадат, сын Вардпата", "Винвар, сын Сасана" и т.п. Мы имеем здесь дело со сложением определения с определяемым, со сложением, выраженным в парфянском простом аппозицией определения к определяемому, в среднеперсидском же - присоединением определения к определяемому при помощи относительного местоимения, служащего nota relationis, но с оттенком определенного артикля⁵⁴.

А из этого следует, что в грамматическом (= синтаксическом) отношении никакой разницы между формулой первого типа (rthb'tr ZY Kl'n MLK' "Арташир, царь Кермана", Twd'nk ZY r'ht'n štr "Тманик, сатрап Хамадана") и формулой второго типа [rthb'tr ZY W'r'd "Арташир, Варазид", Mtrky ZY Twnlk'n "Михрак, ил (- из рода Тосараман)"] не существует. Характерно в этом и то, что служит определением к имени включенные в список лиц: в одних случаях - это титул, должность

(т.е. определение, исходящее из принципа служебного ранга, "кардарства"), в других случаях — родовое имя, указывающее на принадлежность лица одной из агнатических групп знати (т.е. определение, отражающее принцип родovitости, "вазургство"), что полностью соответствует принципам номенклатуры двора, сформулированным у Фавста и наличным в Гахнамаке.

Возвращаясь к сравнению списков K1Z с армянской разрядной грамотой, нельзя не отметить и черт формального сходства. В перечне Гахнамака чаще простое указание родового имени (с определенным "артиклом": *Kamvatakann, Silkinin, Spandunin* и т.д.). Это характерно и для K1Z, где родовые имена редко сопровождаются какими-то дополнительными определениями. Но в целом ряде случаев в Гахнамаке родовое имя сопряжено с термином, обозначающим главу данной агнатической группы, например: *Agoghneac' tēg* 'владыка Арцруниев' (№ 3), *Mamikonēic' tēg* 'владыка Мамиконидов' (№ 4), *Arahnēac' tēg* 'владыка Арахуниев' (№ II). Такая форма засвидетельствована (дважды) и в K1Z, ср. стк. 29/25: *S'v'n ZY 'nduk'n MN'HY : S'v'n 'ndukn hwtwy* 'Сасан, владыка (рода) Андикан' (ср. также стк. 31/25); в греческой версии *MN'HY : hwtwy* переданы терминами *δеспότης, κύριος*⁵⁵.

В тех случаях, когда в Гахнамаке указаны боковые ветви знатного рода, сегментировавшиеся в самостоятельные агнатические группы, но сохранившие общее родовое имя, армянский список дает следующие варианты:

1) родовое имя снабжено топонимическим определением (основная резиденция данной ветви), как в № 35 — *Buḥay Dimak'zeann* 'Буцские Димаксяны' и в № 67 — *Širakv(y) Dimak'zeann* 'Ширакские Димаксяны' (при № 34: *Dimak'zeann*), ср. в K1Z, стк. 34: *'gēt't ZY drug ZY Mtr'n ZY MN ldy* 'Арштат, эпистограф, Рейский Махрамид';

2) родовое имя сегментировавшейся группы снабжено порядковым номером, например: *Agoghneac' ekgordn* (№ 29) 'второй (род) Арцруниев', *Agoghneac' ekgordn* (№ 30) 'третий (род) Арцруниев', *Mamikonēic' ekgordn* (№ 31) 'второй (род) Мамиконидов' и т.д.; в K1Z порядковых номеров нет, и это понятно, так как в надписи указаны конкретные лица: в списке двора Арташира упомянуты два Каренида (стк. 29: *Pguyky ZY K'ldy, Owky ZY K'ldy*) — очевидно, главы двух ветвей Каренидов; ветвей этих, возможно, было больше, ибо против имени главы ветви, включенного в список по должностному признаку, родовое имя, как правило, не ставилось, то же и в армянском списке: при указании

должности (ср. аретп, № 2) родовое имя ее держателя (Багра-
туни) отсутствует;

3) перед родовым именем стоит указательное местоимение
ауѣ 'другой', обозначающее другую ветвь рода, ср.: ауѣ Абеѣ-
внп (№ 36) 'другой (род) Абеянов', ауѣ Діѣак'всап (№ 37)
'другой (род) Дмаксянов'; такой же прием в парфянской версии
К12, стк. 25: 𐎠𐎡𐎣𐎤 𐎥𐎦𐎧𐎨 𐎩𐎪𐎫𐎬... 'другой принц Сасан...'.
Эти наблюдения подводят нас к тем документам, которые
были взяты в основу списков при учреждении Шапуром литур-
гии, — это официальные номенклатурные списки двора, утвержде-
нные царями "разрядиме грамоти", по образу и подобию которых
был составлен и армянский Գաղաթափ⁵⁶.

Подкрепленный данными других источников, анализ надписи
Шапура показывает, что внутри знатного сословия в интересую-
щий нас исторический период продолжала существовать та же ор-
ганизация по агнатическим группам, что и в других слоях обще-
ства. Он указывает также на ведущую роль, которую агнатиче-
ские структуры знати играли в государственном управлении и
при дворе. Внутренние же связи и солидарность, существовавшие
внутри каждой из этих групп, обеспечивали ей немалое полити-
ческое значение, как, впрочем, и военное (представители знат-
ных родов не только сами несли военную службу, но и поставля-
ли с подвластной им территории воинские контингенты и снаря-
жение), вследствие чего отношения, складывавшиеся между этими
структурами и царской властью, должны были стать важным фак-
тором внутривластного равновесия в государстве в целом и
стабильности самой царской власти.

Следы интересующего нас института в сельской общине мож-
но найти и в авроманском пергамене Ш, для которого мне пред-
ставляется возможным дать чтение, несколько отличное от пред-
ложенных ранее⁵⁷.

Авроман Ш:

- (1) 𐎠𐎡𐎣 III C (= CCC) 𐎠𐎡𐎣 𐎠𐎡𐎣𐎤 MZBN-W 𐎠𐎡𐎣⁵⁸ BRY 𐎠𐎡𐎣
- (2) ZY MN br/wdy KRM 𐎠𐎡𐎣 MN 𐎠𐎡𐎣𐎤 PLG 𐎠𐎡𐎣⁵⁹.
- (3) MZBN-W 𐎠𐎡𐎣 BRY 𐎠𐎡𐎣𐎤 KZY 𐎠𐎡𐎣 KL 𐎠𐎡𐎣 XXXXIIII
- (4) MN MN 𐎠𐎡𐎣𐎤 𐎠𐎡𐎣? 𐎠𐎡𐎣 𐎠𐎡𐎣 𐎠𐎡𐎣 KL-W QDMTH
- (5) 𐎠𐎡𐎣𐎤 𐎠𐎡𐎣 BRY 𐎠𐎡𐎣 m/tr/k BRY 𐎠𐎡𐎣 𐎠𐎡𐎣
- (6) BRY 𐎠𐎡𐎣 𐎠𐎡𐎣 𐎠𐎡𐎣 BRY 𐎠𐎡𐎣 𐎠𐎡𐎣⁶⁰ BRY 𐎠𐎡𐎣 (?)
- (7) ZY MN br/wdy KRM 𐎠𐎡𐎣 KRM 𐎠𐎡𐎣 𐎠𐎡𐎣 MN
- (8) 𐎠𐎡𐎣 KL 𐎠𐎡𐎣 XXXXIIII.

(I) Год 300, месяц Арватат. Продает Патмспар, сын Тирена,

- (2) половинную долю обрабатываемого⁶¹ пустыря⁶² виноградника Бард/Бод(и).
- (3) И покупает Авил, сын Башнена, в качестве "брата" ("как брат"), и того за 54 драхм.
- (4) Водой же, (поступающей) от владельца земли, каждый (из них, т.е. Патиспар и Авил. - А.П.) да пользуется для орошения⁶³. В присутствии
- (5) свидетелей: Т., сына А., М., сына Р., А., сына
- (6) А., Г., сына М., С., сына М.
- (7) "Пустырный"/"Целинный" виноградник виноградника Бард/Бод(и) купил Авил у
- (8) Патиспара всего за 54 драхмы.

Для общего понимания данного текста известное значение имеет тот факт, что все три авроманских документа были обнаружены в одном сосуде и, следовательно, находились в одних руках (в этом же сосуде были и другие документы, которые до нас не дошли, см.: В.Н.Минья. - ЖЭС, vol. XXXV, с.22). Согласно свидетельствам сасанидского Судебника, документ, представляющий титул на владение недвижимостью, в частности земельным участком, считался как бы принадлежностью "вещи", и при каждом переносе вещного права на данный объект (земельный участок, дом и т.п.) все имеющаяся в наличии документация, связанная с ним и подтверждающая преемственность прав нового владельца, передавалась этому лицу (см., например, 18, 10-13; 18, 13-17). Документы составлялись не менее чем в двух экземплярах, один из которых вручался прежнему владельцу. Подобная практика существовала, впрочем, и в других странах, указание же на ее распространенность в Иране заставляет полагать, что между тремя авроманскими документами, разделенными интервалами в несколько десятилетий, существовала какая-то преемственная связь, а именно что они относились к одному объекту или к его части. Более подробно эти документы рассматриваются нами в разд. III, гл. 5, но некоторых сторон их содержания коснемся здесь.

⁴ В первом из них (Авр. I) братья-сотоварищи Барак (Βαρ-γάρκ?) и Собам "продает" некоему Гахаку (Γαῦακῆς Γαῦακῆς = "Gāhāk) личную долю (τὸ ἰδίον μέρος) первого из них (= Барака) в винограднике Дадвакан, долю, доставшуюся ему (при разделе) от совладельцев-сонаследников (τὸ ἐπιβάλλον αὐτῷ μέρος παρὰ τῶν συνκλήρων). Однако под видом продажи здесь, несомненно, выступает сдача в бессрочную эмфитевтическую аренду, ибо "приобретающий" этот участок Гахак, уплатив его стоимость и получив титул на вечное владение, обязывается (он и

его потомки) к ежегодной уплате Бараку (и его потомкам) фиксированной ренты — денежной (τὸ ἔμβαιϋρον, в одну драхму) и натуральной. Следовательно, Барак (и его наследники) продолжают оставаться собственниками этого участка. Во втором юридическом документе (Авр. II) Дем (Δήνης Γαδάκου), сын и наследник Гахака, лица, "купившего" участок в эмфитектическую аренду в первом документе, "продает" в эмфитектическую аренду виноградник, расположенный на пустыре и составляющий часть того же виноградника Дадвакан. Фактически же он уступает ему свои права арендатора-эмфитента. В обоих документах оговаривается обязанность новых владельцев (эмфитентов) и их потомков обрабатывать участок.

Предметом сделки в третьем документе предстает половина обработанного пустыря, входящего в комплекс виноградника Бард(?), который, видимо, тождествен части виноградника Дадвакан, сданной в аренду в Авр. II (ср. примеч. 62). Лицо, выступавшее "продавцом" в Авр. III, сохраняет за собой другую половину "пустырного" участка. Но здесь важно отметить следующее обстоятельство: "продавший" сам не является владельцем ("собственником"), он — эмфитевт. Это вытекает из стк. 4, где говорится о том, что оба они, "продавший" и "приобретавший", будут пользоваться для орошения своих половин "целинного" участка водой, поступающей от его "собственника" (ὀμιλήτης). Этим лицом, владельцем основного титула во виноградник Бард и примыкающий к нему "целинный" участок, вероятно, являлся один из потомков и преемников (внук или правнук) Барака из Авр. I, вследствие чего и все три документа (экземпляры "собственника") должны были находиться в его руках. Характер сделки Авр. III также неясен: это уступка эмфитевтом части в своей аренде другому лицу, которого он делает своим партнером в аренде. А это, в свою очередь, объясняет отсутствие в Авр. III указания о ренте, выплачиваемой владельцу, ибо она определена в титуле на эмфитектическую аренду всего участка, хранящемся у основного арендатора (Патиспара). То, что приобретающий становится в результате сделки партнером-сотоварищем, передано выражением ΚΖΥ ἄνυ "в качестве брата". Техническое употребление слова "брат" в контексте несомненно⁶⁴.

Для уточнения его значения полезно сопоставить ἄνυ = brāt со ср.-перс. hambrāt. hambrātak, hambrātākīh (пехл. hm²h. hm²hk), букв. 'собрать, собратство', которое в пехлевийской ясно передает ав. haxman- (ср. Р. Y. 40, 2; 60, 7; 40, 4: ētōn xvēš (= xvaētav-), ētōn vālūnik (= varəzāna-), ētōn hambrātak

(haxmal-) . Авест. haxmal- имеет, однако, ряд значений: "союзник-конфедерат", "сообщинник", "сотовариц". Между тем известно, что у ряда народов общинноевропейское слово для "брата" получило и специальное значение "сородич — член агнатической группы" (ср. у славян "братство", "верьные братья" и т.д.), причем широкое употребление слова именно в этом смысле привело, например, в греческом к полной замене слова φράτερ, употреблявшегося уже исключительно в значении "член агнатической группы; член фратрии", словом ἀδελφός, букв. 'единоутробный'. Аналогичное развитие имело место и в осетинском, где гвад означает только "родич-агнат", тогда как понятие "брат" передается словом æwzæwæg : æwzæwæg — букв. 'единоутробный'⁶⁵. Пехлевийский комментарий одного из пассажей Ясны дает основание полагать, что основным значением ср.-перс. haxbrāt было "сородич-агнат". Авестийский пассаж (Y.32, II) гласит в переводе: "...которые озабочены тем, чтобы лишить хозяина и хозяйку владения наследственной долей". Комментированный пехлевийский перевод его следующий: ...katak-kvatāu mart ut zan [gōbrēnā ku mānrat mānratīn hēm] arpaṅēnd (= ав. arpaēiti) ān gēxm-ič (= ав. gaēxnah-) vīndiān [(гlossа к arpaṅēnd:) ku martōm rat stahn gīrēnd: (гlossа к gēxm:) ku kwāstak bē o haxbrāt dahāt]. Из последней гlossы следует, что легальная передача или отчуждение (bē dātān как юридический термин означает и то и другое) наследственного имущества или доли в нем допускались (теоретически, во всяком случае) только в пределах агнатической группы: ав. gaēxnah- 'наследство, доля в наследстве' определяется здесь как категория имущества, передаваемая и отчуждаемая агнату (haxbrāt).

Трудно сказать, были ли Патиспар и Авиал из Авр. III между собой агнатами, как мы не знаем, являлись ли агнатами контрагенты Авр. I и II. Поскольку во всех трех пергаменах речь идет об эфитевтыческой аренде, а не о продаже или дарении, принцип агнатства здесь был малосуществен: при сдаче в аренду вещное право собственности не выходило за пределы семьи и агнатической группы основного владельца. Скорее всего в КЗУ 'нү термин "брат" > "агнат" выступает в своем уже чисто правовом значении "совладелец, сотовариц, партнер", ср. ср.-перс. brāt-haxbrāt, а также парф. hnguh (см. выше).

Агнатическая линия очень часто упоминается в Судебнике как основание призвания, дополнительное к необходимому (= правопреемству по нисходящей). Обычным в этом памятнике обозначением агнатического порядка служит термин pavānaxdištīh, а

понятия "агнат" — *naḥāpāyādiāt*⁶⁶, терминология "ученая", заимствованная из Авесты. Живое слово, *nāf* (также: *nāfak*), обозначавшее агнатическую группу, и *hamnāf* — ее членов, встречается в ряде среднеперсидских текстов, как и другой термин — *gōhr*, *gōhrak*, иранское соответствие инд. *gotrā*⁶⁷.

Так, в Датастан-и деник (Da. 55) в связи с учреждением стуротва (*stūrīh*) и назначением стура (*stūr*) свободнорожденному гражданину зороастрийского вероисповедания, который умер, не оставив преемника, ни брата-соваследника, говорится, что агнатическая группа (*gōhrak*) покойного должна объявить об учреждении и открытии ему стурства и назначить стуром покойного ближайшего по родству среди членов его патриимии (*ān ī dādīktar hač hamnāfān*).

Nāf (или *nāfak*) засвидетельствован в пехлевийском образце брачного контракта. Вступление женщины в брак с *man mān māgiti* влекло за собой выход ее из круга (= семьи) и власти ее отца и переход в агнатический круг мужа и, следовательно, вело либо к полному выходу невесты из агнатической группы отца, либо, что было более характерно для Ирана, где эта организация была по преимуществу андогамна, к перемене ее места в ней. Как явствует из упомянутого контракта, официальное заключение брака происходило перед собранием членов агнатической группы — *nafa* (§ I: *nāfak/nāf ī veh mat āstāt*).

Такое же положение рисует и согдийский брачный контракт с горы Мур⁶⁸. В этом документе неоднократно упоминается община — *nāf* (согд. *н'ф*), перевод же стк. 9-10 (Nov. 4), предложенный издателем⁶⁹, нуждается, мне кажется, в исправлении. Так, глг ZNH *н'фк мувру н'фу ргт'н ZY ү'н'п'к* В.А.Лившицем переведено: "И это письмо (касается) всего народа, (как) постоянно обитающих (в доме), так и гостей". Ключ к пониманию этой фразы дает приведенный выше пассаж пехлевийского брачного контракта. В согдийском тексте *н'фу* означает общину агнатов в полном соответствии с *nāf*'ом пехлевийского контракта. Но поскольку такая община включала несколько десятков, а то и сотни больших трехпоколенных семей, то вряд ли можно представить всех их живущими под одним кровом и толковать *н'фу ргт'н* как "постоянно проживающий в доме".

С другой стороны, упоминание в юридическом документе тех или иных лиц или группы лиц бывает, как правило, вызвано либо какими-то их правами, либо какими-то официальными или переданными им по договору полномочиями. Проживание же в доме (или даже вхождение в семью) не является фактором, имеющим правовое

значение и прегнантым в юридическом смысле: в доме могли проживать, и постоянно, самые различные категории лиц, с разным объемом правоспособности, вплоть до рабов. Согд. ргм'п данного текста следует сопоставить, как мне кажется, с арм. *ragman* 'лицо, достигшее зрелости; совершеннолетний юноша'. В таком случае фраза получит осмысленный перевод: "И это гарантийное обязательство (касается) всех полнолетних (следовательно, юридически правомочных. - А.П.) членов агнатической группы, а также и гостей (возможно, когнатов, входивших в другие агнатические общины. - А.П.)".

Что же касается ргм'п парижского согдийского текста P 12 (E. Benveniste. - TS, с. 132, 225), приведенного В.А. Лившицем в подкрепление своего перевода, то здесь мы имеем дело с совершенно другим словом, омографом рассмотренного выше. Это ясно из контекста P 12 - текста, содержащего ряд рекомендаций этического характера. Так, стл. 44-45: *kt'm y'nyh βγm' zY yzly zY y'nyk β't tly zk' yurb y'nyh zk' v'tk 'RZy zk' wōwh rgm'p δ'g'* - переводятся следующим образом: "Тому, в семье ('доме') которого имеется имущество, ему надлежит (также) в своей семье в отношении детей и жены иметь власть". Таким образом, ргм'п парижского текста - это власть, власть главы семьи, точное соответствие ср.-перс. *gavān*, *ratixāyūh*, ср. также среднеперсидский юридический термин *gavānawtāyūh*, определяющий правовое положение подвластных членов семьи, жены и несовершеннолетних, по отношению к ее главе⁷⁰. Такое толкование находит полное подтверждение в согд. ргм'пδ'g' 'опекун'. Равным образом стл. 49-50 (*gtu y'ny zk' v'tk wōwh rgm'p L' kw'ny L' rgm'p δ'g'y*) парижского текста можно предложить следующий перевод: "И (всем) в семье ('доме') над детьми и женой (глава этой семьи обязанностей) власти (= власть) не исполняет, не имеет"⁷¹. Уклонение или нерадивость в исполнении опекунской (гевр. патриархальной) власти над подвластными членами семьи в иранском праве расценивались как преступление.

Выше уже приводились некоторые данные, указывающие на наличие у общины-*nāf* своего главы, в функции которого входили, очевидно, суд, руководство культом и администрация общего имущества. Существование такого лица в древний период несомненно (ср. арм. *nāpat* < ср.-иран. **nāpat* < иран. **nāpatī* - 'глава *nāf*'a'), оно могло в отдельных случаях быть и в последующие времена в относительно консервативной среде, например в среде знати. Но все более усиливавшаяся экономическая самостоятельность и правовая автономия входивших в агнатическую общину се-

мен должны были привести к уменьшению прерогатив главы общины и к возрастанию авторитета и объема прав глав семей. Эти последние составляли, видимо, "совет" общины, которому принадлежала ведущая роль в решении общих дел. Очевидно, именно эти главы семей — особо доверенные лица общины — и упоминаются в одном среднеперсидском манихейском тексте (49 П V 2 в.д.)⁷², где от лица Мар-Аммо, ученика Мани, ведется следующий рассказ: "... в свою общину (xwūš n'f) я явился. И на путь мудрых я вступил, и сокровища (мудрости), которыми NagJamīyу меня обучил, отцу (своему) и avistārag'am ('wustw'x'n) стал я излагать и поучать". Из приведенной цитаты следует, что проповедник манихейского учения Мар-Аммо предстал перед советом своей агнатической группы⁷³, который включал его отца как главу семьи этого проповедника и глав других семей, входивших в тот же nāf; эти-то лица и определены в тексте термином avistāragād (ср. пехл. 'wastw'1). Остабарм как предводителя nāf'a упоминается в самом пехлевийском ривайте (Riv. Em. Aš. V. 14. 30) в двух случаях. Обстоятельства первого случая таковы: глава семьи умирает, не оставив достигшего совершеннолетия прямого преемника, ни брата-сотоварища, ни завешания с определением опекуна своей семье из числа агнатов. Тогда тот, кто является ближайшим агнатом покойного, обязан официально востребовать перед лицами, облеченными судебной властью (рат, магупат, дастабар), свое утверждение на опекунство над его семьей. После того как он это сделает и будет утвержден опекуном с документальным оформлением, полагалось, чтобы документ (очевидно, один экземпляр документа) о его утверждении в опекунстве был представлен совету (= остабарам) агнатической группы (batafāgād rat gumārtan nāwak stāpēnd), в которую входила опекаемая им семья. Во втором случае ситуация аналогична, с той разницей, что агнат в момент своего утверждения в опекунстве находится вне пределов страны. Тогда он должен написать одному из остабаров (ō kas ī ōstābār), чтобы тот на время его отсутствия исполнял обязанности опекуна над этой семьей.

Судебник строго различает права и обязанности, обусловленные принадлежностью к семье, т.е. доставшиеся по прямой нисходящей линии или брату-сотоварищу (семья неразделенных братьев), и те, которые основаны на принадлежности к той же агнатической группе и на порядке родства внутри этой организации. В первом случае, когда основанием призвания является родство по прямой нисходящей или боковой (брат-сотоварищ) линии, т.е. принадлежность к семье, это основание призвания пе-

редается техническим термином *būtak* (букв. 'естественный'), *bū-takīh* (ср. выражения *andag būtakīh, hađ kust ī būtak, rat gāh ī būtakīh*). Во втором случае, когда основанием призвания служат принадлежность к агнатической группе и порядковое место в ней, говорится, что оно имеет место "по линии" или "со стороны" агнатства: *rat gāh ī nabānazdištīh, hađ kust ī xvēbāvar-dān*. Различие между этими двумя линиями состоит не только в их порядке (вторая линия призвания вступает в силу только в случае отсутствия первой) и в форме (призвание по первой линии вступает в действие *īrso iuge*, тогда как призвание по линии агнатства происходит по назначению ближайшего агната в легальном порядке, следовательно, сопряжено с формальными актами ностребования, принятия и т.п.), но также в известной мере и в эффекте.

Подробное рассмотрение этих вопросов в связи с различными правовыми институтами читатель найдет в других главах настоящего исследования.

Г л а в а 2. Семья и брак: вводные замечания

Предыдущая глава данного раздела была отведена важнейшей структуре общественной организации доисламского Ирана — агнатической группе. Прежде чем приступить к рассмотрению основной ячейки этой структуры — семьи, а также различных форм брака, существовавших в Иране до принятия ислама, целесообразно, как мне кажется, отметить связь этих институтов с религиозно-этическими представлениями, господствовавшими тогда в иранском обществе, ибо связь эта может ускользнуть от читателя, особенно не от читателя-ираниста. Между тем при очевидной для всех важности факторов экономического и социального развития и при необходимости в древности создания более или менее тесных коллективов людей в интересах их производственной деятельности нельзя недооценивать для древнего общества того места, которое занимали в его жизни религиозные и этические представления. Развиваясь и изменяясь медленнее экономических и социальных условий, они сохраняли силу своего действия значительно дольше.

Религиозно-этические представления занимали важное место, в частности, в институте родственных групп и семьи, в определении отношений между ее членами, в связывающей их солидарности, в предпочтении агнатического родства родству когнатическому. Ими определялось возникновение различных форм брака, как и то место, которое среди других форм брака занимал брак

сия шапа magiti. Абстрагируясь от этих представлений, невозможно понять в полной мере институт семейной собственности, особенно же характер отношения к ней живущих членов семьи, трудно понять и сложный в Иране институт преемства и нормы наследования. Теснейшим образом связано с ними и иранское частное целевое имущество, так называемые фонды "для души" (pat givān). В сущности, ни одна область права и ни один его институт не остались вполне свободными от воздействия религиозных и этических представлений, и, более того, само право как система норм в древнем обществе составляло как бы часть религиозной этики.

Центральное место среди этих представлений следует отнести культу домашнего Огня и представлениям о бессмертии человеческой души. Поскольку домашнему Огню приписывали священную силу и почитали за божество, дарующее благополучие и покровительство живущим в доме, ему приносились в обязательном порядке ежедневные жертвы и совершались воздания, произносились молитвы и над ним совершали целый ряд обрядов почитания и ритуального очищения. И все это в строгой последовательности, по определенной форме, с произнесением соответствующих формул и точно, до деталей, отработанными жестами, ибо малейшее отклонение от этого ритуала, скрупулезно передававшегося из поколения в поколение, от отца к сыну, могло сделать жертву или обряд негодными и неприемлемыми, разгневать божество и навлечь беду. Огонь нужно было поддерживать нетленным и периодически обновлять, также по определенному обряду. Обязанности по культу огня и уходу за ним лежали на главе семьи, который исполнял в семье функции жреца.

Представления о душе человека и ее бессмертии сопутствовали представлениям о потребностях души и о ее благодном существовании или, напротив, о возможных ее злоключениях в загробной жизни. После смерти человека душа его некоторое время витает около его дома, и ее следует ублажить пищей и обрядами. Но и покинув уже родные места, душа обладала опасным свойством возвращаться. Не получая жертв и почитаний, душа умершего предка, беспокойная и мнущаяся, могла принести его живым потомкам немало бед и испытаний. С возникновением отдельных религиозных систем эти очень древние представления о душе получили в них свое место. Весьма значительное место отведено им и в зороастризме. Это душа (ав. *magvan-*, ср.-перс. *magvān*) человека и изначально существующий бестелесный, бессмертный дух (др.-иран. **magvanti-*, ав. *magvāni-*, ср.-иран. *magvart/magvahr*), который, будучи неотделим от человека, по-

кровительство ему при жизни, а после смерти переживает его навечно⁷⁴. Составляя часть индивидуальной души человека, фра-
нами людей требуют жертвоприношений и почитания от их земных
потомков и родичей, помогают праведным, наказывают грешников
и нерадивых. Эти духи, которым посвящен тринадцатый лист Аве-
сты, сопоставимы, хотя и не полностью, с др.-инд. *pitṛān*,
римск. *manes* и *manī*, греч. *πλάτωνες ΰεοί*. В дуалистической
системе зороастризма франами составляют армию Ахура-Мазды и
ведут активную борьбу с силами Зла за торжество Арты — пра-
ведного начала.

Согласно зороастрийской религии, душа любого смертного
бессмертна, но судьба ее бывает различна. Три дня, следующие
за смертью, душа, покинувшая тело, обретается вблизи дома
умершего, после чего начинается ее путешествие к судилищу, к
мосту Чивват, путешествие легкое и приятное для души правед-
ника и крайне тягостное для души грешного. У моста Чивват
взвешиваются деяния человека в его земной жизни, и душа пра-
ведного благополучно переходит через мост и принимается в
рай, тогда как перед душой грешного мост суживается до ширины
волоса, становясь острым, как лезвие, и душа грешного прова-
ливается с него в ад. Тяжелая участь, постигшая душу грешника,
может навлечь беды и на его дом, на членов его семьи и его
родичей, и не только в их земной жизни: его грех может отяго-
тить и их души. По Авесте, совершенный человеком проступок,
наносивший ущерб его душе, поражает также души его родичей
"вплоть до девятого колена" (или: "вплоть до девятой ступени
родства", авест. *partu-*, букв. 'девятый из членов его *paṛ'a'*),
и души их не смогут перейти через Чивват (см. *Vd. 13, 3*). По-
этому такой человек при жизни, а члены его семьи и круг его
родичей после его смерти должны приносить искупительные жерт-
вы (особенно *Sraoše*) и совершать очистительные обряды, чтобы
не понести наказания. В своем введении к тексту (*80, 9-II*)
компилятор Судебника следующим образом подчеркивает первосте-
пенную важность отправления культов, как и действий, могущих
сняться человеку благосклонность богов-дэатов и манов: "Ту
долю, которую а противоположность этому имущество, доставле-
муся (по наследству или благоприобретенному. - А.П.), (чело-
век получает) от богов-дэатов и от духов домашнего очага⁷⁵,
следует считать самой важной, самой полезной, наиболее заслу-
живавшей того, чтобы в этом совершенствовались, и самой рав-
ной из всех форм процветания и возвышения имени в великом в
благом".

Оставление после себя потомства — не только естественное стремление человека к продолжению рода, это еще и акт благочестия, забота человека о своей душе и о культе душ своих предков. Сын будет нести после смерти своего отца заботы о домашнем очаге, выполнять обряды, служить манам, как он будет обрабатывать землю отцов, хранить семейное имущество и, возможно, умножать это имущество — материальную основу не только существования его самого и членов семьи, но и непрерывности отправления домашних культов. Вступив в брак и производя потомство, он обеспечит продолжение всего этого в следующих поколениях. Он — естественный преемник своего отца, земное продолжение его и его предков, носитель его культа и имени; это преемство имени определяется в среднеперсидских правовых текстах терминами *dānakānīh*, *dānburtāgīh* ('насение культа/имени').

Отсутствие у человека такого преемника — такий грех. Грех заботился об обеспечении себя преемником: *ἵνα μὴ ἀνώνυμος ὁ οἶκος αὐτοῦ γένηται* 'дабы дом его не остался без имени' (Ivasi De Menes. pag. 36), ибо отсутствие преемника привело бы к *ἔρημία τοῦ οἴκου* к "опустошению дома", к прекращению линии семьи и к пренебрежению ее манами. Отсюда и представление о браке не просто как о союзе мужчин и женщин в целях общности жизни, а как о заключенном в соответствии с предписанными права (*ἐπὶ δικαίους κατὰ τοὺς νόμους*) союзе, предполагающем общность *τῶν ἱερῶν καὶ τῶν ἐσίων*, культового и мирского⁷⁶, как о союзе, главной целью которого является производство законного потомства, обеспечение преемства⁷⁷.

Культовым и мирским преемником отца может стать лишь рожденный в законном браке. У зороастрийцев безбрачие считалось поэтому таковым грехом. И в определении отцовства существенным являлся именно характер союза мужчины с матерью ребенка: ребенок считался законным сыном и преемником мужа своей матери, также если он был зачат — в соответствии с обычаем левирата — после смерти этого человека его родичем-агнатом. Если у супругов нет сына, то преемника отцу должна дать дочь-эпхклера. Если нет и дочери, необходимо усыновление, при этом усыновляют не любого, а своего агната, т.е. лицо, принадлежащее к той же семейной и культовой общине. Если человек при жизни не успел этого сделать, то об этом должна позаботиться его агнатическая группа. У греков классического периода магистрат-архонт обязан был следить за выполнением этого долга по отношению к умершему главе семьи, не оставившему прямого преемника⁷⁸. Аналогичное

отношение к преемству характерно и для Ирана, и оно получило свое отражение и освящение в зороастризме. По предписанию Авесты, об умершем, не оставившем преемника, должны позаботиться его агнаты, они должны "дать ему сына, чтобы этот сын перевел думу (шгвāш) умершего через мост Чинват" (Va. 2).

В дальнейшем, рассматривая формы брака в древнем Иране, как и систему преемства, обязательственные отношения и другие социально-правовые институты, мы будем иметь много случаев убедиться в том, сколь существенна роль религиозных и этических представлений и традиций в жизни этих институтов, каковы бы ни были истоки и социальные функции этих последних. Ярким примером является стурский брак, который, видимо, целиком основан на этих представлениях. Можно привести здесь такой пример. У супружеской четы нет иного потомства, кроме одного сына, который умирает в возрасте пятнадцати лет, пройдя конфирмацию, но не успев еще вступить в брак. После смерти вдовицы отец или родичи девушку из его агнатического круга делают стуром (т.е. преемствообязанной) умершего и как бы супругой его души, выдав ее затем замуж (в неполноправный брак) за другого человека, также из числа агнатов покойного. Став реально женой этого человека, в сакральном и в правовом отношении она продолжает принадлежать умершему и является подопечной и членом его семьи. Первый ребенок, который у нее родится, будет принадлежать умершему вдове, а не ее земному мужу. Если родится дочь, то она станет эпилерой умершего, унаследовав от своей матери его стурство, и будет выдана замуж за ближайшего агната этого вдовицы в брак *vine math*, сын же дочери будет считаться сыном и преемником умершего вдовицы — номинального, "потустороннего" мужа своей бабушки.

Такую форму брака вряд ли можно обосновать экономическими причинами. Ведь та доля семейного имущества, которую должен был унаследовать от своего отца умерший вдовица, могла бы достаться, скажем, неразделенному брату его отца и, таким образом, не только не ушла бы из его агнатической группы, но и сохранилась бы в составе имущества данной семьи. Целью этого стурского брака было создание преемства подтвержденному вдовице, забота о душе и непрерывности культа, очага и имени как его самого, так и его отца.

Даже такая разновидность коллективной собственности, как семейное имущество, должна была обрести в свете этих представлений сакральной оболочкой, поскольку сам коллектив, которому это имущество принадлежало, имел черты и культового союза. Это

с предельной ясностью выражено в определении семейной собственности у Платона (Lagaa, с. 923a): "Я не рассматривал ни вас самих, ни ваше имущество как принадлежащее вам: оно принадлежит вашей семье, и а н и м п р е д к а м и в а ш и м п о - т о м к а м". Таким образом, каждое поколение живущих представлялось как временным владельцем имущества "отцов" в как бы носителем эстафеты от предков к грядущим потомкам, эстафеты, включавшей целый комплекс прав и обязанностей. По древнеиндийскому праву тот, кто наследовал семейное имущество, наследовал также и *ṛiṇḍa* — обязанность совершения поминальных обрядов⁷⁹.

Понятие об универсальном преемстве и общий режим наследования нельзя рассматривать в отрыве от этой концепции древних. Отмеченный выше характер, который придавался семейной собственности, немало способствовал переживанию этого института в условиях активного распространения частной собственности. Освященное традицией и прочно укоренившееся в общественном сознании древних представление о семейной собственности как о подлежащей передаче по эстафете материальной основе физического существования, производственной, культовой и общественной деятельности последующих поколений, несомненно, укрепляло стремление сохранить в общей массе имущества, сосредоточенного в семье, известный баланс между неотчуждаемой унаследованной его частью, представлявшей семейную собственность, и имуществом благоприобретенным, представлявшим частную собственность и открытым для отчуждения.

Г л а в а 3. Брак *rātiḥāyā*

Брак *rātiḥāyā* в правовом отношении является самой полноценной формой брака. Он предполагает вступление жены в семью и агнатический круг мужа при потере места в прежней семье, ее выход (полный) из-под опеки своего отца (или опекуна) и переход под опеку мужа, а при жизни отца мужа — под опеку свекра, т.е. является браком *sim mahā mariti*. Дети, родившиеся в этом браке, считаются законными детьми и преемниками своего отца по всем линиям преемства: имени и культа (*dābhārtāgih*), наследования его имущества и обязательств, а также наследования его общественного положения (по сословию, общине, агнатической группе). Во всяком случае, в сасанидский период для данной формы брака характерна письменная фиксация брачного соглашения, которое носило характер двустороннего контракта — между

женихом, выступавшим лично, и невестой, выступавшей через посредство своего отца (или опекуна), действующего в качестве ее представителя⁸⁰. Именно таким документом является дошедший до нас пехлевийский образец брачного контракта, как и согдийский брачный договор с горы Муг (Нов. 3), составленный в 710 г.⁸¹ Как и подобает документу, фиксирующему двустороннее соглашение, он составлялся в двух экземплярах, вручавшихся заинтересованным сторонам⁸². Как уже отмечалось выше (разд. II, гл. I), церемония заключения брачного соглашения происходила перед собранием агнатов.

Помимо обозначения сторон и определения соглашения важной составной частью формуляра контракта о браке *ratījāuīn* были заявление о передаче невесты жениху ее отцом или опекуном (передача невесты ее опекуном повсеместно являлась характерной чертой в заключении брака этого типа, ср. греч. ἔκδοσις, римск. *traditio*) и декларация жениха о принятии ее от опекуна (см. § 4-5 пехлевийского контракта). Не менее важное место в формуляре занимали декларации обязательств, принятых соответственно невестой и женихом. Обязательства, принимаемые невестой, сводятся к обещанию выполнять супружеский долг и подчиняться власти мужа (см. § 5). Жених обязуется обращаться со своей женой в соответствии с ее рангом полноправной жены и хозяйки его дома, обеспечивать ее одеждой и пропитанием, а рожденных ею детей обязуется считать своими законными детьми. Он наделяет ее личным доходом (выделяет ей долю из своего имущества)⁸³, а также обязуется к уплате *kārān'a* — фиксированной гарантийной суммы (= платежное обязательство жениха по отношению к своей будущей жене на случай развода), размер которой определен в 3 тыс. драхм серебром. Уплата этой суммы гарантируется женихом под залог эквивалента из всего его настоящего и будущего имущества (§ 6-7).

Заслуживает внимания отсутствие в пехлевийском формуляре пункта о приданом. Это следует, видимо, приписать тому, что основной акцент здесь лежал — наряду с формально-правовыми аспектами заключения брака — на конкретных обязательствах, принимаемых женихом в отношении своей будущей жены, вопрос же о приданом жене, поскольку он регулировался на общих основаниях, мог и не включаться в формуляр. Размер, как и состав, приданого не был, разумеется, фиксированным и по нормам мранского обычного права совпадал с личной долей женщины в наследстве ее отца. В силу последнего обстоятельства термин *vānriyāgān*, основное значение которого "личная доля (сына/до-

черь в отцовском имуществе)", стал в среднеперсидском (как и в парфявском) синонимом термина "приданое"⁸⁴. Именно в этом значении мы встречаемся с ним в Судебнике⁸⁵, но также и в вв Судебника (например, в Р. VI. 14, 15). Приданое упоминается, однако, в согдийском брачном контракте, в основном тексте, где оно выражено в одном месте (Nov. 3. В 25) термином "утк(?)", в другом (Nov. 3, V 5-6) — "урб 'эт 'личная доля (дочери в отцовском имуществе)", в обоих случаях в клаузуле, предусматривающей возможность развода. (На правовом режиме приданого мы остановимся подробно в связи с имущественными правами супругов, а также в связи с разводом.)

Мужчина мог вступить в брак *rātiḫāyīh* только по достижении совершеннолетия, после прохождения им в возрасте около 15 лет зороастрийской конфирмации с ивеститурой священного пояса, т.е. став лицом вполне правоспособным. Для женщины, как у лица в любом случае подвластного, подобного ограничения не было. Обязательной считалась принадлежность брачавшихся к одному и тому же сословию, принцип же эндогамии внутри агнатической группы (см. разд. II, гл. I) мог нарушаться. Требовалось также согласие девушки на брак: отец, хотя и мог передать свою дочь против ее воли в опеку другому лицу, не имел права насильно выдавать ее замуж (см. 36, 9-12; 36, 12-16; 89, 15-17). Для вступления девушки в брак этого типа она не должна была быть ничьим стуром, ни эпиклерой отца или брата; это условие нашло свое отражение также и в пехлевийском образце брачного контракта (§ 2).

Несмотря на широкое распространение в Иране моногамии (имев в виду полноправный брак), наличие у мужчины одновременно двух и более жен, состоящих с ним в браке *rātiḫāyīh*, было явлением вполне обычным и отнюдь не ограничивалось рамками царской семьи, для которой обычай этот хорошо известен уже у Ахеменидов. Судебник содержит прямое указание о практике многоженства у иранцев и в сасанидский период (см. AI, 2-6).

Правовое положение супругов. Правовое положение мужа. Патриархальная и супружеская власть

Как уже отмечалось выше, мужчина, вступивший в брак *rātiḫāyīh*, являлся вполне правоспособной личностью, даже если был жив его отец или дед, являвшийся главой семьи и авторитету которого внутри семьи он должен был подчиняться⁸⁶.

За пределами семьи в области частного права и общественной жизни он был совершенно независим от своего *paterfamilias*, но жена его в таком случае

становилась под патриархальную власть этого последнего, подчиняясь, кроме того, супружеской власти своего мужа⁸⁷. Власть патриархальная и власть супружеская могли быть, таким образом, отделены одна от другой. О патриархальной власти речь будет идти дальше, в специальной главе (разд. II, гл. ?), но, прежде чем перейти к вопросу о супружеской власти, следует остановиться на обязанностях мужа в браке данного типа.

Об основных обязанностях мужа упоминает, в частности, шестой пункт пехлеvidского брачного контракта. Это, во-первых, обязанность обеспечить жене надлежащие почет и положение хозяйки дома, а следовательно, обязанность призвания всех связанных с этим прерогатив жены. Во-вторых, обязанность содержать жену, обеспечивая ее пожиточно пропитанием и одеждой (см. также Судебник, 32, 12-14; 33, 9-11), причем даже в случае наделения жены личным доходом содержание ее шло из средств семьи мужа (см. 30, 10-11; 47, 8-11). В-третьих, обязанность призвания своими законными детьми и наследниками всех рожденных ею в браке детей. Эта обязанность распространяется и на детей, прижитых женой от другого мужчины, которому она была передава во временный брак (см. ниже), со всеми вытекающими из этого призвания последствиями (содержание детей, включение их в число преемников, наделение долей в наследстве и т.п.).

Говоря о супружеской власти мужа над женой в иранском праве, следует оговорить, что это понятие объединяет целый круг прав мужа, из которых часть является действительно правом из власти, другая же представляет скорее права из опеки. Общая тенденция развития шла в сторону ослабления прав из власти, все большего перевеса прав из опеки и даже появления отдельных элементов эмансипации женщины (аналогичная тенденция была характерна и для патриархальной власти).

К числу прав из власти следует отнести право продать жену (как и детей — из патриархальной власти) родичу-агнату (см. 33, 6-9; ср. 33, 13-17). Согласно статье Судебника, действие этого права ограничено специальным условием — состоянием крайней беспомощности мужа (и отца) и полным отсутствием средств к существованию. Хотя на практике право это использовалось, видимо, редко (в сасанидскую эпоху, во всяком случае) и, несомненно, восходит к правовому наску Авесты, оно существенно для определения пределов власти мужа (и отца), особенно же как реликт, характеризующий более древнее положение; оно показательное для эволюции власти мужа над женой. Отголосок этого права имеется и в приложенном к согдийскому брачному контракту доку-

менте об обязательстве мужа, данным им опекуну извести (Лов. 4, в II-12), в котором жених берет на свои обязательство не продавать свою жену и не отдавать ее в качестве долговой рабыни.

К рассматриваемой группе прав относится право мужа передать жену во временный брак, даже не спрашивая ее согласия (см. IOI. 4-8), так и его право требовать от жены беспрекословного подчинения его авторитету, подчинения, определяемого в юридических текстах термином *ḡamān-buḡtāḡiḥ*, также *ṭaḡmā-kāuḡiḥ*. Нарушение женой этого положения — уклонение от выполнения своих супружеских обязанностей и распоряжений мужа — открывало последнему право на целый ряд легальных действий против жены⁸⁸. Так, если жена повинна в непослушании (*ṣṭaḡṭakā-ūḡiḥ*), то она теряет в пользу мужа доход, которым она была наделена, а также имущество, получаемое ею в собственность или в совладение⁸⁹. Неповиновение жены является основанием для расторжения мужем договора о сотовариществе или лишения ее переданного ей ранее права передачи вещи другому лицу. Оно дает мужу достаточное основание для расторжения брака с женой и при отсутствии ее согласия на развод (Niv. Ш. АБ. VI, 5-6). Сасавидские юристы ставили знак равенства между неповиновением жены и детей мужу и *raṭerḡamīlīna* и неповиновением раба его господину, объединяя их, таким образом, в одну категорию подвластных лиц (A4, I5 - 5. 2; ср. A5, 2-6; A5, 8-15). При самом различном содержании действия правовая сущность была одна — проступок против права власти, как были равны легальные последствия. Однако во избежание произвола со стороны мужа было дано определение понятия "неповиновение". Проступок должен был быть совершен трижды и быть публично объявлен в судебном порядке. Муж в таком случае получал "документ о неповиновении" (*āḡr ḡ raṭ ṣṭaḡṭakā-ūḡiḥ*), который только и мог дать ему право на соответствующие действия (A5, 6-8; A6, 2-5; A7, 2-7; A7, II-13). Жене резервировалось право публично отвергнуть предъявленное ей мужем обвинение и доказать свою невиновность (A5, I5 - 6. I).

Следует остановиться также на общем праве мужа на все имущество, приобретаемое женой (точнее, передываемое ей) в браке (в случае отсутствия у жены специальных прав из договорных соглашений, стипулированных ее мужем, как, например, из договора о сотовариществе и т.п.). Именно в силу наличия у мужа этого права возникла норма, по которой для приобретения женой вещи, передаваемой ей третьим лицом, требовалась декларация мужа об отречении от своих прав на эту вещь (формула: *ṣal*

andag nē arāyēt 'мне не нужно') либо, что равносильно, декларация мужа о его согласии на передачу вещи жене (19, 7-10; А4, 5-10). Если же в связи с передачей вещи женщина муж этой женщины заявляла о своем согласии принять вещь или произносила формулу "мне нужно", то вещь доставалась ему, а не его жене (А4, 5-10)⁹⁰. По той же причине все передачи, совершенные мужем жене, и все касавшиеся имущественных прав соглашения, которые муж заключил с ней, аннулируются в случае развода супругов, а имущество возвращается мужу⁹¹.

Это основанное на власти общее право мужа на приобретаемое женой имущество имело уже ограниченную сферу действия. По сути дела, оно вступало в силу в случае деликта со стороны женой (в частности, деликта неповиновения) или развода с ней, а также в случае отсутствия у мужа своих средств к существованию (32, 16 - 33, 1). У мужа было также право узуфрукта в отношении приданого жены (101, 11-15; А2, 7-11), и при особых обстоятельствах он мог даже воспользоваться самим приданным (основой), но обязан был впоследствии возместить жене убыток. Закон уже пресекал покушения мужа на имущественные права жены там, где права эти были стипулированы в юридическом акте (см. 20, 13-16; 32, 1-4; 62, 2-9; А4, 5-10). Исключение составляло право мужа распорядиться имуществом, уже переданным жене (равно отцом детям), если это новое распоряжение преследует культовые цели (учреждения "для души", основание алтаря Огня, см. 31, 8-15).

Все остальные преимущественные права мужа оеред женой формально относятся к числу прав из опеки. Брак rātiḫāyūīn предполагает опеку мужа над женой: он не может считаться расторгнутым, если не имело места специальной декларации мужа о сложении с себя опекунских прав над женщиной и о передаче ее в опеку другому лицу (см. 3, 9 - 5, 3; 87, 3-7; 87, 7-10). Не только способность жены приобретать имущество зависит от воли ее мужа, но и ее право распоряжения принадлежащим ей имуществом ограничено волей и контролем ее мужа. Отчуждать вещь она может только с разрешения мужа (А6, 14 - 7, 2). Все юридические сделки совершаются ею либо совместно с мужем, либо по специально данному ей полномочию; но даже и в этом случае муж вправе отменить совершенную женой сделку в трехдневный срок с момента ее заключения, как если сделка была заключена им самим (А12, 3-7).

Процессуальная правоспособность женщины, состоящей в полноправном браке, также была ограниченной. Как правило, она

могла выступать в суде только совместно со своим мужем или опекуном. Но если она совместно со своим мужем получала ссуду, то уплата долга могла быть востребована полностью у жены, и в таком случае жена могла самостоятельно выступать ответчицей по ссуде (см. АЗО, 10-12)⁹². Двухлетняя ответственность с нее, очевидно, не снималась, но если на глазах мужа и в ведома ее мужа (или опекуна) ее был совершен акт физического насилия, то муж (или опекун) разделял с ней ответственность за ее проступок, подобно тому как господин в аналогичном случае отвечал за деликт, совершенный его рабом (I, 4-6). Выступать свидетелем в суде она также не могла одна или вместе с другой женщиной, но это правило не всегда соблюдалось (98, I-5).

Положение жены в браке этого типа представляется в следующем виде. Она — хозяйка дома (*katak-bānīk*)⁹³ и мать законных детей и приемников своего мужа, которому она является также помощницей в делах, имеющих отношение к культуре. В соответствии с этим достоинством своего положения у нее имеется ряд прав как при жизни мужа, так и особенно в случае его смерти.

У нее есть право на личную собственность, также и на такую, на которую упомянутое выше право мужа не распространяется, при разводе она уносит это имущество с собой. В эту особую категорию входило следующее: а) принесенное ей в дом мужа приданое, *vāvarīhgaḥān*, представлявшее ее личную — дочерью — долю в имуществе ее отца, на что указывает и сам термин⁹⁴; в отношении этого имущества муж обладал лишь правом usufructa, о чем уже упоминалось выше; б) личные вещи и подарки, полученные женщиной при вступлении в брак от ее семьи или опекуна; возможно, это имущество определено в Судебнике термином *rābīkān* (?) / *ra(ṣ)vākān* (?)⁹⁵; в) имущество, переданное ей в период брака со стороны третьего лица в личное владение или собственность, причем по легально оформленной передаче и при наличии декларации мужа о его отречении от своих прав на приобретение этого передаваемого его жене имущества. В эту группу можно включить и *kārēn* (> арм. *karēn-k^c*, н.-перс. *kābīn*) — ту фиксированную сумму денег (или ее вещный эквивалент), которая в соответствии с гарантийным обязательством жениха в отношении своей будущей жены должна была быть выплачена ей (= ее отцу или опекуну) в случае развода, последовавшего не по ее вине. В пехлевийском образце брачного контракта сумма эта определена равной 3 тыс. драхм серебром, но размер ее мог, разумеется, варьировать в зависимости от социального и имущественного статуса. Впрочем, в данном случае речь идет лишь о праве жены на

это обеспечение, праве, на практике редко вступающим в силу и еще реже открывавшемся для нее явно, ибо *kārēn* передавался — правда, в интересах разведенной женщины — семье ее отца.

Наряду с этим неотъемлемым имуществом жена могла получить от мужа те или иные имущественные права в виде дохода, специально выделенного ей при заключении брачного контракта, или же приобретений, возникающих из дарений и договорных соглашений уже в период брака⁹⁶. О правовом режиме этих приобретений уже говорилось выше. Они не только определялись волей мужа и аннулировались в случае расторжения брака, но и были ограничены в предмете передачи: жене нельзя было передавать (в собственности) недвижимость ("дом, землю, воду и растения"), рабов она могла приобрести не более двух (33, 9-II). Волею мужа определялось также и участие жены в юридических сделках (получение совместно с ним ссуды от третьего лица, совершение обмена по его поручению и т.п.).

После смерти мужа жена переходила под опеку его совершеннолетнего сына, в отсутствие у мужа совершеннолетнего сына — под опеку одного из его агнатов (обычно ближайшего). Но бездетный мужчина мог по завещанию возложить на свою жену от полноправного брака полномочия своего преемства, и тогда она становилась *стуром* семьи (*dūtak vtar*) или *стуром* своего мужа, обязанной дать ему сына-преемника. Не останавливаясь на институте *стурства* (о нем речь пойдет дальше), здесь в связи с изложением правового положения жены отмечу только, что преемствообязанной (= *стуром*) своего покойного мужа и его семьи женщина могла стать не только в силу соответствующего волеизъявления покойного: в известных ситуациях это право и обязанность доставались ей по призванию, как его вдове от полноправного брака. Так, если муж учредил *стуром* семьи своего агната, а тот отказался от принятия *стурства*, то преимущественное право на *стурство* семьи покойного получает его вдова. Хозяйке дома — вдове, ставшей *стуром*, неизменно определяется опекун⁹⁷ из круга агнатов ее покойного мужа, и все правовые действия (в том числе погашение долговых обязательств покойного) совершаются ими совместно или же опекуном без участия вдовы⁹⁸. Вдова может исторично вступить и брак *rātiḫāyūh* со своим "естественным" опекуном (*wardār ī būtak*) или с приемным сыном своего мужа (70, 3-12). Если же она вступила в брак с опекуном "назначенным" (*wardār ī gowārtak*), то по достижении ее сыном совершеннолетия — он становится тем самым ее "естественным" опекуном —

необходимо было его согласие на продолжение этого брака матери (26. 3-5).

Женщина могла быть учредительницей целевого имущества "для думи" и сама осуществлять попечительство над ним; вдова от полноправного брака считалась подходящим лицом для попечительства над Огнем, учрежденным "для думи" ее мужа, и не имела права отказаться от обязанностей попечителя над целевым учреждением⁹⁹.

Когда после смерти главы семьи производился раздел наследственного имущества, вдова его от полноправного брака получала право на долю в этом наследстве, *batr i katak-bāshik/bā-pākhin*, равную сыновней; при неразделенном наследстве вдова становилась сотоварищем¹⁰⁰. Она также имела право выдать дочь замуж, но только если опекун семьи не был "естественным" или учрежденным ее покойным мужем (27, 16 - 28. 5).

Расторжение брака *rātixhāuīn* было возможно по инициативе любой из сторон, но обязательно с согласия обеих¹⁰¹. Согласии жены на развод не требовалось: 1) если она повинна в проступке неповиновения, в колдовстве или в прегрешениях религиозного характера¹⁰²; 2) в случае бесплодия женщины в течение десяти лет с момента ее вступления в брак¹⁰³. Расторжение брака *rātixhāuīn* с правом перевода его в брак другой категории было неизбежно, если жена в силу отсутствия у ее отца (или брата) преимущественного мужского пола оказывалась в волоке или эпилерм или получала стурство со стороны¹⁰⁴, как и в том случае, очевидно редком, когда уже после заключения брака обнаруживалась неправомерность женщины вступить в брак данной категории.

Как в заключение брака *rātixhāuīn*, расторжение его было публичным и официальным; на основании декларации мужа (и, видимо, подтвердительного заявления жены) составлялся имевший официальную правовую силу бракоразводный документ — *hiliāp-nā-mak* (87, 7-10). Необходимым пунктом бракоразводной декларации было определение относительно опекуна¹⁰⁵. Брак считался расторгнутым только в том случае, если муж снял с себя опекунство над женой, определив ей другого опекуна; новым опекуном становился в соответствии с этим определением отец жены или иное лицо, являющееся в данный момент опекуном семьи ее отца, либо новый муж женщины, если первый муж, разводясь, выдавал ее замуж. Но если муж, слагая с себя при разводе опекунство, предоставлял ей статус "самоопеки" (*pat xwē tān aardār*)¹⁰⁶, не передавая ее никому, то такой развод считался неполноценным в

рассматривался как предоставление женщине права вступить в брак *ḡakar*. Развод был недействителен при передаче мужем жены во вторичный брак и в опеку другому лицу, если это лицо, принимая женщину в жены, отказывалось от принятия опеки над ней: отказ от опеки над женщиной сасанидскими приставами расценивался как отказ от брака с ней, а сам казус приравнивался к передаче вещи при отказе другой стороны ее принять (см. 4, 14 - 5, 3; 87, 7-10). При нерасторгнутом не должным образом первом браке женщина продолжала считаться женой своего первого мужа и лишалась возможности вступить вторично в брак *ratixbāwīn* с другим лицом; ее вторичный брак в таком случае мог быть только формы *ḡakarīn*, и дети, родившиеся у нее от второго брака, принадлежали ее первому мужу (см., например, 3, 15 - 4, 1).

Прежде чем говорить об эффекте развода на имущественные права женщины, целесообразно остановиться на правовом режиме приданого в той мере, в какой вопрос этот намет отражение в тексте Судебника. Как уже упоминалось выше, выделенная из имущества ее отца личная доля женщины, ее дочерняя доля (*ḡarḡ I duxīn/xvābīn*, *vāzraḡgān*), приносилась ей в качестве приданого в семью мужа. Но хотя приданое женщины и включалось в состав имущества ее новой семьи, став правомерным владением (*xvābīn*, см. 51, 12-16) этой последней, правовой режим у него был особый. В отношении приданого жены муж обладал лишь правом usufrukta (101, 11-15; 42, 7-11), и если, не имея иных средств для обеспечения существования семьи, он воспользовался этим имуществом (- его "основой"), то обязан впоследствии возместить причиненный ему ущерб (32, 16 - 33, 1). В случае призвания замужней женщины к эпиклерату семьи отца или к стурству муж возвращает ей приданое; если же дочь ее призывается в эпиклеры своего деда по матери, то приданое матери приобретается ею на началах стурского владения (24, 4-7; 41, 13-14; 43, 1-4). При разводе судьба приданого, а также принадлежащего жене имущества и ее прав на его приобретение решалась по-разному, в зависимости от обстоятельств, послуживших основанием для развода. Там, где основанием являлось бесплодие женщины или нежелание супругов продолжать брак, жена уносила с собой приданое и свои личные вещи (*vāzraḡgān ut ruḡk'n/ra'k'n*), равно и в случае передачи мужем жены во временный брак другому лицу; в этом последнем случае по истечении срока временного брака жена возвращалась к своему полноправному мужу (ее брак с ним, собственно говоря, и не расторгался) вместе с приданным и иными своим имуществом, унесенным

ее при вступлении во временный брак (4. II-13; A2, 7-II; по ср. IOI, 4-8). Но жена лишалась своего приданого, отходившего к ее мужу, если она самовольно вступала в неофициальный брак с другим человеком (IO6, 7-9). Гарантийная же сумма (кārēn), estipулированная мужем при заключении брака, выплачивалась семье жены, видимо, лишь если развод имел место по вине мужа или вследствие какого-то проступка, совершенного им в отношении жены, или нарушения им условий брачного контракта.

Развод из любых оснований приводил к расторжению соглашения между супругами о передачах имущества и о сотовариществе в доходе¹⁰⁷, а разводясь с мужем по своей инициативе, жена лишалась и всего приобретенного ею в браке, включая подарки, полученные ею от мужа¹⁰⁸.

Развод, совершенный по полной юридической форме, открывал женщине право вторичного вступления в брак типа rātiḫbāuīh: выдавал ее замуж либо ее первый муж в момент своего развода с ней (развод с передачей в новый брак), либо позднее ее опекун¹⁰⁹.

Г л а в а 4. Брак ḡakarīh

Форма брака, именуемая karīh I ḡakarīh/ḡakarīhā, может быть сопоставлена с засвидетельствованной уже в Ригведе (X, 40) древнеиндийской piyoga — браком вдовы с агнатом-varidā или maḡotra (чаще всего с братом) покойного мужа, под опеку которого она переходила. Рожденный от этого союза сын, kvetraja, становился сыном и преемником покойного, с которым она состояла в полном браке (kvātra vivāha), совершенно аналогичном рассмотренному уже выше иранскому браку rātiḫbāuīh. Еще с прошлого столетия в научной литературе проводились и более широкие сопоставления данной формы брака с дениратом у мусульман, как и с различными вариантами создания преемства бездетному (так называемое Erzeugungshilfe) у индоевропейских народов древности. Как это можно заключить из авестийской традиции, рассматриваемая форма брака была хорошо известна обществу Авесты¹¹⁰, но она, несомненно, восходит к гораздо более глубокой древности и имела широкое распространение среди различных западноиранских племен еще до возникновения зороастризма и его проникновения в западные области. В качестве древнейших известных нам примеров такого брака в Западном Иране можно привести брак Бардии с женами Камбиза и брак Дария с вдовой Бардии.

Термин *ḡakar* (написания: *ḡk1, ḡg1*), которым обозначается данный институт в пехлевийских текстах (в дошедших до нас частях Авесты он отсутствует), выступает в качестве определения женщины, состоящей в браке этого типа (*van I ḡakar*), что, по-видимому, является основной — если не первичной — функцией этого слова, которое, однако, нередко встречается и в качестве определения к ее мужу в этом браке (*ḡōu I ḡakar*), к самому браку (*van I ḡakar/ḡakar I nā*), как и к родившимся в нем детям (*ḡazand/rus/duxt I ḡakar*); во всех случаях он выступает в противопоставлении — выраженном или подразумеваемом — к определению *rātaxāu/rātaxāu I n*. Этимология слова пока точно не установлена. Поскольку в рукописях, отражающих более консервативную (= раннюю) орфографическую традицию, как, например, в рукописи Судебника, слово повсюду пишется *ḡk1*, то представляется естественным, следуя за Х.Бартоломэ^{II1}, рассматривать это написание как историческое и анализировать само слово как древнее образование от редупликативной основы корня *kar-*. Параллельная форма с долготой гласного в слове удвоения хорошо засвидетельствована со значением "слуга, раб" в н.-перс. *ḡakar* (ср. согд. *ḡūt* и осет. *сауат*, заимствованное из новоперсидского через тюркское посредство). Следует отметить, что в персидских риваятах интересующий нас пехлевийский термин в большинстве случаев передан н.-перс. *ḡakar*, а в одном из этих риваятов сказано, что в качестве стуря своего первого ("полноправного") мужа вдова должна вступить в левиратный брак с его агнатом *va-ḡakarī-uy ḡōu-uy rēš I n* "в услужение своему первому мужу"^{II2}. В этой связи кажется не лишним интереса и то обстоятельство, что в согдийском брачном контракте с горы Муг в клаузуле, в которой жених берет на себя обязательство не вступать без разрешения своей будущей жены в побочный брак, побочная жена определена словом *'ar'vukh*, букв. "служанка"^{II3}; прямого указания, однако, на то, что здесь имеется в виду брак *чакар*, нет.

Иное объяснение было предложено Г.Кингеммиттом^{II4}. В противовес сторонникам первой гипотезы, считающим написание *ḡk1* характерное для рукописей поздней орфографической традиции, нормальным фонетическим, отвечающим позднему произношению (*ḡakar < ḡakar*), Г.Кингеммитт принимает его за основное, тогда как написание *ḡk1* он считает псевдоисторическим. Пехлевийский термин, который восстанавливается им как *ḡagt*, следует, по его мнению, строго отличать от н.-перс. *ḡakar* как вследствие различия в долготе гласного в первом слове, так и по се-

маклическим причинам; форма же слова, засвидетельствованная в персидских риваятах, приписывается им народной этимологии. По Кинигенмитту, пехлевийский термин воспримает не докедлев до нас авестийское слово ²бауга- 'дательница (дотел мужу от полноправного брака)' — образование с распространением на -г- от корня ²баг- 'давать' (ср. ав. багамап- 'дар', иран. ²раті-багдуа- в ср.-перс. рабб, ншрабб, арм. ратбеп 'копья', согд. р'тотуу 'ответ'). Эта гипотеза грешит, однако, во многих местах, чем предыдущая, как в части обоснования, так и в части семантики, и для решения этого вопроса необходимы новые данные. Но какова бы ни была этимология термина, обозначающийся им брачный институт достаточно полно освещен в источниках в изложении этого вопроса исследователями стоит на твердой почве.

Наиболее обширную информацию об этом институте содержат Судебник в пехлевийские риваяты (особенно Риваят Эмета), но данные о нем имеются и в других пехлевийских текстах, а также и в персидских риваятах, поскольку институт этот продолжал существовать и в зороастрийских общинах позднего средневековья, пока не был вытеснен полностью (очевидно, лишь в XIX в.) менее архаичным и более простым способом создания преемства бездетному посредством усыновления^{II5}. По этим данным, брак чакар — это брак вдовы с агнатом своего мужа, и потомство, рожденное в этом браке, принадлежит ее первому мужу, с которым она состояла в браке ратіхбуга. Смерть мужа ее первый брак не расторгался, и в религиозном, как и в правовом, отношении он сохранялся в силе и по вступлении женщины в брак чакар. Хотя жена-чакар и переходила под опеку мужа-чакар, супружеская власть над ней оставалась за ее первым мужем и она продолжала оставаться его женой также и в культовом плане. В силу этого обстоятельства при браке чакар не могло быть развода; единственным основанием для расторжения брака-чакар была противозаконность самого заключения этого брака, например если вследствие ошибки человек вступил в брак чакар с женщиной, с которой он был вправе вступить в брак полноправным^{II6}. Женщина, состоявшая уже в полноправном браке и в случае отсутствия партіае сожизнатио с ее первым мужем, могла вступить с другим лицом лишь в брак типа чакар, равно как и невеста, жених которой умер^{II7}. Более того, для заключения брака чакар смерть мужа или жениха, с которым она была официально помолвлена, не была обязательна: невеста, отказавшаяся от своего жениха, как и полноправная жена, муж которой, разводясь с ней, не передал ее со всеми формальностями в жены другому лицу или не вернул ее в

отчий дом, вправе была рассчитывать на вступление в брак только данной формы¹¹⁹.

Хотя по своему происхождению брак чакар и восходит к браку бездетной вдовы с ближайшим агнатом ее покойного мужа и продолжал оставаться по преимуществу таковым также и в сасанидский период, жена-чакар могла и не быть вдовой, а мужем-чакар мог оказаться и отдаленный агнат ее первого мужа, определенный им по завещанию опекуном (*wardār ī kartak*), или опекуном "назначенный" (*wardār ī dīnārtak*), и даже лицо, не состоявшее с ним в родстве. Правовая сущность данной формы брака заключалась не в родственных узлах, связывавших первого мужа со вторым (в сасанидский период этих уз в принципе могло уже и не быть), а в признании законного преемства (также и культового) только в рамках полноправного брака и в противопоставлении брака *сина мами magiti* браку *вине мами*. Вступление в брак чакар не делало женщину агнаткой мужа-чакар: она продолжала оставаться агнаткой своего первого мужа и могла быть агнаткой мужа-чакар только через это посредство, а именно если оба ее мужа были родичами. Точно так же ее дети от мужа-чакар не считались агнатами детей мужа-чакар от его полноправного брака: они могли оказаться агнатами лишь в частном случае, если первый муж их матери, законными детьми и преемниками которого они считались, был агнатом их родного отца (- мужа-чакар их матери), и этим же фактором определялся порядок агнатического родства (там, где оно имелось) между единокровными братьями (и сестрами), рожденными от браков разной формы¹¹⁹. Для иллюстрации этого положения достаточно привести формулировку одной статьи Судебника (27, 14-15): "Опекуном семьи (умершего *patērfamiliav.* - А.П.), в которой имеются несовершеннолетние (дети от полноправного брака), нельзя назначать (его) сына от брака-бакаг, так как он не состоит в родстве с несовершеннолетними детьми этой семьи". Но вместе с тем муж-чакар становился опекуном детей-чакар (48, 3-7)¹²⁰, и, поскольку в силу традиции мужем-чакар женщины становился обычно агнат ее мужа от полноправного брака, дети-чакар (также и внуки) могли призываться к стурству отца (и деда)-чакар (41, 5-8; 42, 9-14; 48, 3-7), разумеется, если у последнего не было потомства от полноправного брака (см. также примеч. 110).

В соответствии с изложенным выше жена-чакар не могла претендовать на долю в наследстве, оставленном мужем-чакар, как не могли претендовать на доли и этом наследстве дети, рожденные ею в этом браке, но наследовавшие мужу-*ratixāuīnā* своей

матери, исключая, разумеется, тех, которые были усмновлены отцом-чакар¹²¹. Все полученное ею из наследства или передач первого мужа доставалось ее детям, не усмновленным мужем-чакар и не несущим его стурства¹²². В случае отсутствия у нее детей это имущество возвращалось в семью ее первого (= полноправного) мужа: в качестве фонда на стурство ее покойного мужа оно передавалось на попечение его ближайшему агнату¹²³. Но муж-чакар мог вступить с ней в договорные отношения, например заключить с ней контракт о сотовариществе, и тогда одна из сторон была правомочна после смерти другой выставлять претензии на прав, обусловленных данным контрактом (28, 7-9; 32, 1-4; 47, 17 - 8, 2).

И в браке чакар муж, если он не имел собственных средств к существованию и не мог в силу особых обстоятельств их приобрести, был вправе претендовать на содержание из личного имущества жены-чакар и рожденных ею детей; но в отличие (?) от аналогичного случая при полноправном браке муж-чакар обязан возместить им потраченные на него средства (32, 16 - 33, 1).

Для жены-чакар были обязательны те же нормы поведения и повиновения мужу-чакар, являвшемуся также ее опекуном, какие были обязательны для жены в полноправном браке. Нарушение ее этих норм считалось деликтом (*atagaakāyīh*) степени *ғамāh* и влекло за собой потерю — полную или частичную — имущественной и обязательной правоспособности; заключенные с ней соглашения теряли силу, а имущество, полученное ею по передачам от мужа-чакар подлежало возврату¹²⁴.

Как уже отмечалось выше, брак-*бакар* не знал развода, однако при известных обстоятельствах возможно было превращение брака вдовы с ее опекуном в брак полноправный, а именно: ее сын, достигнув совершеннолетия, становился "естественным" опекуном своей матери, и тогда он был вправе, если он того желал, санкционировать вступление матери в полноправный брак с ее мужем-чакар. Таким образом и опекун, определенный вдове ее мужем по завещанию (*вардāg ī kartak*), мог при желании обратить свой брак чакар с ней в брак полноправный (разумеется, если ее покойный муж был уже обеспечен преемником), однако это не было, видимо, повсеместной нормой¹²⁵.

В заключение предлагаемого очерка необходимо добавить, что как отдельные детали этого брачного института, так и его место в структуре иранской семьи станут более ясными при рассмотрении его совместно с эяклератом (см. следующую главу) и в контексте общей системы преемства и наследования в иранском праве.

Глава 5. Эпиклерат и брак эпиклеры

В Судебнике, риваятах и в пехлевийском брачном контракте многократно засвидетельствован термин, написание которого 𐭮𐭩𐭬𐭭, 𐭮𐭩𐭬𐭭, 𐭮𐭩𐭬𐭭. Институту, который он обозначал, в Судебнике отведена отдельная глава (21, 4 - 24, 10). Х.Бартоломэ, воздерживаясь от чтения самого слова, толковал его как *Nadelgeld*, 'деньги на булавы', выдававшиеся женщине ее отцом или опекуном¹²⁶. Однако ни один из контекстов, в которых отмечается этот термин, не дает оснований для подобной интерпретации: он обозначает лицо женского пола, а не имущество или деньги и часто выступает в сочетании со словами *pit*, *brāt*, служащими определением ('Х. отца/брата').

Верное в целом определение значения этого термина дано в работе А.-А.Мазахери¹²⁷, сделавшего вывод, который напрашивался с очевидностью из всех контекстов, а именно что речь здесь идет о браке эпиклеры - дочери-"наследницы" ("*marriage d'une fille enfant unique*"). Вряд ли можно принять, однако, предложенное им чтение термина - *ēvak*, *ēvakīh*, несомненно навеянное представлением о "единственной (дочери)". Такое же чтение, с некоторой модификацией, *ēvakēn* - у А.-П. де Менаша¹²⁸. Из контекстов ясно, что обозначавшемуся этим термином лицу совсем не обязательно было быть единственной дочерью своего отца: казус возникал и тогда, когда дочерей было несколько. Суть его состояла в отсутствии у *patrifamilias* к моменту его смерти сына-преемника. Тот же казус возникал и тогда, когда взрослый мужчина умирал, не имея ни детей от полноправного брака, ни брата-сотоварища, но у которого была сестра, одна или несколько: тогда одна из них становилась Х. своего брата.

Следовательно, в основе данного термина нужно предполагать тот или иной вариант выражения идеи обязанности создания преемства лицу, не оставившему прямого преемника, а отнюдь не идея "единственности". И хотя обычно этот термин употреблялся применительно к дочери или к сестре субъекта, о преемстве которому идет речь, он не выражает сам по себе идея родственной связи, будь то отца с дочерью (идея "дочеринства") или брата с сестрой. Так, например, в 49, 2-3 рассматривается возможность для вдовы-чакар стать Х. своего мужа-чакар, не обеспечившего, очевидно, себе преемства от полноправного брака.

Здесь мы имеем, видимо, дело со словом, извлеченным из правовых наслов Авесты, с еще одним представителем "ученой"

лексемы в пехлевийских текстах. На это указывает, во-первых, графическая модель термина, в середине которого, кажется, присутствует сочетание *-wk-* (*wāw + kaḡ*), передающее обычно в пехлевийской письменной традиции ав. *ō* в исходе первого компонента словосложения там, где передаваемый авестизм представляет композит¹²⁹. Во-вторых, уже в названии главы Судебника (21, 4-5) интересующее нас слово входит в определительную синтагму, вторым членом которой является авестийская глосса *uō hē rawbāta*, переданная как авестийскими буквами, так и в пехлевийской транслитерации (*uwk h(y) ra'but'*). Это авестийское выражение (букв. 'который ему тогда/затем') латентно самостоятельного смысла; им, очевидно, открывался пассаж в *не дошедшего до нас* юридического пассажа Авесты, в котором рассматривался вопрос создания преемства лицу, не имеющему сына, вследствие чего оно приобрело благодаря отсылкам на этот текст в трудах комментаторов Авесты значение технического термина для передачи понятия "легат/легатарий создания субститутивного преемства"¹³⁰. Такое именно значение авестийской глоссы устанавливается с несомненностью из статей Судебника (47, 7-II; 47, II-12; 69, 6-9), в которых речь идет не о дочери (или сестре)-эпиклере, а о приобретении имущества (мужчиной) на началах стурского владения: здесь *uō hē rawbāta* синонимично *stūrīh*. Следует отметить также, что в упомянутой выше синтагме авестийское выражение выступает в качестве термина более общего, определяемого, которому интересующее нас слово, по значению более конкретное, служит определением, стоящим в препозиции. Следовательно, уже в названии данной главы Судебника загадочный термин охарактеризован как обозначение какой-то определенной разновидности легата или фидеикоммисса создания субститутивного преемства или лица, таким легатом обремененного. Но и далее, почти во всех статьях этой главы, можно констатировать синонимичное (заменяющее друг друга) употребление этого слова-загадки и терминов *stūrīh*, *uō hē rawbāta* и *aragmānd ī rat stūrīh* (= наследопреемство/наследопреемник(-ца) стурского типа)¹³¹. Такие факты имеются и вне этой главы, например в параграфах 87, 2-3; 87, 17 - 90, I. Можно отметить и особенность интересующего нас слова: в отличие от других терминов этого круга оно нигде не применено к лицу мужского пола и является, следовательно, специальным термином для эпиклеры.

Итак, точное техническое значение термина ясно, имеется также основания полагать, что слово это является авестизмом. Как же оно раскрывается? На основании графической модели, ука-

зывается скорее на словосложение, второй элемент которого начинается на *к-* (написание *-wkk-* повсеместно в рукописи Судебника), а также того, что отсутствие у главы семьи (у покойного) сына-преемника, продолжавшего род и культ, считалось тяжким грехом, мною было предложено (в 1964 г.) чтение *'uwkk(°)up'* = *'aēpō.kāēnā-* 'искупительница'¹³². Почти одновременно иная гипотеза была выдвинута Г. Клингеммиттом, который усматривает в иранском термине коррелят санскритского слова *auṅīh*, засвидетельствованного в *Boḥilaḡṛhvaṣṭha* (3, 5) и истолкованного (см. *Kaḡmarḡadīra* 3.9⁴) как "единственное дитя своей матери"¹³³. В соответствии с этим авестийский термин восстанавливается Клингеммиттом как *'auṅāēnī/auaṅāēnī* (*a-privat.* + образование от корня *'uṅ-* 'соединять, сопрягать'), пехлевийское же написание раскрывается им как *'uwkk(°)up'/'uwk(°)up'* (где пехл. *-k-* = ав. *-ḡ-*). Хотя передачу ав. *-ak-/-ū-* (в середине слова) через *-wk-* в пехлеви нельзя назвать обычной, предложенное Клингеммиттом чтение вполне допустимо, также и семантика восстанавливаемой формы хорошо вписывается в техническое значение "эпклера" иранского термина, конечно, если объяснить *'auṅāēnī-/auaṅāēnī-* как "не состоящая в браке (типа *sum manu mariti*)", "не подлежащая вступлению в брачный союз (обычного типа)", а не как его толкует Клингеммитт ("*unverheiratet, ohne Geschwister*"). Наличие же санскритского соответствия придает данной гипотезе большую вероятность.

Эпклерат древнегреческого права хорошо известен и освещен в источниках и в литературе. Он отмечен также и в древнеиндийском праве (санскр. *putrīkā-*). В Иране этот институт всеми своими основными чертами совпадал с греческим и индийским.

В семье, где у отца имеются дочери, одна или несколько, но нет сына, родного (рожденного в полноправном браке) или приемного, как нет брата-сотоварища (= имеющего общую долю в наследстве) или стуря, определенного в завещании *patetfamiliā*, на дочь — на одну из них, по преимуществу старшую, — возлагается обязанность обеспечить преемство своему отцу. Аналогичная обязанность ложится на сестру, совершеннолетний брат которой умер, не оставив ни вдовы, ни детей, родных или приемных. Если сестер несколько, то выбор падает на ту из них, которая к моменту смерти брата находилась под его опекой и имела с ним общую долю в наследстве: она становилась эпклерой брата, *'auṅāēnī ī brāt*. Обычно опекуном сестры становился ее брат-сонаследник, но не обязательно, и в Судебнике рассматриваются различные случаи¹³⁴. Опекунство приобретает решающее значение,

если сотоварищество брата с сестрой не было официально оформлено (23, 13-17; 24, 2-3). Однако сестра не становится автоматически эпиклерой своего покойного брата, если жива еще ее мать, ибо в принципе мать имеет право выдать свою дочь замуж (в полноправный брак; см. 22, 6-8).

Дочь (или сестра), на которую возложена обязанность обеспечения преемства, не вправе вступать в полноправный брак: отец или опекун выдавал ее замуж — обычно за агната — в брак *vine manu*. Она считалась стуром семьи (*stūr ī dūtāk/dūtāk stūr*) своего отца (или брата)¹³⁵, а рожденный ею ребенок (один, во всяком случае) считался законным сыном и преемником своего деда по матери (или: дяди по матери¹³⁶), подобно индийскому *putrikāritra* и греческому *δουατρίδοϋς*. Для компаративиста-лингвиста и социолога небезынтересно должно быть и то, что термин *andāt*, которым обозначен в Судебнике (41, 3, 6, 13; 100, 3; A37, II) рожденный эпиклерой сын, является семантическим коррелятом указанного древнегреческого термина; применялись также и общая для обозначения субститутивного преемника (любой разновидности) описательная форма *andag dūtāk yāt* 'рожденный в семью (покойного)', и ее сокращение *dūtāk-yāt* (42, 5, 14; 110, 2; A20, II; A35, II-14). Дочь-эпиклера, вышедшая замуж при жизни своего отца, остается под его опекой, а после смерти отца переходит под опеку опекуна своей матери, эпиклера же брата попадает под опеку его агната (22, 9-12). После того как у нее в браке *vine manu* родится ребенок, обеспечивающий преемство, опекун эпиклеры (ее отец или агнат) вправе расторгнуть данный брак эпиклеры и выдать ее замуж в брак типа *rātīx-āyūḡ* (24, 4-7). Согласно персидским раваятам, это мог сделать и сын эпиклеры, ставший по достижении им совершеннолетия опекуном своей матери¹³⁷.

Если кризисная ситуация (отсутствие преемника у отца или брата женщины) возникала уже после того, как девушка была выдана замуж в полноправный брак, то брак этот должен был быть либо расторгнут для вступления женщины в новый (брак *vine manu* с агнатом), либо переведен в другую категорию, и женщина становилась эпиклерой своего отца (или брата) и женой-чакар своего мужа¹³⁸. По данным Судебника, однако, отец имел право, определив своим стуром другое лицо, выдать свою дочь замуж и в полноправный брак, даже если она его единственное дитя. Но, разведясь со своим мужем и вернувшись в отчий дом, она после смерти учрежденного отцом стуром станет преемницей стурства отца¹³⁹. Равным образом и дочь, отказавшаяся выйти замуж, стано-

вилась эпкилерой отца, его стурской "преемницей" (89, I7 - I). Эпкилерат (отца/брата) мог достаться и дочери, которую отец передал в опеку своему согражданину¹⁴⁰, как и той, которая без санкции своего отца вступила в половое сожитие (24, 7-10). Но удочеренная другой семьей не могла принять статуса эпкилера своего родного брата (69, I2).

Дочь-эпкилера сама не являлась наследницей своего отца и его подлинной преемницей (как и сестра-эпкилера - своего брата): она была универсальным фидеикомиссаром его преемства - имения, культа, имущества. Это обстоятельство подчеркивается в Судебнике (см., например, 2I, I5 - 22, I; 22, 2-3) и в других текстах. Она получала право на содержание из дохода с имущества отца (или брата, см. Dd. LV, 8), как это имеет место при обременении стурством, не обладая правом распоряжения основной наследства. Если сестра-эпкилера была сотоварищем (= сонаследницей) своего покойного брата, то личный доход ее (доход с ее доли в сотовариществе) не смешивался с доходом и имуществом брата, переданными ей как его эпкилере (см., например, 23, II-13). Преемником и личным наследником отца (или брата) эпкилеры становился ее сын. В случае отсутствия у эпкилери ребенка мужского пола ситуация могла повториться и легат преемства - эпкилерат - переходил к ее дочери, становившейся в этом случае эпкилерой отца матери ("лубуеу I rit I mat, ср. 24, 3-4), и рожденный ею сын считался сыном и наследником своего прадеда по матери.

Равным образом, если вдова, вступившая в брак чаккар, не родила в этом браке сына, который стал бы преемником ее первого мужа, но родила дочь, то дочь эта становилась эпкилерой первого мужа своей матери, рожденный ею сын - его сыном и наследником, а при наличии у нее только дочери для сына этой дочери вполне реальной становилась возможность оказаться официально сыном и наследопреемником первого мужа своей прабабки¹⁴¹. Человек, не имея потомства от полноправного брака или много преемника, мог усыновить дочь, рожденную его женой-чаккар (разумеется, если эта дочь не была единственным ребенком или, во всяком случае, если первый муж ее матери имел другого преемника), и тогда дочь от брака чаккар могла стать эпкилерой отца-чаккар¹⁴².

Г л а в а 6. Прочие формы брака

В двух статьях Судебника (2I, 8-10; 4I, 9-13) и в пехлевийском ривайате Змета (Niv. Sa. Aš. XII, 2, 10-14) в различных написаниях (𐭮𐭥𐭮𐭥𐭮𐭥, 𐭮𐭥𐭮𐭥𐭮𐭥, 𐭮𐭥𐭮𐭥𐭮𐭥) засвидетельствован термин, который Х.Бартоломе (Zav V, 30-31) раскрывал предположительно как ²baḡdēvrān 'посланник богов' (иран. ²baḡa- 'бог' + dvaī-avrāna- 'курьер, посланник', букв. 'двуконный'), предлагая видеть в нем деликатное обозначение внебрачных детей (в одном из контекстов Судебника данный термин служит определением к слову *duxt*).

Можно оставить в стороне вопрос о натянутости и неубедительности любой этимологической гипотезы, постулирующей "деликатное обозначение" в отсутствие каких бы то ни было конкретных данных, подтверждающих подобное предположение; данное объяснение неприемлемо уже в силу того, что контекст в Ривайате Змета (Бартоломе этот текст не был известен) с несомненностью указывает на то, что этот термин обозначал не внебрачных детей, а вступление в брак *sin* *maḡ* или в одну специфическую форму брака *sin* *maḡ*, причем и в том и в другом случае речь идет о замужестве девушки, рожденной в полном браке своих родителей.

Такое значение термина подходит и к статьям Судебника (их содержание будет рассматриваться ниже), но здесь он употреблен лишь во втором, очевидно, уже специализированном или суженном значении, служа обозначением одной определенной формы брака *sin* *maḡ*. На основании этого факта мною было предложено для данного слова чтение *bg'vr'n* = *baḡavrān*¹⁴³.

В подтверждение этого чтения можно привести согдийский термин *βγ'vr'nt* [βγ'vr'nt] / *βγ'vr'nt* (= *βaḡāvr'nt*) / *βγ'vr'nt* 'kw', засвидетельствованный в манихейских и христианских текстах. Основное значение его — "бракосочетание" — бесспорно, ибо в пассажах, в которых отмечается это согдийское слово, оно передает слр. *weštūwā*, *gāwā*, греч. *ὁ γάμος* 'свадьба, бракосочетание; брак', *ὁ γαμφών* 'брачный чертог', а в одном случае имеется и параллельный среднеперсидский текст, где ему соответствует ср.-перс. *wāwīg'n* 'бракосочетание, брак; брачный чертог' (и.-перс. *baūōgānī*).

Как показали исследования В.Б.Хеннинга и М.Шварца¹⁴⁴, согдийский термин включает три компонента, из коих последний — он раскрывается как иран. ²kaḡa-ka- — присоединен к двучленному

компози́ту *ṣaṣānīra/ṣaṣānīr*, засвидетельствованному также и отдельно в значении "жених". В первой части слова оба исследователя склонны видеть имя бога Баги или, точнее, прилагательное, образованное от имени этого бога. Присутствие имени этого божества в брачном термине Хеннинг объясняет приписывавшейся Баге функцией покровителя договорных соглашений, функцией, которую бог Бага разделял с богом Митрой: оба этих божества, согласно Хеннингу, призываются в свидетели в согдийском брачном контракте с горы Муг, а именно при принесении женихом клятвы соблюдения обязательств, предусмотренных для полноправного брака, который фиксировал этот документ. Второй же компонент Хеннинг гипотетически возводил к иран. **rīsta-* 'связь', образованному от корня **raiv-* 'соединять; сваривать', восстанавливаемого им из ав. *rīsta-* (*AiWb.* 907), изолированного слова, обозначающего в Авесте приспособление для сварки металлов. По Хеннингу, композит *ṣaṣānī-ṣaṣ-āktē* переводится как "заключение (букв. 'делание') связи, (скрепленного/покровительствуемого) Богом".

Впоследствии М. Шварц (ук. соч.), исходя из установленного им для *ṣaṣānīra/ṣaṣānīr* значения "жених" (соответствует сир.-пхт. *škr*), предложил раскрывать это слово как иран. **ṣaṣānīra- + rīsta-* 'сын (бога) Баги' / 'сын (по обрядам бога) Баги' → 'жених'. Трудно, однако, признать эту этимологию окончательной и отсутствие аналогий (разве что если пехл. *Bēduxt / ʒaūduxt* объяснять как "невеста") или посредствующих звеньев, подкрепляющих постулируемое семантическое развитие.

Даже допуская возможность иных этимологий для согдийского термина, присутствие форм *ṣaṣa-* (или ее производного) в первом его компоненте несомненно. Можно поэтому с достаточной уверенностью реконструировать древнеиранскую модель среднеперсидского слова: это — иран. **ṣaṣa-ṣrāpa-*, развившееся в среднеперсидском в *ṣaṣarān > ṣaṣavrān*¹⁴⁵. Во второй части этого образования лежит корень **arad-* (и.-в. **arad-*) 'тянуть; стягивать, сопрягать, связывать', отмеченный уже в осет. *ʒwɔz* 'ярмо'¹⁴⁶ и который мы обнаруживаем также в ав. *arānī-ṣrāpa-* 'дышло (плуга, соединяющее его с ярмом)¹⁴⁷, в согд. **ṣar'ān* 'обязательство', засвидетельствованном в брачном контракте с горы Муг¹⁴⁸, равно как в др.-арм. (из парф.) *arapak* 'лот', передающем в Библии греч. *καμῶν*. Иран. **ṣaṣarāpa-* можно перевести как '(брачное) обязательство' или 'связь, (скрепленный) Богом', если иран. *ṣaṣa-* в данном образовании принимать, вслед за Хеннингом и Шварцом, за имя божества. Или же — и это мне

представляется более вероятным — здесь следует видеть как нарицательное 'часть, доля, судьба', и в частности в его значении "супружеская доля", хорошо известном из авестийского (ср. ав. *vohu.vāya-* 'antev Ehegütlich gewährt'; *AiWb.* 921, 1432). Тогда буквальное значение композита определится как 'брачное обязательство', 'брачный союз; супружество'.

Семантическое развитие слов, выражающих понятия "обязательство; ручательство" или "сопряженность", в термины, обозначающие "супружество, брак", хорошо известно в индоевропейских языках, и данное иранское образование от корня **arad-* может служить еще одной иллюстрацией этого развития. Что же касается соотношения согдийского и среднеперсидского терминов, то, поскольку высказанное мной ранее предположение (см. примеч. 143), согласно которому оба они восходят к общей модели **bagazrāna-*, давшей в согдийском форму с метатезой *βγ'p'uyr* : *βγ'purā* : *βγ'prā*, не находит себе подкрепления в других примерах такой метатезы, следует, видимо, производить эти термины от двух аналогичных и равнозначных древнеиранских композитов с совпадающим первым элементом и синонимичным вторым.

Изложение реального содержания термина мы начнем с показаний Ривайата Эмета, о которых мы уже кратко упоминали выше. В начале главы XXXI этого текста сформулирован вопрос: *dxht ī 'uykuy' katār, ut ān ī bagazrān katār* 'в каком случае дочь становится эпиклерой, а в каком — багаспан?'. Далее параграфы 10-14 содержат развернутый ответ на интересующую нас вторую часть этого вопроса. Автор ривайата прежде всего утверждает, что существует несколько разновидностей 'багаспан' или, точнее, дочь 'становится 'багаспан' несколькими способами (*dxht bagazrān šand abvēnak bavēt*). Первый из приведенных им способов — это когда отец своей дочь (или брат свою сестру) передает в полноправный брак (*rātixšāyīhā yanīh*) некоему лицу и она вступает в дом (= семью) мужа; если эта дочь из дома своего отца (или эта сестра из дома своего брата) отправится в дом мужа, то имеет место 'багаспан' *bagazrān bavēt*; вариант перевода: "(она) становится багаспан". Таким образом, первый случай 'багаспана' — это вступление девушки в брак *sum mān* по всем правилам заключения такого брака, предполагающего официальную передачу девушки ее отцом или опекуном и вступление ее в семью мужа.

Описанные в ривайате три следующих способа являются, по сути дела, тремя частными случаями брака *vīne mān*. Это, во-первых, если дочь (или сестра) по достижении пятнадцатилетнего

106

возраста по собственному желанию (*khvatkāmakīhā*) покинет дом своего отца (или брата) и вступит в половое сожителство, но без того, чтобы за этим последовали выражение несогласия (*yat-dāstānīh*) или официальный (= публичный) протест (*patkār*) по этому поводу со стороны ее отца (или брата). "Если она уйдет к своему мужу/сожителю (*ka ō vāyīk ī gātār šavēt*), то имеет место 'багаспан' / (она) становится багаспан". Второй случай предполагает уход совершеннолетней девушки из дома отца или брата, но против их воли и без того, чтобы они могли этому помешать; тогда, "если она ушла из дома и вступила в половое сожителство, то имеет место багаспан". Третий случай следующий: пятнадцатилетняя девушка, которую ее отец (или брат) в нарушение своего долга не выдает замуж, сама вступает в половое сожителство; тогда также "имеет место (или: 'она становится') багаспан".

Из приведенных данных видно, что термин "багаспан" служил общим обозначением двух совершенно различных форм брака (как и общим обозначением статуса жены), одна из которых — брак *rā-tīshāyīhā* — уже рассматривалась в гл. 3 данного раздела. Правовой режим второй из этих форм брака, как это будет показано ниже, весьма существенно отличался от режима брака первой формы, но обе эти формы объединяло то, что выражено уже в самом общем для них термине, а именно: обе формы являлись разновидностями супружества как легального, общественно признанного союза мужчины и женщины. В относящихся к этому вопросу параграфах Ривайата Эмета главный акцент в изложении лежит именно на том, что во всех трех приведенных там частных случаях возникновения сожителства мужчины и женщины в отсутствие формальной передачи последней ее опекуном также имеет место супружество, а не конкубинат или тем более предбраковье, и девушка, сама покинувшая отчий дом, чтобы жить со своим избранником, становится его супругой (*vāvārān*), а не конкубиной.

Каков же правовой режим супружеского союза этой формы? Некоторые сведения об этом можно извлечь из формулировок в Ривайате Эмета. Во всех трех описанных там ситуациях возникновения супружества этого типа не только отсутствует формальная передача девушки ее опекуном и какое-либо соглашение между опекуном девушки и ее избранником, но в правовом отношении не имеет значения и сама позиция опекуна, дом которого она самостоятельно покинула, его одобрительное или, наоборот, резко отрицательное отношение к ее шагу, как не имеет значения и то, возникла ли такая ситуация по вине опекуна, либо медлившего с

выдачей замуж девушки, достигшей совершеннолетия, якобы пытавшегося навязать ей нежеланный ей брак. Подчеркивается, однако, что девушка действовала по своему собственному желанию и выбору (xvatkāmakīhā) и что ей не менее пятнадцати лет, т.е. она совершеннолетняя, а следовательно, в известной мере правоспособна. Как и при вступлении в брак rātiḥbāuīh, девушка становится супругой, когда она поселяется под кровом своего мужа, но здесь формулировка текста, когда речь идет о браке второй формы, существенно различается от формулировки этого факта в случае брака rātiḥbāuīh: если в случае выдачи девушки замуж ее опекуном (= случай брака rātiḥbāuīhā) сказано, что она *ō xālak ī hōu āuēt/āavēt* 'вступает/уходит в дом-семью мужа', то в случае брака второго типа сказано, что она *ō vādīk ī gātār āavēt* 'уходит к своему партнеру по сожительству'¹⁴⁹. А это указывает на то, что при второй форме брака женщина не вступала в семью и род своего мужа. Из этого положения вытекает также, что рожденные в этом браке дети не могли считаться законными приемниками своего отца иначе, как если тот их усыновил; муж разве что обеспечивал содержание своей жене и прижитым с нею детям.

Как же обстояло дело с опекой над женщиной и с ее связями с семьей ее отца? В Ривайате Змета нет ответа на этот вопрос, но в одной статье Судебника (24, 7-10) сказано, что дочь, вступившая без санкции отца в брак *vīne māpi*, продолжает оставаться подопечной и наследопреемницей своего отца. Совершенно этому и указание другой статьи (21, 8-10) о том, что дочь, состоящая в браке 'багаспан', по расторжении этого брака может стать эпиклерой своего отца. Над детьми, рожденными в браке *vīne māpi* своих родителей, но не усыновленными своим отцом, устанавливалась опека отца (или опекуна) их матери, который, разумеется, мог путем соответствующего акта передать опеку отцу этих детей, если перенос опекуна представлялся целесообразным. Согласно положению, описанному в А4, 10-11, муж женщины, состоящей в свободном браке, является кормильцем (*ragvartār*) их ребенка, но мать этого ребенка не вправе претендовать на доход, выделенный ему отцом, ибо право (= латентное) на этот доход принадлежит отцу-кормильцу. Иначе говоря, жена не наследует своему мужу и не имеет также латентного права на имущество, переданное им ее детям. Дети же, не усыновленные своим отцом, хотя и не наследовали ему в необходимом порядке, видимо, получали обычно от него — по передаче или по завещанию — какое-то имущество¹⁵⁰, законно насле-

дул также и долю, приобретенную их матерью из имущества ее отца (ее "дочернюю долю"), как и ее агнатические связи. Социальный статус таких детей не был ущербным. И подобно тому как это имело место в случае детей от брака *viṇe mān*, если полнорлетний сын от брака *viṇe mān* умирал, не оставив ни жены, ни ребенка, его сестра, преимущественно старшая, от этого же брака становилась его эпилерой (4I. 9-13).

Судебник (4I. 9-13) сохранил нам и технический термин, *vaṇazrāndāt*, букв. 'данный (женой)-багаспан', обозначающий детей от этого брака. Он вторичного происхождения, образован по аналогии с *daṇtdāt* (ср. также *ḍakarānt*) на основании уже специализировавшегося значения слова *vaṇazrān*, которое все чаще стало употребляться применительно к описанному браку *viṇe mān*, имевшему и свое традиционное обозначение — *xvāzγābēn*, *xvāzγābēn*. Этот последний термин использован в той же статье Судебника для уточнения значения слова *vaṇazrān* в композите *vaṇazrāndāt*¹⁵¹, уточнения, необходимость которого была вызвана наличием у этого слова и более широкого смысла — "супружество; супруга". Чтение и анализ слова *xvāzγābēn* уже были предложены ранее¹⁵². Этот пехлевийский термин, написание которого *xv(°)ai'dun'* или *xv(°)vi'yn'*, что отвечало бы позднему среднеперсидскому произношению **xvāzγāyēn*, является авестизмом, оригинал которого — ав. **xvāzγābēn* — не сохранился в дошедших до нас частях Авесты, как и в цитатах из нее в пехлевийских текстах. Сомневаться, однако, в его авестийском происхождении не приходится, ибо оно фигурирует — правда, в пехлевийской транскрипции, но как раскрываемое авестийское слово — в авестийско-пехлевийском глоссарии *Frāhang I oīm* (2f). Предложенное восстановление его вполне отвечает как пехлевийскому написанию, так и нормам авестийского словообразования. Что же касается значения слова — букв. 'сама поручившаяся' → "самостоятельно вступившая в брак", то, как известно, образования от слов, означающих "гарантийный залог", "поручка", отмечаются в качестве терминов, передающих понятие "супружество, брак" и в иных индоевропейских языках¹⁵³. Заключенное в иранском слове указание на инициативу женщины в заключении брака отражает характерную для брака этого типа черту; аналогичное указание содержится и в санскр. *svayadvāra* (букв. 'собственный выбор'), обозначении индийского коррелята рассмотренного здесь иранского брака *viṇe mān*¹⁵⁴. Поучительна и глосса к слову *xvāzγābēn* во *Fr. I oīm*, 2f: *daṇt-ā(v) kā* *ḥōu* *xvat* *kuṇēt* 'дочь, которая сама вступает в брак'; и здесь

в качестве главной отличительной черты указана самостоятельность вступления девушки в брак, без формальной передачи ее мужу со стороны ее отца или опекуна, а следовательно, без перехода ее в агнатическую группу мужа. Термин *xwālgābēn* имеется также и в Ривайте Эмета (XXIII, 12), и в Ривайте Атурфарнабага (II, 2; III, 1), но в малосодержательном контексте; он обозначает здесь жену в браке *vīne nālī* в противовес жене-*rāti xwālgābēn*. Об этой форме брака сообщают также и персидские ривайаты¹⁵⁵. Однако поставляемые ими сведения довольно сумбуры: наряду с отголосками информации, знакомой нам по пехлевийским текстам, они содержат и отсебятину, явно указывающую на то, что в позднее средневековье, когда были составлены эти ривайаты, брак этого типа давно перестал быть реальностью; об этом свидетельствует и само обозначение его в персидских ривайатах — *خودنش رای*, представляющее искажение термина *xwālgābēn* > *xwālgābēn*.

В Судебнике рассматриваются также и случаи вступления женщины в брак на определенный заранее срок и приводятся некоторые условия правового режима таких временных союзов¹⁵⁶. Сопоставление данных, содержащихся в статьях, имеющих отношение к этому вопросу, свидетельствует, однако, о том, что здесь мы имеем дело не с каким-то специфическим институтом брака, с какой-то его разновидностью, а с определенной практикой, возможной в рамках любой из уже рассмотренных нами форм или разновидностей брака. При этом практика браков "на срок" не была спонтанной, а была облечена в официальную форму двустороннего соглашения, напоминающую соглашения о передачах. Условия этих соглашений могли варьировать как в том, что касается срока, так и в отношении предусмотренного в них правового режима имущества, принадлежащего женщине. Также и вступление в силу подобного соглашения могло быть оговорено определенным сроком или иным условием; в отсутствие таких оговорок передача во временный брак вступала в силу сразу же (A8, 17 - 9, 5).

Особый интерес представляет вопрос о том, кто же в этих передачах выступал в роли передающего, ибо при рассмотрении статей Судебника бросается в глаза отсутствие единообразия в этом. В одних случаях женщину передает в брак ее муж (если она не замужем — отец), в других — декларация о передаче во временный брак исходит от самой женщины, что не означает, однако, что передающая себя в брак женщина обязательно незамужняя: в IO6, 7-9 (ср. также 88, 17 - 88, 2) и, возможно, в A2, 7-II речь идет о замужней, которая по истечении срока ее временного

брака возвратится в дом своего постоянного мужа (для казуса, представленного в A2, 7-II, возможно предполагать возвращение женщины в дом отца). В статье 87, 2-3 декларация о самопередаче в брак на десятилетний срок исходит от эпиклеры; в статье подчеркивается, что на протяжении этих десяти лет она продолжает оставаться эпиклерой, что означает, что рожденное в этом браке дитя — одно, во всяком случае, — призвано было стать преемником отца (или брата) своей матери, возможно, независимо от степени агнатического родства или вообще наличия такого между эпиклерой и ее временным мужем. В случае передачи женщины ее официальным мужем согласия ее на вступление во временный брак не требовалось, ибо, как указывается в 101, 4-8 с отсылкой к авторитету двух комментаторов Авесты — Сиявахша и Датфаррахва, муж вправе и не спрашивая согласия своей жены от полноправного брака передать ее в жену лицу, "лишенному жены и детей и в этой лишенности неповинному", в случае если это лицо в законном порядке запросило о передаче ему жены (*xvāhīšn ī rat man dātīhā kart ēstēt*). Право передачи жены основывалось, очевидно, на патриархальной власти мужа, в качестве же указания на древность такой практики известный интерес представляет то, что мужчина, которому женщина передается во временный брак, определен как *rat man ut frazand nigand ut rat ān nigandīh avināw* 'лишенный жены и детей и в этой лишенности неповинный': пехл. *nigand* является "ученым" словом (= ав. *niganda-*, образование от иран. **nī+rand-* 'обессилеть, разориться', *AiWb.* 1492-93), а ситуация вместе с нормой напоминает акт внутриобщинной солидарности, возведенной в ранг религиозного долга. Существование же описанной выше формы брака, заключавшегося по свободному выбору женщины (*xvāzīgābēnīh*), могло привести к возникновению и у эпиклеры права самой выбирать себе мужа среди агнатов ее отца (а возможно, даже и вне агнатического круга).

Передавая себя во временный брак женщина вправе была забрать с собой принадлежащее ей лично имущество, в частности свое приданое и личные вещи (дары?), принесенные ей из родительского дома (*rv'k'n/ri'duk'n ut vāzruh'gākān*), но оно возвращалось в дом ее мужа (или отца), когда по истечении срока этого брака женщина возвращалась назад к своему мужу от полноправного брака (или к отцу); пока она оставалась у своего временного мужа, последний мог пользоваться лишь доходом с принесенного ей имущества (106, 7-9; A2, 7-II). В A2, 7-II оговорена, однако, возможность приобретения временным мужем этого имущества в случае смерти женщины в период действия срока вре-

менного брака; в этом параграфе упоминается также мнение некоторых авторитетов, не допускавших включения приданого и *ra'k'a* /*ra'duk'a* в состав имущества, приносимого женщиной в дом ее временного мужа. Жена, наделенная своим мужем *ra'tixba'ihā* правом личного приобретения имущества (= правом на раздельный доход), не была обязана по своему возвращении к нему после истечения срока ее временного брака принести с собой имущество, приобретенное ею на основании этого ее права. Если же она была передана своим мужем во временный брак другому лицу вместе с имуществом ("доходом"), то по возвращении к мужу она была обязана принести в его дом и это имущество; ее временный муж в период действия соглашения о временном браке мог пользоваться принесенным ей имуществом лишь на началах узуфруктуария (AI, 6-12). Практиковались также передачи женщиной ее мужем во временный брак без передачи дохода, и тогда ее временный муж не мог приобрести ничего из ее личного имущества (IOI, 4-8). Временный брак женщины — как полноправной жены, так и эпителеры — не менял положения с опекой над ней.

В персидских ривайатах наряду с уже рассмотренными нами формами выделен в качестве специальной разновидности брака так называемый стурский брак, которому там дано следующее общее описание¹⁵⁷. Если мужчина, достигший совершеннолетия и прошедший зороастрийскую конфирмацию, умирает, не успев вступить в брак (не имела место даже помолвка), то его родичи обязаны сделать какую-нибудь девушку женой-стуром умершего и, выделив ей имущество (или деньги), выдать ее замуж за его агната. Она будет считаться женой-*ra'tixba'ihā* умершего в том мире и его "стурской" женой (ستور زن) в этом. Дети, рожденные ею в браке с его агнатом (половина детей, если их у нее несколько), будут считаться сыном и преемником ее "потустороннего" супруга. Ее реальный муж мог лишь пользоваться доходом с имущества, выделенного в качестве фонда покойного, стуром которого являлась его жена.

Имеется, однако, существенная разница в конструкции *ستور زن* 'жена-стур', засвидетельствованной в персидском ривайате, и в известных нам употребленных терминах *stūr* в качестве определения в пехлевийских текстах, и в частности в Судебнике. Хотя и в пехлевийских текстах *stūr* часто употребляется применительно к женщине и служит также определением статуса женщины, а нередко и статуса мужчины, термин этот не выступает в качестве обозначения брачного статуса. Мы не встречаем здесь ни **stūr man* / **stūr zanīh*, ни **zan / zanīh ī stūr* 'стурская же-

на', 'жена-стур', 'стурский брак', но только формулы v. I stūr I v. 'такая-то, являющаяся стуром такого-то (= покойного)', v. pat stūrīh I v. 'такая-то, несущая стурство такого-то лица', van I stūr 'женщина, являющаяся стуром (какого-то лица)'. Приведенное выше описание так называемого стурского брака из персидского риваята также, по сути дела, воспроизводит частный случай обременения женщины обязанностью обеспечить преемство мужчине, не имеющему преемника. Он был, очевидно, выделен в самостоятельную разновидность брака классификаторскими усилиями поздних средневековых комментаторов зороастрийского права, поскольку случай этот не подходил под традиционные формы *ḡakarīh* и *ʿauōrēpīh* брака *vine manu*, предусматривавшего создание правопреемства покойному. (Этот и подобные случаи мы будем рассматривать в главе, посвященной вспомогательному и дополнительному правопреемству; см. разд. III, гл. I.)

Г л а в а 7. Патриархальная власть и опека

Подобно супружеской власти мужа над женой, патриархальная власть (*ḡamān*) мужа, главы семьи (*katak kvatāu*), над несовершеннолетними и неполноправными членами своей семьи состояла из целого ряда прав и обязанностей как из власти, так и из опеки с определенным преобладанием прав из опеки.

Хотя отдельные элементы отношений, напоминающих патриархальную власть, можно обнаружить и в рамках иных форм брака, подлинная патриархальная власть возникает из брака *rātīxāuīh*: она распространяется на детей (несовершеннолетних), рожденных в полноправном браке главой семьи с их матерью или официально усыновленных главой семьи (см. гл. 8). Отец-чакар в большинстве случаев (но не обязательно) исполнял обязанности опекуна детей-чакар (см., например, Dd. 55, 7), и его отношения со своими кровными детьми от жены-чакар определялись правами опеки, а не власти над ними: эти дети не считались членами его семьи и принадлежали семье первого мужа своей матери. Патриархальная власть у отца-чакар могла возникнуть только в отношении того из детей-чакар, которого он официально усыновил.

Патриархальная власть над сыновьями юридически прекращалась по достижении ими совершеннолетия, над дочерьми — по вступлении их в брак (исключая брак эпилеры). Достигший совершеннолетия сын обретал полную и активную правоспособность (см. разд. I, гл. I), мог приобретать имущество для себя и распоряжаться им в границах приобретаемого вещного права, са-

мостоятельно вступать в соглашения и отвечать по ним, так и выступать в суде, даже если он продолжал жить под кровом своего отца (но в этом случае, как мы видели, жена его попадала под опеку своего свекра)¹⁵⁸.

Можно отметить следующие прерогативы власти отца над детьми (от полноправного брака или усыновленных). У него было право продажи своих детей, лимитированное рядом условий: а) крайняя степень нужды и беспомощности (atvadāt) отца семьи; б) продажа считалась законной, лишь если она совершалась из расчета минимальных потребностей существовавшей данной семьи, а именно если продажа одного из детей обеспечивала на известном критический период существование остальных членов семьи, то продажа в тот же период и второго ребенка не была правомерна; в) продать можно было только своему агнату¹⁵⁹. Отец обладал также правом передачи детей в залоговое рабство¹⁶⁰, равно как и на усыновление или удочерение¹⁶¹. Он мог также передать сына или дочь, как и всю семью, в опеку другому лицу, одному или более, но отец в отличие от любого иного опекуна мог при желании вернуть себе опеку над своим несовершеннолетним ребенком, переданным в опеку другому лицу¹⁶².

Из власти вытекает также право отца на все приобретения (или: доход; ср.-перс. vīndīšn) детей. Право это истекает с выходом детей из-под его власти (24. 7-10; A10, 13 - 11, 10), а также с дарованием (со стороны отца) детям права на собственный доход, т.е. права приобретать для себя (20. 13-16; A10, 13 - 11, 10). Отец, не имеющий своих средств к существованию, вправе претендовать на содержание из средств своих детей от брака rātiḫāuīh (32, 16-17), также и отец-чакар — из средств детей-чакар, но отец-чакар (в отличие от законного отца) обязан впоследствии возместить им истраченную на него сумму (32, 16 - 33, 1). Как мы уже видели, отец выдавал дочь замуж, но выдать дочь замуж, и при этом вовремя, рассматривалось как обязанность отца, обязанность, пренебрежение которой приводило к таким последствиям, как утрата отцом прав опеки над дочерью и права на ее доход (= приобретения).

Авторитет главы семьи был настолько велик, что посягательство на него со стороны подвластных расценивалось как акт правонарушения. В нескольких статьях Судебника говорится о неповиновении детей отцу, причем проступок этот приравнивается к неповиновению раба господину (A4, 15 - 5. 2; A5, 2-6; A5, 8-15). В прерогативы главы семьи, несомненно, входило и определение — как правило, в соответствии с сословной принадлежно-

ство — будущей деятельности ее подрастающего поколения. Так, по Судебнику (AI6, II-14; AI6, 14 — 17, I; AI9. 2-6), отец¹⁶³ вносил в Списки всадников своих смновей (малолетних и даже тех, "которые у него появятся впоследствии").

Традиционно главе семьи принадлежало также право возглавлять домашние культовые церемонии, как и вершить суд над подвластными ее членами. Патриархальная власть главы семьи открывала ему ряд прав и вне узкого круга семьи. Так, он представлял семью и ее интересы в пределах агнатической группы, в которую входила его семья, а старший из глав семей обладал известными прерогативами власти в рамках агнатической группы в целом.

Наряду с правами *patria potestas* включала и ряд обязанностей, из которых основной была обязанность кормить и содержать (*xvagiñn ut dāgiñn*) своих детей: сыновей — до их совершеннолетия, дочерей — до выхода замуж¹⁶⁴. Поскольку глава семьи обычно нес и опекунские обязанности в отношении своих подвластных, наше представление о нем будет более полным по ознакомлении с этим институтом.

Опекунство в среднеперсидских правовых текстах передается общим термином *vağāgīñ* независимо от того, распространяется ли оно на женщин или на несовершеннолетних, в отличие от греческой и римской правовой терминологии, различавшей первоначально два вида опекунства: *tutor* — *ἐπίτροπος* и *curator* — *κέρλος*, *φροντιστής*. И в иранском праве сасанидского времени можно обнаружить черты древней опеки как в л а с т и и п р а в а, где на первом месте стоит не забота о подопечном и его интересах, а забота об имуществе подопечного в интересах его ближайших наследников. Опеки как института охраны возможного в будущем наследства агнатов подопечного. Этот характер древней опеки проступает уже в самом порядке призвания к опекунству, в его совпадении с порядком призвания к наследованию, определенным порядком агнатического родства. Общий характер института опеки, однако, к сасанидскому периоду был уже иной, и можно утверждать, что в Иране он прошел эволюцию, аналогичную истории этого института в других странах, а именно путь *mañna* → *mañna*, путь от "власти", "права" к "общественной службе", "гражданской обязанности".

Согласно определению в Ривайате Эмета, опека открывается смертью главы семьи, если в семье имеется жена, дочь или несовершеннолетний сын или варахранов Огдн¹⁶⁵. Оставление семьи без опекуна — тяжкое преступление (*mañkağīñ*; 28, 17 — 29. 3).

В соответствии с целью опеки — охраны интересов подопечных и их имущества¹⁶⁶ — она включает два аспекта: а) опека над личностью подопечного, б) попечение об имуществе подопечного. Порядок призвания к опекунству основан на порядке агнатического родства: призывается ближайший агнат умершего главы семьи, и востребование опекунства — его обязанность, уклонение от которой без достаточных оснований приравнивается к проступку разряда *talārūt*. Если он не принял на себя опекунства; то наступает черед следующего по порядку агната¹⁶⁷.

Назначение на опекунство представляет официальный правовой акт и при отсутствии завещаний предполагает запрос агната-претендента в судебную или жреческую инстанцию (*pat*, *magupat* и т.д.)¹⁶⁸ или, возможно, в магистратуру. При законности требования составлялся письменный документ о назначении, один экземпляр которого представлялся остабарам — главам отдельных семей агнатической общины, в которую входила опекаемая семья (*Niv. Kā. Añ. V, 10-14*). Надо полагать, что процедура назначения могла варьировать, не теряя своего официального характера: рассмотрение кандидатуры в опекуны, как и назначение, могло производиться советом остабаров, а отсутствие письменного документа могло быть компенсировано торжественной публичной декларацией — древней формой совершения правовых актов. Однако, как будет показано ниже, в сасанидском праве существовало три основания для привлечения к опекунству и соответственно три способа определения в опекуны. Этот фактор имел известное значение и для круга прав опекуна. В зависимости от основания привлечения или призвания и формы определения опекуна мог принадлежать к одному из следующих трех типов.

1. Опекун "естественный", *zagdār ī būtak*. Это ближайший совершеннолетний агнат и наследник опекаемого. Так, рожденный в полноправном браке совершеннолетний сын умершего был обязан нести обязанности опекуна над семьей своего отца — в отношении своих несовершеннолетних братьев и незамужних сестер, а также своей овдовевшей матери. При отсутствии такого сына "естественным" опекуном становился брат-сотоварищ (= сонаследник, *brāt-halbāz*) умершего, стур, которого он сам определял при жизни (= стур "учрежденный", *stūr ī kartak*), или приемный сын (отданный в усыновление, однако, не призывался к опекунству над семьей своего родного отца). В отличие от опекунов двух других типов *zagdār ī būtak* вступал в опекунство автоматически, без формального требования и назначения, а в случае ущербного ведения дел семьи обязывался к возмещению убытка, но не отстра-

надея от опекунства. Он вправе передавать свое опекунство на тот или иной срок другим лицам любое число раз: "естественный" опекун как бы представляет покойного главу семьи, его личность и воля¹⁶⁹.

2. Опекун "по завещанию", или "учрежденный", *waḡdāt ī kartak*. Данный тип возник из власти главы семьи, и в частности из его права завещания. Глава семьи мог при жизни определить на случай своей смерти опекуна своей семье либо из числа своих агнатов (и тогда он мог пренебречь порядком агнатического родства, назначив отдаленного родича), либо из лиц, стоящих вне агнатического круга (например, когната своей жены или любого согражданина), посредством соответствующего договора о передаче опекунства или клаузулы в завещании¹⁷⁰. За ущерб, принесенный 'о с н о в е' имущества подопечного (или: подопечных), опекун "по завещанию" (= "учрежденный") отстраняется от опекунства, но по возмещении им убытка восстанавливается в опекунстве автоматически¹⁷¹. Как и при "естественном" опекуне, при опекуне "учрежденном" право матери выдавать дочь замуж ничтожно (27, 16 - 28, 5). Он также может передавать опекунство над своими подопечными другим лицам путем специального соглашения о передаче. Если первый опекун передал опеку другому, то в случае смерти нового опекуна опекунство возвращается к первому (25, 11-13; 25, 13-15). При передачах опеки требовалась публичная декларация другой стороны о согласии принять опекунство. Передать опеку можно было и двум (или более) лицам совместно; при такой передаче, если одно из этих лиц не даст согласия на принятие на себя функций опекуна или же, приняв опекунство, умрет, то опекунство его коллеги неправомерно (28, 12-13).

3. Опекун "назначенный", *waḡdāt ī ḡuḡāḡtak*. Это тип агнатической опеки. При отсутствии опекуна первых двух типов на ближайшего правоспособного агната умершего главы семьи¹⁷² ложится обязанность востребовать опекунство над осиротевшей семьей¹⁷³ (о процедуре назначения уже шла речь в начале данной главы). В отличие от опекунов первых двух типов опекун "назначенный" не имел права передачи опеки другим лицам: его смена могла иметь место лишь на законных основаниях - в соответствии с нормами призвания - и в официальном порядке, через соответствующую инстанцию и процедуру. Законным основанием для смены назначенного опекуна помимо его смерти могло явиться и совершение им проступка, влекущего за собой ту или иную степень утраты правоспособности, как и некоторые иные обстоятельства.

За неудовлетворительное ведение опеки он отстранялся от опекунства, а по возмещении им убытков мог быть восстановлен в опекунстве только через повторное прохождение процедуры назначения¹⁷⁴. Но если в годичный срок убытки не были им возмещены, опекуном назначали следующего по порядку агната. Агнатический порядок призвания и назначения соблюдался довольно строго. Судебник (27, 14-15) специально оговаривает неправомочность назначения на опекунство сына от брака чакар (разумеется, если он не был агнатом или стоял дальше других по порядку). Впоследствии, однако, в связи с упадком зороастрийских общин в Иране и массовым переходом в мусульманство многие агнатические связи терялись, и в зороастрийских общинах средневековья нередки стали случаи, когда агнатический круг оказывался исчерпанным; в этих условиях, как свидетельствуют ривайаты, уже допускалось назначение в опекуны члена зороастрийской общины, не являющегося агнатом, ни даже родственником подопечного. У опекуна данного типа и в других отношениях было меньше прав и прерогатив, чем у рассмотренных выше. Так, при опекуне "назначенном" мать имела право сама выдавать свою дочь замуж. В случае же вступления "назначенного" опекуна в брак (*šipe šapu*) с вдовой, хозяйкой дома, для продолжения этого брака требовалось согласие сына этой женщины, как только тот достигнет совершеннолетия (26, 3-5). Таким образом, несмотря на архаизм порядка призвания, в этом типе опекунства особенно ярко проявляются черты института, более характерные для общественной обязанности, чем для власти, права. И тут в дополнение к уже упомянутым характерным сторонам, как отсутствие у опекуна "назначенного" права переуступать опекунство другому лицу и права представлять *patetfamilias* (например, в делах, связанных с браком) или отстранение его от опекунства за неудовлетворительное ведение дел, можно указать еще одну, а именно гонорарность опекунства "по назначению". Согласно Судебнику и пехлевийским ривайатам, "назначенный" опекун получал из средств (с дохода или с капитала) опекуемой им семьи плату-кормление (*šivā I dūtāk-sardāgīh*), размер которой определен как *šēnīk māzād ut vāyūk māzād*, что соответствует $\frac{3}{5}$ драхмы в сутки, или четырем сатерам (= 16 драхам) в месяц¹⁷⁵.

Как уже отмечалось выше, в обязанности опекуна входило попечение о подопечных лицах и их имуществе. Сведения, которыми мы располагаем, далеко не полные. Несомненно, по части ведения дел в прерогативах опекунов разных типов могли существовать помимо указанных и другие различия, нам неизвестные. Общие права

и обязанности опекуна, отмеченные в источниках, сводятся к следующему.

1. Обязанность опекуна управлять имуществом подопечного, не уменьшая по возможности основного капитала. В этих целях он ведет контроль над расходами по содержанию подопечного, а также принимает меры по поддержанию доверенного ему имущества в надлежащем состоянии сохранности и доходности. Он привлекается к ответственности (возмещение убытков, отстранение от опекуна) за сознательно или по неосторожности нанесенный им ущерб "основе" имущества, если этот ущерб исчисляется не менее чем в три сатера (= 12 драхам). А это, в свою очередь, предполагает наличие известной хозяйственной отчетности опекуна.

2. Следует предполагать отсутствие у опекуна активного права распоряжения принятым на попечение имуществом. Отчуждения производились им, видимо, только по долгам и обязательствам умершего главы семьи (ср. I5, 3-5; I6, I4-I7) или в меру необходимости в интересах семьи и обычно при участии хозяйки дома; подопечный по достижении совершеннолетия не имел права опротестовать *post factum* эти акты, даже если они ущемляли его интересы (I07, 5-7; I07, 7-9).

3. Опекун декларировал свое принятие или непринятие имущественных передач, делавшихся со стороны его подопечным, не имея, однако, права вето. Так, если опекун отклонял передачу (= дар) вещи своему подопечному, акт передачи вещи от этого не становился ничтожным и подопечный по достижении им совершеннолетия автоматически вступал в свои права владения по этой передаче (если он не отклонил ее сам), но отклонение (= непринятие) передачи опекуном приводило к потере дохода, приносимого вещью в промежуток времени между формальной передачей (= декларацией передающего) и вступлением получателя в свои права. В случае передачи вещи женщине несогласие опекуна на принятие передачи имело, очевидно, тот же эффект, что и несогласие (или, что то же самое, отказ от вещи) мужа: вещь приобреталась женщиной в собственность (I9, 7-10). (Более подробно об этом в разд. II, гл. 3.)

4. Согласие опекуна требовалось также и при передаче подопечному стурства. Принятие стурства подопечным действовало на опекуна: опекуном женщины (или дочери), принявшей стурство, становился ближайший по порядку агнат лица, стурство которого было ею принято, т.е. происходила смена опекуна. То же имело место и при принятии стурства несовершеннолетним подопечным мужского пола, за исключением того случая, когда в ро-

ли опекуна выступал его отец: передача стурства сыну не приводила к смене опекуна (45, 17 - 46, 2; 48, 3-4; 48, 4-7; 48, 7-8).

5. Опекун семья выступает совместно с хозяйкой дома в правовых актах (107, 5-7; 107, 7-9). При этом он либо выступает в судебном процессе сам, в качестве ее представителя (*ūtāk-gōš*), либо дает свое согласие при выборе представителя для процесса, затрагивающего интересы опекаемой семьи (15, 3-5; 16, 11; 75, 12-13; A32, 9-13). Если в ходе процесса обнаруживается расхождение в позиции опекуна (очевидно, "учрежденного" или "назначенного") и хозяйки дома, то последней предоставляется право назначить другого опекуна, временного, на срок ведения этого процесса¹⁷⁶.

6. Опекун несет ответственность (платит половину штрафа) за проступки подопечного (женщины), если проступок совершен на его глазах (1, 4-6).

7. В случае отъезда опекуна на длительный срок из местности, где живет подопечный, ему надлежит передать полномочия по опеке другому лицу. Опекун "назначенный" в этих случаях препоручает надзор одному из остабаров - старейшим той агнатической общины, в которую входит опекаемая им семья (Alv. Em. M. U, 30).

Срок полномочий опекуна варьировал в зависимости от возраста и пола его подопечных. Опека над мальчиком прекращалась по достижении им совершеннолетия, и тогда остальные члены семьи (его мать, незамужние сестры, младшие братья) попадали под опеку этого лица как их "естественного" опекуна¹⁷⁷. Опекунству же над женщиной предел (или, точнее, смена опекуна) наступал по выходе ее замуж¹⁷⁸.

Г л а в а 8. Усыновление. Вскормленничество

Обычные среднеперсидские термины, передающие понятие "усыновление" и связанный с ним круг, - *rizakān* 'усыновление; статус усыновленного', *riz/daxt* I *ratigriftak* 'приемный(-ая) сын, (дочь)', *pit* I *ratigriftak*, *ratigriftār* 'усыновитель, приемный отец'¹⁷⁹. И хотя сасанидскому праву известно как усыновление несовершеннолетних (обоих полов), так и усыновление совершеннолетних, терминологического различия типа *adoptio* - *adrogatio* в иранском нет.

Целью усыновления в Иране, как и в других странах, было создание преемства бездетному или не имевшему сына-преемника.

Эта цель данного института — ясная, впрочем, и без этого — была четко сформулирована в авестийском наске Сакадум; воспроизведение имевшейся там формулировки дано как в Денкарте (Dkm 773, 20 - 774, 2), так и в Ривайате Атурфарвага (Riv. Āturfarv. 75, 4-5), где цитируется (в пехлевийской транслитерации) и авестийский оригинал¹⁸⁰. В этом отрывке отмечается греховность отступления усыновленного — будь то при жизни усыновителя или после его смерти — от выполнения своих обязанностей приемного сына, "ибо воля людей и душ умерших состоит в земном продолжении имени и культа, а также в совершении культовых обрядов и молитв"¹⁸¹. Известную параллель этой формулировке можно найти в Гортинской правде, подчеркивающей, что на усыновленного возлагаются обязанности сына-преемника усыновителя и при этом оба аспекта этих обязанностей — человеческий (земной) и культовый¹⁸².

Усыновление несовершеннолетнего производилось посредством двустороннего соглашения между родным отцом и усыновителем¹⁸³. Передачу в усыновление совершал (в соответствии со своим правом *paterfamilias*) родной отец усыновляемого, иначе усыновление считалось ничтожным (70, 2-3; ср. A40, 9-II; A40, II-14): опекун, даже "естественный", как, например, старший брат, мог передать своего подопечного (мужского пола) в опеку другому лицу только на срок своей жизни (см. 28, II-12), о праве же его на передачу в усыновление не могло быть и речи. В отличие от древнеиудейского права мать в передаче не участвовала. При этом существовало два способа передачи в усыновление с различными в действиями.

По первому способу передачи в усыновление отец передавал несовершеннолетнего усыновителю, произнося соответствующую формулу декларации, предполагающую полный и немедленный выход усыновляемого из власти и опеки родного отца и переход его под власть, опеку и в семью приемного отца со всеми вытекающими правовыми последствиями, вплоть до права (в описываемую эпоху скорее теоретического) приемного отца продать усыновленного на тех же условиях, что и родного сына (77, I-3; 33, 6-9; 69, I2-14; 70, I4-16). В случае смерти усыновленного без оставления преемника по нисходящей стурство его передавалось приемному отцу, если тот был жив, в противном случае — ближайшему агнату.

Второй способ передачи в усыновление совершался согласно формуле "И тебе сын, и мне сын" (tō-š riv, nap-1š riv, 69, I-3; 70, I4-16). Помимо Судебника информация об этом способе имела в четырнадцатом фаргарде наске Хуспарам или в коммен-

тарив к нему. Указание на это с приведением формул (man rañ tō-ñ ruc) и с отсылкой к авторитету комментария к этому мансу содержится в двух пассажах пехлевийского текста Šāyast-nā-Šāyast (I, 21; XII, 14), где говорится об усыновлении отцом-чакар сына, рожденного в браке чакар¹⁸⁴. При такой передаче усыновленный оставался до достижения им совершеннолетия под властью в опекой своего родного отца, а в случае смерти усыновленного до достижения им совершеннолетия имущество, подаренное ему родным отцом, отходило его родному отцу и его семье (IIIO, 15-17). Статус усыновленного по этой формуле можно сравнить с положением dvuāzmuāyana или dvīritū ('сын двух отцов') древнеиндийского права. Став совершеннолетним, он наследует своему приемному отцу и может стать его универсальным преемником, если тот не оставил родного сына от полноправного брака, во связи его с родным отцом не считались утраченными. Так, в случае смерти такого усыновленного бездетным или без преемника стурство его передавалось его родному отцу, а не усыновителю в отличие от усыновления по первой формуле (см. 70, 14-16; ср. также 69, 14-17).

Другим примером сохранения связей усыновленного по второй формуле с линией родного отца может служить передача ему стурства родного отца, не оставившего преемника (42, 1-5): будучи наследником приемного отца, усыновленный обязывался в этом случае обеспечить правопреемство (через одного из своих детей) также и своему родному отцу — положение, не возникшее при усыновлении первым способом¹⁸⁵. Заслуживает внимания также и вытекающее из той же статьи (42, 1-5) обстоятельство, по которому двойственность положения усыновленного по второй формуле, создававшая ему также и правообязанность стура родного отца, могла послужить препятствием для получения им стурства усыновителя (из контекста параграфа следует, что речь идет о дополнительном правопреемстве, учрежденном усыновителем, имеющим уже необходимого преемника, одного или более). Следует отметить, что казусы и режениа, касающиеся прав усыновленных, изложены в Судебнике недифференцированно, в силу чего у читателя создается впечатление противоречивости и путаницы. Две статьи Судебника (69, 1-3; 70, 14-16) и два пассажа в тексте ŠnŠ (X, 21; XII, 14) дают нам ключ к пониманию таких различий в правовых нормах, отрывая их зависимость от различий в способе усыновления.

Усыновление взрослого согражданина (manr I šāyrt; см. 70, 3-12; 70, 16 - 71, 2)¹⁸⁶ осуществлялось в отличие от рассмот-

реального выне двусторонним соглашением между усыновителем и усыновляемым, который, будучи совершеннолетним и мужского пола, обладал полной правоспособностью. По свидетельству одного пехлевийского ривайата (Pahl. Āturfaqr. 75. 6), при аррогации, совершавшейся, несомненно, публично, в присутствии правоспособных родичей усыновителя и усыновляемого, усыновитель произносил формулу "Ты мною усыновлен" (pat rus-am kart hōh/ /rusakān-am kart hāh). Видимо, аррогация вступала в силу сразу же по завершении этого акта, разумеется, при согласии на нее обеих сторон и их родичей. Возможно, однако, что она, подобно большинству двусторонних соглашений, не была неревозвратной и что, при жизни усыновителя во всяком случае, аррогационное соглашение могло быть расторгнуто по воле одной из сторон — усыновителя, у которого впоследствии родился сын, или воле усыновленного, у которого могли появиться свои на это основания. На возможность прекращения действия аррогационного соглашения указывает клаузула в двух параграфах Судебника (70, 3-12; 70, 16 - 71, 2; ср. также Pahl. Āturfaqr. 75, 6), согласно которой усыновленный считается наследопреемником своего усыновителя, лишь если он продолжает оставаться — очевидно, к моменту кончины и открытия наследства этого последнего — на положении его приемного сына (ka ān-iš pat rusīh ī ōy kartan andar ēatēt; / bē hakar ōy mart pat rusīh ī mīhrēn andar ēatēt).

Усыновление и вытекающие из него правовые последствия и обязательства не могли быть прекращены иначе, как в соответствии с условиями акта усыновления или в силу соответствующего правового акта, имевшего место позднее. Уклонение от выполнения приемным сыном его обязанностей приемника и наследника своего усыновителя считалось таким религиозным проступком: об этом свидетельствует цитата и эпиграфа из наска Sakāšun (Pahl. Āturfaqr. 75, 4; ДКМ 773, 20 - 774, 2).

Приемный сын (а в случае его смерти его семья) наследовал приемному отцу и отвечал по его платежным обязательствам. При наличии у усыновителя родных детей (законных) приемный сын включался в число его наследников на равных началах¹⁸⁷. Он мог стать "естественным" опекуном семьи своего усыновителя¹⁸⁸, а также мог быть попечителем алтаря Огня или фонда, учрежденного "для думи" приемным отцом или его предками (29, 6-9).

Многое, однако, остается неясным, в частности круг лиц, из которого выбирался усыновляемый; тексты, отражающие прак-

тику сасанидского периода, не дает на этот вопрос определенно-го ответа. В древней Индии обычно усыновлялся близкий агнат, предпочтительно сын брата. В этом обычае отражен, конечно, и представление о том, что усыновляемый должен был быть рожден женщиной, с которой усыновитель мог бы теоретически состоять в браке. При строгой экзогамии в Индии усыновление ребенка, рожденного женой близкого агната — она не могла приходиться сапиду также и усыновитель, — вполне отвечало этому представлению (ср. также запрещение усыновлять сына сестры усыновителя). Но и в Индии возможно было усыновлять и не-агнатов, а также внебрачных детей, но при соблюдении условия, по которому мать усыновляемого не должна была состоять с усыновителем в родстве сапида. Поскольку в Иране преобладала эндогамия и была даже распространена ее крайняя форма — кровосмесительные браки (**xvaituvāda*—), тем более характерным должен был быть выбор усыновляемого из агнатического круга усыновителя. Можно отметить в этой связи указания об усыновлении детей усыновителя от его жены-чакар — обычно, хотя и не обязательно, вдовы его брата или близкого агната¹⁸⁹. Возможно, однако, что в рассматриваемую нами эпоху строгого ограничения рамками агнатической группы не было, хотя, несомненно, должна была превалировать древняя традиция выбора усыновляемого из круга родичей-агнатов усыновителя, что гарантировало близость, кровную и сакральную, между усыновителем и усыновляемым им лицом, призванным стать его преемником во всех отношениях, также и в культах. Наличие же ограничений рамками сословия и гражданской общины усыновителя можно предполагать а priori; впрочем, Письмо Тансара¹⁹⁰ приписывает Арташиру I указ, запрещающий усыновление вне сословия усыновителя.

Мы не располагаем свидетельствами, дающими сколько-нибудь полное представление о процедуре усыновления. Хотя в любой разновидности усыновления имело место соглашение между двумя частными лицами, эффектом его должны были явиться перемещения внутри агнатических групп, вносимые известные модификации в прямые и латентные права и обязанности — светские и культовые — ближайших по порядку агнатов обеих договаривающихся сторон. Надо думать поэтому, что и в Иране усыновление сопровождалось гражданской и сакральной церемонией наподобие тех церемоний, которые совершались при усыновлении в других обществах древности.

Здесь следует сказать несколько слов о вскормленничестве, также сопряженном с передачей ребенка в чужую семью или род-

Известный многим народам древности¹⁹¹, этот институт, однако, в корне отличался от рассмотренного выше: передача ребенка в другую семью или родственную группу, глава которой выступал в этом случае в роли кормильца и воспитателя, не была сопряжена с какой-либо переменной в статусе этого ребенка. Он продолжал оставаться сыном своего родного отца, не приобретал никаких прав, ни места во вскармливательной его семье и по прошествии определенного соглашения срока возвращался в семью и дом отца. Древнеармянские авторы неоднократно упоминают об этом обычае у армянской знати и определяют кормильца-воспитателя заимствованным из парфянского термином *daueak*¹⁹². О распространенности вскармленничества также и в домах иранской знати имеется прямое свидетельство надписи Шапура I на Каабе Зороастра. Так, в списке лиц, живших при Шапуре I, упомянут принц Сасан — вскармленник в роду Фарракан, а также его тезка, тоже царского рода, вскармленник другой агнатической группы знати — Катукан¹⁹³. К этому можно добавить и сообщение Табари о том, что Бахрам Гур (= Варахран Y) был передан своим отцом Кездигердом I на воспитание арабскому царьку Хири¹⁹⁴. В силу характера текстов, упоминающих этот институт, известные нам факты не выходят за пределы круга знати, но вряд ли можно сомневаться в том, что вскармленничество было обычаем, принятым и в других сословиях, и в частности внутри профессиональных групп, входивших в сословие.

Р а з д е л III
ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО

Г л а в а I. Понятие о вещи и вещном праве

Иранскому правовому сознанию интересующего нас периода было известно обобщенное понятие **вещи** как любого телесного предмета, доступного для оборота и являющегося объектом правоотношения. Оно передавалось техническими терминами **квэ-так¹**, **(н)ēt²** 'достояние; вещь', употребление которых сопоставимо — хотя и не в полной мере — с тем римской правовой терминологии. В Судебнике оба термина выступают в качестве обычного обозначения объекта прав, когда этот объект материален независимо от его одушевленности или неодушевленности. В одном параграфе (I6, 5-10) в таком же значении употреблено слово **бйā** 'вещь'. Как "вещь" определяется и земельный участок, и дом, и вся масса наследства, и скот, и раб: конкретизация объекта обычно имеет место лишь в тех случаях, когда его специфические особенности важны для рассматриваемого правоотношения. Следует, однако, оговорить, что в сасанидском праве также и сами права на вещь могли становиться объектом сделки или соглашения, но это уже область лично-правовых отношений, а не вещно-правовых.

В вещи различали две стороны: **основу** (**бун, мātak**) и **плоды**, или же **доход**, **прирост**, **процент** (**ваг, vindābn, вахт, вахъ**). Перенос вещного права возможен был и в одной из этих двух сторон вещи (см., например, I7, 9-16; I02, 14-15); при этом могли иметь место и весьма сложные случаи. Но приобретение права на вещь, как таковую, распространяется на обе ее стороны³. Любопытно отметить, что дети рабыни, родившиеся после декларации о передаче этой рабыни, иранские юристы в противоположность римским рассматривали то как плод вещи, то как ее "часть", "кусок" (см. 94, 10-14; I08, 8-II; AII, 12-17).

В принципе каждая отдельно взятая (= телесно самостоятельная) вещь являлась самостоятельным объектом права. Также и в отношении группы однородных вещей (как, например, стадо овец) вещное право субъекта распространяется на отдельно взя-

тую и вполне конкретную вещь, а не на их совокупность или то или иное число вещей определенного рода ("одинаковых"). Это положение очень хорошо иллюстрируется казусом, описанным в статье 12, 9-13 и возникшим из невозможности установить, какая из овец принадлежит Фаррахву, а какая — Михрену. Однако совокупность телесно самостоятельных вещей, способных в принципе быть самостоятельным объектом права, могла в силу тех или иных причин предстать как единое, неразделенное (*abaxt*) целое, как одна комплексная вещь, и тогда все вещные права на них приобретались из одного общего основания. Так, вся масса наследственного имущества рассматривается как одно целое, одна вещь, права же наследников распределены соответственно идеальным долям каждого из них в этой совместно наследуемой вещи.

Разумеется, в случае группы вещей или вещи в принципе делимой раздея вещных прав (*bahtikih*) совладельцев-сотоварищей был вполне осуществим. При разделе, как и при выделе, исходили из стоимости вещи⁴. От рассмотренного случая с имуществом наследства следует различать телесно самостоятельные вещи, объединенные в одно целое вследствие своей реальной или мнимой хозяйственной несамостоятельности (случай "принадлежности"). Раб, тягловый скот и оросительный канал могли считаться **п р и н а д л е ж н о с т ь ю** земельного участка-дастакарта, его хозяйственным инвентарем (ср. римск. *fundus instructus*) и в силу этого составлять вместе с земельным участком одну единую вещь с одним общим правовым основанием для приобретения (они приобретались *evkartakihā*, см. 18, 9-10; 18, 10-13; 18, 13-17; А18, 2-7)⁵. Такую же комплексную вещь представляет дом со всеми своими службами (18, 17 - 19, 2; 19, 3-7). Но по нормам Судебника мельница не является принадлежностью земли и воды, на которых она стоит, и для ее передачи требуется отдельное распоряжение (105, 10-12). Виноградник и его земля могли выступать как самостоятельные объекты; такое положение рисует статья А20, 11-15, исходящая из раздельности титула на землю, с одной стороны, и на виноградник и деревья, посаженные на этом участке, — с другой, а также из раздельности титула на виноградник и титула на остальные хозяйственные элементы, входящие в комплекс дастакарта. Единых норм, однако, в этом вопросе не было, что ясно также и из сравнения с Судебником Империатора. Согласно этому тексту, при передаче виноградника передается как виноградные лозы, так и земля, но при передаче филадельфийских пальм считались переданными лишь деревья: здесь титул на землю раздельный, и приобретаемый пальмовую плантацию не была

вправе в случае, если финиковые пальмы высохнут, засадить участок новыми деревьями⁶.

Сейчас надлежит остановиться на уже неоднократно употребленном здесь термине "вещное право", "вещные права", ибо, естественно, направляется вопрос о том, в какой мере на правовую реальность сасанидского Ирана может быть распространено то представление об отношении субъекта к вещи и о разновидностях этого отношения, которое выкристаллизовалось в европейской юридической науке (XVI-XIX вв.) на основании изучения классического римского права. Постараться ответить на этот вопрос и раскрыть содержание, которое вкладывается в этот термин, тем более важно, что, пользуясь при описании той или иной правовой системы древности привычными для нас категориями, мы не должны упускать из виду или затуманивать то обстоятельство, что от одной правовой системы к другой эти категории не совпадали полностью. Несовпадение можно констатировать и в данном случае.

Отношение субъекта к имуществу (= вещи) принято подразделять на две категории прав: *вещные права* (*iura in re*) и *лично-обязательственные* (*iura in re aliena*), заключающиеся в праве требования (например, кредитора к должнику)⁷. Среди прав первой категории различают, с одной стороны, право *собственности* (*dominium, proprietatem*), дающее обладателю неограниченное в принципе господство над вещью, с другой — все иные права, распространяющиеся на вещь, не принадлежащую субъекту, и как-то ограничивающие его власть над ней (*iura in re aliena*), как, например, сервитуты, usufrukt, право пользования (*usus*) и залог. Поскольку право собственности не определялось в римском праве как *iura in re sua*, а лишь как *dominium/proprietatem*, в литературе выражение *iura in re* стало применяться главным образом для обозначения вещных прав "несобственнических", т.е. *iura in re aliena*.

В иранском праве в отличие от римского не было тенденции различать в правах на вещь вышеуказанные категории или группы: здесь выделяли наличие у субъекта права на вещь, наличие у него титула вообще, а затем рассматривали конкретную разновидность этого титула, устанавливавшую границы его права на вещь; разновидность титула определялась в зависимости от его основания (= происхождения). В соответствии с этим в данной работе термин "вещное право", если он не конкретизирован, обозначает наличие у субъекта права на вещь (из любого основания).

Затронутая здесь проблема станет яснее из предлагаемого ниже изложения господствовавших в Иране представлений о разновидностях правоотношений субъекта к вещи. Это изложение позволит также лучше понять трудности, возникавшие перед переводчиком и исследователем иранских правовых текстов при передаче или раскрытии технических терминов, таких, в частности, которые обычно подводятся под привычные для нас понятия "собственный" и "собственность".

Г л а в а 2. Собственность и владение. Способы приобретения имущественных прав и защита владения

В пехлевийских текстах отношение субъекта к вещи передается рядом терминов, среди которых особое место занимает термин *xvēš/xvēšīh/špxvēšīh* (букв. 'свой; собственность') и *dāgīš/dāštān*, букв. 'держание; владение', 'держать, владеть; иметь'. Второй из этих терминов, будучи употреблен в своем широком значении "владение; обладание (вещью)", нередко выступает в качестве синонима первого или же охватывает наряду с иными правоотношениями также и правоотношение, обычно передаваемое термином *xvēšīh*. Однако в своем специальном употреблении *dāgīš/dāštān* противопоставит — также и формально — *xvēš/xvēšīh*, обозначая факт владения вещью, владения временного или постоянного, юридически как правомерного, так и неправомерного; в своем узкотехническом значении термин этот вполне соответствует римскому *detentio*. Это со всей ясностью вытекает, в частности, из статьи 12, 13-16, согласно которой до окончания процесса оспариваемая на суде вещь должна оставаться у детентора, "ибо факт владения *ep* (*dāgīš*) несомненен, тогда как вопрос о том, кому из тяжущихся принадлежит титул/право на нее (*špxvēšīh*), (пока) неясен". Имеется немало других примеров употребления термина *dāgīš* применительно к фактическому владению там, где правомерность этого владения спорна или ничтожна; можно указать, например, на статьи 95, 7-10; 98, 13-14 в Судебнике, а также на один пассаж в Денкарте (DkM 725, 4-6), который будет полностью приведен ниже, в связи с терминами *xvēšīh* и *a-xvēš*.

Значительно сложнее обстоит дело с термином *xvēš/xvēšīh*. Буквальное значение этого слова — "собственный, свой"⁵ — делает естественным толкование термина как обозначающего отношение "собственности", особенно же "частной собственности". Такой перевод его общепринят, и законность его не ставилась

под обменке. И все же при более внимательном рассмотрении употребления этого термина нельзя не усомниться в допустимости подстановки терминов "собственный"/"частная собственность" при переводе его во всех контекстах.

В ряде статей Судебника правоотношение, определяемое как *xvĕŕŕih*, противопоставляется владению имуществом наследства — как приобретенным лично, в "свою долю" (*арасмānd*, *havr* i *хуā-takdārŕih/ривŕih*), так и приобретенным на началах стурства⁹. В одной из них (6I, I2-I4), в частности, говорится, что если отец передает дочери вещь, то, исключая тот случай, когда вещь передана им дочери *rat arĕ ut xvĕŕŕih* 'по цене (= за деньги. — А.П.) и (и) *xvĕŕŕih*', вещь эта считается переданной отцом дочери в качестве ее доли в наследстве. Здесь интересно не только само противопоставление '*xvĕŕŕih*' владению личной долей в отцовском наследстве (оно очень четко выражено и в других статьях, указанных в примеч. 9), но и то, что термин *xvĕŕŕih* здесь выступает в тесной паре с *rat arĕ*, с "приобретенным за деньги", что дает основание считать передачу в *xvĕŕŕih* равной по эффекту праву на вещь, возникающему в результате сделки купли-продажи, обычным действием которой (там, где партнеры — частные лица) является перенос права частной собственности. Отсутствие же предлога перед словом *xvĕŕŕih* в данной формулировке делает возможным альтернативное толкование конструкции как гекснадической и перевод ее: "... (когда он) передает (вещь) в *xvĕŕŕih* за деньги"¹⁰. При любом из возможных вариантов толкования конструкции в 6I, I2-I4 как здесь, так и в других указанных выше статьях, очевидно, термин *xvĕŕŕih* действительно служит для обозначения частной собственности.

Однако такое толкование термина "частная собственность" возможно лишь для меньшинства контекстов. В большинстве же их речь идет о двух различных способах приобретения имущества наследователя его преемниками в зависимости от того, приобреталось ли оно необходимым наследником или на началах субститутивного (= стурского) преемства. Здесь *rat xvĕŕŕih* как приобретение в свою личную долю наследства противопоставляется *rat vtŕŕih* — приобретению в стурское владение¹¹. Противопоставление *rat xvĕŕŕih* — *rat vtŕŕih* отмечается и вне Судебника. Можно привести, в частности, пассаж из Денкарта (Дкм УШ, 749, 4-6): *Араг хвāstak i rat xvĕŕŕih ut ān i rat vtŕŕih ō pavālavdištān gazēt. Араг арагмānd i rat rāh i axvĕŕŕih havēt* "Об имуществе, которое в личную (= 'свою') долю, и о том, которое в стурство агнатам достается. О трансмиссии имущества (= о наследопреем-

стве), имеющем место на началах не-личного ('не-своего') приобретения".

Таким образом, приобретение *pat хвэйй* в большинстве случаев употребления этого термина означает приобретение в "своей" личную долю, в наследственное владение, имевшее место в рамках семейной собственности и обремененное обязательством трансмиссии в неуцербном виде (если вещь эта — недвижимость) личным преемникам приобретшего. (О правовом режиме этого имущества, входившего в качестве главного компонента в состав массы вещей, находившихся во владении семьи, см. разд. IV, гл. 2.) Поскольку получить вещь в свою личную долю можно было не только по трансмиссии, но и по передаче, то в случае последней во избежание возможного смещения передаваемого вещного права вследствие двусмысленности термина *хвэйй* ("личная доля в имуществе наследства" — "частная собственность") передавший должен был ввести уточнение в свою декларацию о передаче: "в качестве доли" (*həhr gāb*), "для включения в долю" (*pat həhr hangāriēn; hāč həhr hangāriēn*); см. 61. 14-16; 61, 16 — 62. 2. В отсутствие такого уточнения в декларации или в содержащем декларацию документе о передаче переданная в *хвэйй* вещь могла быть приобретена лишь на началах личной доли в имуществе наследства.

В правовых текстах интересующий нас термин встречается — и часто — еще и в третьем значении. Но прежде чем перейти к нему, целесообразно остановиться на отмеченной уже двойственности "частная собственность" — "владение личной долей в имуществе наследства". Она кажется противоречивой как в свете большинства современных правовых систем, так и с позиций классического римского права. Римские юристы определяли собственность (*dominium. proprietas*) как *ius utendi fruendi et abutendi*¹², как право абсолютного, неограниченного, всеобъемлющего и постоянного господства субъекта над вещью. Отсутствие хотя бы одного из этих инцидентов уничтожало собственность. Так, факт обременения налогом земельных владений в провинциях делал неприменимым к этим владениям определение их как собственности, даже когда все другие признаки были налицо, ибо собственность immune не только от частных тягот, но и от публичных. Правда, этот пункт впоследствии (после реформы Диоклетяна в 392 г.) был изменен, и публичное налоговое обложение перестало считаться фактором, влияющим на определение характера вещного права, каковым оно не является и в нашу эпоху. Правомерное владение — даже постоянное и полное, с правом распоряжения, — не определялось как собственность¹³.

Однако это представление (привычное и для нашего правосознания) о собственности как о праве, в корне отличном от правомерного владения, как такового, и от любой иной разновидности права на вещь, — в рамках этого представления владение *in rem* инцидент, не обязательно присутствующий и не столь характерный, как свобода распоряжения и постоянство, — не было повсеместным. Оно отсутствовало и в странах древности, в которых институт частной собственности получил широкое распространение. Его не знали греки ни в классическую эпоху, ни в эллинистическую. В греческом языке в отличие от латинского вообще не было термина, передающего понятие "собственность". Греческие термины *οὐσία*, *κτησία*, *κτήμα* обозначали "имущество, достояние", в отношении которого конкретное право субъекта могло быть различным. Таким же безотносительным от разновидности титула было употребление глаголов *κρατεῖν*, *ἔχειν* и *κυριεύειν* (так же и в папирусах птолемеевского Египта)¹⁴. Аналогичное положение характерно и для права древней Месопотамии до ахеменидского времени включительно¹⁵.

Еще больший интерес в связи с иранскими терминами *dārišn*, *xvāišn* представляет положение, выводимое из древнеиранских правовых текстов. Здесь исследователи выделяют два основных термина, характеризующие отношение лица к вещи. Один из них, *bhogā* (вариант: *urabhogā*), букв. 'пользование', обозначает владение, как правомерное, так и неправомерное, совершенно аналогично термину *dārišn* пехлевийских текстов; санскр. *bhogā* этимологически соответствует ср.-перс. *bōišn*, имеющему в Судебнике и в Денкарте значение "пользование", "узуфрукт". Другой термин — *svatva-/svāṭva-* (ср. *svāmiṇ-*) — противопоставляется предыдущему, и его обычно переводят как "собственность", ибо образован он от санскр. *svā-* 'свой', иранский коррелят которого **hva-* является первым компонентом ср.-перс. *xvāišn/xvāišn*. Но, подобно последнему, *svatva-/svāṭva-* обозначает в контекстах не только отношение, которое можно охарактеризовать как собственность, но еще чаще этот термин служит для определения правомерного владения любой его разновидности, от владения личной долей в имуществе наследства и до владения — временного — по закладной. Лицом, определенным как *svāmiṇ-*, может оказаться и подлинный собственник вещи, и наследственный владелец-общинник, и арендатор, и мандатарий, и кредитор¹⁶.

Отмеченное здесь различие в восприятии и классификации имущественных прав римлянами, с одной стороны, и рядом народов древности — с другой, вряд ли можно приписать различиям в

уровне общественного и экономического развития или в уровне развития права, хотя между отдельными странами или регионами также различия имелись. Пример Афинской республики, никак не уступавшей в этом отношении Римской, достаточен для опровержения подобных предположений. Корни римской концепции квинтской собственности следует, видимо, искать в специфическом положении римского гражданства.

Для жизненной практики всех цивилизованных народов древности капитальную важность представлял вопрос защиты владения от посягательств со стороны — он-то и стоял в центре внимания. Защита же любого владения, наследственного или, возникшего из договора или частнособственнического, постоянного или временного, строилась на доказательстве его правомерности, законности основания (лат. *iustus titulus*, ср.-перс. *dastāfarīn*, *rā-tīxāyīn*). Владение, основанное на обманном или насильственном захвате чужой вещи, могло быть в судебном порядке отторгнуто у владельца¹⁷. В иранском процессе, как и в греческом (*διδάκκα-στία*), принадлежность права владения вещь тому или иному из претендентов решалась посредством конкурса их титулов, а в случае отсутствия такой возможности прибегал к ордальному процессу. Характер вещного права владельца, условия и границы его пользования и распоряжения вещь вытекали из самого основания (- титула) владения (унаследование, аренда, купля и пр.)¹⁸. Более того, защита права владельца обладать вещь и эксплуатировать ее велась и от посягательств самого собственника вещи (или обладателя основным титулом), если собственник — должник, а вещь находится в залоге-антихрезе, или в случае регулярной выплаты арендатором ренты собственнику или основному владельцу участка.

Итак, в делах, касающихся владения вещь и границ пользования и распоряжения ей, на первом месте шел вопрос о наличии у субъекта того или иного права на вещь, вопрос титула, на втором — о разновидности имеющегося у него права. Тут им подходим к третьему значению термина *хвѣйīn* в текстах: "принадлежность субъекту права на вещь, наличие у него титула той или иной разновидности". Так, согласно мнению шрифта-комментатора Пусанвека, приведенному в одной из статей Судебника (95, 10-12), если на суде была сделана — истцом или ответчиком — следующая декларация: "Вещь я унаследовал от предков ('отцов')", то им также должны быть указаны наследодатель (*dastāfar 'лицо, распорядившееся титулом'*) и "разновидность принадлежности вещи субъекту" (*дѣ абвѣѣак хвѣйīn*). В другом месте (9, 14 - 10, 7)

говорятся об осуждении за дачу одной из сторон ложных показаний относительно времени приобретения титула (dastāgarīh), равно как за ложные показания о разновидности принадлежности вещи данному лицу (dē abvānak xvēīh), т.е. за ложное показание касательно конкретного вещного права. Один из пунктов в 91, 1-5 гласит: ka xvēīh ī kvāstak nē ān gōrēt ī hast "когда о принадлежности ему вещи указывает не ту (= разновидность вещного права. — А.П.), которая у него есть". В этой же статье dāriīh как фактическое обладание вещью противостоит xvēīh как имевшемуся у субъекта праву на вещь. О разновидностях xvēīh имеются указания и в других статьях Судебника, но они упоминаются также и в Денкарте (например, ДКМ 707, 18-22; 748, 5-9; 765, 20). Разновидностями xvēīh, согласно статье 102, 9-11, являются, например, право кредитора на владение залогом, но также и владение купленной вещью. В Денкарте (ДКМ 733, 20-21) такая разновидность вещного права, как владение личной долей наследства (vārahgākān xvēīh/xvēīh ī vārahgākānīk), формально противостоит общему, неразделенному владению семьей или агнатами (amaḡākānīk xvēīh/xvēīh ī amaḡākānīk). К основному праву на вещь в отличие от производного, возникшего из контракта, ср. vān-xvēī 'собственных или основной владельц' и vāg-xvēī 'узуфруктуарий'.

В Денкарте засвидетельствован также и антоним интересующего нас термина, axvēī, обозначающий, как в следовало ожидать, отсутствие у субъекта того или иного вещного права, обеспечивающего ему беспрепятственное владение вещью. Вот этот пассаж (ДКМ 725, 4-6): Apar dāriīh nē bōxiīnīh ī axvēī kvāstak vicīr apar ōy kē ān ī axvēī kvāstak pat dāriīh dāgēt apar kunīh (ān) ī anbasān ut ān ī anbasānōvand "О недозволённости пользоваться владением такой вещью, которая не принадлежит (владельцу, т.е. в отношении которой у владельца нет никакого вещного права. — А.П.), и о необходимости принятия судебного решения в отношении лица, держащего в своем владении не принадлежащую ему вещь, независимо от того, опротестовано ли (это владение) или не опротестовано"¹⁹. Из изложенного ясно, что термин xvēī/xvēīh охватывал широкую гамму имущественных прав и что толкование и перевод его как "собственный"/"собственность", навеянный формальным анализом слова, являются грубой модернизацией, имевшей место также и в отношении терминов, употреблявшихся другими народами древности и содержащих компонент 'свой'; подобное их толкование неизбежно

ведет к искаженному представлению об имущественных правах и их соотношениях и удельном весе в обществах древности.

Перед лицом многозначности термина *xwēšīn*, естественно, возникает вопрос о том, какое из его значений следует считать первичным. Ответить на него нетрудно. Исторически самой ранней формой владения недвижимостью были владения семейными наделами в рамках агнатической и общинной собственности. С ростом значения индивидуальной семьи и с разделами имущества семьи между сыновьями — преемниками *paterfamilias* личная ('своя') доля каждого из них в общем наследстве (в семейной собственности) стала превалирующей формой владения и оставалась такой в Иране до конца сасанидского периода, несмотря на существование и многих других форм, включая частную собственность²⁰.

Термин, служивший для обозначения господствующей формы правомерного владения, естественно, получал и более широкое значение правомерности обладания вещью, наличия у лица права на вещь. Можно привести ряд примеров исторической семантики "личная доля наследства"/"имущество наследства" → "наличие у субъекта права на вещь, принадлежность ему права" → "собственность". Санскр. *svatvā-/svānu-* полностью отвечает ср.-перс. *xwēšīn*; ср. также развитие греч. *ἴδιος = ἴδιος μέρος* 'своя, личная доля'²¹. Особенно показательное подобное развитие там, где термин не включает местоимения 'свой'. Ср.-перс., парф. *vāvrōn-gākān* > арм. *verhakan*, букв. '(принадлежащий) сыну рода' → 'личная доля сына/дочери в наследстве отца' → 'личное право на вещь'/ 'личный, присущий' → 'собственный, собственность' (последнее значение в н.-арм. *verhakanut' iwn, verhakan*)²². Да и римский термин собственности *dominium* — это *dominium ex iure Quiritium*, т.е. 'владение семьи в рамках собственности римской общины', право на которое давало гражданство в общине²³. К этому списку можно добавить и др.-верхненем. *uodal* 'вотчина; собственность' при *adal* 'род', производные от *atta* 'отец'.

Возвращаясь к принятым у нас категориям и терминам, можно сказать, что из всех форм собственности наибольшее место в Судебнике и в других пехлевийских текстах отводится частной, и особенно семейной, собственности. Последняя выступает здесь в своем реальном в отношении физических лиц проявлении наследственного владения: ее характер коллективной собственности обнаруживается лишь в нахоне наследования, в латештных правах наследования, в правообязанностях ее владельцев и их

родичей — агнатов, как и в праве в условиях отчуждения этого имущества. Встречающееся в текстах выражение *hēt/kvāstak* и *ābtak* не является обозначением "семейной собственности". Оно передает понятие "семейное имущество", "масса имущества, входящегося во владении семьи", а за этим понятием стоит сумма вещей с разнообразным правовым режимом (об этом см. разд. IV, гл. 2). Публичная же и общинная собственность, будучи объектом административно-публичного права, остается вне поля зрения, и об этом имеются лишь косвенные указания или упоминания вскользь. В Судебнике и в эпиграфических документах много данных о фондах "для души", но у этого целевого имущества был особый статус, и о нем речь пойдет отдельно (см. разд. IV, гл. 5).

Одним из наиболее распространенных способов приобретения собственности было присвоение наследственным владельцем прибавочного продукта, поступившего с его владения (так называемое первоначальное приобретение). Он мог его обменять по своему усмотрению или продать за деньги. Источником прибавочного продукта и денег были также сдача в аренду недвижимости, рабочего инвентаря и тяглого скота или рабов, денежные ссуды под процент. Кредитор приобретал в свою частную собственность обремененное ипотекой имущество неоплатного должника. Некоторые виды передачи — а именно дарения небенефициарного характера — также являлись одним из способов приобретения частной собственности. На деньги (*pat aḡi ut vaḥak*) можно было приобрести любой вид имущества, включая недвижимость.

Купленное²⁴, а также все, что поступало другими указанными выше путями, в сасанидском праве определялось — в отличие от унаследованного имущества или условного владения — как *handōxt* i *kvēi* "лично накопленное"²⁵ и представляло частную собственность приобретателя. Ее характерные черты: а) необремененность владения рентой (возможно, было лишь налоговое обложение) или иными обязательствами; б) наличие у собственника-приобретателя права свободного распоряжения им вплоть до отчуждения²⁶; в) прекарный характер права частной собственности, ограниченного рамками жизни приобретателя; со смертью приобретателя его частная собственность приобщалась к имуществу наследства. Владение же, в частном случае права владения на чужую вещь, несет в себе те или иные правовые ограничения — в условиях (например, отсутствие права отчуждать вещь или обязанность обрабатывать участок), во времени (срок действия владельческого права), ограничения, зависящие от способа приобретения владельческих прав и от формы владения. Оно

также всегда обременено теми или иными обязательствами (характер их определяется разновидностью вещного права), связывающими владельца (и его правопреемников) с собственником вещи (и его правопреемниками), а при наследовании владения новым владельцем наследуется также и задолженность его предшественника по обязательствам владения.

Юридическое владение²⁷ вещь приобреталось рядом оснований: а) по наследству; б) в силу легального переноса владельческих прав (передачи, отказы); в) по праву, возникшему из частноправовых соглашений, особенно же обязательственных, по представительству, как и из арендных договоров; г) по публично-правовому основанию (к примеру, условное владение — за службу — наделом, принадлежащим казне). Разумеется, при любом случае переноса или приобретения права на вещь возникал вопрос право- и дееспособности передающего и приобретающего.

Для Ирана засвидетельствованы владельческие права следующего характера. Во-первых, право держания или хранения вещи, исключавшее у держателя право пользоваться ею в своих интересах или присваивать приносимые ею плоды. Право такого характера (*detentio*) выступает при депозите [(ā)uāmdīgrīn], при владении вещь мандатарием до истечения действия мандата, как и в случае гарантийного залога, переданного кредитору против полученной ссуды. Объектом такого владения являлось обычно движимое имущество. Во-вторых, владение, предполагавшее у владельца шия — право пользования вещь в своих интересах (или в интересах своего участка) без права извлечения прибыли или присвоения плодов; присвоение плодов допускалось лишь в пределах личных нужд владельца, без права продавать. Оно выступает при сервитутах, займе орудий и т.п. В-третьих, узуфрукт (*ʿaḥ-ḥuāb*), владение чужой вещь, дающее владельцу право собственности на плоды (на все плоды или за вычетом ренты собственнику и уплаты податей/налога, которыми обременена вещь), а в отношении вещи, не приносящей плодов, право эксплуатации ее с целью извлечения прибыли (= дохода). Право узуфрукта налицо во многих разновидностях владения вещь, из разных оснований. Так, стур по завещанию ("учрежденный", *atūr ī karṭak*) является узуфруктуарием стурского имущества. Право узуфрукта выступает также при аренде, срочной или наследственной (эмфитевтической), при наследственном владении имуществом, представляющим семейную собственность, в некоторых случаях антихрезы и пр. Объем прав владельца в отношении вещи варьировал в зависимости от характера его владельческого права (держание, пользование,

узуфрукт) и разновидности владения, но в любом случае действовало право чужой собственности на основу (бул) вещи; отсюда — обязанность владельца сохранять основу в неущербном виде.

Как уже упоминалось выше, при рассмотрении права субъекта на вещь — необходимость же в этом возникала при разбирательстве любого вещного иска, предъявленного фактическому владельцу, — в иранских судах различали две стороны. Первая сторона — это правомерность владения вещь ее фактическим владельцем, правомерность, доказательством которой служило правовое основание владения, наличие у лица титула на вещь (ср.-перс. *dastavarīh*, букв. 'правомерие', также *rātiḫbāyīh* 'власть; правомерие'). На это указывает большое число статей Судебника²⁸, но имеются свидетельства и в других текстах, в частности в Девкарте (например, ДКМ 74I, 4-6). Правомерность владения (наличие у владельца титула) являлась, как мы уже видели выше, одним из значений термина *ḫvēīh*. Там, где это слово выступает в сопряжении с термином *dastavarīh* (или: *rātiḫbāyīh*), как, например, в конструкции *dastavarīh rat ḫvēīh*, значение "титул" имеет лишь *dastavarīh*, *ḫvēīh* же обозначает "личный"/"личво-наследственный" характер титула (в противовес *dastavarīh rat stīrīh*, д. *rat ḡtaḅīh dābt* и т.п.), при этом "личный" характер признается и за титулом на детенцию вещь у мандатария (76, 4-13). Вторая сторона — это разновидность вещного права (*abḫē-pak ī dābt/ḫvēīh*), что определяет характер и границы власти субъекта над вещь²⁹.

Только безупречность титула делала владение вещь правомерным, при отсутствии же титула или его дефектности владение считалось неправомерным (*adastavarīhā/arātiḫbāyīhā dāgēt*; см., например, I2, 3-16; 23, 16 - I4, 2; I4, 2-5; ДКМ 74I, 4-6).

Судебник содержит значительное число казусов, касающихся исков из имущества; информация о подобных тяжбах есть и в Девкарте. Имеющийся материал не оставляет никакого сомнения в том, что защита владения осуществлялась путем доказательства валидности титула, а процесс между претендентами на одну и ту же вещь носил характер конкурса их титулов. Частные вопросы, возникавшие при определении действительности титула и его разновидности, будут рассмотрены в главах о передаче и завещаниях, а также в разделе об обязательственном праве, здесь же мы остановимся на общих способах доказательства на суде титула владельца³⁰.

Очевидно, самым простым способом доказательства правомерности владения (как и основательности претензий оспаривающей

стороны) следует считать представление письменного документа. В Иране письменная фиксация переноса вещных прав была распространенным явлением в аршакидский период, но такая практика, хотя и в меньших масштабах, существовала уже при Ахеменидах. Что касается аршакидского периода, то мы уже останавливались (разд. II, гл. 2) на трех документах этого типа из Авромана. От сасанидского периода подобных образцов мы не имеем, но упоминаем о них немало, в частности в Судебнике³¹. Документы составлялись в канцелярии, архиве или в суде. В случае переноса основного права на вещь (= недвижимость) новый собственник (или основной владелец) получал не только экземпляр документа, фиксирующего данную сделку, но и другие документы, имеющие отношение к данной вещи, равно и те, которые фиксировали права его предшественников на эту вещь³².

Далеко не всегда, однако, перенос права на вещь получал письменное оформление, даже в случае операций с недвижимостью. Для сделок же с движимым имуществом письменная фиксация была скорее редкостью. Если же учесть то преобладающее место, которое в общей массе приобретений имущества занимали приобретения по наследству *ab intestato*, не может быть сомнения в том, что и в практике защиты владения преобладали другие формы, а не данная. Весьма распространенным способом доказательства титула было приведение в суд свидетелей (не менее двух). Указания об этом содержатся как в Судебнике (см., например, 107, 9-12; 107, 12-14; 108, 6-8), так и в Денкарте (DKM 707, 18-22; 709, 1-2).

В Судебнике особенно детально описан способ, обнаруживавший удивительное сходство с *ἀνάγειν ἐπὶ τὸν πρῆξα* афисского права³³. Суть его заключается в том, что правомерность владения вещью ее нынешним владельцем подтверждается на суде лицом, распорядившимся титулом на нее: это либо прежний собственник вещи, продавший или подаривший ее ответчику, либо тот, от которого ответчик получил ее на началах аренды, залога-антихрезы или даже мандата. Будучи приведено в суд, лицо это — в Судебнике оно обозначается термином *deatavar*³⁴ — не только подтверждает правомочность владения ответчика, но и ведет вместо ответчика процесс с истцом, выступая, таким образом, одновременно и как гарант титула ответчика, и как его процессуальный представитель.

Данные об этой форме защиты владения сводятся к следующему. Очевидно, и отсутствие у суда достаточных доказательств наличия у ответчика титула на владение спорной вещью, как и для установления разновидности имеющегося у него вещного права,

ответчику предоставляется право привести в суд дастабара, указанного им лица, от которого вещь эта поступила в его владение, и устраивается судебное заседание с участием этого человека (*ō dastabār zamān dātan*, см., например, 8, 10-11; 8, 12-13). Для установления сферы применения данного способа защиты, а также для выяснения его происхождения очень важным представляется сформулированное в 5, 4-5 положение, согласно которому к нему не прибегают для подтверждения правомочности владения имуществом, представляющим, по утверждению ответчика, его личную долю в отцовском наследстве (*хвāтак I rat хвāйIh I хвāй*).

Таким образом, к судебной процедуре с привлечением дастабара прибегали лишь для защиты владения имуществом, купленным или полученным в дар, как и в случае той или иной разновидности временного владения из договора (депозит, мандат и т.п.). В большинстве статей Судебника, касающихся этой процедуры, дастабар — это человек, продавший вещь ответчику³⁵, несомненно, самый характерный случай. Но в казусе, приведенном в 7 15 — 8, 2, дастабар ответчика, продавший ему вещь, не был сам собственником этой проданной им вещи, а совершил эту сделку, действуя, возможно, по поручению (мандату) лица, которому эта вещь принадлежала. Контекст этой статьи позволяет предполагать здесь сложный случай эвекции и скрытых недостатков проданной вещи: истец, потерпевший убыток (видимо, в результате купли этой вещи у ответчика), вправе требовать возмещения у дастабара ответчика³⁶. Здесь небезынтересно отметить, что происхождение греческой *αντικωυρη· επι τον πρατηρα* принято связывать с гарантией от эвекции и скрытых дефектов *δίκη βεβαλωμένη*.

Поскольку в момент своего привлечения к разбираемому делу названное ответчиком лицо могло быть в отъезде, или вообще проживать в другой — и далекой — провинции, или оказаться больным, устанавливался максимально возможный срок — один год — для его явки в суд (см. 8, 11-13; 15, 7-8). Указывается также, что дастабар сам несет расходы по поездке (6, 6-9).

Не лишены интереса и другие детали. Так, если на одну вещь дастабаров двое, то оба они должны выступать совместно (6, 9-11). Если ответчик выставил как одного дастабара, так и одного свидетеля, следовало признать их двумя свидетелями (что было достаточно для доказательства правомочности владения) или же двумя дастабарами, о чем судье надлежало вынести специальное решение (7, 6-8). Препоручая дастабару защиту своих владельческих прав на суде, ответчик (= *пāтак*; см. 8, 11) делал

следующее заявление (7, II-15): "Всё, что мой дастабар об этой вещи скажет, сделает и поведет на процессе, за сказанное, сделанное и поведенное мною самим я буду считать". После этого ответчик уже не принимал участия в процессе по своему делу и даже мог на нем не присутствовать. Но если дастабар отказался от своих полномочий или вообще не явился в суд, вызвав обструкцию процесса, приведшую к вынесению заочного приговора ответчику, последний мог все же не принять этого приговора и получить право самому вести процесс, дав расписку в том, что явится в суд (6, II-12; 7, 8-II; 7, II-15). Ответчик, в своих показаниях суду указавшего в качестве дастабара сначала одно лицо, а затем другое, признавали виновным в деликте *vaštāk-vaštvanīh* (= судебный деликт "смены показаний"; см. 8, 2-10; 9, 14 - 10, 7).

Описанный способ защиты владения практиковался в Иране задолго до прихода Сасанидов к власти, возможно уже при последних Ахеменидах, — к этому выводу склоняет не только ссылка на комментаторов правовых насков Авесты (6, 6-9), но и присутствие авестизмов в ДІЗ, 17 - 14, I, статье, упоминающей дастабаров.

Некоторым правовым системам древности был известен такой способ защиты владения — его в равной мере можно считать и способом приобретения юридического владения, — как доказательство правомерности владения из давности беспрепятственного (= неоспаривавшегося) обладания вещью. Этот способ имел законную силу и в Риме (*quasi casario. longi temporis praescriptio*), и в далекой от Рима Индии, где беспрепятственное обладание вещью на протяжении "трех поколений" (*tripurusaḡatā*), полагая "поколением" период в тридцать лет, приравнивалось к легальному основанию³⁷. Для Ирана мы не располагаем данными о защите из давности, что можно, конечно, приписать неполноте наших источников. Однако не лишено вероятности и предположение сходства в этом вопросе иранских норм с греческим правом, не знаям подобного основания для защиты правомерности владения³⁸, ведь иранское право смыкается с греческим и в ряде других существенных черт имущественного права.

В заключение предложенного обзора способов защиты владения укажем на существование в Иране древнего обычая представления оспариваемой вещи в суд, когда тяжба шла о движимом имуществе (ср. греческую процедуру *δίκη εις ἐμφανῶν κατὰστασιν*).

Свидетельства Судебника (А25, 16 - 26, II; А30, 7-8) об этом довольно расплывчаты (не вполне ясно, идет ли речь о предмете залога или о залоге), но зато Денкарт (Dkm 748, 7-8) содержит очень четкую формулировку: *Arag xwāstak frāb ō dāta-
ragān āburt(an) ī haḏ hamēnār ō dātafar patkārīšn bayēt* "О представлении в суд вещи, по поводу которой такушимися ведется процесс".

Наряду с вопросом о правомерности владения вещью, естественно, возникал и вопрос о содержании имеющегося у субъекта права, его границах, о том, "каким образом", "на каких началах" осуществляется власть данного лица над вещью (*ḡē abvēnāk xwēšh/dāšt*), т.е. вопрос о разновидности имущественного права. А это, в свою очередь, зависело от того, "каким образом", "на каких началах" вещь была ему передана или ему досталась (*abvēnāk ī dāt/mat*). В качестве разновидностей права на вещь в Судебнике специально упомянуты: наследственное владение семейным имуществом или долей в нем (*xwāstakdārīh, rat bayr*), стурское владение, частная собственность, владение частным целевым имуществом (*rat ahravdāt / rat guvān*), владение залогом-антихрезой (*grāvkānīh*), депозит */(ā)uālmāgīh/*, эфитевзис */ra(v)-
vandārīh(?)*³⁹. В этом же тексте содержатся сведения и о других разновидностях вещных прав, а именно об аренде, о сервитутах, об условном владении за военную службу (всаднический надел, называвшийся *rat ēmōbān* "на обмундированке").

Перечисленные разновидности юридического владения будут рассмотрены ниже отдельно, но до этого следует остановиться на тщательно разработанном иранскими юристами и чрезвычайно важным способом приобретения вещных прав — передаче.

Г л а в а 3. Передача

Одним из показателей высокого уровня развития и разработки сасанидского права является то, что перенос права на вещь доведен здесь до уровня своеобразной абстрактной сделки. Общие принципы этой сделки не зависели ни от категории вещи, ни от содержания самого вещного права, которое переносится, его разновидности, ни от характера передачи, ее основания (дарственный акт, погашение задолженности или даже передача другому лишь права перенести собственность или владение на любое третье лицо), ни от конкретных условий, стипулируемых при передаче (перенос права на определенный срок или "навечно", условие резолютивное, суспензивное и т.д.).

Положение это вытекает из огромного числа статей, трактующих разнообразные казусы переноса вещных прав (*dātān, bē dātān, dāt*); этот материал лежит в основе дальнейшего изложения. Укажем также на раскрытие прегнантности значения термина *dāt* 'передача' в одной из статей Судебника (А20, 15 - 22, 4). Согласно этой статье, переносы права на вещь с любым действием (в "наследственный доль", в "стурство", в "учреждение целевого имущества") и в любых границах времени ("пока сам жив", "пока сын жив", "на случай своей смерти") определяются как *dāt* 'передача'. Разумеется, в конкретных случаях переноса вещного права передающий указывал и разновидности права, и те или иные условия, ибо при отсутствии этих уточнений, как следует из той же статьи, действие передачи расценивалось как перенос права наследственного владения вещью, передача "в доль". Передача являлась общей формой переноса вещного права, обобщающей и включающей самые разнообразные случаи предусматривавших перенос соглашений. Она обнаруживает, таким образом, известное сходство с римской *traditio* и столь же "бестелесна", как и последняя: объект ее — вещь — в ней не действует и может не присутствовать и самом процессе.

Два обстоятельства выступают как необходимые условия переноса вещного права: а) наличие воли двух лиц: воли передающего отказаться полностью или частично от своего права на вещь в пользу другого лица и воли приобретающего принять; б) наличие у передающего права распоряжения вещью, в пределах отчуждения конкретного вещного права во всяком случае, а у приобретающего — известной имущественной правоспособности (= права приобретать).

Первое обстоятельство достаточно хорошо отражено в процедуре передачи, о которой речь пойдет ниже. В отношении же второго условия (право отчуждения — право приобретения) в дополнение к изложенному в разделе о праве лиц можно сказать следующее. Приобретать по передаче вправе и несовершеннолетний свободнорожденный с момента своего рождения, передать же вещь можно было и неродившемуся (19, 10-12; 19, 12-16; 20, 2-6). Ничтожна передача, лишающая членов семьи передающего (жену, детей) средств к существованию, как не подлежит отчуждению имущество, входящее в доли наследников передающего. Если такая передача все же имела место, то естественные преемники передающего вправе были ее опротестовать в судебном порядке (20, 6-7; 30, 10-11; 31, 4-6; 107, 5-7).

Процедура передачи распадается на два акта. Независимо от того, сопровождалось ли отчуждение вещного права составлением письменного документа либо регистрацией, или оно происходило в форме устного соглашения, передающий в присутствии свидетелей произносил дважды или трижды (*pat 3 gōriñ*) формулу передачи. Общий тип этой формулы: "Эта вещь передана тебе" (*ēn hvāatak ō tō dāt*) или: "Я вещь передал Фаррахву". В формулу могли вноситься уточнения, касающиеся объекта передачи, существа вещного права и тех или иных условий передачи или владения. Второй акт заключался в декларации — также публичной — приобретающего (или его опекуна, если приобретающий — лицо подвластное) о принятии им данной передачи и одобрении данного волеизъявления (*vahiñ guftan, kāvak dōñtan, patigiriñ raутākēñtan*)⁴⁰.

Но вернемся к первому акту — к декларации передающего. Сам по себе этот акт еще не создает переноса вещного права. Если передающий объявил о передаче определенной вещи (= того или иного права на нее), то в силу этого объявлении данная вещь выделяется из общей массы его имущества⁴¹ и у приобретающего создается право искового требования на эту вещь, вещное же право продолжает оставаться у передающего. Если было объявлено о передаче не какой-то конкретной вещи, а только определенной стоимости с правом выбора вещи соответствующей стоимости из имущества передающего, то эта декларация создавала у передающего обязательство выплатить объявленную стоимость (= создавала долг), а для приобретающего (или его наследников) — право требования данной стоимости.

Для иллюстрации этого положения можно привести статью 105, 14-16, в которой речь идет о передаче (очевидно, на случай смерти) всего того, "что поступит" в собственность передающему (= *bona adventicia*). В силу данной декларации передающего отныне весь доход (= плоды) с имущества (с 'основы', *bag I bin*), принадлежавшего передающему в момент декларации о передаче, должен отойти в состав имущества, подлежащего передаче. Таким образом, доход, поступающий с имущества передающего, будучи *bona adventicia* и, следовательно, объектом передачи, выделяется из массы имущества приобретающего⁴². Об обязывающей силе декларации передающего говорит, в частности, и следующее. Передающий объявляет об отчуждении вещи, ему не принадлежащей, другому лицу; это обязывает его либо купить обещанную вещь и передать, либо уплатить ее стоимость⁴³.

Следует, однако, отметить, что для юридической силы первого акта недостаточно двукратного или трехкратного публичного

объявления о передаче: передающий вправе в течение трех дней с момента своей декларации отступить от нее и объявить передачу ничтожной (формула: "Я не передал"). Таким образом, только по истечении трехдневного отступного срока, если не имело места со стороны передающего отступления, а со стороны приобретающего — отказа от принятия, упомянутые выше последствия декларации о передаче вступали в силу (см. 71, 9-12; A9, 7-9; A11, 17 - I2, I3; A12, 3-7).

Только декларация принятия передачи открывает путь к переносу вещного права, причем сразу же (если передающий не ставил никаких условий); см. 20, 2-6 (gāh rat kvēñīh rat kvak dāt bavēt); 68, 12-14; A8, 17 - 9, 5 (andag zamān). Это положение особенно хорошо прослеживается на судьбе дохода, приносимого вещью. Здесь следует отметить еще одно важное обстоятельство: между декларацией о передаче и заявлением приобретающего о принятии может иметь место временной разрыв, и весьма значительный. Так, если при передаче оговорен срок вступления ее в силу, то, когда бы ни была сделана декларация о принятии, перенос права (= титула) откладывается до наступления указанного времени ¹¹. Однако задержка декларации о принятии могла произойти и вне связи с условиями передачи, а в силу оттяжки принятия самим приобретающим¹⁵, как и в случае с несовершеннолетним приобретающим, опеку которого отклонил передачу (об этом см. ниже), и тут судьба дохода с передаваемой вещи очень показательна. До вступления второго акта (= принятия) передающий не только владеет вещью, но и присваивает полностью приносимый ею доход. Но с момента объявления о принятии вещное право переносится на приобретающего и право на получение дохода (= плодов) принадлежит уже этому последнему, независимо от того, была ли произведена сразу же физическая передача вещи. Доход, поступивший в промежуток между декларацией приобретающего и его физическим вступлением во владение, передавался ему, как ему должен был быть возмещен передающим любой ущерб, причиненный вещи в этот промежуток времени (см., например, 53, 13-15).

Можно привести и другой пример, указывающий на то, что принятие передачи приобретающим являлось поворотным моментом, после которого перенос вещного права становился совершившимся фактом. Передается вещь определенной стоимости или, точнее, передается определенная стоимость с правом у приобретающего выбрать из имущества передающего вещь соответствующей стоимости. Приобретающий сразу же заявляет о своем выборе вещи в принятии, но за промежуток времени, разделяющий это его заяв-

ление и получение им вещи от передающего, стоимость этой вещи возросла в связи с конъюнктурой рынка. Тем не менее он получает вещь и при возросшей стоимости, ибо перенос права на нее наступил раньше, сразу же по принятии им декларации о передаче. возрастание же стоимости равноценно приращению вещи или принесению ее дохода уже после этого акта. Только если имел место качественное изменение выбранной приобретаемой вещи (например, несовершеннолетний раб стал совершеннолетним), передача (= перенос) будет произведена на расчете объявленной стоимости (см. 54, II-15; ср. также 54, 5-II; 55, 3-7).

Специфической чертой передач с объявлением стоимости и правом выбора вещи приобретающим является право последнего выбрать не одну, а несколько вещей, общая стоимость которых соответствовала бы объявленной (нельзя только часть объявленной стоимости принимать в деньгах, а часть — в вещах; см. 68, 4-6). И тогда выбор вещи и принятие приобретающим передачи может растянуться в несколько приемов — в два или в три, а соответственно перенос права на объявленную стоимость осуществлялся по частям⁴⁶.

В случаях, когда вещное право передавалось не одному лицу, а нескольким, декларация принятия передачи должна исходить от каждого из них, право же приобреталось ими в идеальных долях.

Перенос права на вещь (со всеми вытекающими из этого последствиями) происходит и в случае, когда декларация о принятии передачи исходит не от самого приобретающего, а от его опекуна (приобретающий — несовершеннолетний). Но поскольку несовершеннолетний не обладает полной имущественной правоспособностью — до достижения им совершеннолетия доходом с приобретенного на его имя имущества распоряжается опекун, — ему резервировано право по достижении совершеннолетия в личном вступлении во владение подтвердить или отменить принятие передачи его опекуном (66, 13-14; 67, 10-13).

Отказ приобретающего от принятия /формула: "nē arāyēt", "andaz nē arāyēt" "(Мне) не нужно"/ делает передачу ничтожной: вещь и все права на нее остаются у прежнего владельца /ka nē ratigīrēt (kvāstak) hađ bun bē nē ayēt; 17, 12-13. Иначе обстоит с отказом опекуна несовершеннолетнего приобретающего: эффект отказа в данном случае сводится к задержке передачи на ее первом акте (до достижения приобретающим совершеннолетия, когда он может объявить о своем отношении; 19, 7-10).

Вообще, передачи лицам подвластным имеют свои особенности, вызванные ограничениями в правоспособности приобретающего. Так, при передаче со стороны третьего лица замужней кендиче (но не наделенной специально правом приобретать) декларация о принятии передачи должна исходить от ее мужа. Если в этой ответной декларации муж одобрит данную передачу, отказываясь, в этом частном случае от своего общего права приобретать вместо кенди, то вещь достанется жене (если муж пожелает приобрести сам и произнесет формулу "Нужно", то — ему)⁴⁷. Передача же вещи чужому рабу должна была быть принята господином этого раба; в результате принятия приобретает господин; раб может приобрести для себя, лишь если господин даст ему это право (106. I-4)⁴⁸. Касательно передач чужому рабу следует учитывать также и возможность юридического трока, хорошо известного в талмудическом праве, а именно: господин раба, желая передать своему рабу вещь, мог уполномочить другое лицо выступить с декларацией о передаче, поскольку обе декларации не могли исходить от одного и того же лица.

Передающим или приобретающим могло быть не только лицо физическое, но и лицо юридическое. Процедура передачи несколько не менялась от участия в ней юридического лица. Так, при передаче права на земельный участок или иное имущество, принадлежащее царскому фонду, декларация о передаче возлагалась на должностное лицо, уполномоченное представлять царский фонд в частноправовых сделках [в A27, I2-I3 говорится о том, что объявление о передаче (*dāt raytāk kartan*) входит в компетенцию останадара, возглавлявшего ведомство по управлению царским доменом].

В завершение изложения общих вопросов передачи следует добавить, что при переносе права на вещь приобретается, как правило, именно та его разновидность, которая указана в декларации о передаче⁴⁹. Есть, однако, положения, при которых приобретаемое право отлчно от передаваемого. Таким является, например, положение, когда передавший вещь другому в собственность или в личное наследственное владение (в "дожд") умирает до декларации приобретающего: принятие вещи считается объявленным, и вещь приобретается на началах стурского фонда умершего, а не в собственность или в личное наследственное владение⁵⁰. Прямо противоположный эффект имела передача на стурство вещи, выделенной для этой цели из имущества передающего, если приобретающим был естественный правопреемник традента; вещь в этом случае приобреталась им на правах личной

доли наследства, что открывало ему возможность присваивать весь поступавший с него доход, а не только регламентированную его долю. Этой трансформации права не происходило, если вещь была передана в стурское владение просто родичу-агнату или постороннему лицу (см. 47, 12-14; 69, 6-9 и ниже, главу о стурстве).

Среди статей Судебника, трактующих вопросы передачи, приводятся разнообразные варианты целей и условий, стипулированных передачей, как и казусы, возникавшие в китайской, а следовательно, и в судебной практике. Не ставя перед собой задачи дать сколько-нибудь исчерпывающую их сводку, упомяну варианты, чаще встречающиеся в памятнике или показавшиеся мне наиболее интересными.

1. Передача с предоставлением приобретающему права выбрать из состава имущества передающего вещь определенной стоимости: 54, 11-15; 54, 17 - 55, 1; 66, 6-8; 66, 8-10; 66, 10-13; 68, 6-8; 68, 9-12; 68, 12-14; 68, 14-17; А11, 12-17 (право выбора вещи - раба - в ряду однородных); 68, 1-4; 68, 4-6 (в уплату долга). Без определения стоимости: 66, 5-6; 66, 14-17; 66, 17 - 67, 2; А33, 7-9. Сюда же примыкают передачи с предоставлением права выбора вещи третьему лицу: 68, 14-17; А19, 9-13. Варианты формулы передающего см. 66, 3-5.

2. Передачи на время. Срок, на который переносится право на вещь, разные: "на десять лет", "до моего возвращения из Вавилонии", "пожизненно" ("пока жив" приобретающий), "пока сам (= передающий) жив" и, наконец, "до востребования" вещи передающим: 58, 4-9; 58, 9-14; 64, 15-17; 72, 5-10; А32, 13-15; А33, 3-7. Передачи этого типа делали, как правило, невозможным отчуждение приобретающим полученного вещного права, ср. 64, 15-17.

3. Передача с указанием времени вступления ее в силу ("по прошествии десяти лет" и т.п.). Вот один из казусов такой передачи: вещь передается подопечной другого лица с установлением десятилетнего срока, по прошествии которого передача вступит в силу, приобретающая же умирает раньше. В Судебнике приводятся два разных решения этого казуса авторитетами права - Вахрамом (вещь поступает отцу приобретающей или его семье) и Сиявахшем (вещь остается в семье традента; со смертью приобретающей передача теряет силу): А10, 13 - 11, 10; ср. 20, 11-13; 106, 4-5. Ср. также передачи "до востребования" вещи приобретающим; последний мог востребовать вещь как с передающего, так и с его наследника: А33, 14-15.

4. Передача на случай смерти передающего. Если объявлена передача не какой-то определенной вещи или стоимости, а имущества вообще, то объектом передачи является то имущество, которое имелось у передающего в момент его декларации (одно из отличий действия передачи от завещания): 31, 4-6; 106, 6-7.

5. Передача на будущее, без указания времени (по формуле: "Я передам тебе"). В этих случаях приобретающий должен востребовать вещь (- вчинить иск), но перенос права передающий может задержать до конца своей жизни: A12, 8-9; A8, 17 - 9, 5.

6. Передача с условием, суспензивным или резолютивным, вступления ее в силу: 109, 16 - 110, 1; A18, 2-7; A18, 7-12; A23, 15-17.

7. Предоставление собственником вещи права другому лицу перенести собственность на любое третье лицо по его выбору ("кого он назовет"). Приобретающий не может воспользоваться полученным правом, назвав себя, такое заявление ничтожно: см. 63, 7-8; 63, 8-12; 63, 12-15; 63, 15-17; 63, 17 - 64, 2; 64, 2-9; 95, 12-15; A7, 3-17. Эта чрезвычайно гибкая форма находила применение в сложных финансовых (ссудно-кредитных) и торговых операциях, которым она открывала широкие возможности комбинаций. Ср. также 64, 9-15.

8. Передача в общую собственность. Два основных случая: а) передача вещи нескольким лицам в общую собственность; б) передача части вещи без раздела другому лицу, в результате чего вещь становится общей собственностью передающего и приобретающего. Передача предусматривает, таким образом, создание общего права на вещь в идеальных долях и имеет силу договора о сотовариществе: 56, 12-15; 65, 1-2; 106, 4-5 и др.

9. Передача вола *adventicia* передающего ("того, что поступит" передающему с момента декларации или через год и т.д.): 17, 1-4; 17, 4-5; 17, 5-9; 17, 9-16; 20, 2-6; 20, 16 - 21, 3; A2, 4-5; A2, 5-6.

(О передачах в связи с разновидностью передаваемого владельческого права речь пойдет в соответствующих главах.)

Г л а в а 4. Завещание

Завещание упоминается в ряде статей Судебника⁵¹. Обычное среднеперсидское обозначение - (h)awdāg, но для документа, содержащего распоряжение завещательного характера, пользовались также термином *GT'k* - "gitāk"⁵². Завещателем мог явиться не только мужчина, глава семьи, но и женщина, хозяйка дома,

даже при жизни своего мужа (27, 15-16; 20, 1-4).

В отличие от передач, в том числе передач на случай смерти, завещательное распоряжение представляло односторонний акт, для вступления в силу которого не требовалось декларации одобрения и принятия со стороны приобретающего по завещанию. В саянский период, во всяком случае, оно обязательно облекалось в форму письменного документа, который диктовался завещателем, очевидно, писцу или чиновнику в присутствии свидетелей. Так, в А36, 3-6, где речь идет об одном распоряжении, фигурировавшем в завещании главного магупата Атурпата, сына Зартунта, сказано, что документ этот был записан со слов ("со словесного заявления", рат көрiлп) завещателя. Поскольку в грамотности данного лица не приходится сомневаться, факт записи под диктовку следует считать необходимым элементом процедуры изготовления подобного документа; аналогичные указания содержат статьи А35, 14-16 и А39, 3-7. Из последней можно также заключить, что завещания, по крайней мере те, которые содержали распоряжения об учреждении Огня или фонда "для души", скреплялись печатью магупата. К сожалению, до нас не дошло от этих времен ни одного такого документа, поэтому ряд деталей, как и сам формуляр иранского завещания, остаются неизвестными.

Несомненно, однако, что объектом завещания главы семьи являлось оставляемое им наследство в целом, и, следовательно, оно должно было включать — и в этом также одно из его отличий от передачи — целый ряд распоряжений. В Судебнике имеются упоминания таких распоряжений, которые наряду с основным — назначением правопреемника⁵³ — могли присутствовать в завещании. Они дают достаточно ясное представление о содержании иранских завещаний, которые включали такие пункты, как назначение завещателем опекуна своей семье или стуря, установление попечительства над целевым имуществом и над учрежденным Огнем (см., например, 27, 15-16; А36, 3-6), передача отдельных вещных прав тем или иным лицам (64, 2-9; 105, 10-12; А9, 9-10, 8; А10, 8-13) и даже передача договорного соглашения (105, 12-14)⁵⁴. Завещательные распоряжения о передачах или о назначениях могли содержать те или иные условия вступления их в силу (см., например, 109, 16 - 110, 1).

Завещания составлялись не только во избежание возможных споров между наследниками. Одной из целей был обход и устранение необходимого призвания и наследования (= призвания и наследования по обычному праву): что, разумеется, возможно было лишь в известных пределах: завещательное распоряжение, ущемля-

более минимальные права прямых наследников завещателя, было ничтожно (30, 10-11). В иллюстрирующих это положение — обход необходимого призвания и наследования — примерах нет недостатка. Так, по 27, 15-16, попечительство над Огнем, учрежденным женщиной, передается ее мужу (призвание по закону), если только в своем завещании она не назначила своего сына. В другой же статье (90, 1-4) сказано, что если умершая не оставила завещания, то сделанная ею при жизни передача стурства, обходящая необходимых наследников, ничтожна (ср. примеч. 53). Агнатический порядок призвания в опекуны или в стурсы мог быть нарушен только в исполнение завещания. Столь сильный и гибкий инструмент, естественно, должен был получить широкое распространение. Об этом можно судить уже по тому, как в ряде статей Судебника о призвании или наследовании по закону говорится как о факторе, вступающем в действие только при отсутствии завещания: *ka anadaga niġēt / rat baht žavāt* 'если он умрет, не оставив завещания' (см., например, 27, 15-16; 90, 1-4).

Можно указать и на некоторые другие очень характерные черты завещания, которые особенно четко проступают в отмечаемых в Судебнике формальных противопоставлениях завещаний передачам на случай смерти (30, 10-11; 30, 12-13; 31, 6-8). Завещательное распоряжение может быть изменено завещателем, пока он жив⁵⁵. Другая важная черта обнаруживается в следующем положении (30, 12-13). В случае передачи право приобретающего на вещь не может быть ущемлено вследствие совершения проступка лицом, передавшим ее. Иное дело, если право на вещь приобретается по завещанию: из передач по завещанию могли производиться удержания (или конфискации) на уплату штрафа за деликт завещателя. Следовательно, лицо, приобретающее по завещанию, будь то необходимый наследник завещателя или просто лицо, унаследовавшее отдельную вещь (*heġev ex te certa*), рассматривалось как универсальный наследник и могло быть обязано в размере своего приобретения к уплате долгов или деликтных штрафов завещателя.

Как же поступали, если в отношении одной и той же вещи было сделано два различных распоряжения, из которых одно представляет передачу на случай смерти, а другое — завещательное? Этот вопрос освещен в Судебнике следующими казусами. В одном из них (64, 2-9) имеет место передача (на случай смерти передающего) вещи жене или, точнее, передача жене права передать эту вещь любому третьему лицу, после чего передающий составляет завещание и завещает эту же вещь другому лицу, отстранив в нем от передачи жену: если жена воспользуется первым распоря-

женной (= передаче), то распоряжение, фигурирующее в завещании, ничтожно; но оно может вступить в силу, если лицо, на которое жена перенесет право на вещь (т.е. приобретающий по передаче), откажется от него в пользу завещания. Второй казус (94, 14 - 95, 4), по существу, аналогичен, его основное отличие от первого состоит в отсутствии в завещании какого-либо указания, касающегося первого распоряжения (= передачи), решение его такое же: если приобретающий по передаче декларирует свое согласие со вторым распоряжением (= завещанием), то передача ничтожна (ср. также 31, 6-8). Следовательно, предпочтение в подобных случаях отдавалось передаче на случай смерти: даже отмена ее в завещании не меняла положения, разумеется если она не имела целью восстановления права необходимого наследника (см. выше). Только отказ от принятия со стороны приобретающего по передаче делал валидным распоряжение по завещанию.

Г л а в а 5. Депозит. Сервитуты. Аренда

Депозит упоминается в Судебнике (83, 3-6) как одна из разновидностей юридического владения (*abwēnak ī dābt*) наряду с эмфитевзисом (?) и с залогом-антихрезой. Передающий это понятие термин — *yāwīārīh* или *āyāwīārīh* — представлен здесь в написании *uu'nd'guh/'uud'guh*. В первой части слова можно предположить ср.-перс. *yām* 'сосуд' (конечно, если предпочесть чтение *yāwīārīh*) и сопоставить его с *māpā* 'сосуд' → 'депонированная вещь: предмет залога' сирийского Судебника Ишобохта (У, I, § I, 3, 4, 7); сирийское слово могло быть переводом *yām* недоеднего среднеперсидского оригинала текста Ишобохта. Последнее слово в значении "залог-депозит" засвидетельствовано в пехлевийском Судебнике (102, I, 2)⁵⁶. Возможно, однако, и иное чтение данного написания, а именно *āyām* 'держанье; депозит', *āyāwīārīh* 'депозитарий', *āyāwīārīh* 'депозит'. Что речь идет о депозите, а не о залоге, явствует из противопоставления в той же статье (83, 3-6) данного термина термину *grāzakānīh* 'залог'.

Интересующее нас слово отмечается также в одном из пехлевийских папирусов⁵⁷ и — неоднократно — в Денкарте⁵⁸, где засвидетельствовано выражение (*ā*)*yām nihātan* 'депонировать' (DkM 713, 15). А в одном пассаже этого текста содержится указание на практику передачи депонируемой вещи в опечатанном виде 716, 16: *Araḥ sīyān nihāt ī āvaštōwand rat (ā)yām ...* "Относительно того, когда (вещь) опечатанная передана ('положена') в депозит ..."; ср. аналогичное указание в Судебнике Ишобохта

У, X, § 4: "И если человек передает человеку депонируемый предмет ('сосуд') или деньги ('серебро') в опечатанном виде (bā-ḥatmā) на хранение ..." . Из Денкарта мы узнаем о праве депонента на возбуждение судебного действия против депозитария в случае нанесения им ущерба вещи или попытки ее присвоить. Небезынтересно также имеющееся в Денкарте сообщение о факте "передепонирования" вещи депозитарием⁵⁹ (ср. Ишобохт У, X, § 2, 3).

Передача вещи в депозит производилась по двустороннему соглашению между депонентом и депозитарием. О таком соглашении, касающемся передачи на хранение мелкого скота (соглашение определено авестийским термином "равий.варгва-īh, пехл. rawēhīwuh), говорится в Д12, 3-7. Из этой статьи следует, что при соглашении о депозите, как и в соглашениях по обмену, действовало право аннулирования соглашения по требованию одной из сторон в трехдневный срок с момента заключения соглашения; собственно говоря, оно приобретало юридическую силу только по истечении этих трех дней.

В Судебнике имеется некоторый материал и о сервитутах. В условиях Ирана, страны ирригационного земледелия, сервитуты на пользование водой были, видимо, из наиболее распространенных. Но были и другие, например на пользование дорогой, проходящей через участок в частном владении, или общественные (= общинные) сервитуты на пользование выгонами для скота и лесом (так называемые предальные), общинные ирригационные смести и т.п. Редкость упоминаний о них в Судебнике и вообще в памятниках этого типа объясняется тем, что в подавляющем большинстве случаев они устанавливались и регулировались обычным правом, действовавшим внутри каждой общины.

Сервитуты часто возникали внутри агнатической группы или большой семьи при разделах, как и при продаже или сдаче в аренду земельных участков, и тогда они оговаривались в специальной клаузуле контракта. Так, во всех трех документах парфянского периода из Авромана оговорено право пользования для орошения отчуждаемого участка водой канала, принадлежащего бывшему владельцу и собственнику этого участка и его приемникам, сохранявшим основное право кал на воду, так и, очевидно, на весь комплекс Дадвакан⁶⁰. В одном пассаже Судебника упоминается общественный сервитут на частную дорогу с мостом, перекинутым через частный канал (106. 17 - 107, 2)^р в другом - сервитут на пользование (безвозмездное) водой из частного канала для нужд мельницы, принадлежащей другому лицу (106.

13-17). Характерно, что собственник мельницы не вправе пользоваться водой того же канала для полива деревьев, посаженных им вокруг мельницы.

Если причислять к сервитутам, как это нередко делается, также и другие — и разнообразные — случаи предоставления лицам права пользования в своих интересах чужим имуществом (= *цели*), то сюда можно отнести и право опекуна на часть дохода с имущества его подопечного, равно как и право попечителя на присвоение излишков дохода с фондового имущества "для думи" и некоторые другие факты права, которые нами рассматриваются в их более тесной, с нашей точки зрения, связи с иными институтами.

Срочной аренде в Судебнике была отведена специальная глава, от которой сохранились только название и несколько начальных строк (следующий лист рукописи отсутствует), содержащих две статьи полностью и начало третьей (72, 13-14; 72, 15-16; 72, 16-17). Вопросы аренды затрагивают также две статьи из второй части рукописи (A25, 8-II; A32, 13 - 33, 2).

Термин, передающий здесь понятие "арендная плата, рента; аренда", — вне Судебника он, насколько нам известно, не отмечен — имеет написание $\text{r}^{\text{w}}\text{r}$ ($\text{t}'/\text{h}/\text{ak}$). Значение это отвечает всем контекстам. Он выступает также в конструкциях $\text{rat t} \dots \text{ratigriftan} / \text{dāytan}$ 'арендовать'. Поскольку указанное значение устанавливается с достаточной уверенностью, нам кажется возможным сопоставление данного слова с араб. $\text{tazqā}/\text{tazqā}$. термином иранского происхождения, многократно засвидетельствованным в Вавилонском Талмуде и обозначающим ренту, как это убедительно показал И. Хан⁶¹. То же значение имело и араб. tazq , заимствованное в арабский из арамейского. На основании этого сопоставления можно реконструировать интересующий нас иранский термин как tazak ; написание $\text{t}'/\text{h}/\text{ak}$ рукописи палеографически легкообъяснимо как незначительное искажение tak более раннего списка. Вряд ли, однако, мы имеем здесь дело с производным от иран. tās- 'утомлять': слишком велико смысловое различие⁶². Еще менее уместным было бы привлечение основы tāsa- 'таять'.

При попытке дать объяснение термину tazak кажется целесообразным принять во внимание следующие обстоятельства: а) большая вероятность того, что основным значением его была "арендная плата, рента", а не "аренда" как правоотношение; на это указывают параллели из других языков, а также употребление термина в Судебнике⁶³; б) самой ранней формой аренды была аренда из доли урожая⁶⁴; в) обозначение общепринятой в данном ре-

гноне нормы арендной платы ('половина', 'треть', 'четверть') могло стать обозначением самой арендной платы, расширительно — также и аренды; ср. санскр. ardhika-, ardhikasīrip- 'арендатор' (образовано от ardhā- 'половина'), франц. métayer 'арендатор (от ст.-франц. meitié 'половина'), métairie (moitié) 'арендуемый участок; аренда'. А это делает возможным видеть в *tasaḥ среднеперсидское слово с первичным значением "четвертина", слово, которое либо возникло в раннесреднеперсидском (по ассоциации с tawm 'четвертый'), либо развилось из др.-перс. ⁵⁵šāḥaka-, вторичного образования, в отличие от ср.-перс. ⁵⁶tasūk/tasōk (>араб. tassūj), продолжавшего нормальную для иранского форму (⁵⁷šāhvaḥaka-, др.-перс. šāḥaḥaka-), но специализировавшегося в значении "округ". В свете предложенного объяснения — разумеется, очень гипотетического — первоначально, а именно в ахеменидский период, размер ренты должен был быть равен одной четверти дохода с арендуемой недвижимости, что очень близко к обычной для Месопотамии высоте ренты в одну пятую.

Данные статей, содержащих рассмотренный термин, следующие. Аренда срочная (на несколько лет, A25, 8-II), но в одном из казусов речь идет об арендном договоре, срок действия которого не определен заранее и поставлен в зависимость от воли собственника (= обладателя основного титула) или его наследников (A32, 17 — 33, 2). Арендатор обязывается к ежегодной уплате собственнику фиксированной арендной платы⁵⁶ независимо от полученного им с участка дохода. Неуплата арендатором ренты служит достаточным основанием для досрочного прекращения аренды, но арендный договор не может быть расторгнут, если какая-то часть ренты выплачивалась ежегодно. Действия арендатора, приводящие к понижению производительности вещи и наносящие ущерб ее 'основе' (vīzard ī ō bun gawīt), могут, очевидно, дать основание собственнику на иск о возмещении убытка или о штрафе (ср. 72, 16-17). Объектом срочной аренды могла быть не только недвижимость, но и движимое имущество; упоминается, в частности, наем рабов (см. главу о рабах).

Уже для парфянского периода мы располагаем документальными свидетельствами о существовании в Иране наследственной (= бессрочной) эфитевтической аренды. В этой связи прежде всего нужно остановиться на документах из Авромана⁵⁷, некоторые реалии которых уже рассматривались выше (разд. II, гл. I). Тут сдача в наследственную ("вечную") аренду облечена — в соответствии с распространенной в древности практикой — в форму

продажи на специфических условиях, которые сводится к следующему. Покупщик приобретает ("покупает") за определенную сумму участок у собственника (или обладателя основным титулом на эту землю), обязываясь к ежегодной уплате ему фиксированной ренты. Он также был обязан обрабатывать участок, не запускать его и не делать ничего такого, что могло бы понизить его ценность. Поскольку характер сделок, представленных в пергаменах из Авромана, не был раскрыт удовлетворительным образом ни их издателем Э. Минизом, ни впоследствии, попытаемся дать ниже анализ их содержания.

Два грекоязычных документа из Авромана фиксируют две сделки, отделенные одна от другой интервалом в шестьдесят шесть лет. Виноградник с полем⁶⁶ и с участком, обсаженным деревьями, являющийся объектом каждой из этих сделок, составлял часть большого земельного надела, принадлежавшего, очевидно, семье или агнатической группе Дадвакан, давшей этому имени его название *Dabwakān* *gaz/bāu*. Часть эта охарактеризована в первом документе (Авр. I А 11-12; Б 12-13) как личная доля наследства (*τὸ ἴδιον μέρος*) "продавца" стороны (она состояла из двух неразделенных братьев — Барака и Собана), доставшаяся ей при разделе. Подчеркивается (в обоих документах) обязанность "покупщика" и его преемников обрабатывать участок и не допускать ущерба его основе, а также платить ежегодно ренту "продавца" стороне и ее наследникам. Рента состояла из одной драхмы пошлины за вступление во владение (*τὸ ἔρβαδρον*⁶⁹), двух котил вина, тридцати пяти мер мяса, пятидесяти корзин хлеба и восьми быков; во втором контракте (Авр. II) — из одной драхмы, двух котил вина, двадцати одной корзины хлеба, двух мер ячменя и пяти быков.

Здесь нетрудно выделить две части в ренте. Одна совпадает в обоих контрактах, составляя лишь одну драхму и ничтожное количество вина в две котилы⁷⁰; она явно носила номинальный характер, символизируя отношения аренды, возникшие из данной "продажи". Вторая же часть ежегодных поставок была, очевидно, определена из общего расчета налога, которым был обременен весь надел Дадвакан, и представляла ту часть его, которая приходилась на участок, ставший объектом данной сделки. Сумма налоговых поставок с вотчинного надела Дадвакан и расчет по долям, приходившимся на каждого выделившегося при разделе агната (индивидуальной семьи), были зафиксированы в "старом договоре" (*ἡ παλαιὰ συγγραφή*), на который ссылаются оба документа (Авр. I А 17-18; Б 17-19; Авр. II АБ 7-9); в "старом

договоре" были указаны также границы выделенных участков, общие права на "вход и выход" и режим пользования водой для орошения.

Стипуляция в авроманских контрактах обязанности покупателя и его потомков обрабатывать участок и не понижать его ценности, а также их обязанности платить ежегодно и "вечно" ренту — пусть номинальную — продавцу и его наследникам указывает на истинный характер этих "продаж", на то, что их правовым эффектом был перенос не собственности, а владения. Приобретатель становился наследственным арендатором-эмпитевтом, основной же титул на землю сохранялся за прежним владельцем и его личными преемниками. В силу этого последнего обстоятельства на прежнем владельце (и его преемниках) продолжала лежать ответственность за уплату поземельного налога: поэтому-то новый владелец (и его преемники) должен был вносить ему (и его преемникам) ту норму ежегодных налоговых поставок, которой был обременен участок, приобретенный им в аренду. Очень показательна и клаузула о гарантировании прав нового владельца: последнему и его преемникам гарантируется — под стипуляцию исключительно высокой суммы штрафа — владение участком на "вечные времена", но при условии выполнения ими всех обязательств, оговоренных в контракте.

Эта форма отчуждения (= продажи) владения при сохранении за прежним владельцем основного титула была особенно удобна для операций с недвижимостью, полное и свободное отчуждение которой было затруднительным — или просто невозможным — в силу ее особого правового статуса, например в случае той или иной разновидности коллективной собственности, целевого фонда или храмовой собственности. Участок, "проданный" в эмпитевтическую аренду в Авр. I, входил в большой надел, принадлежавший патриархальной общине или агнатической группе Дадвакан. Как следует из Авр. I А 10-15, Б II-16, участок этот составлял половину земли, которая досталась — в качестве выдела в общую долю — двум неразделенным братьям, Бараку (= Βαῖρακ "Βαδραка-") и Собану, выступавшим совместно как "продавщая" сторона в первом контракте. В отношении выдела этих братьев их агнаты (οἱ συγγληροὶ 'соисследники'), получившие свои доли в общем имени Дадвакан и пользовавшиеся совместно водой для ирригации, "входом и выходом" и пр., обладали латентным правом наследования, что делает естественным ожидать их присутствия в этом контракте в числе жид, гарантирующих права покупателя-эмпитевта и его преемников на владение и на пользование водой и

другими сервитутами. И действительно, в Авр. I Б 29-30, сразу же после клаузулы о праве эфитевта на пользование совместно с агнатами-сонаследниками водой для орошения, сказано, что братья Барак и Собан (= "продавцы") выставили в качестве своих поручителей (ἑγγυοὶ) Хосроя и Апака, которые здесь названы также *συνέυδοτοι*, т.е. "соучастниками в сдаче в аренду"⁷¹. Таковыми же, естественно, должны были быть их агнаты; эти же лица вместе с четырьмя другими (также, видимо, агнатами) упомянуты в списке свидетелей в этой сделке (Авр. I А 28-29; Б 30-32). Нам неизвестно, приходился ли "покупщик" в Авр. I (и в Авр. II) родичем-агнатом "продавцев" стороне, но в ираноязычном третьем документе из Авромана, где объектом "продажи" является часть того же надела, контрагенты охарактеризованы (см. выше, разд. II, гл. I) термином КЗУ 'нү, означающим "агнат", но имевшим также и более широкое значение "партнер; совладелец".

Характерной чертой эфитевтического владения является, как известно, право эфитевта отчуждать свое владение (= аренду) другому лицу с переносом на нового владельца всех обязательств, которыми обременено данное владение (обработка участка, выплата ренты-налога собственнику и возможные иные обязательства), право, сближающее эту разновидность владения с собственностью. Отражение этого положения можно найти в Авр. II. В этом документе в качестве "продавцев" стороны выступает Аспомак, сын Гахака, преемник Гахака, "покупщика"-эфитевта в Авр. I, возможно, старший из его преемников, унаследовавший аренду. "Покупщиком" же является Ден, сын Гахака, очевидно, брат продавца⁷². В подтверждение того, что объект сделки здесь тот же, что и в первом документе, можно привести следующие аргументы. Во-первых, совпадение названия надела. Во-вторых, нахождение всех трех документов в одном кувшине, что указывает на то, что основной титул на объект всех трех сделок принадлежал одному и тому же лицу (= Бараку) и его преемникам (см. разд. II, гл. I). В-третьих, совпадение имени отца продавца в Авр. II с именем покупателя в Авр. I. В-четвертых, бросающееся в глаза отсутствие в Авр. II указания на то, что объект "продажи" представляет личную долю наследства продавца, а это свидетельствует о том, что у него не было личного титула на эту землю, а лишь титул на аренду. И, наконец, в качестве пятого аргумента можно привести отсутствие в Авр. II указания на то, что рента, размер которой детально оговорен, должна выплачиваться "продавцу" и его потомкам, как это имело место в Авр. I, ибо в Авр. II "продающим" является арендатор-эфитевт,

уступающий свою аренду другому, что ничего не меняет в вопросе титула и, следовательно, получателя ренты. Продажа-уступка эфитевтической аренды составляет существо сделки, зафиксированной и в Авр. III (см. выше, разд. II, гл. I).

Собственником или квазисобственником участка, сданного в наследственную эфитевтическую аренду, часто оказывалось лицо юридическое (казна, храм и т.п.), что неудивительно. Это была очень гибкая и удобная форма эксплуатации больших земельных угодий, подчас единственно возможная, например в случае крупных фондовых учреждений "для души". Нисколько не ущемляя титула собственника на основу, сдача в наследственную аренду не только открывала собственнику возможность получения при заключении контракта не такой уж незначительной единовременной платы за участок, но и, что особенно важно, гарантировала ему регулярное поступление ренты в определенном размере, как и контроль и право расторжения контракта в случае невыполнения арендатором его обязательств. Она также гарантирована собственнику постоянство эксплуатации участка в отличие от срочной аренды, при которой возможны были простои, если контракт об аренде не возобновлялся сразу же. С другой стороны, возможность передачи аренды своим наследникам, свобода распоряжения всем доходом, остающимся у него после уплаты фиксированной ренты, как и возможность продажи своего владения, делали эту разновидность аренды более интересной и для арендатора. Среди дошедших до нас статей Судебника нет, кажется, ни одной, рассматривающей случай эфитевтической аренды земли, принадлежащей физическому лицу⁷³. В этом тексте имеется, однако, весьма содержательная статья (Л37. 15 - 38, 4) о правовом положении эфитевтического владения, приобретенного от юридического лица, статья, из которой вытекает следующее:

а) эфитевтическое владение могло в этих случаях приобретаться и не за деньги, а по легально оформленному распоряжению о передаче (fганān) участка частному лицу "для обработки" в собственных интересах получившего владение (pat āpātīh... ut kvēb gāb varz ūt āpātānīh araz kart);

б) владение передается по наследству, но при этом строго отделено от той части передаваемого по наследству имущества эфитевта, которое представляет его семейную собственность;

в) эфитевт правомочен владеть им единолично, вправе и не передавать владения арендованным участком своим наследникам, а распорядиться им по своему усмотрению (bē dātān 'передать на

сторону¹), подобно вещи, являющейся его собственностью, действую при этом совершенно независимо от своих наследников;

г) эфитевтическое владение обременено фиксированной рентой, *аразэк*⁷⁴, выплачиваемой собственнику; задолженность по ее уплате переносится на наследника эфитевта, а в случае злостной неуплаты эфитевтическое владение отбирается.

Дополнительные сведения по этому вопросу можно извлечь из статьи о компетенции амаркара (A27, 13 - 28, 5). В прерогативы амаркара входило, в частности, представлять юридическое лицо - казну - в судебном процессе, возбужденном бывшим эфитевтом, владение которого *xvāstak-ē(v) I dārišn rat araaēkōmand būt* было у него отобрано (очевидно, из-за неуплаты ренты) и возвращено казне. Истец оспаривает на суде правомерность лишения его владения участком, утверждая, что участок этот был его собственностью (или: "личной долей наследства"), а не эфитевтическим владением. Следовательно, и тут представлен случай наследственной (эфитевтической) аренды участка, видимо, царского земельного фонда, рента же выплачивалась казне.

В парфянских остраках из Нисы (первая половина I в. до н.э.) встречаются два родственных между собой и, видимо, равнозначных термина - *аразэк* и *ратзэк*, из коих первый точно соответствует рассмотренному выше пехлевиискому *аразэк* (см. примеч. 74). Контексты не оставляют сомнения в том, что оба термина служат обозначением регулярного ежегодного взноса, поступавшего от виноградарей, живших в округе крепости Михрдаткерт. Оба они засвидетельствованы в вариантах формулы типа: "Из виноградника такого-то (или: "из местности такой-то") вместо (= против. - А.П.) *ртзук/чрзук* от виноградаря такого-то, вина столько-то *марй*; взнос на год такой-то"⁷⁵. Хотя земли вокруг Михрдаткерта имели неодинаковый правовой статус, значительную часть территории занимали царские фондовые имения "для души". Очевидно, значительное число участков в этих имениях, а также виноградников категории "податных" (*ратвāīk*, *цзвар*) было сдано в наследственную эфитевтическую аренду, правовой режим которой раскрывается при помощи документов из Авромана и сасанидского Судебника.

Г л а в а 6. Частные целевые фонды "для души"

Среди обширного материала о социально-правовых институтах сасанидского Ирана, который можно почерпнуть в Судебнике, особый интерес представляют данные о частных целевых фондах и их правовом режиме. Этот институт - он отражен и в эпиграфических

160

источниках — сложился в Иране задолго до сасанидского периода, а впоследствии получил также широкую рецепцию вне Ирана. В очень мало изменившемся с сасанидских времен виде он по сей день существует в общинах иранцев-зороастрийцев (парсов) в Индии; богатый материал об этих фондах у парсов собран и обработан М.Бойс в двух весьма содержательных статьях⁷⁵. В данной главе мы постараемся дать сначала систематическое по возможности изложение правовых аспектов этого института на основании данных, содержащихся в полустах статей Судебника⁷⁷. После этого будут рассмотрены "внешние" по отношению к Судебнику данные, а также некоторые вопросы исторического характера.

Фонды, о которых пойдет речь, учреждались в благочестивых целях и в Судебнике называются *xvāstak ī rat givān*, *xvāstak ī givān gāb* (*rautāk kart / bē dāt*) 'имущество для души', 'имущество, (объявленное/переданное) для души' или *xvāstak ī rat ah-gavdāt* 'имущество, (переданное) на благочестивые цели'⁷⁸. Они предназначались служению "интересам души" самого учредителя, дух членов его семьи или иных лиц, указанных учредителем⁷⁹. Учредителем фонда всегда является частное лицо, одно или несколько (ср. 27, 3-12; 78, II-14 — примеры фондов, учрежденных несколькими лицами совместно); им может быть также женщина (27, 15-16; A14, 1-4).

В учреждаемый фонд передавалась, как правило, недвижимость, выделенная в этих целях из состава имущества, принадлежащего учредителю, как и сооружения культового (алтарь и храм Огня) или общественного назначения (мосты, каналы и т.п.), построенные на средства учредителя. В Судебнике упоминаются учреждения (одним лицом или несколькими, выступавшими в со товариществе) храмов *варакранова* Огня (*ātaxš ī varakrān*; 27, 9-12; 78, II-14), алтарей Огня, *ātux(γ)ōk*⁸⁰, которые устанавливались в больших храмах *варакранова* Огня, в специальном месте, где они были изолированы от большого (= *варакранова*) Огня (см., например, 27, 5-9; 94, 3-6). Но еще чаще говорится об учреждении просто 'Огня' (*ātaxš*): это можно понимать и как обозначение священного Огня низкой категории, "домашнего Огня", и как общее определение огня любой из трех категорий⁸¹. Учреждение Огня сопровождалось передачей ему имущества (27, 9-12; 28, 13-15).

Такого рода фонды включали, по определению сасанидских пристов, вещь, недвижимость, приносящую "плоды" или "доход" (*var ut vaht*), но также и вещь (храм или алтарь Огня, например), "не приносящую плодов" (*avar*) и где посвященной могла

омть только 'основа' (Вил; 34, 2-3; 35, 9-17). Сооружения общественного назначения, как мосты, каналы, акведуки, создание которых засчитывалось учредителю как акт общественной благотворительности и благочестия, не были сами по себе бездоходными благодаря сборам, поступающим за пользование ими⁸². Однако фонды "для души" не обязательно принимали монументальные формы культового или общественного строительства. Выделяя имущество в фонд, учредитель обычно сам указывал его назначение, и чаще всего фонд, вернее, излишек дохода должен был использоваться на оплату и организацию ежегодных поминальных литургий, культовых обрядов и трапез "для души" учредителя или указанного им лица.

В Судебнике упоминаются также учреждения фондов с переменным правовым режимом. По актам этого типа выделенное в фонд имущество становилось попеременно на один год стурским фондом⁸³, передававшимся во владение на соответствующих началах стурю учредителя, а на весь следующий год — фондом "для души", над которым устанавливалось попечительство согласно волеизъявлению учредителя, или же в отсутствие такого распоряжения попечительство над фондом и владение им передавалось по линии естественного призвания в семье учредителя (см. 46. 4-9; А20, 15 - 22, 1). Отметим также право стуря учредить на стурский фонд храм или алтарь Огня "для души" того лица, стуром которого он/она является; стурство покойного при этом сохранялось, а попечителем новоучрежденного фонда становился стур⁸⁴.

Независимо от ценности выделяемого в фонд имущества и избранной учредителем формы его целевого использования учреждение фонда обязательно облекалось в форму официального правового акта, все условия которого — характеристика и описание имущества с его объявленной ценностью, цель учреждения и установленный для него режим, определение попечителя, если учредитель передавал попечительство вне линии необходимого призвания, а в случае фонда, учреждаемого несколькими лицами совместно, указанием доли каждого из них — фиксировались в специальном документе или же в завещании, если учредительный акт составлял часть завещательного распоряжения. Видимо, там, где дело шло об учреждении алтаря или храма Огня с определением попечительства над ним, документ скреплялся печатью настоятеля или наставника (сбѣд) большого храма и оригинал документа или его копия передавались на хранение в храмовый архив (78, II-14; 110, 5-II; А36, 6-12; А37, 1-15).

В декларации об учреждении фонда на благочестивые цели учредитель мог stipулировать отступные; если же они не были stipулированы, то он обязан был к уплате лишь в пределах стоимости объявленного в декларации имущества. иначе говоря, декларация об учреждении создавала обязательство учредителя (71, 12-16; 71, 16 - 72, 3; 109, 13-15). Характерной чертой является неревокательность учреждения, вступившего в силу, как и невозможность в последующем внести какие-либо изменения в установленный учредителем правовой режим целевого имущества. Так, даже в случае совершения учредителем (после акта учреждения) деликта, влекущего за собой потерю этим человеком правоспособности, созданный им фонд не мог быть отменен или уничтожен, но была возможна отмена распоряжения учредителя в части, касающейся определения попечителя (27, 5-9; 34, 12-15; 34, 15 - 35, 6).

Переданное в фонд имущество (= "основа" фонда) не подлежало отчуждению или какому бы то ни было изменению в правовом отношении со стороны учредителя или попечителей, оно должно было сохраняться в целостности и не могло расходоваться даже на указанные учредителем цели; необходимые на это средства брались из приносимого "основой" дохода. Распределение дохода производилось по следующему принципу, общему для всего института в целом. Часть дохода шла на уплату налога (hark ut bāt), если переданное в фонд имущество было им обременено, ибо учредительный акт не влек за собой освобождения от налогового обложения. Затем из дохода выделялись средства на покрытие расходов по поддержанию "основы" (uzēpak ī rat vup), т.е. на эксплуатационные расходы, как и на плату (shzd) или "кормление" (tōbīk) попечителя. Все то, что оставалось от дохода после покрытия перечисленных необходимых расходов, отчислялось для употребления на целевые нужды в соответствии с предписанием учредителя (34, 2-3).

Если учредитель точно указал, какие именно культовые обряды (uzakīn rat pāshīnt nīhātak nīhāt) или иные акты благочестия должны быть совершены, то излишек дохода (точнее, "сверхизлишек", "излишек излишка"), оставшийся после выполнения распоряжения учредителя⁸⁵, поступал попечителю с правом присвоения. Поскольку обычно, хотя и не обязательно, попечительство сохранялось за семьей учредителя, этот излишек (= остаток излишка) принадлежал, таким образом, учредителю и его семье (34, 6-9). В той же статье Судебника подчеркивается, что в целях образования этого открытого для его присвое-

ния излишка попечитель не имеет права сокращать указавшие учредителем обряды⁸⁶. Но там, где плата попечителя была оговорена в учредительном акте специальным распоряжением, устанавливающим ее форму или размеры в виде определенной доли дохода с фондового имущества или не фиксированной суммы денег, попечитель не был вправе присваивать большего (34, 9-12). В этом случае излишек дохода, видимо, распределялся между преемниками учредителя, исключая того из них, кто был попечителем и, следовательно, получал установленную плату в виде фиксированной суммы или части дохода. Разумеется, судьба излишка могла быть предусмотрена и в распоряжении самого учредителя. Излишек доставался учредителю и его семье (он распределялся между наследниками) и там, где попечительство не было закреплено за семьей учредителя. Это положение можно обнаружить и при рассмотрении "внешнего" материала.

Не вполне ясно, что скрывается за словом *baht* 'доля' в статьях 27, 9-12 и 51, 2-6, в которых "доля" противопоставлена "содержанию" (*dāstāgīh*), т.е. причитающейся попечителю плате. Возможно толкование *baht* как попечительской платы в виде "доли" в отличие от платы в форме фиксированной суммы денег, но это может быть также излишек как "доля" учредителя и его семьи. В первой из этих статей (27, 9-12) говорится о том, что если несколько человек учредят в сотовариществе храм Огня, то этим учредителям-сотоварищам (и, очевидно, их наследникам) не "дают" ни "доли", ни "содержания", они (- коллективные учредители) не могут также претендовать на получение "доли" без "содержания". Далее сказано, что если учредитель только один, то ему (и его преемникам?) предоставляется альтернативное право приобретения либо "доли", либо "содержания". Вторая статья (51, 2-6), дошедшая в ущербном виде, переключается с первой, но рассматривает, видимо, более частный казус. В ней всплывает интересная деталь, а именно то, что при поступлении в семью учредителя, в которой глава семьи и его дети - сын и дочь - являются сотоварищами в доходе, эта "доля" распределяется между всеми поровну, т.е. на началах сотоварищества и безотносительно к общим нормам, по которым сын приобретал в семье вдвое больше дочери.

В Судебнике большое внимание уделено попечительству - порядку назначения попечителей и передачи ими своих функций. Очевидно, в судебной практике чаще приходилось иметь дело именно о этой стороне интересующего нас института. Поэтому в отношении попечительства мы располагаем информацией очень де-

164

тальной, если не исчерпывающей. Попечитель обозначается общими терминами *zarḡār* ('попечитель; опекун') и *dastaḡar* ('распорядитель; управомоченное лицо'), а там, где на учрежденный фонд был основан храм или алтарь Огня — также более специальным термином *ātaḡz zarḡār* "попечитель Огня".

Как было уже сказано, обычно учредитель фонда сам определял ему попечителя, равно как и порядок передачи попечительства, и указывал это в учредительном документе⁸⁷. Он мог определить попечителем одного из своих сыновей или своего агната, но также и иное лицо по своему выбору⁸⁸. На попечительство фондом могла быть определена и женщина; в отличие от мужчины женщина не имела права отказаться от принятия на себя функций попечителя (25, 5-8; 27, 12-14). Согласно статье 25, 8-II, по выходе замуж дочери учредителя, определенной попечительницей Огня, попечительство переходило к ее мужу, а в случае расторжения брака решение вопроса о попечительстве подлежало специальному рассмотрению в суде и в зависимости от решения суда попечительство сохранялось за бывшим мужем и его семьей или возвращалось в семью учредителя.

Если фонд посвящался не душе учредителя, а душе иного лица, учредитель нередко определял попечителем преемника или агната этого человека. Так, Атурпат, сын Мартбута, учредивший алтарь Огня "для души" главного магупата Атурпата, сына Зартушта, определил в попечители Датхван, сестру и жену покойного магупата, распорядившись также, что после смерти этой дамы попечительство должно было перейти к человеку по имени Фаррахвиан, а после смерти Фаррахвиана — к другому лицу (A36, 6-12). В статье Судебника, сообщающей об этом учреждении, ничего не говорится о родственном отношении Фаррахвиана и последующего попечителя к учредителю или к главному магупату, "для души" которого был посвящен этот фонд. Вероятнее всего, Фаррахвиан был при жизни учредителя фонда настоятелем (*ḡāḡān*) большого храма варахранова Огня, в котором был установлен учрежденный алтарь, и распоряжение учредителя предусматривало передачу попечительства после смерти Датхван лицам, которые окажутся на этой высокой храмовой должности. На это указывает и формулировка: "... а после Фаррахвиана (на основании данного распоряжения попечителем станет) другое лицо". Имя, естественно, не указано, так как при жизни учредителя и Фаррахвиана не могло быть известно, кто после смерти Фаррахвиана станет его преемником на посту настоятеля храма.

После смерти попечителя, определенного самим учредителем, попечительство обычно передавалось по наследству его приемникам (25, 15-16; 25, 16 - 26, 1; 29, 3-6; 34, 15 - 35, 6; А35, 16 - 36, 3) либо приемникам учредителя (24, 13-16; А35, 16 - 36, 3). Попечитель, ставший им по распоряжению учредителя, а не в силу естественного призвания (в семье учредителя), не имел права, равно как и приемник попечителя, передать свои функции другому лицу. Причинение таким попечителем убытка фонду влекло за собой его отстранение от попечительства, которое в этом случае отходило семье учредителя и передавалось уже по линии преемства этого последнего.

Распоряжение учредителя фонда могло предусматривать передачу попечительства двум и более лицам совместно, и тогда все указанные учредителем лица, каждое из них в отдельности, должны были заявить о принятии ими функций попечителя; в случае отказа одного из них передача попечительства его коллегам объявлялась недействительной (26, 13-14; 60, 1-2). Вопрос о попечительстве в подобном казусе решался очень просто: устанавливалось коллегиальное попечительство из приемников и агнатов учредителя, которое передавалось по линии естественного призвания в семье учредителя. Но если по распоряжению учредителя попечительство над одной половиной фонда передавалось одному человеку, а в отношении второй не было дано указания или был определен попечителем другой человек, который отказался, передача попечительства над половиной фонда указанному учредителем лицу считалась правомерной, а попечителем другой половины фонда становился приемник или агнат учредителя (28, 13-15).

При отсутствии распоряжения учредителя о попечительстве, как и если сделанное им распоряжение в силу тех или иных обстоятельств⁸⁹ признавалось недействительным или не могло вступить в действие, общим правилом было сохранение попечительства над фондом и над огнем за семьей учредителя и передача его по линии естественного призвания в этой семье. Попечителем — одним или совместно с другими членами семьи — становился старший из приемников учредителя; им мог стать и приемный сын, если он старше родного. Если в семье нет сыновей или если они несовершеннолетние, попечительство передавалось опекуну ("естественному" — *sardār ī būtak* или "учрежденному" — *sardār ī kartak*) семьи учредителя⁹⁰. Женщина не могла стать по линии естественного призвания попечительницей фонда; это было невозможно даже для дочери-эпиклеры; попечителем становился сын эпиклеры (*axt-dāt*), как сын — приемник учредителя, а до достижения им совер-

пеннолетия — опеку (110, 2-3). Там, где фонд был учрежден как посвящение душе не-родича учредителя, устанавливалось совместное (коллегиальное) попечительство родни учредителя и семьи того лица, "для души" которого фонд был учрежден (25, 2-5). Попечитель, ставший им в силу естественного призвания, не отстранялся от попечительства в случае причинения им убытков фонду, если он возместил нанесенный им ущерб (35, 7-9), и имел право, так же как и сын учредителя фонда, передать попечительство другому лицу (34, 15 - 35, 6).

Нам следует также рассмотреть вопрос о попечительстве в специальных случаях учреждения. Так, при учреждении фонда с переменным правовым режимом (фонд стурского преемства учредителя, фонд "для души") в год, когда фонд выступает на началах стурского, он передается во владение дочери учредителя как его стур (— эпикжере), а на следующий год — уже в качестве фонда "для души" — переходит под попечительство сына учредителя (см. 46, 4-9).

Как уже говорилось выше, фонд для благочестивых целей и алтарь Огня могли быть учреждены и женщиной. В таком случае она же и становилась попечительницей, а в отсутствие завещательного распоряжения после ее смерти попечительство доставалось ее мужу, даже при наличии у нее сыновей; к ним оно переходило лишь после смерти отца (27, 15-16; A14, 1-4). Попечительство над Огнем, учрежденным женщиной-стуром, по вступлении ее в брак чакар (в брак *vide supra* с агнатом покойного, не оставившего сына-преемника) доставалось мужу-чакар (A14, 1-4).

Таким образом, фонды "для души" — те, во всяком случае, которые не были облечены в форму сооружений общественного назначения, — чаще всего оказывались на наследственном попечении и в фактическом владении семьи учредителя или назначенного им лица и его преемников. Но, даже продолжая оставаться в составе имущества, находившегося во владении семьи и под ее контролем, эти фонды имели особый правовой статус и не смешивались с семейной собственностью, с имуществом наследства. Это очень важное в правовом отношении обстоятельство оговорено в тексте. Так, в одной статье (61, 14-16) подчеркивается, что фонд "для души", личная собственность и доля наследства представляют строго отличные одна от другой категории вещного права, а в другой (A20, 15 - 22, 1) передачи вещи детям передаточного на стурство, в фонд "для души" и в личную долю наследства формально противопоставлены одна другой как предполагающие три различных способа владения (*abtinak i dat*).

Более того, в сасанидский период — наша информация отно- сится ко времени правления Хосрова I Ановервана — контроль над фондами культурного назначения осуществлялся специальным ведомством или "канцелярией по делам культовых учреждений" (dīvān ī kartakān), где хранилась и вся документация, имевшая отношение к этим фондам; в частности, этот контроль входил в компетенцию андарзбата магов (шоуān андарзбат) и рата (A26, 17 - 27, 4; A37, 1-15). В списке сасанидских сановников у ал-Харизми⁹¹ упоминается гувāпакāн āpīrīg 'начальник канцеля- рии (или: 'секретарь') по фондам для души' — видимо, общеи- перский чиновник, возглавлявший контроль над всеми фондами благочестия. Поскольку другие должности этого списка хорошо засвидетельствованы в источниках, не может быть сомнения в подлинности и данного титула, тем более что известное под- тверждение этому имеется в манихейской традиции, о которой речь пойдет ниже. При рассмотрении судебных учреждениями ис- ков, касавшихся попечительства фондами, рат и андарзбат магов были компетентны представлять судам информацию. Есть основа- ния полагать, что ведомство по делам культов и канцелярия гувāпакāн āpīrīg'a, подобно другим ведомствам, как, например, dīvān ī bōstāndāgīh, "ведомству по управлению царской землей", могли через своих официальных представителей выступать в ка- честве юридического лица; для иранских фондов "для души" было характерно то, что учреждением самого фонда особое юридиче- ское лицо не создавалось.

Таковы в основном поставляемые Судебником сведения об иранских частных целевых учреждениях. Но мы располагаем и эпиграфическими данными; имеются также материальные реликты этого института в виде ряда монументальных сооружений. И по- ныне существует в руинах мост, построенный в V в. н.э. около города Гор (ныне Фирюзабад) вазург-фраматаром Ирана Михр-Нар- сә. Сохранившаяся на этом мосту надпись гласит: "Мост этот построен по распоряжению Михр-Нарсә, вазург-фраматара, для его души (гувāн ī хвәй гәδ) и на его средства ..."⁹². Тот же Михр-Нарсә, согласно информации, которая имеется у Табарн⁹³, основал также четыре храма Огня: один, названный Mīhr-Narzēu- ān, — "для своей души", второй — "для души" своего сына Зер- вандата, третий был посвящен душе его другого сына, Нардара, а четвертый, называвшийся (ātūr ī) Māh-Gušnāsrān, был предна- значен "для души" его третьего сына. В учрежденный им фонд Михр-Нарсә передал три садовые плантации: по Табарн, одна из них насчитывала 12 тыс. финиковых пальм. До нас дошли печати

жрецов двух (второго и четвертого) из этих четырех храмов Огня, основанных Микр-Нарса⁹⁴. Храмы также были обнаружены в окрестностях Фирузабада и описаны Э.Херцфельдом и А.Годаром⁹⁵.

Самое важное в данной связи эпиграфическое свидетельство дает нам монументальная трехязычная (в версиях парсик, парфянской и греческой) надпись Шапура I (242-272) на так называемой Каабе Зороастра (Šāhpuhr Kāz). Вторая часть этой надписи — первая ее часть содержит описание трех военных кампаний против Рима — открывается сообщением об учреждении Шапуrom пяти "именных храмов Огня" (rtp'wš MNH') для увековечения имени и "для души" (rwn lwb'n) его, Шапура, самого, "царицы царей" Атур-Анахит, являвшейся его дочерью и женой, и трех его сыновей, участвовавших в военных кампаниях, — Ормизд-Арташира, "царя Великой Армении", Шапура, царя Месены, и Нарса, названного "царем Индии, Сакастана и Турана"⁹⁶. Затем следует пассаж, который в парфянской версии (стк. 19-20) сформулирован таким образом:

W LHW MN ZHNB 'tgrw YNTY W MN 'bdun HQ'YMWN KNŠ htw 'rt
 rtyhštr KTYVt W MN hw QYV IOOO MN MN trkrušn LYH 'bdun YHWT
 W LH ZHNB 'tgrw YNTY LHW 'rdysuWN 'YK hup kthud rty LH
 'rtw'n YWM 'L YWM' QYV HD LHM' HD gtuw W III hwrn HMA IIII
 p'v "Я то, что (именно) мы передали этим Огням, и какой правовой режим (правопорядок; норма) мы устанавливаем — все это в титульном документе записано. А относительно той тысячи агнел, которая из излишка нам по праву полагалась и которую мы (также) передали этим Огням, мы приказываем (следующее): пусть для нашей души совершается ежедневно жертвоприношение из одного агнелка, одного гриба и восьми кофенов хлеба и четырех пасов вина!"

Далее Шапур говорит об учреждении им такого же, но общего жертвоприношения "для души и имени" его агнатов, список которых включает трех его предков и родичей круга сапанда — набавадиктов, а из оставшегося количества агнел (т.е. 270 или 268 голов) Шапур устанавливает жертвоприношения столько раз в году, сколько возможно⁹⁷, "для души и имени" лиц — имена их приведены в надписи — из двора царей Папака, Арташира и его собственного⁹⁸.

Но вернемся к приведенному выше отрывку из надписи Шапура. Из него следует, во-первых, что основание Шапуrom пяти "именных" храмов Огня сопровождалось передачей в этот учрежденный им фонд имущества, состоявшего, очевидно, как в

скота, так и из недвижимости — пастбищ, земельных угодий; ср. упоминания жертвоприношений священным хлебом — *āgōn* зороастрийского ритуала — и вином; зерно в вино поступали, видимо, с передаваемых в этот фонд полей и виноградников. В надписи нет описания имущества, выделенного в фонд, что неудивительно, ибо данная надпись носит публичный характер, и, хотя Шапур и сообщает в ней о своих учреждениях, она никак не является, вопреки высказывавшемуся мнению⁹⁹, учредительным документом. Согласно формулировке самой надписи, описание переданного в фонд имущества с указанием правового режима, установленного царем-учредителем, содержится ("записано") в *rtušttr*. отождествление которого с данной надписью не может быть обосновано ни логически, ни анализом термина.

Заявление Шапура в надписи о том, что состав переданного им имущества и его распоряжение о режиме "записано в *rtušttr*", логически указывает на то, что детали, касающиеся этого учреждения, изложены в другом месте — в документе-*rtušttr*, к которому он как бы отсылает. Речь идет, несомненно, о правовом документе, который, как следует из Судебника, обязательно составлялся при учреждении фондов независимо от их масштаба. В иранских версиях надписи Шапура он обозначен термином *rtušttr* (пахлавик) : *r'thšttr* (парсик) — ср.-иран. *ratixšahr* 'титульный документ' (букв. 'титул; правомочие' → 'документ, удостоверяющий титул'), ср. арм. *ratšir* 'документ' (армянский термин заимствован из среднеперсидского). В греческой версии иранский термин передан развернутым *ἔγγυραφος τοῦ ἀσφαλισματικῆς τῆς τιμῆς*, выражением, которое А.Марик в своем издании греческого текста перевел как "document garant de l'honneur (accordé)", "документ, гарантирующий (оказанную) почесть", "гарантированный документ об оказанной почести", придавая также и иранскому оригиналу, *ratixšahr*, значение "почетный документ" (*document honorifique*)¹⁰⁰. Однако не только иранский термин (производное от *ratī* + *xšāu-* "иметь власть, правомочие") не имел такого значения¹⁰¹, но и толкование, предложенное А.Мариком его греческой передаче в надписи, не может быть принято. Греч. *ἀσφαλισματικῆς* или *ἔγγυραφος ἀσφαλισματικῆς* — хорошо засвидетельствованный технический термин, обозначающий "сертификат права владения", "документ, удостоверяющий титул владения". В юридической практике эллинистического времени перенос того или иного важного права производился *κατ' ἔγγυραφον ἀσφαλισματικῆς*¹⁰². Слово же *τιμῆς* имело наряду со значением "почет, почесть" не менее распространенные значения "дар; жертвопри-

ношение (людям и богам)" и "культ; культовый обряд", ср. $\tau\epsilon\mu\acute{\alpha}\iota$ $\delta\epsilon\omega\nu$, $\tau\epsilon\mu\acute{\alpha}\iota$ $\delta\alpha\iota\mu\acute{o}\nu\omega\nu$.

Таким образом, $\epsilon\upsilon\chi\upsilon\rho\alpha\phi\omicron\varsigma$ $\tau\omicron\upsilon$ $\acute{\alpha}\sigma\varphi\alpha\lambda\iota\sigma\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ $\tau\epsilon\mu\eta\varsigma$ — это "документ о передаче имущества на культовые цели", "титულный документ, удостоверяющий передачу имущества на культовые цели", выражение, как нельзя более точно передающее не только иранский термин, но и все нюансы его технического употребления в данном контексте. А из этого следует, что учреждение царем фонда на благочестивые цели получало юридическое оформление в письменном документе, фиксирувавшем как передачу имущества с его точным описанием, так и установленный учредителем режим, т.е. производилось в полном соответствии с известными нам из Судебника нормами частного права.

Отражение тех же норм мы имеем и в следующей фразе данного отрывка надписи. Шапур в ней говорит о своем втором учреждении, которое либо сопровождало первое — основание пяти храмов Огня с передачей в этот фонд имущества, либо было сделано дополнительно специальным распорядительным актом. Это второе или дополнительное распоряжение предусматривало учреждение нормированного фонда на регламентированные царем-учредителем именные культовые обряды "для души". Точно такие распоряжения при учреждении фондов упоминаются и в Судебнике, где говорится о выделении учредителем "определенного вклада ($nihatak$) на совершение культовых обрядов" ($uazidn rat nāhdišt nihatak nihāt$; см., например, 34, 6-9; 35, 9-17).

Как следует из надписи, фонд на обряды в размере одной тысячи ягнят и необходимого количества зерна и вина был выделен из той части излишков дохода с переданного Огням имущества (= первое учреждение или основной фонд), которая, согласно формулировке надписи, "по праву полагалась" ¹⁰³ царю Шапуру, т.е. представляла "долю учредителя и его семьи". В надписи она обозначена техническим термином $takrūšn$, ср.-иран. $*takrārišn$ или $*takrārišn$ (в греческой версии дана его транскрипция: $\tau\alpha\rho\kappa\alpha\lambda\tau\rho\sigma\iota\nu$), который был объяснен Г.Шедером, а вслед за ним А.Мариком как означающий буквально "излишек, избыток" ("Überschuss; excedent") — производное от корня $kar-$ 'падать' с провербом $tak-$, сопоставимое с греч. $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\pi\acute{\iota}\pi\tau\omega$ 'быть в избытке, в излишке', $\tau\acute{\alpha}$ $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\pi\acute{\iota}\pi\tau\omicron\nu\tau\acute{\alpha}$ 'избыток, излишек' ¹⁰⁴. Отметим также, что, несмотря на отсутствие в шапуровской надписи описания переданного в фонд имущества, тот факт, что тысяча голов ягнят и около пятнадцати тонн зерна могли составить

некую гарантированную часть ежегодного прироста и капитала дохода, уже свидетельствует о значительности этого фонда.

Дополнительные сведения об этих учрежденных Шапуром фондах поставляет нам надпись иреца Картира. Из нее (Kartīr Kiz, стк. 2-3) мы узнаем, что попечителем — наследственным (vāsrub-gakān) — всех учрежденных царем фондов, как упомянутых в большой царской надписи, так и других, не упомянутых в ней, царь-учредитель определил иреца Картира, которому как попечителю были переданы все документы, касающиеся этих учреждений царя, а также специальное здание-архив (? vāp-kānāh) для их хранения¹⁰⁵.

Существование данного института в Иране засвидетельствовано и в документах парфянского периода. Издателями парфянского архива из Нисы было отмечено, что ряд имений и виноградников, расположенных вокруг крепости Микрдаткерт (древняя Ниса), назван по имени царей аршакидской династии. Таковы имения Фрипапатикан (Frīyapatīkān), названное по имени царя Фрипапата II (191-176 гг. до н.э.), Микрдатакан (Mīhrdātākān) — по имени Митридата I (171-138 гг. до н.э.), Артабануван (Artavānukān) — в честь Артабана I (219-191 гг. до н.э.) либо Артабана II (128-124 гг. до н.э.). Виноградник Артамахракан (Artamaḥrakān), входивший в именование Артабануках, по предположению, очень вероятно, издателей нисийских документов, был назван так в память Артаксеркса II, легендарного предка Аршакидов, виноградник же Готарзакан (Gōtarzākān) — по имени Готарза I (91-81 гг. до н.э.). Это наводило издателей на мысль о том, что эти имения и виноградники были "выделены на содержание заупокойного культа" царей, по именам которых они были названы. Но впоследствии от этого своего вывода они отказались на том основании, что один из виноградников, Готарзакан, впервые упомянут в документе, датированном 159 г. аршакидской эры (= 89 г. до н.э.), т.е. при жизни самого Готарза I, по имени которого он назван. А это обстоятельство, по мнению издателей нисийских текстов, ставит под сомнение возможность рассматривать эти имения и виноградники как посвящения культу "души"¹⁰⁶. Подобный вывод навевает, видимо, привычными для нас представлениями о христианских поминальных обрядах, которые, правда, имеют очень древние и общие с данным институтом корни, но имеют также немало различий. В частности, для иранского культового института, восходящего к индо-иранской общности¹⁰⁷, основание человеком при жизни фонда "для души" с регламентацией культовых обрядов для своей собственной души (или для души другого человека, также

живого) было нормой, нашедшей отражение не только в Судебнике, но и в еще более яркой форме в большой надписи царя Шапура. Далее, в нисийских документах упоминаются и храмы, некоторые из них безымянные, но среди названных по имени очень показательны āuāzān Frāhātāk[ān]. ('uzru frhth[ān])¹⁰⁸ — несомненно, храм, учрежденный "для души и имени" царя Фраата и совершенно аналогичный более поздним учреждениям Шапура I, как и храмам, основанным Михр-Нарсэ.

Тексты из Нисы открывают также ряд деталей, касающихся организации контроля и эксплуатации фондовых земель¹⁰⁹: ни одна из этих деталей не расходится с данными об учреждениях "для души", относящихся к сасанидскому периоду. Известно также, что в окрестностях Нисы находилась родовая усыпальница Аршакидов (I v i d. S h a t. Mala. Farth. 12), — обстоятельство, делавшее особенно уместным учреждение в этой местности царских фондов "для души". Это, конечно, не означает, что все именные и деревни вокруг Михрдаткерта — Нисы, поступления с которых свозились в великий склад и там регистрировались, представляли фонды "для души", но для нас здесь важно то, что и такие имелись.

Несмотря на отсутствие свидетельств, относящихся к допарфийскому периоду, не приходится сомневаться в древности рассматриваемого института в Иране. На его примере можно установить еще одну черту сходства в общественно-историческом развитии иранцев и индийцев. В древней Индии также существовали учреждения царем и частными лицами фондов на благотворительные и общественно-полезные цели¹¹⁰. Особенно богатую информацию об этом содержат тексты групп Смрити и групп Пурана, но имеются также и эпиграфические свидетельства начиная со времени правления Ашоки. Речь идет об институте, известном под общим названием utśāgga, букв. 'отделение, отречение, отказ' (от своего вещного права в пользу цели). В фонд можно было передать земельный участок или иную недвижимость, деревню (точнее, право на налог, который взимался с деревни), а также ренту (ni-bandha).

В Индии, как и в Иране, женщина, несмотря на ограниченную имущественную правоспособность, могла быть учредительницей фонда наравне с мужчиной: за ней, как и за мужчиной, признавалось право выделить из имущества семьи фонд в границах того максимума, который не ущемлял минимальных по установленной норме прав наследников на приобретение наследства. Учреждение фонда и его условия получали письменное оформление в учредительном документе (śāśana), формуляр которого, согласно более

поздним Смирти, должен был включать 16 пунктов. В отличие от Драна в Индии переданные в фонд земельные участки освобождались от налогового обложения. Особенно подробно освещен в текстах ритуал, который обязательно сопровождал каждое такое учреждение, при этом обряды были различны в зависимости от цели учреждения и формы, в которую оно облакалось.

Цели и формы учреждений, входивших в общую группу *utvaṅga*, были достаточно разнообразны и внутри этой группы различались: а) *rūṅtā-*; в эту категорию входили учреждения на общественно полезные цели, как, например, дома призрения, смротские приюты, колодцы, водохранилища, сады, дороги¹¹¹; б) учреждения на чисто религиозные цели; сюда относились основания храмов или изображений богов (*pratiṣṭhā*), как и фонды, выделенные на содержание храмов и их восстановление (*jīgraddhāga*); переданные в такой фонд земли в более поздних источниках называются *devasthān* 'земля бога'. В зависимости от разновидности фонда попечительство осуществлялось либо храмовой администрацией, либо специальной коллегией попечителей (*goṣṭhi*, *goṣṭhījana*), члены которой (*goṣṭhika*) — обычно из семьи учредителя, но могли быть также лица, определенные на попечительство учредителем или царем, — передавали свои фонды по наследству.

Таким образом, индийские фондовые учреждения *utvaṅga* и вранские *pat givān* при бесспорном их сходстве по существу сильно различаются в формах и деталях своей организации, что неудивительно, ибо индийский и вранский институты развивались независимо один от другого и в неодинаковых условиях. Большое сходство, также и формальное, можно наблюдать там, где имела место рецепция.

Несмотря на отрывочность имеющихся свидетельств, можно с уверенностью говорить о том, что институт *pat givān* был воспринят — видимо, с некоторыми модификациями — манихеями, у которых он также назывался *givānagān* и *givānēn kirdagān*¹¹². В греческой передаче — *εὐσεβεία* 'благочестие' — он упоминается и в *Acta Archelai* 16, 11. В качестве свидетельства можно привести также два отрывка из манихейских среднеперсидских текстов. В первом отрывке (M 47a, 4-6) говорится об учреждении аудиторами фондов "для души" с передачей в эти фонды недвижимости: *[bō]dīstān gaz kadag sāyag givānagān ast niyōbāgān ō dēn kishān mānestān dēvēnā* "Сад, виноградник, дом, имущество — это есть (вклад) для души; аудиторы учреждают (его) для религии, строят монастыри"¹¹³. Во втором (M 221 B 6-9) подчеркивается благочестивый характер акта учреждения, дающего аудиторам

равное положение с избранными: ud pad hān xvēbañ tuvānagān avīn niyōbāgān pad dēn yōddahg āmīxwēnd ud abāg visidagān ham- bahg bavēnd "И посредством этого их (вклада) для души эти аудиторы соединяются ('смешиваются') со святой религией и обретают общую (= равную) долю с избранными (или: 'становятся сотоварищами избранных'. - А.П.)"¹¹⁴. В манихейских монастырях было и специальное должностное лицо (tuvānagān vrawad), в ведении которого находились учрежденные аудиторами фонды¹¹⁵.

Несравненно более важной по своему значению и масштабам была рецепция рассматриваемого здесь, иранского института арабскими завоевателями сасанидского Ирана и исламским правом, сменившим иранское почти на всей территории бывшего государства Сасанидов.

Приведенные выше данные о фондах rat tuvān в Иране позволяют, как мне кажется, подойти к решению не выясненного до сих пор вопроса о происхождении вакфа в мусульманском праве. Исламская правовая традиция приписывает создание вакфа самому пророку, его сподвижникам и первым халифам. Известно, однако, что в Коране нет никаких упоминаний этого института, как нет также никаких указаний источников на существование подобного института у арабов в доисламский период. Поэтому уже в прошлом веке европейскими исследователями вакфа высказывалось предположение о заимствовании и была выдвинута (впервые Беккером) гипотеза, согласно которой первые учреждения вакфа возникли в Египте и были скопированы с византийских учреждений *prae saeculae* (ἑὐσεβεία αἰτία, εὐαγεῖς οἶκος, εὐσεβῆς πρᾶξις), известных из законодательства Юстиниана¹¹⁶. Эта гипотеза была подвергнута очень основательной критике К. Назаном, указавшим на значительные расхождения — как в формах, так и в правовом режиме — между вакфом и византийскими учреждениями¹¹⁷. По мнению К. Назана, истоки вакфа следует искать не на периферии, а на территории, являвшейся центром первого халифата и колыбелью новой исламской цивилизации, иначе говоря, в месопотамском ареале, бывшем до этого центром Сасанидской империи.

Сравнение вакфа с иранскими фондами "для души" обнаруживает удивительное их сходство; это, по сути дела, один и тот же институт. И в вакфе мы имеем неконсумируемую "основу", доход с которой распределяется по тому же принципу: одна часть его идет на поддержание "основы" (= эксплуатационные и амортизационные расходы), другая — на уплату налога, третья, оставшаяся, используется на цели, указанные учредителем (wāqif). И здесь мы видим сохранение обязанности уплаты податей, которые

нашли на объявленном имуществе до учредительного акта. Совпадают условия и формы учреждения, неревозвратность учредительной сделки и вступление ее в силу сразу же после акта учреждения (следовательно, при жизни учредителя), если учредительный акт не был облечен в форму завещательного распоряжения. Аналогична и форма управления вакуфным имуществом через попечителей (*ḥāḍir, qā'im, ḥatā'illī*), которые обычно определялись (первый попечитель, во всяком случае) самим учредителем и получала, подобно попечителям иранских фондов, плату. Первым попечителем фонда может стать и сам учредитель (как и в сасанидском Иране, где даже женщина, учредительница фонда, могла стать его попечительницей). Наличие у *qā'ī* права осуществлять общий контроль над вакуфными фондами религиозного назначения не может не ассоциироваться с таким же правом у *magūpatā* и у *āydarzādā* *magūv*. Наконец, в вакфе мы находим те же две основные разновидности, которые мы видели уже в институте *pat ḡavān*, а именно *waqf ḥāḍirī* — учреждения религиозно-общественного назначения (мечети, медресе, приюты, мосты и пр.) и *waqf ḥāḍirī* — учреждения, не выходявшие из общего состава имущества, находящегося во владении семьи.

Черты сходства и совпадения не только в существе, но и в формальной организации иранских фондов и вакфа вряд ли можно считать случайными: они указывают на факт рецепции иранского института. Ханефитская традиция относит возникновение вакфа в его распространение среди арабов к концу первого столетия после смерти пророка Мухаммеда, т.е. именно к тому времени, когда Иран был завоеван арабами и подвергнут исламизации. Показательно также и то, что сасанидский титул *ḡavānākān dīrīg al-*Х^Варизми поясняет по-арабски как *kitābat al-awqāf* "начальник канцелярии по вакуфным учреждениям"¹¹⁸.

Р а з д е л IУ
СЕМЕЙНОЕ ИМУЩЕСТВО И ЗАКОН НАСЛЕДОВАНИЯ

Г л а в а I. Обеспечение преемства: с т у р с т в о

Уже в предложенном выше описании различных общественно-правовых институтов, особенно же брака и семьи, обращает на себя внимание характерная для обществ древности забота о трансмиссии имущества и правообязанностей, а также забота о трансмиссии культа душ умерших. Трансмиссия эта осуществлялась в рамках законного преемства лица — главы семьи, и здесь следует в первую очередь упомянуть его детей, рожденных в законном браке. Однако, прежде чем мы приступим к рассмотрению различных аспектов наследования в иранском праве, необходимо подробно остановиться на одном чрезвычайно важном институте, а именно на стурстве¹.

Термин *stūr* (и образованное от него абстрактное имя *stūrīh*), широко представленный в Судебнике, отмечается и в ряде других пехленйских текстов, в частности в Денкарте, Датастан-и деник, в ривайатах, в Образце брачного контракта. Этимология термина и его собственное значение остаются пока неясными², но опубликованный недавно фрагмент из авестийского Салатум-наски³ с формой *stūrīh* (вин.пад. ед.ч. от **stūrīya-*) указывает как на авестийское происхождение пехл. *stūr* (*stwl*), так и на древность обозначаемого им института.

В иранистической литературе интересующий нас термин осмыслился по-разному. В своем переводе Датастан-и деник Э.Уэст трактовал и переводил ср.-перс. *stūrīh* как "усыновление" ("adoption")⁴. Такое толкование не только не поддерживается контекстом глав Датастан-и деник, но и вступает с ним в противоречие: в этом памятнике термины "усыновление" / "приемный сын" и "стур" строго отделены один от другого⁵. Перевод Уэста навеян поздними персидскими ривайатами XV в., в которых данному термину в двух из шести случаев его употребления придано (или: возможно придать) значение "приемный сын"⁶. Х.Бартоломэ на основании знакомства с Судебником справедливо возражая против механического перенесения позднего переосмысления термина при переводе и интерпретации пехленйских текстов, отражающих раннюю традицию (см. Зав V, 23, примеч.). Однако пред-

поженное самим Х. Бартоломэ⁷ раскрытие термина *stūgīh* как "опека, попечение; управление имуществом (*cura, Pflege, Verwaltung*)", *stūg* — "опекун, попечитель (*curator, Pfleger*)" также нельзя считать удовлетворительным, хотя эта трактовка и получила сторонников в лице Я. Фая Аса ('*Verwaltung; Verwalter*'); А. Пальярó ('*tutore*') и Ж. де Менама ('*un administrateur ou un tuteur*')⁸. Понятие "опека"/"опекун" передается в среднеперсидских текстах термином *wardāgīh/wardāg*, и как уже отмечалось выше, в иранских правовых текстах отсутствует терминологическое противопоставление, подобное римскому *cura : tutela*. Более того, во всех пехлевийских текстах, рассматривающих вопросы стурства, этот институт всегда либо противопоставляется опеке, либо четко отделяется от нее.

Данное обстоятельство не осталось незамеченным. Перед А. Пальярó при переводе некоторых статей Судебника, в которых *stūg* противопоставлен *wardāg* 'у (например, 26, 8-10; 26, 10-12), возникла немалая трудность передать одним и тем же словом *tutore* 'опекун' оба термина, выступающие в контексте, совершенно исключая возможность их отождествления. Он пытался ее устранить, отказав термину *wardāg* в значении "опекун", твердо для него установленном и ни у кого не вызывавшем сомнения, и возведя его в ранг технического термина, обозначающего *paterfamilias*. Между тем для обозначения "главы семьи, домовладыки" пользовались исключительно термином *katakhvatāy*, который, кстати, присутствует и в 26, 8-10. Неудивительно, что следствием столь вольного приема явился нелогичный перевод указанных статей, подстановка же принятых Пальярó значений данных терминов в сотни других контекстов, в которых эти термины встречаются, в каждом случае привела бы к такому же результату.

Та же трудность передать одним термином "опекун; попечитель" как *wardāg*, так и *stūg* возникла и перед Ж. де Менамом, но предложенное им решение отлично от предыдущего. По его мнению, разница между сардаром и стуром состоит в том, что первый был опекуном и попечителем реально существовавшей семьи умершего домовладыки, включавшей женщину и несовершеннолетних, тогда как второй был опекуном "фиктивной" семьи умершего и управляющим ее имуществом, т.е. предполагается случай, когда покойный не оставил потомства (от полноправного брака, во всяком случае), но оставил имущество⁹.

Достаточно, однако, указать на то, что покойный мог в своем завещании определить себе стура, имея детей от полноправного брака, при этом детей обоих полов; более того, он мог

определить стуром также и своего сына от полноправного брака¹⁰ и даже определить себе сразу несколько стуров. Различие между *stūrīh* и *varḍārīh* обнаруживается и в порядке призвания: если призвание к опекунству, определяясь порядком агнатического родства, шло, как правило, по мужской линии, то призвание к стурству, будучи также обусловлено порядком агнатического родства, шло преимущественно (хотя и не обязательно) по женской линии (об этом подробнее см. ниже). Но поскольку в большинстве случаев стуром оказывалась женщина, она, как правило, сама была лицом подопечным и имела (а после смерти отца или мужа получала) опекуна¹¹. Известно также, что женщина в силу своей ограниченной правоспособности (также и имущественной) не могла рассматриваться как лицо, подходящее для управления имуществом семьи; эта функция, как мы уже видели, возлагалась на опекуна семьи. Уже по приведенным соображениям интерпретация термина "стур" как "опекун; попечитель" или "управляющий" неприемлема. Это станет еще очевиднее при более близком знакомстве с фактическим материалом.

Для объяснения интересующего нас института мы располагаем обширнейшими данными, а главное — данными, не содержащими противоречий. При этом сведения, поставляемые более поздними пехлевийскими текстами, в целом гармонизируют с материалом Судебника, освещающим этот вопрос более полно и разносторонне. Поскольку в Судебнике относящийся к этому материал разбросан во множестве статей, удобнее начать рассмотрение с данных Дата-стак-и деник, а именно с той общей характеристики положения о стурстве, которая представлена в этом тексте (Da. 56, 2-3): "Со *stūrīh* дело обстоит следующим образом: когда умирает мужчина зороастрийского вероисповедания, член гражданской общины (*āzāt* 'агнат/свободный'), подданный царя царей (*šāhān šāh varḍak*), не имевший ни жены, ни детей от полноправного брака, ни приемного сына (*patigriftak*), ни брата-сотоварища (= сонаследника, *brāt ī kavbāy*), ни стура, учрежденного им самим в завещании (*stūr ī kartak*), оставляя ('имеет') имущество стоимостью в 60 сатеров, приносящее доход (*varḍmānd*), тогда это имущество ...¹² агнатическая группа этого умершего (*ān vitartak gōh-tak*) должна объявить, и оно должно быть объявлено / названо стурским; а (стуром) ему (= умершему.— А.П.) следует и а — з н а ч и т ь того из ближайших агнатов (*navdīktar hād kavānān*), который согласен заботиться о совершении культовых обрядов¹³, о его (душе и душах его предков.— А.П.) и нести ('держат', 'иметь') линию его преемства (*kē rat ān ī ōy nāmākē-*

aīh gāuēnīt ut ratvād dāit †xvatūk [Mas. xvatk вместо
 xvatuk]¹⁴. В дополнение к данному определению можно привести
 цитату из Dd. 57. 2, где речь идет о том, кто может стать сту-
 ром покойного: "Муж совершеннолетний, дееспособный (xvākar),
 благоразумный, подданный царя царей (= гражданин), спо-
 собный дать потомство (frazand-ōmēt), не
 совершивший тяжкого преступления¹⁵, подходит для роли стурра. И
 даже если он уже принял одно стурство, он годится также и для
 другого стурства. Женщина совершеннолетняя и несовершеннолет-
 ная годится в стурры. Но если она является стурром одной семьи,
 стурром другой она стать не может. И женщина, если она рабыня
 или служанка (bandak ut ragintār), или не-иранка, не-эроаст-
 рийка, или если она совершила тяжкое преступление, не подходит
 в стурры, равно как поклоняющаяся дэвам, проститутка и т.п.".

Оставим пока в стороне вопрос об отсутствии у покойного
 жены и детей от полноправного брака, как и много законного
 преемника, как фактор не всегда обязательный: Датастав-и денки
 рассматривает здесь лишь один из трех типов стурра, а именно
 'стурра по назначению' (stūr ī gumārtak), и только для данного
 типа это обстоятельство важно. Для определения характера инте-
 ресующего нас института существенна формулировка целей учре-
 ждения стурра: обеспечение непрерывности культа души покойного и
 душ его предков путем создания бездетному субститутивного пре-
 емства. В Ривайате Змета (Уш, 4-5) учреждение стурства и опре-
 деление в завещании или не посмертное назначение стурра (stūr
 kupībīh ut gumātibīh) охарактеризованы как религиозная до-
 бродетель, благочестие (kīrak): "Оставить в земном мире стурра
 и почитание душ умерших (nāśakālīh) — великая польза телу и
 душе", а следовательно, "если человек при жизни не сделал сам
 распоряжения (об учреждении стурства и не определил себе сту-
 ра. — А.П.), то (после его смерти) следует назначить ему сту-
 ра" (Riv. Еш. Аб. VIII, 4).

Таким образом, стурство можно определить как своеобразный
 фидеикоммисс по созданию преемства бездетному, стур же пред-
 ставляет как бы фидуциарием преемства. Он был обязан дать покой-
 ному преемника, и один из рожденных им (после принятия стур-
 ства) детей становился сыном и преемником покойного, его stū-
 tīk ras (Riv. Еш. Аб. XVIII, 14). Поэтому, в Dd. 57 подчерки-
 вается, что в стурры подходит лишь лицо, способное к деторожде-
 нию (frazand-ōmēt), будь то мужчина или женщина, а в Ривайате
 Змета (ХУШ) детально рассматривается судьба стурства, когда
 лицо, принявшее его, оказалось не способно дать преемника либо

когда родившийся ребенок умер, не достигнув совершеннолетия. Об этой обязанности стурца указывается и в Судебнике (см. 109, 4-6; 49, 2-3).

Теснейшим образом связанное с заботой о поддержании в грядущих поколениях культа души покойного и его предков, стурство носило личный характер: стур определялся по отношению не к какой-то массе имущества, а к известному лицу, культ и преемство которому он обязан был обеспечить. Поэтому, когда какое-либо лицо в своем завещании объявляло о передаче имущества в стурство (= учреждало стурство), это имущество становилось материальной основой его стурства, а определенный им стур становился его стуром¹⁶. Точно так же и при посмертном назначении стурца: его назначали определенному лицу (= умершему) и в делах, уже отмеченных выше, а отнюдь не выморочному имуществу для забот о его сохранении и администрации. Отсюда — важность, которую при наличии выморочного имущества придавали вопросу о том, фондом чьего именно стурства оно должно явиться, для кого из умерших членов семьи следует назначить стурца, вопросу, возникавшему, в частности, если вслед за отцом умирал и его сын (88, 7-14).

Личный характер стурства можно показать и на других фактах. Стур определенного типа (stūr I kartak) имел право передать при жизни стурство, которым он обременен, другому лицу; этот второй стур становился стуром того же лица, что и его предшественник (47, 15 — 48, 2). Равным образом и при трансмиссии стурства по прямой линии от стурца-отца (или матери) дочери, внучке и т.д. Эта сторона, чрезвычайно существенная для природы описываемого института, обнаруживается и в самом порядке общего призвания к стурству, о котором речь пойдет ниже; в данной же связи отметим только, что при выборе кандидата для назначения его стуром счет порядка агнатического родства велся от того лица, для которого стур назначался.

Стурство учреждали мужчины только зороастрийского вероисповедания и свободного статуса, даже если он умер на чужбине (48, 7-9). Важность гражданско-правового статуса лица в связи с открытием ему стурства подчеркивается и в приведенном пассаже из Дд. 56. Еще выразительнее в этом отношении статья Судебника (48, 13-16), в которой говорится о назначении стурца рабу, наполовину манумиттированному: после смерти этого полувольноотпущенника его "свободная половина" получает право на создание ей преемства, стуром же назначается его бывший господни-манумиссор, ибо именно в агнатическую группу этого последнего

и была включена "свободная половина" раба (см. также разд. I, гл. 3).

Стурами, как мы уже видели выше, могли стать как мужчины, так и женщины, но обязательно зороастрийского вероисповедания¹⁷, свободные, правоспособные (Da. 56) и способные к производству потомства. Строгий возрастной предел мог быть только верхний; определить в стурь (*stūr I kartak*) можно было даже неродившегося. При этом женщина могла нести стурство только одного лица, тогда как мужчина был вправе стать стуром нескольких лиц одновременно¹⁸.

Обычное призвание к принятию стурства устанавливалось по порядку агнатического родства, в этом единодушие все пехлевийские тексты, рассматривающие данный вопрос. Предпочтение все же отдавалось менщине-агнатке. Согласно Da. 56, 6, наиболее подходящими для несения стурства лицами являются "сестра совершеннолетняя, не являющаяся стуром в другой семье, затем дочь брата, затем сын брата, а после него остальные агнаты по близости родства". В Судебнике же (45, 6-8) прямо сказано, что при наличии (завещательного) распоряжения об учреждении стурства с передачей его мужчине или женщине, без точного указания — кому именно, предпочтение следует отдавать кандидатуре женщины.

Это обстоятельство вносит, кстати, полную ясность в понимание двух параграфов пехлевийского текста *šāyast nē šāyast*, трактующих вопрос о выборе усыновляемого из числа детей от брака чакар усыновителя¹⁹: "Если те, у которых в браке чакар родились дети, усыновят ребенка мужского пола, то это хорошо (= имеет правовую силу), ребенка же женского пола усыновлять нельзя ('бесполезно'), ибо он обязан принять стурство²⁰ (первого мужа своей матери. — А.П.). И в четырнадцатом (фаргарде) наска Наврāгам авторитетами указано, что (усыновление по формуле. — А.П.) "И мне — сын, и тебе — сын" — правомерно²¹, (по формуле же) "И мне дочь, и тебе дочь" — неправомерно. Многие лица не назначают стуров (своим) душам, говоря: "Мы усыновили сына от брака чакар"²². Этот отрывок с отсылкой к одному из утраченных правовых насков Авесты (точнее, к его пехлевийскому комментарию) интересен и как свидетельство о том, что рассматриваемый институт в своих основных чертах сформировался уже в отдаленную эпоху. Он интересен и в плане противопоставления усыновления стурству, а также и в другом отношении, о чем речь пойдет ниже.

Имущество покойного, передававшееся на стурство, наследовалось его сыном-преемником, приобретенным им посмертно через своего стура. Оно включало обычно всю массу оставленного покойным наследства, если стурство учреждалось ему посмертно. В иных же случаях, когда стурство было учреждено самим покойным в его завещательном распоряжении, имущество, переданное им в фонд стурства, могло составлять и лишь часть наследства покойного учредителя. Обычно это имело место при наличии у покойного детей от брака *sin mara* или иных наследников, имевших право на свои доли в оставленном им имуществе.

Существовала, однако, минимальная ценность передаваемого в этот фонд имущества, делавшая учреждение стурства возможным, а при отсутствии у покойного преемников — даже необходимым. Пассах, приведенный из Датастан-и денки, определяет ее в 60 сатеров. В Судебнике в большинстве случаев дана та же цифра (без указания денежной единицы), которую, видимо, следует принять за стабильную, отклонения же от нее (70, 80) — за погрешности при переписке рукописи²³. Очевидно, это была минимальная стоимость (60 сатеров = 240 драхам) приносящей доход недвижимости, достаточной — или, во всяком случае, считавшейся таковой — для обеспечения существования малой семьи. Если выморочное имущество (с учетом долгов покойного) "не дотягивало" на один сатер, вопрос о посмертном назначении ему стура отпадал (см. 50, 3-4; 88, 7-14). Но при этом учитывалась возможность тех или иных поступлений в будущем по договорным соглашениям покойного: по наступлении оговоренного контрактом срока в случае образования стоимости не менее 60 сатеров открывалось стурство покойного и ему назначали стура²⁴. Однако человек сам был вправе учредить стурство и назначить себе стура (в завещании), если оставляемое им имущество не дотягивало до нормы "на какую-то малость" (50, 5-6).

Как мы уже видели (см. разд. III, гл. 2), сасанидские юристы упоминают *stūr* в ряду разновидностей владения. Что же представлял стурский фонд как разновидность владения, какие права приобретал стур в отношении имущества стурства? Для ответа на этот вопрос существенно отмечаемое в Судебнике противопоставление стурства (или, точнее, права стура в отношении фонда стурства), с одной стороны, праву собственности (ср. 94, 10-14; 117, 16 - 18, 2), с другой — приобретению прав на началах личного универсального наследопреимства, владению личной долей в отцовском наследстве²⁵.

Стур, таким образом, противопоставляется как собственнику вещи, так и наследнику, приобретающему в отношении имущества вещные права наследодателя. А это означает однородность права стур в отношении всей принятой им массы имущества покойного, независимо от правового режима составляющих ее частей. Стур не мог ни отчуждать это имущество, полностью или частично, ни передавать его своим преемникам. Оно должно достаться на правах необходимого наследника тому из рожденных стуром детей, который будет считаться сыном-преемником (stūrīk dān) покойного. Если же стур до конца своей жизни не смог дать покойному преемника, стурство возвращалось к агнатам покойного и из их числа назначался новый стур. Основу (būn) стурского имущества надлежало сохранять в неущербном виде: за причинение убытка основе стур мог быть отстранен (A3I, 10-15; н.ч. Б. А. XII, 7-13). Расходовать можно было только доход (плоды), а в Судебнике стур определен как узупфруктуарий (baḡ-xēb; см. 47, 15-48, 2; 49, 12-15; 90, 8-14). Из этого же дохода ему полагалась пожизненная пенсия, stūr tōbāk, в размере, равном плате опекуну, а именно 16 драхм в месяц²⁶. Иначе говоря, стур имел право на пожизненное содержание (shālak ī ḡōkārīk) из стурского фонда.

Стуры, как и опекуны, могли быть трех типов в зависимости от основания призвания к принятию стурства и формы назначения. Этот параллелизм, несомненно, способствовал упомянному выше отождествлению стур и опекуна со стороны Х.Бартолеми и особенно А.Пальяро. Однако и тут имелись различия. Три типа стуров следующие: stūr ī būtak, stūr ī kartak, stūr ī ḡamārtak.

I. stūr ī būtak, стур "естественный", — необходимый стур лица, не оставившего преемника мужского пола (= сына от законного брака или усыновленного). Датастан-и деник (58, 3) необходимыми стурами называет жену (= вдову) от полноправного брака и дочь-эпиклеру (dixt ī aubūēn). Согласно тому же тексту (54, 9-II), вдова от полноправного брака — "естественный" стур покойного, и ближайший агнат ее мужа становится ее опекуном. Если у нее от брака с покойным имеется дочь и она, став стуром, не сможет дать ему преемника мужского пола, то одна из дочерей станет эпиклерой отца и примет его стурство от вдовы после ее смерти. Выше приводилось свидетельство того же источника о том, что сестра, незамужняя и не являющаяся ничьим стуром, становится стуром своего покойного брата. Ср. также указание другого текста (Šnā XII, 14) на то, что дочь (единственная) от брака-чакар является "естественным" стуром первого му-

жа своей матери и в силу этого не может быть удочерена отцом-чакар.

Таким образом, случай необходимого ("естественного") стурства возвращает нас к уже описанным выше институтам, а именно к браку-чакар и к эпиклерату. Вдова человека, не имеющего преемника, несет стурство своего мужа и в силу этого обстоятельства вступает в брак чакар со своим опекуном, являющимся ближайшим агнатом ее покойного мужа, если опекун "естественный" или "назначенный", либо с опекуном не-агнатом или дальним агнатом, если это опекун "определенный в завещательном распоряжении". Возможность вторичного вступления в брак сама для нее закрыта, во всяком случае до обеспечения покойного мужа преемником, который по достижении совершеннолетия может выдать свою мать замуж в брак полноправный. Вдова является необходимым стуром своего мужа (гезр. его семьи, *stūr ī dītak*) также и по Судебнику²⁷. Дочь не может стать эпиклерой своего отца и принять его стурство при жизни его вдовы, как и сестра — эпиклерой и стуром своего брата-сонаследника при жизни его вдовы (равным образом и при жизни своей матери; 22, 6-8).

Показательно, что *аубуреп* и *stūr* выступают как заменяющие и дополняющие один другой термины как в поздних пехлевийских текстах²⁸, так и в самом Судебнике²⁹, о праве же дочери-эпиклеры на наследство отца сказано, что она приобретает это наследство на началах стурства (в качестве фонда стурства, *арагманд ī rat stūrīh*) и отличие от сына, получающего наследство отца и "свою личную долю" (*арагманд ī rat хвэйдīh*)³⁰. Можно привести также статьи, согласно которым дочь, выданная замуж в полноправный брак, после смерти своего отца, не оставившего сына-преемника, как и в случае смерти стура, определенного им самим в завещании, рассматривается как эпиклера своего отца и обязана, расторгнув свой полноправный брак, затребовать стурство отца³¹. Вмне, в главе об эпиклерате (разд. II, гл. 5), уже отмечался факт подмены термина *аубуреп* "эпиклера, на которой лежит обязанность преемства отца/брата" авестийской глоссой *уо нэ разбаёта*. Глосса эта равным образом выступает в качестве эквивалента термина *stūrīh*³². Вытекающий из приведенных фактов вывод один: как брак-чакар, так и эпиклерат являются не чем иным, как частными случаями несения стурства. Соответственно в *dixtdāt*, рожденный эпиклерой сын-преемник ее отца, не что иное, как частный случай *stūrīk rav'a*.

Как вдова, так и дочь покойного имели и свои законные права на долю в его наследстве, но реализовать это право они

могли только уже при наличии у покойного преемника и совместно с ним (pat gāh i ab-kavīh 'в сотовариестве', 'вдвоем')³³. И если сестра была сотоварищем (= сонаследницей) своего брата до его смерти, то доход с ее доли в сотовариестве (= ее доли наследства) не сливался с имуществом и с доходом брата, стурство которого она приняла (23, 11-13).

В отношении умершего, не оставившего ни жены, ни дочери, но имевшего брата-сотоварища (brāt i hāmbāu), вопрос о стурстве отпадал (брат-сотоварищ может наследовать); вопрос о стурстве возникал, только если сотоварищество их не было оформлено, и тогда на пережившего брата возлагали стурство умершего (см. 24, 2-3; ср. 23, 13-17). Если же не было ни брата, ни сестры, но имелась племянница (= дочь брата), то она становилась стуром своего покойного дяди (Da. 56, 6), разумеется, если она не была уже обременена стурством своего отца или брата. Неясно, однако, считались ли перечисленные лица (сестра, брат, племянница) стурами "естественными" (stūr i bōtak) или назначаемыми по агнатическому призванию (stūr i gūmārtak).

"Естественный" (= необходимый) стур, не обеспечивший преемства (нет ни сына, ни дочери), обладал правом передачи стурства на случай своей смерти другому лицу по своему выбору, но обычно из круга агнатов³⁴. Хотя вдова и становилась стуром в силу необходимого призвания, что делало излившей официальную процедуру вступления в стурство, как можно заключить из одного свидетельства Судебника (AI5, 8-9), был издан специальный раскрипт (время издания неясно), устанавливавший необходимость официального утверждения (через судей) передачи стурства вдове.

2. Stūr i kartak — стур, учрежденный самим покойным в его завещательном распоряжении. Человек при жизни мог определить себе стура либо отдельным актом учреждения своего стурства (stūrīh raūtāk kartak; dāt i pat stūrīh; kvāstak pat stūrīh bē dātak) и определения стура, актом официальным и публичным, из разряда распоряжений на случай смерти, либо включив этот пункт в завещание. Для обоих способов характерно участие воли субъекта как в учреждении стурства, так и в выборе лица для его несения. Отсюда — две особенности стурства данного типа, отличающие его как от "естественного" стурства, так и от стурства "по назначению".

Первая особенность — это право обхода агнатического порядка призвания, включая и призвание необходимое, вплоть до права передачи стурства не-агнату. Так, лицо, имевшее жену или дочерей от полноправного брака (т.е. "естественных" кандидатов

в стурь), могло возложить обязанность несения своего стурства на другого человека, и тогда жена его, овдовев, не была обязана вступить в брак-чакар, а дочь (ни одна из них) не рассматривалась как эпиклера отца и могла вступить в полноправный брак (см. Riv. Еш. АѢ. I, 3; Da. 56, 2). Но в случае отказа "учрежденного" стуря принять стурство или его отстранения от стурства (за деликт), как и в случае его смерти без обеспечения преемства учредителю стурства, восстанавливалось необходимое и агнатическое призвание, расторгался полноправный брак дочери, становившейся эпиклерой отца и обязанной востребовать его стурство, и т.д.³⁵ В стурь этого типа можно было определить как женщину, в том числе замужнюю, жену другого человека, так и мужчину, даже несовершеннолетнего. Совершеннолетний, став стуром умершего, оставившего семью — вдову, незамужних дочерей, детей-чакар, даже несовершеннолетнего сына от полноправного брака, становился одновременно "естественным" опекуном этой семьи (*dūtāk vardār I būtak*; 26, 10-12). Если же "учрежденный" стур — женщина незамужняя, то она попадала под опеку ближайшего агната того лица, стурством которого она обременена. В случае же, если им становилась женщина замужняя, полноправный брак ее расторгался (переводился в категорию стурского брака), но сохранялось опекуновство ее мужа (см. 49, 3-6).

Вторая особенность стурства этого типа еще интереснее. Глава семьи, пользуясь своим правом и патриархальной властью, мог учредить себе стурство, имея уже сына-преемника, и даже не одного. Иначе говоря, он мог создать себе дополнительное преемство, выделив из массы семейного имущества какую-то часть — стоимость не ниже установленного минимума — и официально объявив ее фондом своего стурства. Он же определял себе стуря — либо свою дочь (при наличии у него уже сына-преемника), либо иное лицо по своему усмотрению. Если же он, учредив себе стурство, не определял стуря, то после его смерти ему назначали стуря в общем порядке — так называемого стуря "назначенного" — *stūr I gumārtāk*.

В силу этой своей особенности стурство, учрежденное по завещательному распоряжению, открывало очень широкие возможности. Достаточно привести несколько характерных вариантов, чтобы дать об этом ясное представление. Так, лицо, имеющее уже преемника, могло учредить себе не одно, а несколько отдельных стурств; см. 105, 5-10, где речь идет о передаче двух дастахартов в два отдельных стурства одного и того же лица (стурями определены внуки от сына и дочери учредителя, причем рас-

считается казус, когда брат и сестра являются супругами). Человек мог возложить несение учрежденного им себе стурства на трех лиц; при согласии этих лиц на принятие его стурства они становились "состурами" или "стурами-сотоварицами" (см. 46, 15-17; 82, 10-12). В 82, 16-17 говорится об учреждении стурства с передачей его детям, которые рождаются у жены учредителя (или: у жены его согражданина); дети обоего пола имеют равные права на стурство, приобретают его в идеальных долях, и все они становятся стурами учредителя³⁶.

Чрезвычайно интересны учреждения фондов с переменным правовым режимом. В 46, 4-9 в отношении учрежденного фонда в 60 сатеров устанавливается следующий режим: из каждых двух лет один год фонд считается фондом стурства учредителя (стур им не был определен, но у него имеются сын и дочь), в другой же год — частным целевым фондом "для души". Тогда этим фондом владеют попеременно: один год — дочь как стур отца, другой — сын в качестве попечителя над учрежденным его отцом целевым имуществом. Близкий пример представлен в другой статье (47, II-12), где, очевидно, также речь идет о фонде с переменным правовым режимом, из коих один — стурство, причем стуром по завещательному распоряжению определена жена (= вдова) учредителя; дитя, рожденное вдовой в тот именно год, когда она исполняла роль стурки покойного учредителя, станет его *uō hē rascaēta*, а именно сыном-преемником (*stūrīk ras*) или стуром-эпиклерой в зависимости от пола ребенка. Укажем также случаи передачи вещи с правом у приобретающего выбрать режим ("личная доля в наследстве" или "фонд стурства"; A17, 16 - 18, 2).

Примеры иного характера содержатся в двух других статьях. В 46, 9-12 некое лицо, не имеющее ни жены, ни детей, объявляет вещь на один год из каждых двух фондом своего стурства и определяет себе в стурки Михрена. После смерти учредителя Михрен становится его *stūr ī kartak* 'стуром учрежденным' в один год из каждых двух попеременно с другим лицом (из агнатов покойного), которого назначают в общем порядке. Покойный получает, таким образом, двух стуров: одного — "учрежденного", другого — "назначенного". В 47, 7-II человек учреждает себе стурство, выделив имущество и определяя своими стурами попеременно на один год Фаррахва, на другой — Михрена; каждое из этих лиц в отдельности будет владеть этим имуществом на началах его стурки ('*uō hē rascaēta*'), и оба они — его стурки "учрежденные".

Стурство, учрежденное в завещании, открывало главе семьи возможность модифицировать закон наследования. Глава семьи мог

обратить всё массу оставляемого им наследства в фонд своего стурства и определить всех своих детей от полноправного брака своими стурами. Тогда они приобретали наследство отца в равных долях независимо от пола и, разумеется, не на началах прямого личного наследования своему отцу, а как фидуциарии его преемства, его стурсы. Но поскольку сыновья от полноправного брака считались законными преемниками-наследниками своего отца, им было резервировано право отказаться от принятия его стурства (дочери не могли этого делать; Ю1, 1-4), и, если они этим правом воспользовались, их доля в стурском фонде, равная дочерней, отходила им на началах личного наследственного владения. Таким образом, сын мог при желании отказаться от стурства отца и наследовать ему непосредственно и сразу же, но для этого ему пришлось бы нарушить волеизъявление своего покойного отца, т.е. преодолеть препятствие этического порядка, что было не просто, учитывая влияние религиозной этики на нормы поведения. Но и в тех случаях, когда воля отца все же оказывалась обобщенной, доля в его наследстве, которую приобретал сын, была меньше полагающейся по нормам наследования, если у него была сестра, одна или несколько: ему доставалась равная с сестрой доля в имуществе отца, а не обычная сыновья доля в наследстве, которая была бы вдвое больше дочерней³⁷. Само собой разумеется, что сын, принявший стурство своего отца, обязан был дать ему только одного преемника (таковым становился сын, родившийся после принятия его отцом стурства), которому он должен был выделить из полученного им во владение стурского фонда имущество стоимостью не менее 60 сатеров³⁸, другие же его дети становились его личными преемниками. Ясно и то, что создание себе дополнительного преемства при наличии уже законных сыновей было доступно лишь лицам, обладавшим значительным состоянием.

В том, что касается процедуры и трансмиссии, можно отметить следующее. Со стороны будущего стурсы необходимо было изъяснение согласия на принятие стурства, учрежденного в завещании; оно должно было иметь место тогда, когда стурство "открывалось", т.е. непосредственно после смерти учредителя³⁹. В случае определения стурсы несовершеннолетнего декларация о принятии должна была исходить от его опекуна, но по достижении совершеннолетия он мог отказаться от стурства (50, 13-17). Вообще, вне рамок необходимого призвания в стурсы (вдова, дочь, сестра) от принятия стурства можно было уклониться, и тогда стурство открывалось по необходимости, а при его отсутствии по

агнатическому призванию, но только после официального строчения лица, указанного учредителем (82, 14-16; 90, 1-4; 109, 9-11). Таким образом и при наличии распоряжения об определении стуром женщиной (но вне линии необходимого призвания) должно было иметь место официальное востребование (xvāhīdn) стурства для этой женщины со стороны ее опекуна⁴⁰.

Приобретение стурства и вступление стура в свои функции проходило оформление через суд или у магупата. Стуров выдавался изготовленный судьей (или магупатом) документ (49, 15-17), если же стуров двое, то оригинал документа выдавали тому из них, чья доля в стурском фонде больше (A33, 17 - 34, 1). Вступление лица в функции стура совпадало с выдачей ему этого документа.

В соответствии с возложенной на него обязанностью vtīr kartak должен был обеспечить покойного сыном-преемником. Смерть стура, не выполнявшего по той или иной причине этой своей задачи, неизбежно создавала проблему трансмиссии стурства, если стур сам не сделал по этому поводу никакого распоряжения. Ситуация получала различные решения в зависимости от следующих обстоятельств. Так, если стур оставил дочерей, одну (но не являющуюся эпиклерой своего отца и не обремененную ничьим стурством) или несколько, казус решался передачей стурства дочери (обычно старшей) покойного стура (см., например, 45, 17 - 46, 2), над которой устанавливалась опека ближайшего агната учредителя. Иное решение, если стур умер бездетным или если его дочь обременена другим стурством, в этих случаях стурство возвращалось в семью учредителя и в его агнатическую группу, которая назначала нового стура.

Стур "учрежденный" обладал известным правом распоряжения стурством, которого не было у стура "назначенного": принятое им стурство он мог передать, полностью или частично, другому лицу (26, 8-10; 43, 16 - 44, 2; 47, 15 - 48, 2). В результате частичной передачи оба лица становились стурами покойного ("сотоварищами" в стурстве), но в случае смерти обоих без распоряжения о судьбе стурства оно возлагалось полностью на детей первого из стуров.

Еще одной специфической чертой стурства "по завещанию" является право учредителя при жизни отменить это свое учреждение либо специальным распоряжением об отмене, либо включив этот пункт в (новое) завещание. Он мог также, не отменяя своего распоряжения об учреждении стурства, отстранить от него определенного им ранее стура (hađ vtīrīh vrēnāg kartan; Div. Bm. 15, VII, 1; XVIII, 6)⁴¹. Если учредитель при этом не определил

себе другого стурца, то с его смертью стурство его открывалось по необходимому призыванию или же по призыванию агнатическому.

Как можно заключить из сказанного о стурстве "учрежденном", эта разновидность стурства моложе первой, она моложе также и третьей — стурства "назначенного".

3. Stūr ī dīwārtak — стур "по назначению" (или: "назначенный") — наиболее общий тип стурца, тип, в котором ярче всего проявляются права (и обязанности) агнатической группы субъекта, для которого открывается стурство. Именно этот тип представлен в характеристике (неполной) данного института в Датастан-и деник, приведенной в начале этой главы. Судебник предоставляет нам много дополнительных сведений и по этому вопросу.

Стурство "по назначению" учреждалось и открывалось со смертью лица, оставившего массу имущества, наследственного и лично приобретенного, общей стоимостью от 60 сатеров и выше, но не имеющего ни законного преемника, ни "естественного" стурца (вдовы, дочери), ни стурца "по завещанию". Сюда следует добавить и те случаи, когда лицо, учредив себе стурство, не определяло стурца или когда линия призывания "естественного" стурства оказывалась исчерпанной, а также случаи возникновения аналогичной ситуации при стурстве "по завещанию" (о них см. выше)⁴².

При возникновении подобной ситуации агнатическая группа покойного объявляла об учреждении и открытии его стурства, и тогда ближайший из агнатов покойного (предпочтение отдавалось женщине), способный принять стурство, обязан был это стурство востребовать⁴³. Учреждение стурства и его востребование должны были состояться "сразу же" (*pat guāk*, Dd. 56, 5), без задержки, как и назначение стурца (максимально допустимая отсрочка назначения — один год с момента открытия стурства; см. там же). Официальное назначение стурца производилось судьями или магупатами (43, 13-16; 49, 15-17; A26, II-16; A31, 3-5) с выдачей ему документа, подтверждающего его титул на стурство (а следовательно, и на владение фондом).

Если ближайший агнат отказывался от востребования стурства⁴⁴, обязанность требования ложилась на следующего по порядку родства, будь то даже несовершеннолетний (41, 5-8). Когда в рамках агнатической группы возможности оказывались исчерпанными, агнаты были вправе выставить кандидатуру своего согражданина (члена той же общины, более широкой, чем агнатическая группа, ср.-перс. *ādēhīk*, ср. ав. *ādhayav-*). Судебник указывает на такую практику в Гирканим со ссылкой на Датастан-и-

мак (см. 44, 2-3; ср. 87, 12-15). Титул, приобретенный не-агнатом, не отбирался у него и в случае появления агнатической кандидатуры в стурн, если не-агнат оказывался "благочестивым" (A31, 9-10).

Одна из статей рассматривает случай одновременного открытия двух стурств в одной агнатической группе, и одно и то же лицо оказывается наиболее подходящим кандидатом для их принятия: согласно предлагаемому здесь решению это лицо должно быть назначено сначала стуром старшего из умерших (88, 2-4). В порядке представления агнатической группой и судебного назначения (*gumāgtakīhā*) могли становиться стурами умершего также и его дети от брака чакар⁴⁵.

Стур "назначенный" считался (потенциально) стуром покойного до конца своей жизни и не мог в отличие от стура "учрежденного" передать стурство другому лицу. Риваят Змета (XVI) представляет положение следующим образом. Один из сыновей стура, а именно тот, который родился у него после его назначения⁴⁶, становится "стурским сыном" (*stūrīk ras*) покойного и по достижении совершеннолетия приобретает как его законный наследник стурское имущество в свою личную долю наследства. Как стурство, так и функции стура на этом прекращаются. Если же у стура после его назначения родился дочь, а не сын, то он должен нести стурство до конца своих дней (если у него не родится еще и сын)⁴⁷ и после его смерти дочь эта становится эпиклерой лица, стурством которого был обременен ее отец, и получает имущество (= "стурское") этого лица на началах его стура. Третий вариант: у стура родились сын и дочь; оба они становятся законными детьми покойного, и сын получает сыновнюю долю, а дочь — дочернюю (поскольку имеется сын, дочь не становится эпиклерой и вправе вступить в полноправный брак). И, наконец, четвертый вариант: стур до конца своей жизни не смог дать покойному никакого преемника (или, что равносильно, родившийся умер в детстве), как этого не смогла сделать его (- стур) вдова; тогда назначают нового стура из числа агнатов того лица, для которого было учреждено данное стурство (XVII, 24).

Необходимость назначить стура могла возникнуть и при наличии распоряжения о стурстве и стуре с оговоренным сроком вступления этого распоряжения в силу ("через десять лет"); в случае смерти учредителя до наступления этого срока ему назначали стура (на время) и именно то лицо, которое указано в распоряжении умершего. Став сначала стуром "назначенным", человек

этот с момента вступления в действие распоряжения учредителя превращался в стур "учрежденного" (109, II-13).

Но были также и стурь на определенный срок, как, например, тот стур, которого назначали отцу дочери-эпиклеры, выданной отцом замуж на десять лет; по истечении срока этого брака полномочия стурь истекали и дочь-эпиклера принимала стурство своего отца (23, I-4; A17, I-4). В Судебнике упоминается и "квазистур" (stūr-abvēn): это стурство, открытое на базе имущества, принадлежность которого покойному находится под сомнением (A14, 7-9). Неясно, что стоит за терминами *tan-stūr* и *Ī-vandak(?)stūr*, засвидетельствованными как в Судебнике, так и вне его⁴⁸.

Независимо от нюансов основания призвания принятию стурства обязывало принявшего к выполнению всех его условий. Пренебрежение своими обязанностями в течение одного года расценивалось как тяжкое преступление (82, 12-14), а самоустранившийся, или, как он определен в текстах, *stūr-ākaad* 'разрушающий стурство', приравнивался к преступнику, подлежащему аресту⁴⁹. Стурь отстраняли от стурства, если было доказано причинение им убытка 'основе' передайного ему имущества (A31, 10-15). Продажа стурства (= продажа стуром своих функций?) допускалась только при 'адвадате' — только агнату и лишь в пределах, необходимых для обеспечения жизненного минимума членов его семьи, что, возможно, означало либо недопустимость отчуждения всей основы, либо невозможность для лица, обремененного двумя или более стурствами, продать все (см. 33, 6-9; ср. аналогичное положение относительно продажи опекуства).

Для полноты описания института стурства следует остановиться еще на трех вопросах.

Это, во-первых, положение об опекустве в связи с принятием стурства лицами, не являющимися *regvopaē vai iugiv*. В ходе изложения мы уже касались этого вопроса. Общее положение сводится к следующему. Принятие стурства несовершеннолетним мужского пола не влекло за собой смены опекуна (42, 7-8). Так же и при принятии стурства замужней женщиной (из другой семьи, не вдовой лица, которому учреждено стурство): хотя ее полный брак с мужем расторгается (в силу принятия ею стурства), муж остается ее опекуном (49, 3-6). Иначе в случае принятия стурства незамужней женщиной любой возрастной категории: она попадает под опеку ближайшего агната того лица, стуром которого она становится (42, 7-8). Следовательно, принятие стурства лицом мужского пола не влекло за собой перемен его места

в агнатической группе его отца, сыном и преемником которого он продолжал оставаться и будучи стуром другого лица. Только сын, рожденный им в исполнение принятого стурства, становясь по достижении совершеннолетия *wtārk ras* и преемником умершего учредителя стурства, получал место сына умершего в агнатической группе последнего. Именно в силу этого положения мужчина мог вести функции стуря одновременно нескольких лиц, между тем как женщина незамужняя теряла сразу же по принятии ею стурства свое первоначальное место в агнатической группе своего отца (вплоть до полного выхода ее из данной агнатической группы, если ее отец и учредитель стурства не были между собой агнатами) для занятия места стуря-эпиклера покойного в его агнатической группе. С другой стороны, как уже отмечалось выше, стур "учрежденный", если он совершеннолетний мужчина, становился опекуном (также "учрежденным" — *naḡār ī kartak*) подопечных членов семьи учредителя стурства, если таковые имелись. Таким образом и ближайший агнат, получивший стурство "по назначению", приобретал (если он совершеннолетний мужчина) преимущественное право на опеку над семьей покойного, стурством которого он обременен.

Второй вопрос — это отношение стурского фонда к долгам покойного. Согласно 49, 12-15, стур не обязан платить из имущества стурства (из дохода, как и из 'основы') по долгам покойного, а в 49, 10-12 приводятся два противоположных мнения по этому вопросу. Очевидно, общее положение не обязывало стуря к уплате долгов умершего: стурский фонд обладал в этом отношении известным иммунитетом, и только *wtārk ras*, приобретая это имущество на началах прямого наследника и универсального преемника покойного, наследовал также и его долги⁵⁰. Долговой иммунитет стурского фонда нарушался, однако, в двух случаях. Во-первых, если покойный остался должен по ссуде, полученной от храмов: задолженность в этом случае должна была быть погашена из оставленного им имущества сразу же после его смерти, и только после погашения этого долга, если стоимость оставшегося имущества оказывалась не ниже минимальной (в 60 сатеров), ему открывалось стурство и утверждался им назначался стур (50, 3-4). Таким образом и стурство, учрежденное самим покойным, не могло вступить в силу до погашения его задолженности храмам. Второй случай предусматривает учреждение стурства самим покойным при его жизни с определением в стурь своих детей, сына и дочери (или же: своей жены и сына). Поскольку стурство передавалось лицам 'естественного' круга (*andar būtakib*) в

194

'совместно' (rat gāh ī 2 kazīh), то лица эти рассматривались как наследники (aragshānā) учредителя стурства⁵¹ и, следовательно, обязаны были отвечать по его долгам в размере приобретенного ими имущества (а именно наследственных долей и дохода, приносимого фондом стурства); см. 62, 2-4; 62, 8-10; 62, 10-12.

И, наконец, последнее обстоятельство, которое следует указать в очерке данного института, — это право учреждения на стурский фонд (на весь или на часть его) алтаря Огня "для души" (или "для семьи") того лица, для которого было учреждено стурство. Стурство в этом случае не теряло силы; имущество стурства передавалось учрежденному Огню и подчинялось режиму частного целевого фонда (см. разд. ш, гл. 5), стур же становился попечителем этого алтаря Огня⁵².

Г л а в а 2. Семейное имущество, положение о преемстве и закон наследования

масса находившегося в распоряжении семьи имущества, движимого и недвижимого, наличие или использование которого служило материальной базой существования и деятельности семьи и ее членов, состояла из суммы вещей с различным правовым режимом. Это ясно, впрочем, и из изложенного в предыдущих главах. Для Ирана описываемой эпохи материальные условия семьи и ее членов могли складываться из следующих элементов:

- 1) имущество, унаследованное главой семьи на началах преемства и представляющее семейную собственность;
- 2) частная собственность главы семьи и ее членов;
- 3) имущество, находящееся во владении главы семьи (или ее членов) по праву, возникшему из частных контрактов (аренда и пр.), или в качестве условного владения (предоставленное от казны "за службу", например 'всаднический надел' и т.п.);
- 4) излишки дохода с частного целевого имущества (rat givān / rat abgavdāt), учрежденного главой семьи или его предком и находящегося на попечении семьи учредителя;
- 5) наследственная доля женщины, принесенная ею в виде приданого из дома отца в дом мужа;
- 6) стурское имущество (с правом узуфрукта у стура — члена данной семьи).

Общий режим имущества, находящегося во владении семьи (и ее членов), рассматривается нами в его трех основных аспектах: а) право распоряжения им в любой отдельно взятый момент при жизни главы семьи; б) проблема трансмиссии, возникающая со

смертью главы семьи и с открытием наследства, и связанным с этим вопросы преемства и наследования; в) нормы наследования внутри семьи ("закон наследования").

Для права распоряжения принципиальную важность представляет разделение в иранском праве всех сосредоточенных в семье материальных ценностей на две основные категории: а) *handōxt I xvēb* 'накопленное лично'; б) *aragānd haḏ pitagān*, *aragānd I pitagān* 'унаследованное от предков'. Вне рамок этого деления остается, естественно, имущество, право владения которым возникло из договора (и границ права определяются соответственно условиями договора), а также целевые фонды.

Иранское деление *aragānd : handōxt* полностью сопоставимо с характерным для раннегреческого (досолоновского) права разделением имущества на две категории — 'унаследованное от предков' (*τὰ πατρῴα, τὰ παππῴα*) и 'благоприобретенное' (*τὰ αὐτοκτητὰ, τὰ ἐπικτητὰ*), делением, утратившим в классический период свое реальное значение, но сохранявшим — даже в Афинах — этический престиж и в IV в. до н.э. Оно было типичным и для других ареалов. Разделение на указанные две категории проходит, как это будет показано ниже, по всем статьям Судебника, трактующим данный круг вопросов, но оно засвидетельствовано и вне Судебника. Так, в пехлевийском комментарии к *Лене* (Y. 33, 10) *handōxt I xvēb* выступает в качестве антонима *aragānd I pitagān*. Примеры прямого противопоставления *handōxt - aragānd* в Судебнике имеются, в частности, в статьях 88, 7-14 и A2, 3, но этот памятник дает также возможность раскрыть механизм семейного имущественного права во всей его сложности и во многих деталях.

В сектор апарман входило имущество, представлявшее долю главы семьи (его 'сыновью долю', *bahr I rūzīh*) в наследстве, оставленном его отцом. В этот же сектор входила и доля, принесенная его женой (ее 'дочерняя доля', *bahr I duhtīh*), и если жива мать главы семьи, то и ее 'вдовья доля' (*bahr I katak-bānīkīh*) в наследстве ее покойного мужа, как и доля, предусмотренная для его незамужней сестры. Характерной чертой недвижимого имущества, входившего в этот сектор, является отсутствие права свободного отчуждения. Сыновья доля приобреталась "навечно" (*fraḥkartīk*, букв. 'до Дня обновления мира'; см. 62, 4-6). Она была закрыта для передач и сделок, сопряженных с отчуждением основного титула за пределом круга законных наследников, как и доля, унаследованная женщиной (61, 12-14; ср. 20, 6-7). Единственно возможные формы передач из этого имущества —

196

это передача в фонд стурства (детям или жене), производившаяся самим главой семьи, а также выделение и передача им еще при жизни имущества своим необходимым наследникам. Теоретически, во всяком случае, право свободного распоряжения главы семьи распространялось только на поступающий с этого имущества доход, или на прирост⁵³, и, очевидно, на потребляемые вещи. Несомненно, однако, право главы семьи на разного рода вложения в это имущество и переустройства, как и его право эксплуатации, в частности сдачи в аренду.

Имущество категории апарманд представляло, таким образом, семейную собственность и подлежало трансмиссии необходимым наследникам главы семьи (а в случае отсутствия таковых — их субститутом через стурство). В принципе оно принадлежало семье в ее прошлых, настоящих и грядущих поколениях, и каждое живущее поколение представало в качестве владельца, обязанного сохранить и донести его до следующего поколения данной семьи. Его общее обозначение посредством термина арагманд является наиболее обычным в пехлевийских текстах (имелись и другие термины — один из них, хвѣбъ, уже рассматривался выше; но о них, как и о данном, см. следующую главу).

В противоположность апарманду категория handōxt I хвѣбъ 'накопленное лично' (также хвѣстак I handōxt 'накопленное/благотрименное имущество') включает ту часть имущества, которое представляет частную собственность главы семьи и ее членов. Подобно имуществу апарманд, оно могло быть выражено и в деньгах, и в любой иной форме, представляющей стоимостную ценность, включая рабов, дома и земельные участки.

Этот сектор складывался из следующих источников:

1) непоотребленная часть дохода с имущества апарманд; излишек дохода мог быть реализован главой семьи (или управомоченным ее членом) любым образом (продажа, обмен и т.п.); непоотребленная часть выручки от эксплуатации имущества апарманд;

2) имущество, приобретенное главой семьи и ее членами по передачам (дарственным, и собственным) или купленное за деньги (pat atē ut varāk), и все формы поступлений с этого имущества;

3) личный заработок главы семьи и ее членов; сюда входят также платы за опеку над другой семьей, за стурство, за попечительство над целевым фондом;

4) передачи вещей рабам ("приобретенным лично" или "апармандовым") сторонними лицами, если господин раба не отказыва-

ется от своего права приобрести вещь для себя (см. разд. I, гл. 3).

В Судебнике имущество этой категории (частная собственность) отграничивается от наследственного (апарманд) и противопоставляется последнему во всех его формах, будь то доля из наследства (bahr) или стурский фонд⁵⁴. Представляя частную собственность, благоприобретенное имущество было открыто для любых операций: право распоряжения им (разумеется, для лиц, обладающих полнотой имущественной правоспособности) было неограниченным. Поскольку право частной собственности индивидуально, то и право распоряжения такой вещью принадлежало только ее собственнику. Так, глава семьи не мог распорядиться вещью, представлявшей частную собственность совершеннолетнего члена семьи, как и доходом с нее, не будучи им на это управомочен; он мог распоряжаться в силу своей патриархальной власти только доходом с частной собственности несовершеннолетнего или неправоспособного, ибо доход в этом случае принадлежал семье⁵⁵. В силу патриархальной власти он имел полную свободу действий и в отношении излишков дохода с наследственного имущества в семье (они как бы составляли его "личное накопление").

Из своего частного имущества глава семьи мог делать и передачи в "наследственную долю" (dāt rat bahr) своим жене и детям; эти передачи шли независимо от последующего наследования ими долей из фонда семейной собственности, и приобретенное детьми и женой по передаче "в долю" впоследствии присоединялось к унаследованному по трансмиссии. Вообще, все передачи отца сыну, когда бы они ни были совершены, исключая передачи целевого имущества и передачи в частную собственность (т.е. со специальной оговоркой nē rat bahr), а также в стурское владение, приращивались к его доле наследства⁵⁶. Из имущества этой категории совершались передачи и постороннему лицу — mart I bahr 'согражданину' (процедуре и правовым последствиям таких передач будет уделено место в дальнейшем изложении). Именно из своего "накопленного" имущества глава семьи, имевший уже детей от полноправного брака, мог учредить себе дополнительное преемство через стурство (stūr I kartak) и определить в свои стурь лицо, стоящее вне круга необходимого призвания. Также и целевые фонды "для души" учреждались из имущества, представлявшего частную собственность учредителя.

Такова общая картина правового режима находящегося в семье имущества при жизни ее главы. Смерть главы семьи созда-

вала особую ситуацию — открытие преемства, ситуацию, чреватую последствиями для режима сосредоточенных в семье материальных ценностей и, как это будет показано ниже, в корне меняющую статус той их части, которая представляла частную собственность умершего.

Здесь необходимо подробнее остановиться на вопросах преемства и наследования в иранском праве, постараться установить значение терминов, с этим связанных, и уточнить границы их применения. Мы начнем изложение этих вопросов с рассмотрения соотношения терминов *аратманд* и *хвастакдар*, а тем самым и с рассмотрения различий между преемством и наследованием, различий кардинальных для иранского наследственного права, которые нельзя игнорировать при чтении и переводе среднеперсидских правовых текстов.

В начале данной главы уже говорилось о *хвастак I аратманд* 'имуществе преемства'. Но наряду со значением "преемство" слово "аратманд" засвидетельствовано в текстах и в значении "преемник(-ница)": *руа I рат аратманд* 'сын-преемник', *аратманд бутап* 'становаться преемником(-ницей)'. К нему мы еще неоднократно будем возвращаться, пока же обратимся ко второму термину — *хвастакдар*.

Ср.-перс. *хвастакдар* (> арм. *хостакдар*), букв. 'держатель имущества' — общий термин для обозначения наследника как лица, получившего в свое владение имущество наследодателя. Он равно применим как к преемнику главы семьи, так и к лицу, приобретенному по специальной передаче "в наследственное держание" или "в долю". Этот преимущественно "вещный" аспект термина "хвастакдар" можно показать и на материале Судебника. Именно в силу такого характера термина наследником-хвастакдаром главы семьи можно было стать и при его жизни. Сын главы семьи (от полноправного брака), его естественный наследник и преемник, получивший при жизни отца и по его передаче свою долю наследства (полностью или частично), определяется как его 'хвастакдар', а не как его преемник (преемство главы семьи могло открыться только с его смертью); см. 61, 1-3; 61, 5-7; 61, 7-9. Дочь, получившая из семьи отца свою дочернюю долю, которую она унесла в дом своего мужа, является наследницей-'хвастакдар' своего отца, хотя она и не может рассматриваться как его преемница, будучи агнаткой мужа (62, 12-15; 62, 16 — 63, 1).

Любое приобретение в наследственное владение делало приобретающего наследником-хвастакдаром того лица, которое прежде владело этим имуществом, совершалось ли приобретение по пере-

даче или в соответствии с правом наследования, по трансмиссии⁵⁷. Поэтому сын (и усыновленный), вступивший в преемство своего отца и во владение его наследством, также становился его наследником-хвастакдаром⁵⁸, как и согражданин (mart i bahr), не состоящий с его отцом ни в каком родстве, но которому тот при жизни сделал из своего благоприобретенного (= частнособственнического) фонда передачу "в долю", "в наследственное владение"⁵⁹.

Если хвастакдар означает "наследник", то хвастакдарin во всех контекстах равнозначно "наследственному владению". Здесь во избежание смещения "наследственного владения" с "владельческим правом, доставшимся по наследству", с "унаследованным правом владения" уместно, быть может, подчеркнуть их коренное отличие. "Наследственное владение", даже приобретенное по передаче со стороны, включалось в семейную собственность приобретающего, в апармандовый сектор имущества семьи. Между тем как эфитевт, например, унаследовавший от своего отца право владения участком и способный передать по наследству это право своим личным преемникам, владел участком на договорных условиях, мог быть от этого права отрешен (из-за неуплаты ренты, запущенности и т.п.) собственником. Арендное владение, а также условное владение "за службу", даже передаваясь по наследству от отца к сыну в течение ряда поколений, стояли вне пределов семейной собственности этих владельцев: они представляли собственность другой семьи, казны, храма и т.п. Соответственно "наследственные владения" (семейная собственность) могли быть обременены публичным побором, налогом, но никогда рентой в отличие от арендного или условного владения.

Итак, хвастакдар не обязательно преемник, а преемник не обязательно хвастакдар. Чрезвычайно характерно, что в центре внимания тех статей Судебника, в которых отмечается противопоставление "апармандового" наследника хвастакдару, стоит либо вопрос о различии в способах наследования, либо отношение противопоставляемых наследников к долгам наследодателя, т.е. существеннейшие для данной антитезы пункты.

По данным Судебника, при передаче вещи в наследственное владение ('в долю') лицу, стоящему вне круга необходимого призвания передающего ("согражданину", mart i bahr), приобретающий, принимая ее, должен был трижды произнести формулу: "Я - наследник" (хвастакдар nom) или же: "Я принимаю (ее) в наследственное владение" (хвастакдарin кипов, букв. "буду осуществлять наследственное владение / выполнять функцию наслед-

ника'), что было необходимым условием его вступления в права. Приемник же наследодателя вступал во владение имуществом (=становился наследником имущества) автоматически, по праву необходимого наследования. Он не был обязан выступать с декларацией, разве что если он, не желая вступить в наследство, отклонял его и тогда произносил трижды формулу: (xvāatakdarīh) pē kīlon "Я не буду выполнять функции наследника /осуществлять наследственного владения" (см. 60, 7-10; 61, 9-12).

Со смертью главы семьи все оставленное им имущество, включая произведенные им при жизни передачи в наследственное владение членам своей семьи или вне ее, рассматривалось как нечто целое — наследство этого лица, продолжавшее как-то его представлять и несущее на себе все его долги и обязательства, за исключением тех, которые уничтожаются со смертью физического лица (как, например, штрафы, присужденные за его деликт). В свете этого представления все его наследники — приемники и ие-приемники — выступали как сонаследники (сотоварищество их не было обязательным) и были платежобязаны по его долгам, но по-разному. А именно приемник умершего, причем каждый из его приемников отвечал по всему его долгу и из всего своего имущества, как унаследованного, так и благоприобретенного (= своей частной собственности), т.е. так, как если бы он отвечал по своим личным долгам. Наследник же, не являющийся приемником (или переставший им быть, к примеру дочь наследодателя, вышедшая замуж), отвечал по долгам умершего лишь в размере имущества, приобретенного им из его наследства⁶⁰. При этом наследник не являющийся приемником, платит лишь по долгам, законтрактованным наследодателем до передачи ему имущества (61, 5-7; 61, 9-12).

В основе этого разделения лежит следующее обстоятельство. Приемник умершего (в отличие от его простого наследника) как бы наследовал его личность (его имя, культ, обязательства, круг его обязанностей, место в общине) и теоретически приобретал все его наследство. Он только был ограничен в своих притязаниях на него фактом существования у умершего других приемников, имеющих равные с ним права. На этом основано, в частности, его право приращения наследства, оставленного незамужней сестрой, как и наследства брата, не оставившего законного приемника или стур⁶¹. Иракский 'апарманд' вполне сопоставим с римским универсальным приемством (*universatio per universitatem*).

Поэтому сын-преемник наследодателя, "даже если он унаследовал из его (= наследодателя. - А.П.) имущества лишь одну драхму" (см. 59, 12-16), обязан отвечать всем своим имуществом по всем его долгам, и наследники его отца, не являвшиеся преемниками, вправе возложить на него уплату всего долга, преемник же не вправе требовать их участия (см. также 2, 4-6; 60, 10-16). Положение сына-преемника в этом отношении полностью разделяется дочерью-преемницей (= эпиклерой; см., например, 63, 3-4) или иным "преемствообязанным" (стуром), как и усыновленным преемником умершего. Но поскольку все преемники умершего являются равнообязанными по долгам его наследства, при наличии нескольких преемников долг распределялся между ними (см. 53, 4-6; 59, 12-16; 60, 1-2). Сын же, получивший при жизни отца долю из отцовского имущества, мог быть призван при жизни отца к уплате его долга только из размера полученной им доли, т.е. как простой наследник (ибо он не стал еще преемником), и соответственно лишь по долгам, сделанным отцом до передачи ему доли (61, 5-7; 61, 7-9). Приравнялся к простому наследнику и преемник, переставший им быть (дочь, вышедшая замуж, усыновленный, отказавшийся от усыновления, 62, 12-15; 62, 16 - 63, 1; 70, 16 - 71, 2).

Преемник наследует не только пассив наследства (долги), но и его актив (bona vacantia): он приобретает по всем соглашениям умершего, представляя его в договорах, им заключенных и оставшихся в силе (ср. А33, 9-11), и может выступать с ответной декларацией на передачу (см. выше, разд. III, гл. 3) вещи его отцу, если тот не успел ее сделать. Он обязан был принять даже невыгодный для себя договор, если тот был заключен его отцом (см. 107, 5-7), в отличие от контракта, заключенного опекуном: его он имел право опротестовать. Он также отвечает за отца в судебных исках - вещных - по его делам (А33, 11-14). Преемник принимал также на себя и все обязанности своего отца в отношении его семьи (= подопечных), его обязанности в культе, в попечительстве над целевым имуществом и т.д.

До сих пор речь о преемстве шла в основном по линии противопоставления его простому наследованию, и преемство рассматривалось поэтому как правовой институт, внутри которого не существовало градаций и нюансов. Между тем в иранском праве различались категории преемников в соответствии с различием между преемством как универсальным наследованием лицу в полном значении этого термина и институтом "преемствообязанности" -

стурством. Целесообразно, однако, сначала остановиться на том круге лиц, которые призывались в приемники по открытии со смертью лица его преемства.

В первую очередь призывались его дети. В Судебнике Ишобохта (IV, § I-4) приводится следующая классификация детей ('сыновей', *bēnājjā*): 1) сын "естественный" (*bā-kajjāpā* = ср.-перс. *būtak*); сюда входят как рожденные в полноправном браке, так и внебрачные дети субъекта; 2) сын "законный" (*bā-dāstāpā* = ср.-перс. *dāstāpā ruz*) — рожденный в полноправном браке необходимый наследопреемник субъекта; 3) сын "приемный" (*bā-qub-lā* = ср.-перс. *ratigiftak*) может стать наследником-преемником усыновителя только по письменному распоряжению последнего. Хотя общий принцип данной классификации можно назвать "международным", иранские истоки ее в правовом памятнике христиан Ирана несомненны. В пехлевийском Судебнике сын "законный" обычно называется *ruz I rātiḫbāyīn(ā)* 'сын (от) полноправного (брака)', но в ряде статей и в контекстах, где рассматриваются вопросы призвания, в частности к преемствообязанности и к опеке⁶², выступают также и термины *dāstāpā ruz*, *d. duxt*, *d. brāt*, *d. xwāh* 'законные сын/дочь/брат/сестра' в том же значении рожденных в полноправном браке родителей.

Способность приемного сына становиться универсальным наследником своего усыновителя, как и его стуром, а приемной дочери — эмилерой достаточно хорошо засвидетельствована в Судебнике⁶³. Но ма 7I, 4-7 ясно следует, что это право обычно вступало в силу во вторую очередь, уже после "законных", при этом среди приемных детей предпочтение отдавалось усыновленному наследодателем сыну (или дочери) от его брака *чакар* (42, 9-14)⁶⁴. Необходимое преемство шло по нисходящей — к сыну умершего, затем к его внуку, правнуку. Только при отсутствии мужского преемника по нисходящей призывались женщины — вдова и дочь покойного, а затем усыновленные и боковые (брат-сотовариц, незамужняя сестра). Если призвание внутри семьи оказывалось исчерпанным, агнатическая группа покойного открывала ему стурство и назначала стуром его ближайшего агната (разумеется, если покойный сам не учредил себе стурства и не определил стурра; см. разд. III, гл. I). Таким образом, за кругом внутрисемейного (= необходимого) призвания к преемству лица открывался круг агнатического призвания. В этом перечне нетрудно выделить две категории: прямые преемники-мужчины и преемствообязанные (женщины и мужчины). Приемный сын мог войти в ту или иную категорию в зависимости от формы его усыновления и воли усынови-

теля я, видимо, наличия у последнего сына от полноправного брака.

Соответственно Судебник различает два вида преемства — арагмānd ī rat хвōmīh и арагмānd ī rat stūrīh (см., например, 21, 15 — 22, 1). Если первая разновидность — преемство, осуществляемое через сыновей и внуков умершего, — предполагает вступление во владение наследственным имуществом и приобретение каждым из таких преемников, когда их у него несколько, личной доли в оставленном им наследстве, то вторая разновидность — преемство на началах стурства — исключает вступление в наследство и получение из него личной доли. Иначе говоря, в первом случае преемник лица является вместе с тем и его наследником, во втором — принятие преемства лица (точнее, обязанности обеспечить ему преемство) не сопряжено с правом наследовать ему: здесь преемник не является наследником.

Корни такого разделения очень древние. Первоначально наследовать имущество могли только мужчины. Женщина, как лицо ущербной правоспособности, также и имущественной, не могла вступить во владение наследственным имуществом, как она не могла принять на себя культовых обязанностей. Бездетная вдова, "нося преемство" (ср.-перс. арагмānd būrtan) своего покойного мужа, давала ему преемника-наследника через левиратный брак (Бахмгīh иранского права), как и дочь-эпиклера, "нося преемство" своего отца (70, 2-3) и занимая место его преемницы в его агнатической группе, давала покойному преемника-наследника через брак *vine mādi* с его ближайшим агнатом. Приобретение женщиной доли в наследстве — явление относительно позднее. По иранскому праву письменного периода она могла претендовать на долю лишь *rat gāh ī 2 kavīh*, 'при наличии (у наследодателя) двух (возможных преемников)', 'совместно с кем-то', иначе говоря, в качестве сонаследницы. Обычно она получала свою долю в сотовариществе с братом-опекуном или с сыном. Дочь, не имея брата, получала долю при наличии у нее матери или сестры, вдова — при наличии дочери, следовательно, там, где на нее не возлагалось стурство⁶⁵. Даже в том случае, когда отец при жизни выделил дочери долю из наследства и умер, не оставив другого преемника (= сына или стура, определенного в завещании), и дочь эта призывалась в его эпиклеры, вступало в силу древнее право и выделенная дочери доля возвращалась (= конферировалась) в наследство умершего. Это общее положение о двух категориях преемства в их соотношении с правом наследования очень ярко представлено в целом ряде статей Судебника⁶⁶.

В этом тексте подчеркивается, однако, и право сына-преемника на приобретение имущества из отцовского наследства в свою личную (сыновью) долю даже в обход волеизъявления отца. В другой связи уже упоминалось право главы семьи, имеющего законных детей, создать себе дополнительное преемство через стурство, учрежденное им на свои частные средства, с определенным в стурь одного из своих детей либо лица, стоящего вне семьи. Но он мог распорядиться и наследственным фондом, передав его своим необходимым преемникам, как дочерям, так и сыновьям, не в личные доли, а на началах стурского владения. Иначе говоря, глава семьи был властен предопределять своим детям категорию преемства и наследования⁶⁷. Но если дочь не имела права отказаться от принятия преемства отца на началах его стурства, то сын мог уклониться от этого⁶⁸ и приобрести в свою личную долю имущество, которое отец объявил стурским: право сына стать лично наследопреемником своего отца было бесспорным. Можно привести для иллюстрации следующий пример (96, 3-8). Глава семьи делает распоряжение, согласно которому все оставляемое им наследство должно достаться его детям на началах стурства. Детей же у него двое — сын и дочь. По открытии наследопреемства отца сын выступает с декларацией: "Имущество это в качестве фонда стурства мне не нужно". Тогда масса наследства делится на две равные части, одна из которых во исполнение волеизъявления отца передается дочери как преемнице-стурь, арагманд I rat stūrīh (т.е. в стурское владение), а другая часть считается как бы изъятой из упомянутого распоряжения отца (агтаман давэт) и достается сыну в качестве его личной доли наследства (rat xvēīh).

Можно указать еще одну черту отличия арагманд I rat xvēīh от арагманд I rat stūrīh. Прямое мужское преемство по нисходящей осуществлялось по поколениям (pat stūrea), что сопоставимо с iam hereditationis — "законом представительства" как западного (римского, древнегреческого) права, так и права древнеиндийского⁶⁹. Сыновья представляли своего отца, и последовательность представительства соблюдалась и в том случае, когда сын не мог реально этого осуществить, умерев еще при жизни отца. Это может быть показано наглядно на примере из Судебника (16, 2-5). Согласно указанной статье, если сын умер при жизни отца, не вступив, очевидно, в наследство, то после смерти отца оставленное им имущество переходит детям этого ранее умершего сына. В статье указывается, однако, что внуки платежеспособны по долгам своего деда-наследодателя лишь в раз-

мера приобретенного ими имущества наследства, а это означает, что они выступают в качестве его простых наследников, а не приемников. Таким образом, даже приобретя наследство непосредственно от деда, они рассматривались как приемники своего отца, а тот — как приемник их деда, хотя он реально и не вступал в приемство⁷⁰.

Иное положение при стурском приемстве. Хотя стур и считается приемником умершего и отвечает по его долгам так же, как и приемник-сын, он является скорее уполномоченным приемства, его посредником. Между субъектом и его приемником-наследником (*stūrīk ruz; daxtdāt*) могло оказаться несколько таких приемников-посредников, и интервал между умершим и его сыном-наследо-приемником мог соответственно включать несколько поколений. Так, если дочь-эпиклера покойного имела только дочерей, то дочь ее, внучка покойного, становилась его дочерью-эпиклерой (= стурской приемницей), а при повторении ситуации дочерь-эпиклерой покойного становилась его правнучка, и только сын последней становился в качестве *daxtdāt* своего прапрадеда его сыном-наследоприемником на правах *heres vāma, aragvānd ī rat xvēšīn*. Это положение иранского наследственного права с предельной четкостью прослеживается как в Судебнике, так и в других пехлевийских текстах юридического содержания, но оно нашло любопытное отражение и в "Шах-наме", в его феридуновском цикле. В обработанной Фирдоуси легенде Феридун отделен от своего приемника Манучихра цепью семи поколений своих дочерей-эпиклер.

Итак, только сыновьям доставалось личное правопреемство умершего главы семьи и право приобретения его наследства в свое личное владение с правом и обязанностью дальнейшей трансмиссии его своим (в не отца) личным приемникам. В этом отношении в иранском обществе права всех законных сыновей одного отца на его наследство были равны. Выражением этого положения является не только их равная платежеобязанность по долгам отца, но и их равные права в приобретении отцовского имущества. По закону наследования — он будет рассматриваться ниже — с открытием наследства отца все его сыновья получали равные доли. Но нам известно также право отца производить при жизни различные передачи своим детям как из своего благоприобретенного имущества (= из своей частной собственности), так и из унаследованного. Это могло бы привести к значительным несоответствиям в распределении имущества между его приемниками и, следовательно, нарушить равенство их прав наследования, не будь закона коляции.

В Судебнике имеются прямые указания на существование колляции в иранском наследственном праве. При этом в иранской системе она занимала несравненно более важное место, чем в римской, где правило колляции действовало уже только как преторское установление при разделе наследства (случай наследования *ab intestato*) между *sui heredes* и *emancipati* или при приобретении доли наследства дочерью, уже получившей приданое. По иранскому праву любая легальная передача вещи отцом сыну или дочери, исключая передачу в частную собственность (= дарения), продажу ("передача *rat arš*") или передачу целевого имущества (в попечительство), расценивалась как передача в 'долю', в наследственное владение. Переданная вещь конферировалась к 'доле' (*rat bahr hangārišn*), учитывалась при разделе наследства и не подлежала отчуждению⁷¹. Этим, с одной стороны, обеспечивалось равенство прав необходимых наследников одинаковой категории, с другой — обращение или включение передач отца детям в их наследственные доли (переданная вещь как бы не выходила из массы наследства) оберегало фонд семейной собственности от распыления.

Принцип старшинства, вопреки предположению Х.Бартоломея, основанному на неверной интерпретации термина "апарманд"⁷², не играл роли в праве приобретения братьями наследства отца. Но он неизменно выступал в вопросах призвания к опекунству над женщинами и несовершеннолетними, к попечительству над целевым имуществом и, очевидно, и главенству в культе (в семье неразделенных братьев)⁷³. Равенство прав в приобретении наследства, разумеется, не означало того, что у старшего брата не могло на практике возникнуть никаких материальных преимуществ перед младшим. Такие преимущества могли создаваться уже из права призвания. Попечительство над целевым имуществом влекло за собой право присвоения излишков дохода и получение платы, а опекунство над сестрой и приобретение ею своей дочерней доли в сотовариществе с братом открывало последнему возможность присвоения дохода с доли сестры до выхода ее замуж. Но целевое имущество не входило в массу наследства, оставленного отцом, оно стояло особняком, вне состава семейной собственности, доля же сестры была ее долей в наследстве до конца ее жизни, а оудчи унесена ею в семью мужа, выбывала вообще из состава собственности семьи ее отца (если она не становилась женой своего брата).

Итак, сыновья (и дочь, не являвшаяся эмигранткой или студентом) приобретали как необходимые наследники своего отца осталь-

ленное им наследство в 'свои', 'личные' доли: имела место трансмиссия (аратман) наследственного имущества *pat xvēih*. Получив свою долю (*vaht i vchih*), сын мог владеть ею, присваивать приносимый ей доход, распоряжаться его излишками на правах частного собственника, т.е. вплоть до полного их отчуждения, как он мог эксплуатировать саму 'основу', сдать ее в аренду, срочную или бессрочную (= эфитевтическую⁷⁴). И независимо от того, выделялся ли он от остальных сонаследников, его доля в наследстве свободна от посягательств других лиц и от притязаний его родных братьев. Он передавал ее своим личным преемникам, продолжавшим его имя и культ. Она доставалась ему в "вечное" продолжение его "линии".

Выше уже упоминалось, что в результате трансмиссии приобретение имущества преемниками наследодателя могло иметь место в двух формах: 1) в 'личную' долю, в 'свое' наследственное владение (*pat xvēih*); 2) в стурское владение. В 51. 16 - 52, 1 о 'доле' (*vaht*) сказано, что она "достается ближайшему по званию лицу либо в стурство, либо в его личное владение" (*pat vtūih auār pat xvēih ō ān i vavaktar gavēt*). В связи с приобретением отцовского имущества противопоставление *pat xvēih* : *pat vtūih* отмечается во многих других статьях⁷⁵, оно отражено и в Денкарте⁷⁶.

С точки зрения права собственности доля, приобретенная сыном, представляла семейную собственность, ее часть, что проявлялось в неотчуждаемости 'основы' и в латентном праве наследования, имевшемся в первую очередь у его сонаследников, т.е. в пределах семьи его отца, и далее — у его агнатической группы. Не менее важным признаком следует считать и право приращения доли умершего, не оставившего преемника (сына или стура), к доле его сонаследника (*halvāu*), как и право брата на приращение к своей доле наследства доли незамужней сестры в случае ее смерти⁷⁷. Эта черта имеет полную аналогию в римском *ius accrescendi* у сонаследника.

Тенденция к сохранению фонда семейной собственности обнаруживается уже в упоминавшемся выше правиле колляции передач. Судебник открывает нам и другое явление, свидетельствующее о влиянии института семейной собственности на частную, — отсутствие трансмиссии права частной собственности на недвижимость. Выше, в связи с благоприобретенным имуществом (*hapdōht i xvēih*), говорилось о том, что оно представляло частную собственность субъекта и было открыто для всех легальных операций и сделок, включая полное отчуждение.

Что же происходило в момент открытия наследства с тем частнособственническим имуществом, которым собственник при жизни не распорядился? Такое положение представлено в 88, 7-14: мать и сын являются сонаследниками (= сотоварищами — *hambāu*); сын, не имея ни жены, ни ребенка, умирает, оставив в качестве "лично накопленного" имущества стоимость, равную 59 сатерам, т.е. ниже той минимальной стоимости, на которую возможно было бы посмертно учредить ему стурство. Мы имеем здесь именно тот "чистый" случай, когда к моменту смерти субъекта на его частной собственности нет никакого распоряжения — ни его личного, ни сделанного посмертно в его же интересах его агнатической группой. В статье указывается также, что вся стоимость была накоплена сыном не в сотовариществе с матерью. Тогда это "накопленное" имущество вливается в его наследственную долю и так достается его необходимому наследнику, в данном случае матери-сонаследнице (по действию закона приращения, см. выше).

Право частной собственности на недвижимость действует на время жизни собственника, только он может перенести его на другое лицо; если же он этого не сделал, с его смертью уничтожается и право частной собственности на данную вещь: она переходит в фонд семейной собственности и соответственно приобретает его приемниками в наследственное владение или в стурство. Аналогичное правило действовало, конечно, и вне Ирака. Так, по древнегреческому праву деление на *πατρῴα* и *ἐπικτητά* в момент открытия наследства теряло юридическое значение, ибо тогда обе части имущества наследодателя сливались воедино и приобретались его приемниками как *πατρῴα*⁷⁸. В условиях отсутствия трансмиссии права частной собственности на недвижимость частнособственнические приобретения могли также приводить к увеличению фонда семейной собственности. Данное явление, а также право приращения и колляция способствовали поддержанию общей стабильности фонда семейной собственности — материальной базы семьи, культов, гражданства — при наличии таких разрушающих этот фонд факторов, как частная собственность, рост товарно-денежных отношений, и столь активно и постоянно действовавшего фактора, как имевшее место в каждом поколении дробление фонда семейной собственности.

Итак, глава семьи — правомочный наследственный владелец того имущества, собственником которого является семья в целом, в ее прошлых, настоящем и грядущих поколениях. Но поскольку семья не была изолированной родственной группой и че-

рея своего главы и его предков была тесно связана с другими семьями, составлявшими агнатическую группу, глав этих семей можно представить — теоретически — в качестве сонаследников, ибо, не будь выделения семей и раздела имущества, они реально были бы сонаследниками. Таким образом, говоря о семье как о коллективном собственнике, следует учитывать и то, что рамки семьи не были замкнутыми и право собственности на достояние семьи в качестве латентного права принадлежало и более широкому, чем семья, коллективу лиц. Оно вступало в силу при наследовании в тех сравнительно редких случаях, когда оказывалась исчерпана линия семьи, но также и в иных ситуациях, в частности при операциях с недвижимым имуществом семьи. Отсутствие у наследственного владельца права свободного отчуждения семейного имущества еще не означает, конечно, что неотчуждаемость такого имущества была абсолютной. Оно могло не только закладываться, но и идти на уплату долгов, т.е. могло быть отчуждено в силу необходимости. Более того, воля наследственного владельца к отчуждению семейной собственности, несмотря на общий запрет, могла быть осуществлена с согласия всех возможных наследников — необходимых преемников владельца, его сонаследников и агентов. Это положение отражено и в индийских правовых трактатах VI-VII вв.⁷⁹.

Очевидно, возможность отчуждения семейной собственности была вначале ограничена рамками агнатического круга владельца, распространившись впоследствии и на его гражданскую общину. Так, по свидетельству пехлевийского комментария к Дине (P. Y. 32, II — оно приведено выше, разд. II, гл. I), отчуждение наследственного имущества допускалось в пределах агнатической группы, а в Судебнике упоминаются передачи вещей "согражданину" (*mart i bayr*). Можно, видимо, полагать, что и отчуждение недвижимости, представляющей частную собственность, также было ограничено пределами агнатической общины или, во всяком случае, такие акты должны были контролироваться естественными наследниками и агнатической группой субъекта, поскольку подобные отчуждения способны были нанести немалый ущерб потенциальной платежеспособности продавца, как и лишить семейную группу возможной перспективы последующего включения этого частного имущества в фонд семейной собственности.

К сожалению, мы не располагаем пока ни одним иранским деловым документом интересующего нас периода, фиксирующим продажу недвижимости семейного фонда или частнособственнического⁸⁰. Этот пробел не может восполниться Судебником, в котором хотя

210

и упоминаются продажи и передачи недвижимости, но вследствие характера самого памятника в нем обходятся детали оформления таких сделок, равно как формуляр документов, фиксировавших такие сделки. Но его до некоторой степени могут восполнить более поздние (IX в.) армянские документы, текст которых приведен дословно в "Истории области Сисакан" Степаноса Орбеляна. В них отражены передачи сснийскими князьями земельных владений Татэвскому монастырю св. Креста, передачи, представляющие учреждения "для души" с определением попечителями сснийских епископов, — христианизированный вариант знакомых уже нам иранских учреждений *pat givān*. Если же отвлечься от различий конфессионального порядка, то эти документы можно рассматривать как пережиток иранской канцелярской практики и традиции: в них сохранены также иранская социальная и правовая терминология и ряд реалий иранского права. Тем более интересен их формуляр. Приведем здесь в переводе (с некоторыми сокращениями) два таких документа⁸¹. Первый, составленный в 844 г. князем Филиппом, имеет следующий текст:

"В 293 году армянского летосчисления, как была тому воля⁸² моя, Филиппа, сына Васака, владыки Сснийского, я передал деревню Татэв — для моей души — Вам, владыке Давиду, епископу Сснийскому, (деревню), доставшуюся мне от моего отца в качестве пожалования/отказа по завещанию⁸³ и не обремененную никакими обязательствами⁸⁴, со всеми границами, с горой и с полями, с садами и оренниками, с лугами и с мельницей, и полностью⁸⁵ то, что входит в границы. И да никто не будет вправе после моей смерти, ни сыновья мои, ни братья, ни иные наследники (*hostakdargk*⁸⁶ — ср.-перс. *hwāstakdāgān*), отторгнуть эту деревню от этой церкви св. Креста... (здесь следуют проклятия нарушителя этой клаузулы, а также клаузула о праве распоряжения доходом у попечителей — епископов Сснийских, которые придут на смену епископу Давиду). И да будут свидетелями хранимый Богом владыка Григор, владыка Сснийский, владыка Атрнерсэх, сын Васака, владыки Сснийского, владыка Григор, сын Саака, владыка Храт (арм. *Hrabat* < парф. *Hrabāt*) и владыка Аруман, сыновья Саака, владыка Гагик, сыновья владыки Сснийского Григора, владыка Ваан, сын Вардана, а также из моих вгнатов (*uim azatao*⁸⁷, ср. ср.-иран. *āyāt* 'агнат'): Хур (Нур), Курдой, Хосров — сыновья Шапуха, Деваниер, сын Теодороса, Аштак, сын Вана, Дзагик, сын Вазна, Вардан, сын Джанада, Саак, сын Васака, Микраи, сын Турка, Иоани, сын Нерсэха, Мушэй, сын владыки Тироца, Хасан, сын Шапуха, Ваан, сын Мхитара, владыка Мушэй, сын

Сибата, владыка Наан, сми Бадгена, владыка Бадген, и владыка Васак, и владыка Ашот — мой, Филиппа, сыновья, и из духовных лиц ... (следует перечень восьми лиц). И для большей достоверности свой обычный перстень я приложил и (перстни) моих сыновей и остальных агнатов (*жауl azatas'*)".

Второй документ, от лица княгини К'ир'идихт, сестры князя Филиппа и бездетной вдовы сснийского князя Храата, датирован 867 г. Ниже приводится наиболее важная для нас часть:

"И селение (*д'еп*) одно, именуемое Мач, в Балайском округе (*гачаг'*), которое прежде владыка Атриерсех, владыка Сснийский и мой брат, передал мне, а после этого Храат, мой господин, купил у моего брата и продал мне, я, К'ир'идихт, сделал (фондом), посвященным душе, передала это селение вместе с горами и долинами, с лугами и с пахотными землями, с рекой и с ее берегами ('с водой и с сушей'), с деревьями и с посадками (монастырь) св. Креста и владыке Соломону, епископу Сснийскому... Отныне правомочен ты, владыка Соломон, и те епископы, которые сменят тебя на святом престоле сснийском, пользоваться этим селением со всеми его границами на вечные времена. И да не будут вправе ни я, ни сыновья моих братьев, ни другие наследники (*хостакдарк'*) оспаривать (*раук'агел* = ср.-перс. *ratkārtan* 'судиться') и высушивать (*нашмаз kal*, ср.-перс. *hamēnāl/г*)... И написала в 316 году армянского летосчисления при свидетельстве моих племянников ('сыновей братьев') — владыки Васака, и владыки Ашота, и владыки Григора, и владыки Саака — и их агнатов (*iwteas' azatas'*) и всех шингэрцев (= одна из агнатических групп сснийской знати. — А.П.)".

Некоторые пункты этих документов представляют большой интерес для вопросов, затронутых в нашем исследовании. Так, учреждения целевых фондов "для души" из личных приобретений учредителей (также и по дарам или отказам), как и из унаследованного, с полным выходом этих фондов (также и в перспективе) из состава семейного достояния находят полную аналогию в Иране, равно как и передача их храму с определением в попечители (с правом распоряжения доходом и присвоения его излишков) духовных должностных лиц (в Иране — магупатов, см. разд. III, гл. 5). Показательно и употребление термина *хостакдар* для обозначения наследников, не являющихся необходимыми преемниками учредителя, т.е. именно в том правовом значении, которое устанавливается, как мы это видели выше, для ср.-перс. *хвастакдар*.

Особенно же важно здесь для нас привлечение (при отчуждении недвижимости) в качестве необходимых свидетелей, дедавших

акт юридически действительным, всех правоспособных агнатов учредителя, даже и тогда, когда отчуждается недвижимость (или, как здесь, поступления с деревень), представляющая частную собственность. Можно указать также и весьма четкое употребление в армянских документах термина *azat* для обозначения агнатов. И если в первом случае выступают необходимые наследники и агнаты самого учредителя, князя Филиппа, то во втором документе привлечены родичи учредительницы со стороны ее отца — сыновья ее братьев и их агнаты. Поскольку княгиня была бездетна (*malogdi golov*), ее частная собственность должна была после ее смерти слиться с принесенным ей из отчего дома приданым (= дочерней долей) и быть возвращена семье ее отца (в полном соответствии с нормами, действовавшими и в Иране) и войти в состав собственности ее прежней семьи, следовательно, того имущества, в отношении которого у агнатической группы ее отца (*šnhē-ges'ik'*) имелось латентное право.

Теоретический интерес для проблемы семейной собственности представляет и судьба выморочных владений. Для Ирана, где действовал институт стурства, такие случаи должны были быть довольно редки, распространяясь на стоимости ниже минимальной для учреждения стурства, и то лишь в отсутствие агнатов. По порядку, принятому в древней Индии, выморочное имущество приобреталось агнатами умершего; при отсутствии же агнатов отходило царю⁸⁶. Любопытен в этом отношении пехлевийский комментарий к Y. 9, 7, развернутый вокруг авестийского выражения *vīzō wāgaū*. К формулировке "Сильный родом был тот, в доме которого было много (имущества), унаследованного по преемству от предков" комментатор добавляет: *ān-iš Dabāk rat stānāk'ih arāš kart* "в этом-то (= имуществом Траетаоны-Фретона. — А.П.) Дахак завладел путем захвата", после чего уже вне какой-либо связи с сюжетом Авесты комментатор дает следующее правовое определение: *u-š kvatāy'ih ē(t) kvēšavand-ē(v) raūtāk nē vūt gāb dāšt* "И (это) его владение (буки. 'господство' над захваченным имуществом. — А.П.) такое же, (какое имеет место в случае, когда) владели на основании того, что не объявился ни один агнат (покойного владельца. — А.П.)". На дальних агнатах замыкался круг законных претендентов, и, если круг этот был исчерпан, ведь, оказавшаяся бесхозной, открывалась для завладения. В силу своей публичной власти (а не какого-то права верховной собственности) царь (или князь) мог стать собственником тех богатств, включая земельные, которые не являлись ничьей собст-

венность, ни частных лиц, ни коллективов — общины городских или сельских, ни храмов или иных юридических лиц⁸⁷.

Нам остается рассмотреть еще два вопроса: нормы наследования в иранском праве и раздел имущества между наследниками.

Наследниками (необходимыми) главы семьи являлись его жена (= вдова) и его дети. Соответственно в наследстве различаются 'доля жены' (bahg I zanīh/katak-bānīh), 'сыновья доля' (bahg I zanīh) и 'дочерняя доля' (bahg I dāxtīh). Как можно заключить из статьи 65. 15, для расчета величины доли вся масса наследства делилась на число наследников, помноженное на два. Таким образом выводилась "единичная" доля (bahg I ēvākīh). Каждая из дочерей получала право на одну такую долю, каждый из сыновей — по одной "двойной" доле (bahg I dōvīh). Доля вдовы была равна одной сыновней доле⁸⁸. Тот же принцип нормирования указан в Видевдате (Va. 2): жена и сыновья наследодателя получают из наследства равные "целые" доли, а дочери — "половинные"⁸⁹. Сын, родившийся после распределения наследства, наследовал долю матери (= хозяйки дома)⁹⁰.

Выходя замуж, дочь уносила свои 'дочернюю' долю в семью мужа (51, 12-16; 62, 12-15). При ее жизни принесенная ей доля (= приданое) не сливалась с имуществом мужа и в случае развода возвращалась вместе с ней в дом ее отца, а приобретенное в браке оставалось мужу⁹¹. Возвращение 'дочерней доли' (= приданого) имело место и посмертно в случае бездетности женщины. Обычно же после смерти замужней женщины ее приданое вместе с другим приобретенным ею лично имуществом присоединялось к наследству ее мужа и наследовалось ее детьми (105, 1-3). Специфическая ситуация возникала тогда, когда дочь замужней женщины призывалась в стурь своего деда со стороны матери: приданое матери приобреталось в этом случае этой дочерью на началах ее личной доли наследства (см. 41, 13-14), имущество же деда, стуром которого она становилась, приобреталось ею в стурское владение.

Наследство приобреталось в соответствии с указанными нормами независимо от того, производился ли при этом действительный раздел имущества или нет. Если раздела не было, имущество приобреталось наследниками в неразделенном виде (abaxt), по идеальным долям, и все сонаследники выступали как сотоварищи или совладельцы (hambāyān, razān; ср. также синонимы hamahī; 63, 4-5, и hambgāt)⁹².

Раздел имущества (baxtikīh) не был обязателен, и для его осуществления требовалось согласие сонаследников. При расхо-

дени во мнениях раздела не производили, разве что если сонаследники — сторонники раздела являлись опекунами несовершеннолетних и инвалидов (агмәйтәп; 53, I-3). Но там, где он имел место, женщины выдела не получали: сестра получала свою долю в сотовариществе с одним из братьев, а именно с тем, который был или становился ее опекуном, мать же — в сотовариществе с сыном (с одним из них)⁹³. Следует полагать, что для юридической действительности раздела он должен был быть произведен по определенной форме. В сельских общинах внутрисемейный раздел недвижимости вряд ли был очень частым явлением. Трудно также представить себе повсеместную документальную фиксацию его, скорее всего здесь обходились торжественной декларацией в присутствии всех полнолетних агнатов и старейшин общины. В городах же и в среде знати письменная фиксация и регистрация разделов (недвижимости) судебными чиновниками или магистратами была, видимо, обычной нормой. Один из пергаменов персидского времени из Дурра-Эвропос (DPg. 40)⁹⁴ фиксирует оформленный через "царский суд" раздел недвижимого семейного имущества в связи с эмансипацией сыновей от отца. Разумеется, данный факт возможно приписать традициям эллинистического полиса, каким был город Дурра-Эвропос. Тем важнее поэтому указание о легальном оформлении сотоварищества брата с сестрой — необходимость его специального оформления могла возникнуть только при внутрисемейных разделах (23, I3-I7; 24, 2-3 — если только верна предлагаемая интерпретация этих статей). Можно указать также на армянскую параллель (Момсей Хорен. I, 3).

Из специальных казусов можно отметить рассматриваемый в Д7, 2-7 вопрос наследования детей, родившихся после того, как мать их была обвинена в атагвакәуһ (деликт супружеского неповиновения), как и положение о праве наследования у такой вдовы (Д6, 5-14), и вопрос о доле, приобретенной дочерью, вступившей в брак со своим отцом и овдовевшей (44, 8-12; 44, I3-I4).

В заключение несколько слов о соотношении права наследования с религиозной принадлежностью, точнее, с ее сменой. Не-зороастрийцам был закрыт путь к наследованию зороастрийцу; они вообще исключались из необходимого призвания (60, I6 — 61, I) и, очевидно, из общины. Но зороастрийцы могли приобретать по наследству имущество не-зороастрийца (Джм 748, I4-I5).

Г л а в а 3. Пехлевийские термины наследопреимства

В центре внимания этой главы, как бы дополняющей предыдущую, находятся термины пехлевийских текстов, относящиеся к наследопреимству. И хотя некоторые из них мы уже рассматривали в других работах⁹⁵, представляется целесообразным ввиду характера данного исследования дать здесь сводку имеющегося материала по этому вопросу.

Арагманд. Несмотря на прозрачность этимологии (лексикализованное причастие от араг *mādan*), не было единодушия в определении значения термина в текстах. Так, Дж. Дармстетер (Za I, 87) переводил *араманд наб ритаран* как "отцовское наследство" (*héritage paternel*), он следовал в этом санскритским переводам Нермосанга (о них см. ниже). Э. Вест колебался между "имуществом, оставшимся после уплаты долгов наследодателя" (*residualary; residuary wealth*) и "избытком собственности/имущества" (*ash-plus property, ash-plus wealth*) в своем переводе Демхарта и "превосходством" (*virtemasy*) в переводах других текстов. Х. Бартоломе посвятил анализу этого термина целую тетрадь в своих исследованиях по сасанидскому праву (ZaB V), уделяя главное внимание его значению в тексте Судебника. Вывод его сводится к следующему. Для некоторых случаев возможно принять значение "наследство" (*Erbenschaft, Nachlass*), но для большинства употреблений подстановка такого значения, по его мнению, невозможна из-за наличия в контекстах противопоставлений *араманд - веит* и *араманд - хвастакдар, хвастакдари*. В 'апарманде' Бартоломе усматривал "особый вид дарения между живыми", дарения, которое делалось одному из наследников, создавая ему *преимущественное положение перед другими; устанавливаемое им значение термина - Vortzag, vortzagsh 'преимущественная доля в наследстве', также - Vortrecht 'привилегия'*. Несмотря на свою несовместимость с иранским правом, не знавшим ни "преимущественной доли", ни "привилегий" в наследовании (см. разд. IV, гл. 2), эта интерпретация была принята Г. У. Байли⁹⁶, Х. С. Ньбергом⁹⁷ и с некоторой модификацией А. Пальярро⁹⁸.

Однако уже в 1940 г. Р. Зенер⁹⁹, подвергнув тщательному анализу случаи употребления слова вне юридических текстов, показал правильность значения "наследство", принятого Дармстетером, как и то, что в переносном или расширительном употреблении слово это означало "наследственность; наследственное свойство". К сходному выводу — и независимо от работы Зенера, тог-

да как неизвестной, — привело нас рассмотрение термина в юридических контекстах, оставленных Зенером в стороне, но позволяющих внести и важные уточнения в понимание семантики слова.

Здесь следует сразу же сказать, что многократные в Судебнике случаи противопоставлений *апарманд* : личная доля в наследстве и *апарманд* : наследник-хвастакдар, замеченные Бартоломэ и побудившие его отойти от трактовки Нериосанга — Дармстетера, весьма существенны. Не вникнув в их смысл (а он не был понят Бартоломэ), невозможно установить точное и основное значение термина, как и предложить логичный перевод значительного числа статей Судебника, его содержащих. Противопоставления эти основаны на разнице (ускользнувшей как от Бартоломэ, так и от других исследователей) между преемством и наследованием, преемником и простым наследником (хвастакдаром) и на различиях между формами наследования в зависимости от двух типов преемства в иранском праве — необходимого личного (*апарманд рат хвэстакдар*) и стурского (*апарманд рат атурт*)¹⁰⁰; эти различия мы уже подробно рассматривали в двух предыдущих главах. А это заставляет полагать основным значением слова понятие "преемство; трансмиссия", значения же "наследство; наследие" и "наследственность" — вторичными ("преемственный" → "наследственный").

Значение "трансмиссия; преемство" → "наследование" подкрепляется техническим употреблением глагола *араг мандан*, хорошо засвидетельствованного в Судебнике. Во всех случаях он передает действие принятия лицом права на вещь или правового статуса не в силу акта передачи или по назначению, а на основании необходимого призвания внутри семьи — по трансмиссии. Он как бы антоним глаголов *датан* ('передать по легальному акту'), *картан* ('учредить'), *гомагтан* ('назначать'). Там, *вайт араг мандан* 'унаследовать долю' (41, 13-14: о приобретении дочерью наследственной доли матери), *хвэстак а. м.* 'унаследовать имущество' (отца, мужа; 44, 13-14; 95, 10-12), *ауоухан а. м.* 'становиться эпиквром' (23, 4-10; 89, 17 — 90, 1), *вагдартан араг гтаб мандан* 'становиться опекуном' (= "естественным" в силу необходимого призвания; см. 27, 2-4).

Несомненна тесная смысловая связь между техническим употреблением глагола *араг мандан* и образованным от него именем. Значение последнего, вытекающее из всех правовых контекстов, — "приобретение вещного или личного права по трансмиссии", "преемство", "наследование". Выше уже отмечалось, что *апарманд* как 'трансмиссионный фонд', 'унаследованная часть имущества, махо-

дядьего в семье', противопоставлен *xvātak ī handōxt*, 'наследственному', 'благоприобретенному'. Укажем также на такие фразеологические сочетания, как *aragmānd āstaβarīh* 'правомерно на принятие преемства умершего главы семьи', 'основание преемства' (23, 4-10; 95, 10-12), *aragmānd būtan* 'место (обязанность) преемства' (о дочери-эпиклере, не становящейся наследницей; 70, 2-3), *aragmānd būtan* 'становиться преемником' (62, 2-3; 70, 3-12). Из последнего примера видно также, что слово это означало не только "преемство", но и "преемник(-ца)".

Из контекстов вне Судебника отметим следующие. В пехлевийской Ясни (Y. 9, 7) ав. *vīdō vīgaya* (*ṽgētaoṽ*) передало через *arag-vīa*, которое снабжено схоимей: *aragvīvīh v(t) būt ku-ā xānak haḥ aragmānd ī rītagān vas būt ut ān-īḥ ī Bahāk rat vāhnikīh arāḥ grift* 'Могуществом рода состояла в том, что у него (= Феридуна) было много домов, унаследованных (им) от предков, и он также отобрал силой те, которые были у Дажка'. И здесь налицо противопоставление приобретенного по трансмиссии/преемству от предков приобретенному самим со стороны (в данном случае путем захвата). Аналогичны контексты из Денкарта, приводившиеся уже в другой связи¹⁰¹. В другом пассаже Ясны (Y. 51, 16) о легендарном царе Витаспе сказано, что 'он заслуживал царствования в силу своей добродетели, не говоря уже о праве преемства (*uyt-īḥ haḥ aragmānd*)'¹⁰².

В заключение отметим, что Неркосанг (XI-XII вв.) в своих переводах на санскрит пехлевийской Ясни и текста ŠGV совершенно точно передал *haḥ aragmānd* при помощи санскр. *anvayāt* 'по последовательности, по преемственности (поколений внутри семьи)' и *rāgābraṅgām* 'преемственный; наследственный' в противовес другому пехлевийскому термину — *handōxt ī xvēā*, столь же точно переданному им санскр. *anvāgataḥ* '(имущество), поступившее со стороны', *arjitāḥ svayam* 'приобретенное самим' и *ataḥ ūgāhvam* '(приобретенное) впоследствии'.

Vāzruhrakān. По форме это прилагательное на *-akān* от *vāzruhr*, субстантивированной формы *vṛddhi* (**vāzruhrī* - 'относящийся к сыну рода'), образованной от иран. **vāzruhrā* - 'сын рода'. В среднеперсидских текстах и надписях *vāzruhr* засвидетельствовано в значении 'царевич, принц' применительно к сыновьям, братьям, племянникам и дядьям царствующего монарха. Аналогичное значение — 'принц, князь' — имеет в текстах и основная форма, переживающая в парф.-ср.-перс. *vāzruhr*; ср. также его женскую параллель парф. *vāzruhr*¹⁰³ 'княжна'. Между тем употребление в пехлеви прилагательного *vāzruhrakān* весьма да-

деко от этой высокой сферы. Поскольку состав термина ясен, остается объяснить семантическое соотношение *vīvrūht* : *vāvrūht* : *vāvrūhtakān* и уточнить значение последнего термина.

В.Б.Хеннинг, исходя из значения "принц" первого слова, сопоставил иранскую пару *vīvrūht* : *vāvrūht* с латинской *princeps* : *principalia* и вывел, таким образом, для иранской семантическое соотношение 'prince' : 'principal'. Форма *vāvrūht* вытеснила *vīvrūht*, а вторичное прилагательное *vāvrūhtakān* приобрело, по его мнению, значения "основной; специальный; особенный" ('principal; special; particular').

Эта гипотеза вызывает ряд возражений. Прежде всего правомерно само сопоставление данных пар. Хотя слово "принц" европейских языков и продолжает лат. *princeps* и может также служить достаточно адекватным переводом ср.-иран. *vīvrūht/vāvrūht* в значении "даревич, княжич", засвидетельствованном в текстах, латинское слово, дериватом которого является *principalis*, имело иной смысл. Лат. *princeps* (< **prīncēps*) означало "первый во времени или по месту, следовательно, "действующий первым", "первоначальный" либо "занимающий первое место", "первый по рангу". Соответственно и в основе производного от него *principalis* лежит идея первенства во времени или по месту, откуда и его значения "первоначальный; основной; главный, первенствующий; верховный; императорский (от *imperator-princeps*)". Понятия первенства нет в иранских терминах — ни в основном, ни в производном. Далее, из значений "первоначальный, основной" совсем не просто вывести значения "специальный; особенный; частный", приписываемые Хеннингом слову *vāvrūhtakān*. Более того, ни одно из этих значений не подтверждается, как это будет ясно из дальнейшего, проверкой употреблений термина в контекстах. Зряд ли правомерно также при объяснении отыменного производного исходить не из основного значения имени, а из вторичного, к тому же очень узкого.

Будем поэтому исходить из основного значения слова *vīvrūht* 'сми рода' (гетерограмма *vīvrūht* 'сын дома')¹⁰⁴, женская параллель которого была восстановлена Хеннингом из живых диалектных форм *vavita*, *vivita* 'золовка' (сестра мужа в глазах воемехей в семье невестки была дочерью дома/рода ее мужа). Первоначальное значение "вспухра" и по сей день живо на западе Ирана в курд. *bīvrōt/rīvrōt* 'ноше-воу'¹⁰⁵. Но в приложениях царскому роду *vīvrūht*, естественно, были принцами, и слово получило и такое — уже вторичное — значение. Естественно и то,

что именно это значение выступает в царских манифестах и в текстах, отражающих жизнь двора и знати.

Поскольку во всех семьях сыновья являлись необходимыми преемниками и наследниками, слово "випухр" (как и лексикализованная форма "васпухр") во всех слоях иранского общества должно было стать эквивалентом слова "наследник; преемник". Это, впрочем, показывает христ.-согд. *wubru* 'наследник', передающее *κληρονόμος* греческого оригинала. Также и в пехлевийском тексте "Šūh nahwān" *rus* I *vāwruhr* — это "сын-наследник/преемник царя; кронпринц". Но в царской семье принцами и наследниками являлись не только сыновья монарха, но и его братья и племянники, и когда в "Нар-намаке" царь Артабан предлагает Арташиру отправиться на охоту с его, Артабана, сыновьями "и с *vāwruhrgakān*" (мн.ч. от *vāwruhrgak*), то имеются в виду артаксидские принцы, не являющиеся сыновьями царствующего Артабана (по Хеннингу же — это "specials" в смысле "special friends of a king").

Широкое как по территориальному распространению (от запада Ирана до Согда), так и в социальном разрезе (охватывая все сословия), употребление *vāwruhr/vāwruhr* в значении "наследник" дает основание полагать, что образованное от этого слова прилагательное должно было принять на себя это значение и применяться для обозначения личного наследственного владения или приобретения, сыновней/дочерней доли в наследстве. Именно это значение выступает в Судебнике, где *vāwruhrgakān* I *zān* есть не что иное, как 'наследственная доля', принесенная женой в качестве приданого в дом мужа (ее дочерняя доля в достоянии ее отца), а *vāwruhrgakān* I *gāzand* I *šakarīnā* — 'наследственные доли детей от брака чакар' (их доли в наследстве, оставленном их законным отцом)¹⁰⁶. Например, в 32, 16 - 33, 1 сказано, что "отец при отсутствии у него своего имущества должен содержаться на средства своего сына, дочери и жены от полноправного брака, а отец-чакар — на наследственные доли (= *vāwruhrgakān*) жены и детей-чакар и он обязан вернуть им (= последним. — А.П.) эквивалент (= возместить убытки)". То же значение в пехлевийском Видевдате (Va. XIV, 15: 'приданое') и в Денкарте (Dkm 748, 14-15): *Arag mat* I *zami* *kwāstak* *šīš* *anērān* *dāšt* *ō vāwruhrgakān* *kwēših* I *ōvāk* *haš* *ēgān* "О поступлении земельного имущества, которое было во владении у незороастрийцев, в личное наследственное владение одному из зороастрийцев". Здесь *vāwruhrgakān* служит определением к *kwēših* 'наличие у лица права титула на вещь', уточняя разновидность

и характер этого права¹⁰⁷. Не менее интересен и другой пассаж из Денкарта (Dkm 733, 20-21), в котором 'лично-наследственное владение или титул' (xvēših ī wāzruhrakānIk/wāzruhrakān xvēših) противопоставлен общему и неразделенному владению и титулу (xvēših ī amarakānIk)¹⁰⁸.

Термин фигурирует и в надписи жреца Картира на Каабе Зороастра (стк. 2-3) в следующем контексте: "И это число ('столько') Огней и учреждений для души (kltk'n), которые (указаны) в надписи (= в большой надписи Шапура. - А.П.), - и даже еще больше - (в отношении всего этого) меня Шапур, царь царей, в наследственные попечители определил (rwn w'arwtlk'n rkdwn 'vudwn) (со следующей декларацией): "Этот дом документов/учреждений (? vnu BYT' = vnp-xānak) да будет у тебя, и как ты понимаешь, что нам и богам это будет приятно, так и поступай!" Этот отрывок надписи проясняется в свете нового уровня наших знаний иранских правовых институтов и уточнения значения слова wāzruhrakān. Здесь Картир сообщает о том, что Шапур, учредивший ряд фондов "для души", определил его, Картира, наследственным попечителем¹⁰⁹ этих фондов, что полностью отвечает режиму целевого имущества, который мы уже рассматривали (разд. III, гл. 5). Это случай определения попечителя самим учредителем вне круга преемства последнего, соответствующие обязанности и права переходили к личным преемникам такого попечителя. Отметим также употребление гетерограммы rkdwn для обозначения функции попечителя целевого фонда в Судебнике (АЭБ, 3-6)¹¹⁰.

Полезно обратиться и к свидетельствам древнеармянских текстов, содержащих обратный материал по интересующему нас термину. Дранизм в армянском вериш : вериш^{III} обозначает в текстах мужских представителей знатных семей и агнатических групп, 'сыновей', в их противопоставлении главам семейных групп. Прилагательное же вершакан, очевидно также заимствованное, выступает в значении "наследственная доля (сына/дочери) в семейном имуществе". По сообщению текста Елише (У в.)¹¹², албанский царь, отрекшись от престола, "попросил (у сасанидского царя. - А.П.) свою сыновнюю наследственную долю (xvankut'eap veršakan), которую его отец пожаловал ему в вности (и которая включала) одну тысячу дымов (halar ard)". Но и во множестве других случаев употребления (в древнеармянских текстах их добрая сотня) вершакан - это доля необходимого наследника в наследстве отца. Образованное же от него абстрактное имя veršakut'iwп употреблялось в качестве синонима hagarut'iwп 'наследство, наследопреемство'.

Царский род в Иране не был исключением из общего положения, и все его представители, являвшиеся необходимыми наследниками, имели право на свои личные наследственные доли в остатке (*ōstān*). Такая доля, полученная царем, была его личным доменом, поступления с которого, налоговые и иные, составляли его *handōxt ī xvēš* — его личный ("собственный") фонд. В Карнамаке засвидетельствован титул *andarapat ī vāvrūnḡakān*, который переводят обычно 'Ordner des hohen Adels'^{II3} или 'instru-teur des vāvruhrs'^{II4}. *Andarapat* (арм. *anderjaret, handerjaret*) как титул отнюдь не означал 'наставник': это высокое должностное лицо, наделенное исполнительной и судебной властью в пределах той или иной территории (ср. арм. *Sakastan anderjaret* 'андарэпат области Саквстан') или ведомства (ср. ср.-перс. *mošān andarapat*, арм. *mošan anderjaret*). По Судебнику, в прерогативы последнего входило, в частности, решение дел, связанных с учреждением стурства (A15, I2-I5) и с попечительством над частным целевым имуществом (A37, II-I2). Скорее всего поэтому носитель титула *andarapat ī vāvrūnḡakān* был сановником, ведавшим делами личного домена царя. В этом убеждает нас и упомянутый в пайкулийской надписи титул *vāvrūnḡakān ahmagkat* — очевидно, финансовый чиновник, ведавший личными доходами царя; ср. арм. *vāvrūnḡakān hamaḡakat* — титул сасанидского сановника при царе Хосрове II. Такого же происхождения и название армянской области *Vāvrūnḡakān*, как это отметил уже В.Б.Хеннинг^{II5}; по его предположению, и араб.-перс. *mal-i hāz* является передачей доарабского по происхождению института — *vāvrūnḡakān* царя.

Остается рассмотреть еще и переносные значения слова. Оно встречается в поздних пехлевийских текстах (Дк., ŠGV), в пассажах религиозно-философского содержания как в форме абстрактного имени *vāvrūnḡakānīh*, так и "оглаголенным" — *vāvrūnḡakānē-nītan, vāvrūnḡakānīnistān*. Несмотря на философскую окраску, связь этих новообразований с первоначальным понятием "наследственный" очевидна. Например, в ŠGV VII, I-4 *vāvrūnḡakānīh* следует за *šihgēnītakīh* и передает понятие "наследственное качество", "(неотделимое свойство)"^{II6}, тогда как другое слово выражает идеи происхождения, Начала; Причины. Значения "наследственное качество", "имманентное свойство", "качество, свойственное предмету и неотделимое от него" характерны и для переносного употребления армянского слова. У Хосрова оно объясняется так: "верḡакан называют тесно связанное и неотъемлемое", а в средневековых армянских научных трудах образованное от на-

го абстрактное имя означает "свойство (имманентное)". Так слово с основным значением "лично-наследственный" обрело также и вторичное значение "присущий, свойственный", в правовом же контексте оно могло указывать также на принадлежащее субъекту, его личное, неотъемлемое право; такое развитие имело место в армянском, где н.-арм. *ser'akan*, *ser'akanut'uyin* означают "собственный", "собственность".

Āzātīh. Это слово, омонимичное *āzāt* 'agnatus', 'знатный, благородный; свободный (как сословный термин)', образовано от корня *zā(y)- : *zāta-/zīta-* (санскр. *īhāti*. и.-е. *ǵhē-, *ǵhēi-) 'лишать(ся), оставлять, покидать, отделять(ся), освобождать(ся)'. Как известно, производные от корней, имеющих указанную семантику, передают понятия "покинутости, лишенности" → "сиротства; вдовства", но также "оставленности" → "наследства", "потомства" и "оставления, отделенности" → "избавления, освобожденности"¹¹⁷. В иранских языках корень *zā(y) представлен достаточно широко. Это, например, парф. *izuh-* : *uz'ā* 'покидать', ср.-перс. *vizāyitan* 'лишать(ся)', осет. *vaīn*, *izayin* (*vī+zā-) 'оставаться' [ср. санскр. *vīhīna-* 'покинутый; лишенный чего-то; избавленный, свободный (от)'], парфанизмы в армянском: *zat* 'кроме; отдельно', *zatakān* 'отделяющий, отделенный; свободный', *zātva*, *zatakaw*, *zātva* 'отделять; освобождать'. С предфиксом ā- мы имеем *āzāt* 'свободный' (не как социальный термин), *āzāt kartan* 'предоставить манумиссию', *āzāt-ništ*, *āzāt-lāmak* 'документ о манумиссии', *āzātīh* 'свобода' (арм. *azat* 'свободный', *azaten* 'освобождать', *azatut'iw* 'свобода', также 'свобода от налогового обложения').

Однако здесь нам особенно интересны производные, передающие понятия "наследство" и "преемство". В приводимом ниже отрывке из Денкарта (Джм 749, 1-2) причастие *zatak* засвидетельствовано в очень характерном контексте, поясняя слово арагманд: *Arag hambāyīh ī bratāgan, būtak ut kartak, ut baxtik(īh) ut abaxtikīh ut aragmānd xwāstakīh ī xwāstak ī zatak bē bavēt* 'О со товариществе братьев, 'естественных' и 'учрежденных'¹¹⁸, и об имуществе наследства, которое является имуществом 'оставленным' (= предками. - А.П.)'. К тождеству *zatak* = *aragmānd* в Денкарте можно добавить тождественное употребление араг *zātān* = араг *māndan* в Судебнике (51, 13; 52, 12, 16; 90, 13, 14, 17). В последнем засвидетельствовано также выражение *dāgīh ī būtak/uzītak* (написание 'wūtuk) - судя по контексту, - выморочное имущество или покинутое владение (A26. 11-16), и прича-

стие $\bar{b}l\bar{i}t/uz\bar{i}t$ ($ava-/uz-$ + $vāu-$), видимо также означавшее 'покинутый' или 'вымороженный' (A27, 13 - 28, 3).

Об иранском прототипе $*urāya-wata$ (ср. нем. 'Wachleben'), арм. $rayasat$ 'наследник; преемник' ($rayasatan$ 'наследовать', $rayasatut'iwn$ 'преемство; наследство') мы уже писали ранее¹¹⁹, как и о том, что вариант его ($*urāya-wāta-$) переживает в персидском имени собственном $vāyazīd$; сейчас к этому можно добавить и осет. $vaɣsæddag$ 'потомство' (от причастия $vaɣsæd$ < $*urāyazāta-$).

Пехлевийский текст ŠGV содержит слово $\bar{a}wāt$, не могущее, однако, означать в контексте ни "свободный", ни "благородный", что заставило его издателя Д. де Менака предполагать тут ошибку переписчика. Оно отмечается в тексте дважды - в обоих случаях в главах, посвященных критике иудаизма, и применительно к священным книгам этой религии. В первом из них (ŠGV XII, 1-2) говорится о $naχvlatēn pirōk i-š \bar{a}wāt χvāpārd$, о "первом Писании, которое они (= иудеи) называют Традицией". Во втором же случае (XIV, 80) имеется в виду раввин, который определен здесь как $\bar{a}wāt dāstaβax$ 'компетентный в Традиции', иначе говоря, "авторитетный в Торе и других текстах иудейской религии".

В одной из статей Судебника (A37, 15 - 38, 4) владение на основании личного наследственного титула (речь идет об эмфитевтической аренде участка с правом арендатора передавать владение своим личным преемникам) охарактеризовано (дважды) как $pat \bar{a}wāt\bar{i}h ut χvēš\bar{i}h dāštan$. С этими же терминами мы встречаемся в Šahr. I $\bar{E}gān\bar{b}ahr$: согласно приведенной там легенде, феридун "передал Арабскую равнину в личное наследственное владение ($pat \chi vēš\bar{i}h ut \bar{a}wāt\bar{i}h$) Бухт-Хосрову, царю арабов, с тем чтобы его потомки ее владели ($patvand dārišn i χvēš gāb$)"¹²⁰.

Много больше примеров употребления этого иранского термина в армянских текстах, начиная с самых ранних (V в.), причем все предшествующие исследователи этих текстов принимали $azatut'iwn$ не в его истинном и единственно возможном в этих контекстах значении "наследство; вотчина" (оно не было им известно), а в значении "свобода", что приводило к искажениям и неточностям в переводах, а также к неверным выводам в рассматривавшихся ими вопросах социальной истории древней Армении. Мы здесь ограничимся приведением лишь нескольких контекстов. Елише (II, с. 26) среди мер, принятых против Армении Деншапухом, представителем Иезидгерда II, упоминает следующее: "вотчину церкви ($azatut'iwn ekefēs'woy$) он вогнал в налоговое рабство"; ср. канонь Двинского собора: в каноне 9 дана та же форму-

дировка, только вместо *azatut'iwn* стоит *žaragut'iwn* 'имущество наследства; вотчина'; в каноне 5: "ибо вотчина святой церкви есть не что иное, как наследственное владение (*azatut'iwn*), выделенное/оставленное (*zatic'eal*) ей блаженным святым Григорием и царем нашим Тхридатом". Моисей Хоренский (I, 3), жалуясь на отсутствие у армян — при обилии деловых документов — литературных и исторических произведений от предшествующих эпох, пишет: "Сейчас у нас имеется бесчисленное множество документальных сообщений о разделах деревень и округов, как и об обособлениях домов (имеются в виду сегментации внутри агнатических групп. — А.П.), и о давних раздорах и о соглашениях, особенно же (много документов) об унаследовании наследственных долей из семейного имущества (*or i verhakan azatut'eap rauzatut'iwn*)"; ср. в том же тексте (I, 2): *or verhakan azatut'eap ē rauzatut'iwn* "что является наследованием сыновних долей наследства в семейном имуществе". После утверждения христианства в Армении армянской церкви пришлось вести борьбу с практиковавшейся среди знатных родов эндогамией и с инцестными браками — обычаем, который армянская знать переняла у иранской. Моисей Хоренский (III, 20) объясняет приверженность знати этому обычаю "алчностью в отношении наследственных (дочерних) долей в отцовском наследстве (*vazn agabelou verhakan azatut'eapp*)"; ср. также: Фавст Бузанд IV, 4.

Р а з д е л У ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО

Г л а в а I. Общие замечания

Договорные соглашения упоминаются уже в тексте Авесты, где наряду с общими терминами, передающими понятие "договор, контракт" (ав. *mišta-*, *igvaiti-*), приведена (Va. 4, 2-3) следующая их классификация: 1) *vašahina-* — вербальный договор; 2) *vastā.mahāta-* — соглашение, скрепленное рукопожатием; ср. *vastō.maha-*; 3) *ravi.maha-* — договор, при заключении которого выставляли гарантийный залог, равный стоимости одной овцы; 4) *atvōgō.maha-* — договор, при котором выставлявшийся залог был равен стоимости одного быка или коровы; 5) *vīgō.maha-* — соглашение, сопровождавшееся выставлением залога, равного стоимости одного раба (мужчины); 6) *daidm.maha-* — при этом соглашении выставлявшийся залог был равен стоимости одного земельного участка, очевидно, известного стандарта; в цехлевийском комментарии эта стоимость определена как "превышающая пятьсот драхм".

В основу данной классификации соглашений положены два принципа. Для договоров первых двух типов это форма их заключения, для следующих четырех — высота стоимости выставлявшегося гарантийного залога¹. И хотя любое из этих соглашений порождало обязательство, обязательственного права в подлинном смысле этого слова общество Авесты еще не знало. Заключение соглашений и контроль за их исполнением осуществлялись в русле обычного права. Нарушение договорного обязательства расценивалось как проступок (ср. ав. *mišta.dag-*, *mišta.ju-* — 'нарушитель контракта'), и даже как проступок религиозный. Страх перед совершением его, как и выставление залога и особенно агнатическая порука и коллективная ответственность агнатов должны были служить гарантией выполнения принятых обязательств².

Иное положение мы застаем в парфяно-сасанидскую эпоху. Здесь уже налицо подлинное и развитое обязательственное право, составляющее важную область частного права. Его характерными чертами являются, во-первых, разработка форм заключения и оформления обязательственных соглашений, их письменная фикса-

ция и регистрация, возникновение контрактного документа; во-вторых, наличие различных — и новых — способов обеспечения выполнения соглашений; в-третьих, судебная защита интересов сторон, ибо любое официальное соглашение открывало сторонам право искового требования через суд. С развитием экономической жизни неизмеримо расширилась и сфера применения обязательственных соглашений. Данные Судебника позволяют воссоздать достаточно четкую картину.

Обычные в Судебнике термины, передавшие понятие "обязательственное соглашение; договор", — это *райт*, *райтѣд*, из которых первый, как показал Бартоломэ³, первоначально обозначал именно вербальный договор, *stipulatio*. Однако в данном тексте этот термин имеет уже достаточно широкое употребление, выступая наравне со вторым и чередуясь с ним. Вторичное значение "договор, контракт" приобрело и слово *виѣг*, основное значение которого "решение", в частности "постановление суда" (→ "судебный документ" → "документ, контракт"); ср. также выражение *виѣгъ картан/авайтан* "изготовить документ о контракте и скрепить его печатью"⁴.

Характерной чертой развитого обязательственного права является письменная фиксация контракта; письменный контракт почти совершенно вытеснил вербальный договор там, где предметом соглашения была недвижимость, и он преобладал также в ссудно-кредитных соглашениях, в договорах о товариществе и т.п., а также в учредительных сделках. Хотя сфера применения вербального контракта сильно сузилась, охватывая главным образом торговые и обменные операции с движимым имуществом, пережитки этой древней формы сохранялись в самой церемонии заключения договора с торжественными декларациями сторон с произнесением определенных формул в присутствии свидетелей или перед магистратом, в церемонии, предшествовавшей изготовлению письменного документа. Следы вербального контракта можно обнаружить и в формулировках документов, и даже в статьях Судебника⁵.

Широкая практика письменной фиксации соглашений привела к разработке четких формуляров контрактных документов, а разнообразие областей применения соглашений — к возникновению документов разных типов⁶. Неудивительно поэтому, что наряду с серией общих терминов, передававших понятие "документ" (*дир*, *пѣшак*, *пирѣк*, *пирѣтак*, *ѣак*, *фравартак*, *виѣг*), появились также и "специализированные" (*рѣтихѣагъ* "титальный документ", *ѣхѣт-хѣшак* "документ о мавумиссии", *хилиѣн-пѣшак* "бракоразводный документ", *андатѣ-пѣшак* "завещание" и др.). Типы документов,

Поручительство возникало из специального вербального договора (стипуляции), заключавшегося отдельно от договора, создававшего то долговое обязательство, выполнение которого поручитель брался обеспечить. Поручитель выступал перед кредитором в присутствии свидетелей (не менее трех) с декларацией, формулы которой приводятся в Судебнике: "В отношении данной вещи я учрежден гарантом такого-то лица" или: "Я — гарант такого-то лица в отношении данной вещи". Если было несколько поручителей за один долг (= сопоручители), то они выступали с аналогичной декларацией ("Мы — сопоручители")⁸. Гарантийный договор создавал личное обязательство поручителя погасить полностью задолженность, если контрагент основного договора (= основной должник) не погасил свой долг в установленный срок или оказался неплатежеспособен. Только тогда кредитор был вправе предъявить поручителю иск об уплате; вне такой ситуации он должен был требовать уплаты с основного должника⁹. Кредитор мог снять свой судебный иск к поручителю, если основной должник обрел платежеспособность (см. 59. I-10).

Наряду с обязательством поручителя перед кредитором гарантийный договор создавал также обязанность основного должника возместить поручителю понесенные им затраты по уплате долга. Иначе говоря, договор давал поручителю, погасившему долг, право регресса к основному должнику. Однако поручитель терял право на регресс, если он погасил долг, несмотря на возражение со стороны основного должника, или если он выступил поручителем, не будучи им официально (56. 5-8; 102, 13-14). Допускался перенос поручительства: поручитель мог возложить свои обязанности на другое лицо, заключив с ним договор, и тогда это лицо приобретало право регресса к первому поручителю, а не к основному должнику (56, 15-17), что заставляет полагать, что второй поручитель выступал подпоручителем первого и что подлинный перенос поручительства не имел места.

Гарантийный договор естественно прекращался по погашении долга — будь то основным должником или его поручителем. Кредитор мог сам освободить поручителя от его обязательства трехкратным произнесением формулы: "Ты освобожден мною от поручительства!" Такое освобождение, приводившее к прекращению гарантийного договора, могло иметь место независимо от погашения долга основным должником и не влияло на сам долг, если кредитор сделал свое заявление до наступления стипулированного срока погашения (2, II-13). Но кредитор специальным волеизъявлением, как и суд по принятому им решению, мог освободить от

уплаты долга (= разрешить долг, solutio). Такой именно случай рассматривает другая статья (2, 8-10 = 2, 10-11), в которой различаются две ситуации. Первая: разрешение долга производится (судьей или кредитором) до наступления срока его погашения; тогда освобождается основной должник, "ответчик" по долгу, а это означает, что декларация об освобождении должна была быть адресована основному должнику, ибо до наступления срока должник — контрагент кредитора был единственно обязанным по долгу (обязательство из гарантийного договора пока еще не вступило в действие). Вторая ситуация предполагает разрешение долга после истечения срока его погашения: освобождению подлежит поручитель, и декларация должна была быть обращена к нему, ибо по истечении срока погашения долга основным должником, единственно обязанным по долгу лицом становился поручитель.

Выше уже упоминалось сопоручительство. Кредитор для лучшей гарантии от риска неплатежеспособности должника мог поставить условием выставление нескольких поручителей (= сопоручителей, *hamraunadlan; hamraunadlanðin* 'сопоручительство'). Сасанидскими приставами сопоручители рассматривались как лица, имеющие общий долг с солидарной за него ответственностью, — представление, нашедшее отражение в параллели, проводимой между солидарными должниками (римск. *coacti*) и сопоручительством (2, 6-8). Характерно и другое сближение, с сотовариществом (1, 17 - 2, 1), для которого также типичен принцип солидарной (= корреляльной) ответственности.

Если должников несколько и долг у них общий (= солидарные должники), то они могут стать сопоручителями. Так, в Судебнике (55, 17 - 56, 5; 56, 8-12) корреляльные должники заключают между собой договор о сопоручительстве; тогда кредитор может потребовать уплаты всего долга от любого из них, ибо в принципе каждый из сопоручителей в отдельности (даже если все они платежеспособны) гарантировал кредитный контракт в целом, уплативший же по всему долгу приобретает право регресса к остальным. Договор о сопоручительстве — типичный образец солидарного обязательства. В 55, 17 - 56, 5 приводится и другое положение, когда солидарные должники не заключили договора о сопоручительстве, но оговорили право кредитора востребовать весь долг у любого из них; тогда уплативший по всему долгу не имеет права регресса к остальным. В Судебнике имеется также любопытный пример парно-перекрестного сопоручительства (см. 59, 1-10).

Г л а в а 3. Обмен (мена)

Мена представляет двустороннее соглашение — обычно вербальное — об обмене определенных вещей (вещь на вещь). В пехлевийских текстах она обозначается терминами *guhagēn*, *guhagīk*, глаголами *guhagītan*, *guhagīk kartan*¹⁰. В Судебнике мена посвящено всего несколько статей, содержащих, однако, важные сведения об этой сделке, не только весьма распространенной, но и очень древней: в правовых наскох Авесты ей было отведено достаточно важное место, как можно о том судить по специальной главе в Денкарте — *Dar ī guhagīkistān* 'Глава об обмене' (Джм 736, 6 - 738, 14). Характерен и упоминаемый в Денкарте и в Судебнике объект мены — скот, объект, ставший, видимо, стандартным в юридическом тексте.

Подобно иным соглашениям, мена могла производиться как самими собственниками обмениваемых вещей, так и представителями этих лиц, получившими соответствующее полномочие (= мандат, *daatafarīh*). Полномочие на обмен давалось собственником вещи декларацией определенной формулы (*guhagēn kup!* "Обменяй!"); см. 37, 2-10); уполномочена могла быть и женщина. Соглашения о мене могли совершаться и с не-зороастрийцами, но с известными ограничениями, видимо, в отношении подлежащих обмену вещей (Джм 738, 12-13: *араг гуагик араб аветан картан ки сугон ап и ка ратихбау* "Относительно совершения обмена с не-зороастрийцами, а именно о том, в каких случаях это дозволено").

Из важных черт мены, засвидетельствованных в Судебнике, следует отметить различие между эквивалентным (= равным) обменом (*guhagēn ī gāst*) и обменом неэквивалентным. Последний считался законным, если выгода, которую извлекала при обмене одна из сторон, не превышала одной четверти стоимости обмененной вещи. Обмен с выгодой, превышающей $\frac{1}{4}$ стоимости вещи, считался юридически ничтожным и приравнивался к краже. Это обстоятельство упоминается и в Денкарте¹¹. Сделка мены (неэквивалентной, во всяком случае) считалась завершенной лишь по прошествии трех суток (3 *барак*, букв. 'трех ночей') со дня своего заключения. Этот трехдневный срок предоставлялся для установления скрытых изъянов в обмененных вещах и предъявления претензий вплоть до отмены сделки, отступления (*араб автатан*) от нее; см. 37, 2-7 и 112, 3-7. В 102, 3-9 приводится казус тахом в связи с обнаружением изъяна в приобретенной по обмену вещи. О трехдневном отступном сроке сообщает также Джм 738, 13: *араг*

дбаранд диһагик андиг 3 барак (ut) раз пад 3 барак койтан "об обмене (мелкого) скота при трехдневном (отступном сроке) и о праве убоя (только) по истечении трех суток (со дня заключения сделки. - А.П.)".

Соглашение об обмене могло являться также частью, дополнением или альтернативой сделки иного характера. Так, в 54, 5-II оно выступает как альтернативное решение заключенной ранее сделки купли-продажи в кредит в случае, если покупатель не внесет платы деньгами: продавцу предоставляется возможность выбора из имущества покупателя вещи, равной по стоимости (цене) той, которая была им продана.

Г л а в а 4. Купля-продажа

Обычными в Судебнике и в других текстах терминами, передающими действие купли-продажи, являются глаголы *grōxtan* 'продавать', *xrītan* 'покупать', имя существительное *xrītakīh* 'купля', а также выражения *rat vahāk grōxtan/xrītan* - букв. 'продавать/покупать по цене', *rat vahāk (bē) ātan* 'передавать по цене' - 'продавать'.

В иранском праве, как и в других правовых системах, купля-продажа представляла двустороннее соглашение с обязательством покупателя уплатить полностью стоимость (= продажную цену, *vahāk*) определенной вещи при обязательстве продавца передать покупателю эту вещь, перенеся на него имеющееся у него вещное право (при подлинной продаже - право собственности). Продавец, принявший от покупателя деньги, но неспособный передать стипулированную вещь, обязан вернуть ему деньги (104, 6-8).

Поэтому важными условиями осуществления купли-продажи являются, с одной стороны, правоспособность (обязательственная) продавца и наличие у него соответствующего вещного права на стипулированный соглашением объект сделки, с другой - правоспособность покупателя, как обязательственная, так и приобретательная. Так, несовершеннолетний, не будучи способен принимать обязательства, не мог выступать покупателем - без участия своего опекуна, во всяком случае - а женщина в силу ограничений в приобретательной способности не могла быть покупательницей (для себя) недвижимости и более двух рабов (23, 9-11). Таким образом отмечается и существенность для валидности сделки наличия у продавца права на вещь и разновидность этого права, того, открывает ли она ему возможность распоряжения данной вещью¹². В иной связи мы уже имели случай говорить об

особых условиях отчуждения вещей (недвижимых), представлявших семейную собственность. Здесь же следует указать также на действовавшее в Иране преимущественное право купли недвижимости, представляющей частную собственность продавца, его наследниками, сонаследниками и агнатами. Об этом свидетельствует и Судебник Илобохта¹³, отмечающий также и преимущественное право наследников продавца на куплю (= выкуп) отчужденной им ранее недвижимости, если купивший ее лицо будет ее продавать. Наряду с некоторыми ограничениями и необходимостью соблюдения известных условий (например, необходимость согласия агнатов на продажу недвижимости и т.п.) имелись и запреты. Так, запрещалась продажа раба-зороастрийца покупателю-незороастрийцу; такая сделка не только считалась недействительной, но и приравнивалась к деликту, к краже (I, 13-15).

Впрочем, объектом продажи могла явиться не только вещь, но и лишь какое-то право на нее, например право эксплуатации и извлечения плодов. В силу этого обстоятельства и соглашения о "вечной" эмпитевтической аренде (см. выше, разд. III, гл. 2) облекались в форму контракта о купле-продаже, и только клаузула об обязанности обработки участка и уплаты фиксированной ренты продавцу и его преемникам придает истинный характер такой сделки, не являющейся продажей в подлинном смысле слова. Говоря о патриархальной власти главы семьи, мы уже имели случай отметить переход права продажи им в рабство членов своей семьи — жены и детей (33, 6-9; 33, 13-17; 69, 17 - 70, 2), но в 33, 6-9 указывается и право главы семьи продать в известных условиях опекуноу или стурство, которыми он облечен; очевидно, имеется в виду те разновидности опекуноу и стурства, при которых опекуноу и стурство выплачивалась стипендия (т.е. опекуноу и стурство вне линии необходимого призвания).

Перенос права на покупателя считался осуществленным сразу же по уплате им покупной цены. Вещь считалась проданной (= купленной), фактическое вступление покупателя во владение ей могло иметь место и позже, и до этого момента, если вещь продолжала находиться у продавца, последний обязан был сохранять ее в целости (dārvist e... ad), в противном случае покупатель вправе был требовать возмещения ему убытков. Обычно, если покупатель не брал вещь сразу, это оформлялось через дополнительную стипуляцию, подобную соглашению о депозите (64, 9-15). Поскольку вещь продана, приносимый ей доход принадлежит покупателю (40, 17 - 85, 2), даже если она продолжает находиться у продавца, и тот обязан при вручении вещи покупателю передать ему доход, посту-

павший с нее со дня заключения сделки. Этот доход учитывался и при расчете возмещения убытков покупателю, если продавец заменил купленную у него вещь другой, и т.п. (см. 54. 5-II). Во всех последующих расчетах, могущих возникнуть между продавцом и покупщиком, исходили из стоимости и доходности вещи к моменту заключения сделки (54. 5-II); здесь действовали обычные нормы передачи (см. разд. III, гл. 3). Небезынтересно отметить, что казус, представленный в той же статье Судебника, предполагает продажу в кредит с обязательством уплатить в установленный договором срок. Предмет купли продолжает оставаться у продавца, и последний резервирует за собой право в случае неуплаты в срок заменить эту вещь другой, равноценной, с предоставлением покупателю права выбора. Покупателю, потерпевшему убытки из-за скрытых изъянов в проданной ему вещи, обеспечивалась судебная защита (см. 105, 16 - 106, 1; ср. статью 7, 15-8, 2, которая рассматривалась выше, разд. III, гл. 2).

К сделкам купли-продажи примыкают также и сделки по выкупу; в Судебнике они передаются теми же терминами (см. 103. 7-8; 103. 9-10: выкуп из плена).

Подобно тому как это имело место при обмене, сделка купли-продажи могла осуществляться не только самими заинтересованными лицами, но и их уполномоченными; в 74. 13-15 упоминается мандат для совершения продажи. Возможность продать или купить через мандатария значительно расширяла сферу применения этой сделки и была особенно важна для совершения торговых операций на больших расстояниях.

К сожалению, ввиду характера наших источников в них не могли найти отражения такие установления публичного законодательства, как налоги на сделки купли-продажи. Такие налоги, существовавшие, как известно, в государстве Селевкидов и позднее, на римском Востоке и в Армении, наверняка были и в Иране при Аршакідах и при Сасанидах.

Глава 5. Заем

Эта форма обязательственных отношений представлена в Судебнике достаточно широко. Обычный термин — *ārām* (ср. н.-перс. *āwām*, *vām* 'долг; заем; кредит')¹⁴, а также *ārāmdān*, и во всех случаях употребления его в Судебнике имеется в виду заем (= римск. *mutuum*), а не ссуда в собственном смысле слова (= римск. *commodatum*), хотя первоначально термин этот был, несомненно, связан именно с ссудой определенной вещи, формой

обязательства более древней, чем заем, и об этом более раннем употреблении термина мы располагаем свидетельством пехлевийского комментария к Видевдату¹⁵. Ссуда (в узком значении этого слова) регулируется, в общем, теми же правовыми нормами, что и беспроцентный заем, и с появлением денежной ссуды, займа термин стал общим обозначением ссудно-кредитных соглашений и вытекающего из них долгового обязательства.

Древнейшие договоры о займе (= ссуде) заключались путем устного соглашения с декларациями сторон в присутствии свидетелей. С распространением письменной фиксации правовых актов договоры о займе стали оформляться в виде письменного контракта, особенно когда речь шла о ссуде значительной денежной суммы и договором предусматривались выставление залога или заклад недвижимости, равно если соглашение включало ряд условий и побочных договоров, как, например, договор о поручительстве. Это общее для всех правовых систем положение было характерно и для Ирана: в Судебнике неоднократно встречается упоминание скрепленного печатью контракта о займе¹⁶. Будучи более удобной и лучшей, чем устные показания свидетелей, гарантией выполнения обязательств сторон, такой документ обеспечивал кредитору правовую защиту его владения залогом (ибо обычно залоговый договор составлял часть договора о займе) и служил также вексельным документом. Поэтому находившийся у кредитора экземпляр контракта ('экземпляр кредитора') подлежал возвращению должнику непосредственно при погашении им долга. Если кредитор под тем или иным предлогом откладывал передачу должнику этого документа (как и залога), должник был вправе не погашать долга вплоть до возвращения ему документа (также: залога) и вызванная этим оттяжка погашения долга не создавала нарастания процентов (см. 38, 7-8; Ибобохт У. 9. § 5)¹⁷.

Договор о займе является двусторонним соглашением, порождающим двусторонние обязательства: кредитор обязуется передать своему контрагенту (= должнику) условленную ссуду, должник — вернуть ее полностью кредитору в установленный договором срок (*pat zamān ī pāldīšt*) либо по требованию кредитора, если соглашением не был установлен конкретный срок, и обе стороны обязуются к выполнению всех пунктов, предусмотренных соглашением.

В Судебнике зафиксированы следующие формы гарантирования выполнения договора о займе: а) выставление должником залога¹⁸ (о чем подробно — в следующей главе); б) поручительство

(см. выше, гл. 2); в) нарастание процентов на ссуду, если долг не был своевременно погашен; г) стипуляция конвенционального штрафа (*tāvān*); д) включение в договор о займе стипуляция, своего рода *datio in solutum*, предусматривающей удовлетворение кредитора (в случае неуплаты должником долга) из имущества должника любой стоимостной ценностью (= вещь), равной сумме долга и выбранной самим кредитором¹⁹. Кроме того, договор о займе, как, впрочем, и иные разновидности частных соглашений, открывал сторонам судебную защиту (право иска через суд), ср., например, процесс по делу о займе (*АЭУ, I7 - ЗI, I*).

Обязательственная правоспособность сторон была, разумеется, необходимым условием для заключения такого соглашения. Лицами ущербной правоспособности (женщина, несовершеннолетний) договор о займе заключался при обязательном участии опекуна. В роли кредитора могли выступать и юридические лица. Так, в *50, 3-4* говорится о кредите, полученном частным лицом от храма Огня.

Судебник дает возможность установить следующие основные типы займов в сасанидском праве.

Первый тип — беспроцентный заем. Должник обязуется только к возвращению кредитору полученной от него суммы, и выставляемый при таком займе залог может быть либо залогом-ипотекой, либо залогом-депозитом (см. гл. 6). Но простой заем мог быть обращен в процентный, если должник не погасил своего долга своевременно (см., в частности, примеч. 5).

Второй тип — процентные займы (*arām ī rat vaḥš*). Предполагаемые с момента предоставления ссуды нарастание процентов (*vaḥš, vaḥt*) на ссуженный капитал (*shātak*). Процентный заем рассматривается в *89, 10-11; 104, 1-4; АЭУ, I7 - ЗI, 3*, и он предполагается также во всех тех случаях, где при заключении контракта о займе выставлялся залог-антихреза (см. гл. 6). Займы этого типа обычно оформлялись в виде письменного контракта, тогда как для займов первого типа возможна была и простая долговая расписка (= простой вексель). Мы не располагаем точными данными о высоте процента, допускавшейся действовавшими в Иране правовыми установлениями²⁰. По древнеиндийским нормам общая сумма процентов, набивавших на ссуду, не должна была превышать ссуженного капитала, и такое же положение указано для Ирана в Судебнике Ишобохта (*У, 9, § 2*).

И, наконец, третий тип, — рискованные морские или торговые ссуды, аналогичные хорошо известной из греческого права *ναυτικὴ σικουραγή* или *ναυτικόν δάνεισμα* (ср. римск.

foenus nauticum или *rescua trajecticia*). В дошедшей до нас части текста Судебника упоминания об этом типе займа отсутствуют, но в Судебнике Ишобохта имеется специальная глава (У, 8, § 1-3) о рискованных ссудах в сасанидском Иране. Вызванные к жизни отсутствием в древности страхования торговых операций, связанных с большим риском (морская и караванная торговля), притом что для проведения этих операций торговцам и торговым товариществам необходимы были значительные суммы наличных денег, морские или торговые ссуды получили распространение в странах, в которых велась активная торговля с переброской товаров на дальние расстояния.

Должником тут выступал купец (или товарищество купцов), которому необходимы были деньги для закупки партии товара, как и для переброски этого товара в пункт его коммерческой реализации, или же владелец корабля, совершавший коммерческие операции с доставкой товаров в дальний порт и занимавший деньги для закупки товаров (либо получавший в кредит сам товар). В займах такого типа товару отводилась роль залога (ценность его обычно значительно превосходила стоимость ссуды). При небезопасности дорог — также морских — и возможности кораблекрушения товар мог погибнуть не по вине должника, который в этом случае освобождался от долга.

Таким образом, кредитор брал на себя риск, но только на время путешествия товара, и такие контракты включали обычно клаузулу "до прибытия на остров X" или "до прибытия в местность Y" (Ишобохт У, 8, § 3). Перед риском опасности потерять весь ссуженный им капитал кредитор стипулировал очень высокие проценты и при благополучной доставке товара на место его реализации получал с должника как сумму ссуды, так и стипулированные проценты — премия за риск. Подобно греческим "морским ссудам" (а также римским: римляне заимствовали эту практику у греков), такого типа контракты могли быть сложными. Так, они могли предполагать не только переброску товара для его продажи, т.е. заключаться на одно направление, но и закупку (в пункте назначения) на вырученные там от продажи деньги другой партии товаров для доставки их в исходный пункт, т.е. договоры эти могли заключаться и на оба направления и из расчета двух или более операций (здесь, конечно, возможны были и иные, более сложные варианты). Сами проценты в займах этого типа не являлись, строго говоря, процентами, ибо здесь не имеет места нарастание их на ссудный капитал за время его использования.

Они, в сущности, имеют характер долга в барыне от успешной совместной коммерческой операции кредитора и должника.

Как следует из Судебника Искобохта, претензии по рискованным займам не рассматривались официальными судебными учреждениями — они разбирались третейским судом торговых корпораций, который решал их по своему усмотрению, прибегая к принципу рав(а)пā или vārdāvatāpāh (в сирийском тексте приведены эти иранские правовые термины из пехлевийского оригинала), т.е. к принципу Rechtsminne и Rechtswort. Отсутствие в пехлевийском Судебнике (mhd) упоминаний о займах этого типа возможно приписать также и этому обстоятельству.

Но вернемся к рассмотрению займа в целом. Если кредит был получен двумя (или более) лицами совместно, то лица эти становились корреальными должниками (vākhvāstakān) и кредитор был вправе предъявить иск по всему долгу любому из них²¹. Таким образом возможно было и совместное предоставление кредита: такие солидарные заимодавцы выступают в 67, 3-10; 85, 5-6. Соглашения такого рода носили характер солидарного (= корреального) обязательства или договора в отличие от получения несколькими лицами общего кредита, при котором каждый из должников отвечает лишь в размере своей доли долга (см., например, 2, 14-16).

Из общих положений сасанидского законодательства о займах отметим также право кредитора в своих личных интересах отчуждать кредит, т.е. перенести свое право востребования долга на другое лицо. Все отношения, возникшие из договора о займе, остаются в силе, происходит лишь смена кредиторов; в силу этой смены прежний кредитор передает новому также и залог-депозит, ипотеку или антикрезу²².

Долг, возникший из договора о займе, должен был быть погашен должником в соответствии с условиями договора. При этом он мог быть выплачен как кредитору лично, так и его представителю или посмертно его наследникам (A33, 9-II). Упоминается также погашение долга через представителя должника²³. Помимо того, что невыполнение долгового обязательства строго порицалось зороастрийской религиозной этикой²⁴, кредитор с помощью судебной защиты мог оградить свои интересы в случае отказа должника от уплаты долга, предъявив иск должнику или его поручителю (см. гл. 2), а если должник умер — его преемнику или наследнику (об отношении последних к долгам наследодателя см. разд. IУ, гл. 2). В принципе иск должнику или его наследнику мог быть предъявлен кредитором и при отказе с их стороны от

залога в пользу кредитора, ибо сам по себе отказ должника от залога не погашает долг (89, 5-6), разве что если такая возможность удовлетворения предусмотрена долговым соглашением. При отсутствии залога или недостаточности его для покрытия всего долга (включая проценты) кредитору открывалась возможность удовлетворения из имущества должника. Как уже упоминалось выше, это могло фигурировать и в самом соглашении о займе в качестве гарантийного пункта (67, 3-10; 68, 1-4; 68, 4-6)²⁵, но оно имело также силу общего положения, и отсутствие специальной оговорки в контрактном документе не освобождало имущества должника. Гарантирование уплаты долга из всего имущества должника как общий принцип выступает и в ответственности наследника (см. разд. IV, гл. 2), особенно же наследника, не являющегося преемником, как и вообще при посмертном погашении долга. Укажем, в частности, 50, 3-4: после смерти должника, получившего ссуду у храма, его долг храму должен быть погашен из оставленного им имущества.

В Судебнике дважды сформулировано положение, согласно которому должник не может быть официально признан неплатежеспособным (*anattān*) поизненно (вряд ли: "при жизни") и быть освобожден от уплаты (см. A13, 17 - A32, 3; 30, 1-3). Один из дурских пергаменов парфянского времени (Drg. 10) свидетельствует о существовании антихристианского рабства: должник, лицо свободное по рождению, обязуется — против процентов, набегавших на законтрагованный им долг в 400 драхм, — нести у своего кредитора, сановного иранца, неотлучную рабскую службу (*τὰς δουλικὰς χρείας*) вплоть до погашения им основной ссуды (все имущество должника объявляется залогом-ипотекой). В Судебнике, однако, указание на обязанность отработки долга (или процентов по долгу) сформулировано не вполне ясно: либо речь идет о свободнорожденном должнике "полностью неплатежеспособном", либо — при небольшой эмendaции текста — о неплатежеспособном должнике-рабе²⁶, которого "следует передать на отработку" (A32, 4). Далее (A32, 4-5) сообщается о том, что должник (*mātakvat* 'основной контрагент') мог быть признан неплатежеспособным, лишь если также и его поручитель оказывается неплатежеспособен.

Таким образом, и при отсутствии у должника имущества, достаточного на покрытие долга, отвечать по долгу он был обязан до конца своей жизни, а в случае его смерти отвечать по его долгу обязан был его преемник (из всего своего имущества, даже если он не унаследовал от отца ни одной драхмы) или наследник, не являющийся преемником (последний отвечал только в размера

имущества, унаследованного им от должника)²⁷. Вообще, погашению (и разрешению) долга Судебник уделяет немало места²⁸.

В связи с вопросом о взыскании долгов необходимо остановиться на двух засвидетельствованных в этом тексте терминах — 'glwbyh и ruýtwbëpuyh. В 29, 12, где дано название очередной главы (в рукописи под порядковым номером 27), оба слова следуют непосредственно одно за другим (до конца строки), без разделительного знака (кружочков) между ними. А.Пальяр²⁹ с помощью конъектуры сочинительного союза между этими словами отнес и второе из них к названию главы, которое он читал и переводил следующим образом: *Dar I agravĭh (ut) rëĭ-tōĭiĭnĭh* "Il capitale del deposito fiduciario e del pagamento in anticipo" ("Глава о фидуциарном депозите и об авансовой выплате"). Для конъектуры союза между указанными словами нет, однако, оснований. Как в смысловом, так и в синтаксическом отношении ruýtwbëpuyh определенно примыкает к следующей строке, являясь, таким образом, начальным словом первой статьи в главе, называемой *Dar I 'glwbyh*. Не убеждает и предложенная Пальяр³⁰ интерпретация 'glwbyh как *agravĭh*, абстр. имя от *a-grav*, букв. 'не-залог' > 'свободный от залога', как и попытка придать этому слову значение "фидуциарный депозит": приложение этого термина к иранскому правовому институту вряд ли можно оправдать, поскольку иранское право вообще не знало *rustum fiduciae*. Ни в одной из статей, входящих в эту главу, нет речи о депозите: тема, их объединяющая, — это взыскания по долгам, производившиеся с самого должника или с его наследника. Предпочтительно поэтому раскрывать данное написание как ср.-перс. *agravĭh* со значением "взыскание; взимание (задолженности); удержание (на уплату долга)" от **ā-grb-* (ср. ав. *ā-grav-* 'взыскивать штраф, взимать', *AIWb.* 526-527)³⁰ и переводить название главы соответственно как "Глава о взысканиях (по долгам)". Прилагательное *agrav* с удовлетворяющим контексту значением "взимаемый, подлежащий удержанию" засвидетельствовано и вне этой главы (см. 89, 8-9).

Толкование, данное Пальяр³⁰ второму термину, ruýtwbëpuyh, как *rëĭ-tōĭiĭn(Ih)* 'пред-уплата' > 'авансовая/предварительная выплата', 'аванс' (Пальяр³⁰ усматривает в первом элементе композита наречие *rëĭ* 'перед; до'), также должно быть отклонено ввиду его несовместимости с контекстами, в которых термин этот непосредственно выступает, как и с содержанием всех остальных статей данной главы. Все рассматриваемые в ней казусы исходят из ситуации прямо противоположной, а именно из наличия долга,

не погашенного в срок. Речь в них идет не об авансовой, досрочной уплате, а, наоборот, о погашении задолженности уже впоследствии либо самим должником до конца его жизни, либо по смерти его наследником, а также о возможности предоставления должнику (видимо, в судебном порядке) отсрочки в погашении долга вместе со льготой от взыскания на покрытие долга в отношении некоторых видов вещей в имуществе должника. Но в таком случае слово *rēštōīīn(Ih)* придется толковать как 'после-уплата', ставя его в один ряд с образованиями типа ср.-перс. и н.-перс. *rašēnān*, *rišman* 'раскаяние', н.-перс. *rišvāk* 'эхо', согд. *rušn'm'k* 'прозвище' и т.д. Более конкретно под *rēštōīīn(Ih)* подразумевается посмертное взыскание долга с имущества, принадлежавшего должнику, или с имущества наследника. Так, в 29, 12-17 сказано: *rēštōīīn(Ih) dāt rātišāy būt ut rātišāy nē būt* '(Право) посмертного взыскания задолженности может быть предоставлено, а может и не быть'³¹. В другом месте (30, 17 - 31, 2) говорится о том, что вещь из имущества должника, отчужденная по легальной передаче другому лицу, не может быть у этого лица отобрана для посмертного погашения долга (*rēštōīīn(Ih) gāb*), если дело идет об уплате процентов по долгу или же об уплате отступных. Но такая легально отчужденная вещь может быть изъята у ее нового владельца для посмертного погашения (*rēštōīīn(Ih)*) долга (= основной ссуды), как и обязательства благочестивого характера (*ahrawdāt*), или для уплаты штрафа за такое преступление ('смертный грех', *maḥkašān*), совершенное ее прежним владельцем (см. 31, 2-3). Аналогичное положение сформулировано в 30, 4-8; 30, 15-17.

Укажем в этой связи и другие статьи Судебника, согласно которым при недостаточности имущества наследников на погашение долга покойного дефицит покрывался из имущества, отчужденного покойным при жизни (не в пользу своих наследников), и прежде всего из имущества, которым он распорядился в последнюю очередь³². Кредитор, однако, не мог получить удовлетворение из имущества, от которого должник отрекся (99, 13-15).

Как уже отмечалось выше, человек при жизни не мог быть признан неплатежеспособным по своему личному долгу. Но сын должника, считавшийся обязанным как преемник погасить все долги своего отца, отвечая по ним из всего своего имущества, мог быть признан по суду неплатежеспособным, предварительно подвергшись вместе с остальными наследниками ордальной процедуре (A32, 5-8).

В заключении этого обзора следует отметить наличие в Судебнике группы статей (I, 17 - 2, 16), рассматривающих порядок разрешения (*hiliān* - римск. *solutio*) долга сотоварищам, сопоруочителям и солидарным должникам.

Г л а в а 6. Залог

Один из наиболее распространенных способов гарантирования выполнения обязательств, залог, как и поручительство, особенно часто сопровождал договор о займе, обеспечивая право кредитора. В предыдущей главе было отмечено существование в Иране своего рода генеральной ипотеки: должник отвечал из всего своего имущества и при отсутствии залогового договора. Важности последнего это, однако, не умаляло, ибо залоговый договор на ценную вещь в его имуществе лишил должника возможности распорядиться ею по своему усмотрению до наступления срока платежа, принеся этим (до вступления в силу "генеральной ипотеки") его платежеспособность.

Скрепление договорного обязательства вещным обеспечением (залогом) известно было и обществу Авесты (см. гл. I). Из текста Авесты известно также, какие ценности служили залогом: мелкий и крупный скот, рабы, недвижимость. Но у нас нет данных, позволяющих судить об уровне развития залогового права в древний период. Залог-ипотека, а также антикредитное рабство и рента выступают в ссудных контрактах парфянского времени из Дур-Эвропос (№ 10, 13, 32), но эти документы происходят из региона, в котором сильно преобладали в это время нормы эллинистического права. По-настоящему о залоговом праве в Иране дает представление лишь Судебник, данные которого, очень богатые, относятся уже к сасанидскому периоду. Имеющийся здесь материал свидетельствует о достаточно высоком уровне развития залогового права и отражает это право в его обоих аспектах - и как права обязательственного, и как права вещного. Иранскому праву был известен также и процессуальный залог (он будет рассматриваться нами в связи с судопроизводством).

Понятие 'залог' передается терминами *grāf*, *grāfakān*³³. Соответственно *grāfakāndār* (MND), *grāfdār* (DKM) 'залогоприниматель - кредитор', *pat grāf dāstan* 'держать в залоге', *pat grāf nihātan* 'заложить', *hāf grāfih ništan/vēxtan*, *arāf vēxtan* 'освободить, выкупить из залога', *pat grāf griftan/patigriftan* 'принять в качестве залога'. Связанные с залогом вопросы рассматриваются в статьях, разбросанных по всему тексту Судебни-

ка, но имеется и специальная "Глава о залоге" (37, II - 40, I7; 85, I-6)³⁴.

Предметом залога могло быть как любое движимое имущество — особенно распространен был заклад сосудов из металла, — так и недвижимое. Поскольку залоговое право имело характер права аксессорного, то и типов гарантийного залога было несколько в зависимости от условий основного (= гарантируемого) обязательства. Так, залог, гарантирующий простой заем (= простой долг), мог быть двух типов. Первый тип — это залог-ипотека, остававшийся с полным правом пользования во владении должника и поступавший кредитору в удовлетворение долга лишь в случае неуплаты его в срок. Хотя должник продолжает владеть находящейся в залоге вещью и пользоваться ею, интересы кредитора были ограждены отсутствием у должника права продать вещь, объявленную в залоге (см. 38, II-13)³⁵. Он также обязан был сохранять ее в целости, *dravist dāstan* (104, I-4). Залог такого типа мог иметь место и при процентной ссуде, но в этом случае он обеспечивал основную ссуду (*mātak*) (см. 104, I-4). Вторым тип — это депонированный залог, аналогичный римскому *fiducia*: он передавался во владение кредитору с правом владеть им до погашения должником долга. Обычно предметом залога-депозита являлось движимое имущество (неплодоносящая вещь) (ср., например, 101, I7 - 102, 3, где в качестве гарантийного залога кредитору передается сосуд).

Залог-антихреза выступает при процентной ссуде, и предметом такого залога всегда является плодоносящая вещь (= вещь, приносящая доход), которая передается во владение и в пользование кредитору. Приносимый вещь доход принадлежит кредитору-залогопринимателю в погашение процентов с ссуженного им капитала³⁶. Этот залог, хорошо известный Средиземноморью древности, был также одним из двух типов залога, известных древнеиндийскому праву³⁷; он предполагал наличие у кредитора (называвшегося в этом случае *bhogya*-) права узуфрукта, *bhogalābha*, или *ādhibhoga*³⁸. Та же глагольная основа (иран. **baug-*) может быть отмечена в иранском техническом термине *bōiīn* (A33, 9 - 10), определяющем характер владельческого права (узуфрукт) кредитора в отношении залога-антихрезн. Согласно положению, сформулированному в других статьях (38, I7 - 39, 2; 39, I2 - 40, I; 40, I3-I7), кредитору принадлежит плод (= доход) с вещи, являющейся залогом-антихрезой и продолжавшей принадлежать должнику (последний — *ban-xvāi* 'тот, кому принадлежит 'основа' вещи'), ниже говоря, кредитор был узуфруктуарием. Очевидно, самым рас-

пространным предметом такого залога был земельный участок, дастакерт, неоднократно упоминающийся в этой связи в тексте, в том числе и дастакерт с поселенным там рабом (*fundus instructus*)³⁹. В 39, 5-9 предметом залога-антихрезис является раб, которого кредитор эксплуатирует в своих интересах. Мы уже упоминали выше дурский пергамен В 10 с примером антихретического рабства должника у своего кредитора, его самозаклада для удовлетворения кредитора по процентам с ссуды.

В связи с антихрезисом необходимо остановиться на некоторых нормах, приведенных в Судебнике. Так, если предметом залога является земельный участок, то кредитор-залогоприниматель обязан вести сельскохозяйственные работы как узуфруктуарий (см. 37, 13-15). При этом налоги и подати, которыми обременен участок, переданный в залог, продолжают лежать на основном владельце (= должнике), и уплативший их кредитор имеет право регресса к должнику, во всяком случае, налоги и подати учитывались при расчете ценности залога и прибыли кредитора (40, 5-13). Интересы кредитора ограждены и на случай неурожайности; см. 38, 3-6, где вопрос о сроке держания кредитором участка в залоге поставлен в прямую связь с урожайностью участка. Но существовал также максимальный срок — три года — держания в залоге (в удовлетворение процентов) участка, не приносящего урожая, после чего он должен был быть возвращен залогодателю; последний же обязан возместить убытки своему кредитору с первого же урожая, полученного с этого участка (39, 9-12).

При залоге любого типа в залог включается все, что является принадлежностью или приращением предмета залога (85, 4-5). В результате передачи вещи в залог (антихрезис) оказывается заложением и плод (*bar*), при выкупе же освобождается сама вещь ('основа', *bar*), а тем самым и плод (40, 1-4). Что касается стоимости залога, то обычно она превышала сумму долга, хотя было возможно и обратное⁴⁰. Стоимость залога полагалось объявлять при передаче вещи в залог. Декларация должна была исходить от самого должника. Если же это не было сделано, то в последующем расчет стоимости залога производился по определению судьи (39, 17 - 40, 1). И тут следует подчеркнуть, что существенной чертой иранского залогового права в отличие от раннего римского (ср. *манципационный* и *традиционный* залог; ср. также греч. *πρόβρις ἐπί λύσει*) является не перенос владения, а договорный залог, рассматривающий вещь как денежную ценность. Должник-хозяин может освободить из рабства своего раба, нахо-

длежащего в залоге у его кредитора, но обязан возместить последнему ущерб залога, передав ему стоимостный эквивалент (39, 2-5).

В соответствии с аксессуарным характером залогового права оно гибнет, если обеспечиваемый им долг погашен или если кредитор получил удовлетворение из залога. Поэтому полное погашение долга освобождало в принципе и залог⁴¹, или, как это сформулировано в Судебнике (85, 2-4; 104, 1-4), "в соответствии с каждой уплаченной по долгу драхмой освобождается залог". Но если соглашение о займе включало передачу залога, то по возвращении долга полагалось делать декларацию об освобождении предмета залога, иначе, по мнению некоторых юристов, залог мог быть сочтен за невыкупленный (40, 1-4). В 85. 5-6 рассматривается случай передачи залога солидарным займодавцам; по возвращении долга должник был вправе потребовать возвращения залога у любого из них.

Непогашение долга в срок открывало кредитору право удовлетворения из залога. Формальный порядок вступления кредитора в свои права в отношении залога мог быть различен в зависимости от условий договора. Так, в 89. 1-15 представлен случай, когда соглашением предусмотрено вступление кредитора во владение залога при неуплате долга в срок, и при наличии такого условия в договоре стоимостная ценность залога относительно величины задолженности, очевидно, не играла роли. В этой же статье говорится и о том, что в случае смены кредиторов право удовлетворения из залога (для данного случая — присвоения залога) во владение будет принадлежать новому кредитору. Такой порядок был принят при отсутствии такого пункта в договоре, как и в случае залога-ипотеки. Кредитор предъявляя должнику формальный иск через суд и на основании вынесенного судьей решения удовлетворял свои претензии к должнику в соответствии с расчетом стоимости залога и суммы долга. Согласно 39, 17 — 40, 1, ценность залога должна была быть определена судьей, если она не была объявлена еще при передаче залога. Стоимостная оценка залога в связи с расчетом интересов кредитора упоминается в 40, 5-13⁴². О приобретении залога истцом-кредитором по решению судьи упоминает Денхарт (Уш, 700. 6). Разница (избыток) в стоимости залога и долга, видимо, возвращалась должнику, как это было принято и в иных системах права.

Таким образом, полное погашение долга приводит к гибели залогового договора⁴³. Но последний только гарантировал основной договор, оберегал интересы кредитора, а не имел силы об-

ратного действия на основной договор. Так, должник мог отказаться от залога в пользу кредитора, и это автоматически перечкивало залоговой договор, но подобный отказ от залога сам по себе не погашал долг (89, 5-6). Если должник выкрадывал переданный залогодателю залог, то вещь эту у него изымали и передавали рагу, который мог потребовать у него выкупа этой вещи (38, 9-11), что уже шло по линии вещного права и не влияло на кредитно-долговое обязательство.

В период действия залогового договора, предшествующий сроку погашения долга, кредитор не вправе распорядиться вещью, находящейся у него в залоге, в обеспечение своих собственных займов, не может ее перезаложить: за такое действие он лишался ссуженной им должнику суммы денег (104, 4-5). Но он мог это сделать, если должник оттягивал выплату долга (37, 11-13; 39, 12 - 40, 1; ДжМ 708, 21).

Залоговое право выступает не только в договорах о займе, но и в соглашениях другого рода. Так, карън и приданое, передаваемые при заключении брачного контракта, представляют не что иное, как специфическую форму залога. А в случае, описанном в 85, 16 - 86, 2, залог, складывающийся из прибыли одного из компаньонов, служит обеспечением регресса к нему его партнера (см. также 86, 2-15).

Р а з д е л VI

ДЕЛИКТЫ

Г л а в а I. Проступки. Их разновидности

Несмотря на неполноту дошедшего до нас текста Авесты, в нем имеется ряд терминов, обозначающих разновидности проступков; упоминаются также соответствующие наказания и способы искупления вины. Большинство известных нам авестийских "делiktных" терминов засвидетельствовано в пехлевийских текстах правового и религиозно-этического содержания. Как "ученые" термины они выступают и в Судебнике. Однако, если в Авесте деликты не выходят за пределы обычного и религиозного права, к сасанидскому времени мы имеем уже дело с подлинным уголовным правом, подчиненным гражданскому, и деликты здесь — предмет рассмотрения гражданского судебного процесса.

Обычный в Судебнике общий термин для обозначения деликта — *vāpān*, также *vāpānkāgīn*. Все деликты, зафиксированные в Судебнике, можно разделить на следующие основные группы: 1) преступления против личности; 2) преступления в отношении имущественных прав; 3) религиозные и этические проступки; 4) деликты, связанные с обязательственными соглашениями; 5) судебные проступки; 6) должностные проступки. Поскольку в Судебнике рассматриваются главным образом проступки из сферы частного права, т.е. те, которые входили в компетенцию обычных судебных учреждений, деликты третьей и пятой групп в этом тексте почти не нашла отражения. Более того, главы, относящиеся к уголовному праву, находились, видимо, в не дошедшей до нас части рукописи Судебника, и в имеющемся тексте этим вопросам уделено немного места, что делает необходимым обращение к другим текстам. Ниже мы будем рассматривать четыре из упомянутых выше групп проступков. Сведения о деликтах четвертой и пятой групп представлены в соответствующих разделах.

I. Преступления против личности включают акты физического насилия. Эта группа деликтов, известная под общим техническим термином *kañm* 'удар' (также *stañm* 'насилие'), вполне сопоставима с той, которая в древнегреческом праве называется *πληγαι* 'удары' или *δίκη πληγῶν*. Как отдельная группа она была

выделены в правосознании иранцев еще в глубокой древности и засвидетельствована в праве Авесты под общим обозначением *yaŋra-* 'удар' (ср.-перс. *yaŋ*). В Видевдате дана следующая классификация по ступеням проступков этой группы, различавшихся по тяжести последствий: 1) *āgairta-*, пехл. *āgrift* 'угроза'; ср. пехлевийскую глоссу в Fr. I oīm 25b: *āgrift* — это когда человек схватил оружие/оружие с целью ударить невинного¹; 2) *agairā-* — удар, нанесенный с применением оружия, вызвавший лишь болевощущение, без видимых последствий, или маленькую рану, затянувшуюся в трехдневный срок²; 3) *xvaga-* (букв. 'рана') — акт физического насилия с применением оружия, приведший к явным последствиям, в соответствии с которыми деликт *xvaga-* подразделится на следующие три степени: а) *xvaganant-* 'бескровная рана'; б) *taŋat.vohunī-* или *vāca.jita-*, пехл. *vāzak narīšnīh* — удар, вызвавший открытую кровоточащую рану; в) *astō.biā-* или *yāta-* — удар, приведший к костному перелому или к ране шириной до пяти пальцев³; 4) *gāzā.vaoŋad-* или *vaoŋō.jati-* — акт физического насилия со смертельными исходами⁴.

В праве Авесты при рассмотрении деликтов данной группы, очевидно, принималась в расчет предумышленность или непредумышленность совершенного акта. На это указывают как авестийские термины *vaoŋō.vagāta-* 'совершенный сознательно' (AIrWb. 920) и *kātō.jati-* 'намеренное нанесение удара; намеренное убийство' (Fr. I oīm 25a), так и пассаж из восьмой книги Денкарта (Джм 695, 6-II), семнадцатая глава которой (*šabaantān*) содержит перечень вопросов, связанных с деликтами рассматриваемой группы. Некоторые из этих авестийских терминов, как, например, пехл. *k'tw<k>at* (= ав. *kātō.jati-*) и пехл. *vgrj<k>at* (= ав. *vaoŋō.jati-*), встречаются также и в Судебнике (AI5. 2-5) как освященные традицией "ученые" слова. В нем имеется и термин *gāzā*, которого нет в нашей Авесте, но в позднем пехлевийском тексте *špš* (I, I), в параграфе, восходящем к Видевдате (вернее, к пехлевийскому комментарию к Видевдате), этот термин передает первую и легчайшую ступень (или разновидность) проступков данной группы. В той же функции он отмечается и в персидском ривайте⁵. Присутствие этого термина в Судебнике (A7, I7 — §, 2) подтверждает его подлинность. За ним стоит, видимо, ав. **gāzāna-* с возможными значениями "угроза", "насилие", "нападение", "удар"⁶.

В Судебнике деликты, *šabm*, упоминаются в различной связи, и мы к ним еще вернемся, когда речь пойдет о мерах наказания, а также о действии деликта на правоспособность. Пока же отме-

тим, что в процессе по этим делам в свидетельские показания включались такие пункты, как способ применения орудия (= орудия), количество нанесенных ран и точное их местоположение (AI4, I3-I5). В другой статье (AI4, I5 - I5, I) упомянуты следующие последствия: "...вырывание бороды и волос, обезображенные, причинение боли и кровопролитие"; в ней же подчеркивается существование разновидностей деликтов этой группы (Ḥabḥ maḡ-ḡad). Приводится также случай акта насилия, совершенного в отношении одного лица двумя лицами порознь (92, I6-I7 + 97, I-3). В случае безрезультатности рассмотрения деликтов этого рода в рамках обычного процесса прибегали к ордальному суду⁷.

К преступлениям против личности следует отнести деликт, переданный авестийским словом *abwādātī-*, означавшим "депортация" (букв. 'выставление на дорогу', 'предание дороге')⁸. В авестийском каноне (Nig. 9) этот термин применен к деликту, заключающемуся в уводе несовершеннолетнего на значительное расстояние (равное нескольким часам ходьбы) "по дорогам, уводящим из страны (его родителей)". В этом же значении деликта "депортации", "изгнания и оставления в нужде и беспомощности" авестийское слово (в пехлевийской транскрипции *'trd't*) выступает в двух статьях Судебника (AI4, I5 - I5, I; A35, 6-9). Оно засвидетельствовано также и в ином - вторичном - значении (в частности, в 33, 6-9; 33, I3-I7), но это вторичное значение выходит за пределы деликтного права.

2. Преступления против имущественных прав. К этой группе деликтов относятся, в частности, кража (*dūz*) и грабех (*arzag/arzag*). В иранском праве в отличие, например, от римского кража (= тайное завладение чужой вещью) и грабех (= открытое и насильственное завладение чужой вещью) считались разными деликтами⁹. Оба эти проступка относились к числу деликтов, при судебном рассмотрении которых было совершенно обязательно вести протокол допроса: приговор, вынесенный при неполноценном протоколе допроса, как и тот, в котором отсутствует имя, недействителен (AI5, 5-7). Грабехом считали и насильственный захват оспариваемой вещи во время процесса, даже если этот акт был совершен законным владельцем. В последнем случае его титул на владение этой вещью не ущемлялся актом грабежа, но он терял свое право требовать у другой стороны возмещения убытков, понесенных им вследствие незаконного перерыва в его владении вещью (9, II-I4). Иное положение в случае кражи должником вещи, находящейся в залоге: вещь эта изымалась из его владения, и он мог ее получить лишь по уплате ее стоимости (38, 9-II).

Нах следует из статьи 73. 2-7, пользование краденым отягощено виной совершившего кражу. В этой статье представлен казус процесса о краже с соучастием нескольких лиц. Если подсудимый заявляет о совершении им кражи совместно с другими лицами и о нахождении краденого у него, то такое его показание, будучи не в его пользу, принимается в расчет. Но если он, заявляя о совершении кражи с соучастниками, утверждает, что краденое находится у них, давая, таким образом, показание в свою пользу, то это его заявление не засчитывается как свидетельство против остальных. С этим переключается следующее сообщение Денкарта (Джм Уш, 717, 12-13): *араг авибартіш і дияан рат діш-іш діш бә рат хвастікіш араг хвәй виләв* "О недостоверности (показаний, даваемых на суде) воров, в чем бы то ни было, за исключением того, что относится к признанию им своей вины".

3. Религиозные и этические проступки, упомянутые в Судебнике, очень разнообразны. Это — "злоумышление против богов" (*уакдәп-дәшмәпін*) и деликт "злоумышления против господина" (*хвастәу-дәшмәпін*), под которым следует, видимо, понимать действия, направленные против светской власти и ее представителей (А34, 9-10; А34, 10-13). Там же указаны и деликты "ереси" (*иш-гамәш*), "произнесения речей, враждебных религии или атеистических" (*анаст-гәшәпін*¹⁰), другие статьи упоминают "колдовство" (*уәтәкін*) и "сектанство" или "манихейство" (*навдәкін*), как и "проповедь лжеучения" (*дгәш-дәш*)¹¹. О процессе против колдуна сообщается, в частности, такая деталь, как необходимость отобрать у подсудимого серьги, а также обруч (= гривну), носимый им на нее, до тех пор, пока он не будет подвергнут ордалии или оправдан (А15, 15-17). При судебном разборе дел по всем этим деликтам совершенно обязательно было составление протокола допроса и суда.

Некоторые наименования деликтов этой группы представляют пехлевийскую передачу вестийских терминов. Так, например, пехл. *whwb'uy* раскрывается как ав. **wōm.(t)wāb(ah)-* "действие, враждебное добру (т.е. зороастризму)" (А20, 5), а пехл. *wtwkw'nt* = ав. *miṣō.yāsta-* "лжеучение, ложное наставление" (А14, 17) упоминается также во Фр. I оīm XVa, в Денкарте (см., например, Джм 698, 11-17) и в Малой Авесте¹². Для реформированного маздеизма — зороастризма — чрезвычайно характерно возведение в ранг религиозно-этического проступка действий, которые можно было определить как "ложное учение/наставление", "кривду", ибо зороастризм является строго этической религией с очень четко выраженным противопоставлением Правда/Добро — Кри-

вда/Зло. Отсюда и обилие терминов, служивших для обозначения этических проступков. Многие из этих терминов являются синонимами или почти синонимами, введенными в обиход проповедниками новой религии в начальный период ее распространения. Помимо отмеченных выше терминов, засвидетельствованных в Судебнике, как *dgōu-δāī*, *apast-gōvīñih*, *abragō-īh* (= ав. **apō.nasua-*, хрв. **abgra + magā-* 'злое/враждебное учение'), *putwks'at = aiṣṣ.āsta-*, можно указать и целый ряд аналогичных слов из Авесты: *duš.masti-*, *duš.kratav-*, *duš-yaiti-*, *duš-dāēnā-*, *duš-artā-*, *miṣṣ.aoṣ-/miṣṣ.axta-* и пр. К этой же группе следует, видимо, отнести и загадочное ав. *uvāh.akti-* (V. 32, 12), которое будет рассмотрено в другом месте.

Неоднократно отмечаемый в Видевдате обычай погребения трупов (кэме *nikan-*; Vd. Ш, 12, 36, 40; Уц, 12, 40)¹³ фигурирует в качестве деликта в Судебнике (пехл. *pa'k dk'n* = ав. **pasu.nikana-*) наряду с 'трупосожжением', пехл. *pa'k r'k* = ав. **pasu.rāka-* (A15. 9-II); возможно, впрочем, что упоминание их в Судебнике было не более чем данью авестийской традиции.

Авестийские термины употреблялись также и для обозначения некоторых этических проступков из области судопроизводства, например пехл. *putr'utum* = ав. **miṣṣ.paitīm (?)*¹⁴, которое наряду со лжесвидетельством и со сменой даваемых на суде показаний считалось деликтом (*vināy*) и подлежало судебному осуждению (A25. 16 - 26. II). В случае неосновательного иска истец объявлялся "злонамеренным", *vatxvāh*; ср. также *vat-āhangīh*¹⁵.

Строго наказуемым этическим проступком считалось "неоказание помощи", *apauagīh*, а также уклонение стурата от выполнения своего долга, букв. 'разрушение стурства', *stūr-δkanāh* (A15. 9-II). Неповиновение жены мужу также считалось деликтом (о его правовых последствиях см. выше, разд. II, гл. 3). Религиозным деликтом у зороастрийцев считалось половое сожитие во время менструации (A35. 6-9). В ряде статей рассматриваются вопросы, возникавшие при процессах о прелюбодеянии, *gātār*¹⁶. Приводится также один казус об изнасиловании несовершеннолетней (73. 9-10).

Несмотря на высокую разработанность обязательственного права, предусматривавшего различные способы гарантирования выполнения сторонами принятого ими обязательства, в сасанидскую эпоху еще сохранялись пережитки древней поры, когда обязательственные отношения регулировались нормами обычного права и религиозной этики. Примером этому является особый деликт нарушения контракта, *mihrdguīh* (ср. ав. *miṣṣ.drug-*, A17b. 118b;

санскр. *mitgaduh-*), стоящий в одном ряду со 'заумышленным против богов' и с 'ерасью' (A34, 10-13; A34, 13-16).

4. Должностные проступки относились к сфере административного права и лишь изредка подлежали гражданскому судопроизводству. Один такой редкий случай представлен в A13, 9-11. Здесь сообщается, что если арестант совершил побег из тюрьмы, то начальник тюрьмы привлекался за это к судебной ответственности с вынесением приговора за промах в исполнении своих обязанностей; приговор не снимался с него и в случае возвращения беглеца. О проступках, имевших место в судебской практике, речь пойдет в связи с судопроизводством.

Г л а в а 2. Наказания. Действие деликта на правоспособность. 'Смертная вина'

Наказуемость проступка имеет столь же древнюю историю, как и само представление о проступке. Еще задолго до возникновения государства с его судебно-административной функцией и аппаратом лица, совершившие проступки, наказывались своим же коллективом, главе которого отводилось важнейшее место в осуществлении правосудия. Даже в ранний период истории правосудие посредством власти главы рода или вождя племени играло не меньшую роль, чем кровная месть, которая не регулировала карм за все разновидности деликтов. Естественно поэтому, что уже в Авесте мы находим довольно четко разработанную систему наказаний.

Понятие "наказание; плата за проступок" выражается в Авесте словами *vraobu-*, субстантивированным прилагательным, образованным от *vraob-* и означающим "действие, имеющее целью приведение к повиновению религиозно-этическим установлениям" (AivWb. 1637), и *raitita-* : *raititi-*, букв. 'уравнение, искупление (вины наказанием)', но имеются также и более специализированные термины, как *šīdā-* 'плата, расплата', применявшийся преимущественно к наказаниям в форме платы имуществом, штрафом, и *raḡā-*, *ṛaḡatī-* 'сравнение (счета); расплата'; оба последних слова в контекстах обозначают "физическое наказание".

В обществе Авесты наказания подразделялись на следующие основные типы: а) физическое наказание; б) искупление вины платой имуществом; в) отработки (присуждение в качестве наказания полевых работ); г) гражданская экскоммуникация. Физическое наказание выражалось в присуждении провинившемуся того или иного числа ударов палкой или, чаще, плетью (ав. *vraza-*, *vraob-*).

багнлā-, автгā-). В Виведдате (4, 18) в связи с различными проступками указаны нормы наказания, варьирующие от 5 до 10 тыс. ударов плеткой. Физическое наказание предусматривалось, в частности, и для проступков *впаѣ*, перечень которых дан в Виведдате (4, 26); в том же тексте несколько далее (4, 30) приводится "таблица" мер физических наказаний, установленных для каждого из этих проступков в отдельности. Характерно, однако, что в пехлевийском комментарии к этому пассажу, как и в текстах, воспроизводящих таблицу Виведдата (ср. *Špā I*, 2-3), меры наказания определены в денежных единицах: *фраман* — 4 сатера (?), *агрид* — 12 сатеров, *ардуд* — 30 сатеров, *хвар* — 60 сатеров и т.д. Для той же группы проступков эта параллельная — денежная — шкала наказаний существовала уже и в обществе Авесты, но в качестве денежной единицы был принят скот. Это ясно из следующего свидетельства Нираггистана (45): *уō .. alim dah-mom šainti arēdnā vā arduō.ataogam vā bistogam vā yat nanauz-hā vā xvarā xvarō nōit hē abat oīyauaeša uravēgētauyāēša* "(Если) кто... наносит удар одному из членов своей гражданско-религиозной общины (= "правоспособному"), (нанеся ему) физический ущерб ступени 'ардуд', или (тот, который искупается уплатой) одного хорошего быка (/коровы) или (требующий уплаты) двух быков (/коров), или же еще больший (ущерб), то (проступок) нанесения физического ущерба не может быть (им искуплен) уплатой или перенесением (физического наказания)"¹⁷.

Поскольку существовало строгое соответствие между шкалой проступков и видов предусмотренных для них наказаний и каждому проступку в зависимости от степени его тяжести отвечала совершенно определенная мера наказания (будь то физического, имущественного или правового)¹⁸, термин, обозначающий, в сущности, меру наказания, мог применяться также и для обозначения того деликта (или равного ему по тяжести), для которого такая мера была предусмотрена. В приведенном выше пассаже из Нираггистана прилагательные *ардуд.атаога-*, *бистаога-*, служившие для определения мер штрафа, употреблены для обозначения проступков соответственных ступеней тяжести. Равно и ав. *таш.рахзда-* (ср. также *рагетō.таш-*, *рейō.таш-*), пехл. *тап̄рн̄г* (гlossировано термином *magkvišān* 'заслуживающий смерти' > 'смертная вина; capital, capitalia'), обозначающее меру наказания, которому подвергалось лицо, применялось также для определения самого деликта ('деяния', *лушōдл-*, *vā. 7. 52*), вызвавшего эту меру; в Виведдате приводится целая серия провинностей, тяжесть которых влекла за собой такое наказание¹⁹.

Другая черта древнеиранского деликтного права — она отмечается и в праве других народов, в частности в индийском, — это возможность применить одну и ту же меру наказания к проступкам различного характера, но равным по приписывавшейся им тяжести. Отсюда — практика приравнивания в целях установления меры наказания одного проступка к другому, обычно к более распространенному или тривиальному, для которого твердая норма наказания уже имеется. Подобная практика засвидетельствована в Авесте: тут религиозные проступки "приравниваются" к проступкам физического насилия над личностью. Так, например, в Нирвангиставе: "Кто не предается изучению (Авесты), как это положено по праведному обряду, (его) страдание (= наказание) равно (проступку) ardañ-" (Nig. 15); "Тот, кто пропускает одно слово из Гат или один стих, должен быть подвергнут трем ударам плетки²⁰ или должен работать в поле один день... если в течение четверти года он не распевает Гат, то (это) будет (равноценно проступку) xvaça-, свыше полугода — bānu.jata-, если же более года, то провинность его равна yāta-; если же после этого он пренебрежет одной из дневных молитв, то эта провинность — tana.ragāda- (tanām rīguyaiti)" (Nig. 42, см. также 45). Такие же приравнивания деликтов, основанные на принципе pari turpitudi- nis, практиковались и в сасанидском праве (ср., например, I, 13-15; 37, 2-10; AI4, 15 - 15, 1).

Относительно мер наказаний можно сделать еще и следующее наблюдение. Выше уже упоминались различные шкалы наказаний в Авесте — физических наказаний, штрафов, отработок — и существование известного паритета между ними, паритета, к которому впоследствии (в пехлевийском Видевдате) была добавлена шкала денежных штрафов, вытеснившая на практике архаичные формы наказаний. Мера наказания за самый легкий проступок определена в три удара плетью, что равноценно штрафу в одну овцу; та же мера, выраженная в отработках, была равна одному дню сельскохозяйственных работ. Но если в отношении денежного эквивалента наказания за эту и следующую (ardūšt) степень провинности в указаниях наших источников имеются большие расхождения²¹, то, начиная со ступени ардуш, картина более четкая: ardañ — 30 сатеров (P.Vd. 4, 26), xvaç — 60 сатеров (P.Vd. 4, 30), bānu.jat — 90 сатеров (P.Vd. 4, 34-35), yāt/astōbid — 180 сатеров (P.Vd. 4, 37), tanārūhr — 300 сатеров (Šn3 I, 1-2; II, 1; 16, 5). Здесь обращает на себя внимание пропорциональность (30-60-90-180-300) номинальных величин штрафов, позволяющая полагать сумму в 30 сатеров за расчетную меру, представлявшую одну де-

сятуп максимально возможного штрафа в 300 сатеров, который присуждался взамен смертной казни. А что такой расчет существовал в реальности, доказывает одна чрезвычайно интересная статья Судебника (AI5, 2-5). Согласно этой статье, "за кражу полагается клеймо шахра, за грабех — сумма, соответствующая десяти *вѣу'ам* (ав. *вѣуа* — 'часть, доля'), за *вѣбѣ.ѣат* и *кѣтѣ.ѣат* — сумма, соответствующая четырем *вѣу'ам*". Далее упоминается сумма в 300 (сатеров) как максимальная высота штрафа, который можно было присудить за одно преступление. Отсюда можно вывести и высоту штрафа за проступок ступени *вѣбѣ.ѣат* как равную 120 сатерам, что дополняет приведенную выше шкалу из Видевдату, давая ряд в 30-60-90-120-[150]-180-[210]-[240]-[270] — 300 (сатеров). Установленный здесь факт открывает возможность понимания такой формулировки в пехлевиийском комментарии к Видевдату (4, 28) как *гѣй ѣ(ч) рѣпѣнтѣк* "ущерб, за который полагается штраф, равный одной пятой"; исходя из принимавшейся за целое суммы в 300 сатеров, это равноценно 60 сатерам, или двум *вѣу'ам*, т.е. наказанию за проступок ступени *хвѣг*.

О таких мерах наказания, применявшихся также и в обществе Авесты, как экскоммуникация и смертная казнь, речь пойдет ниже, пока же отметим такую характерную для авестийского права черту, как солидарная ответственность агнатов не только в обязательствах, но и в деликтах (см., например, *Нг. 9*). Право (официальное, во всяком случае) сасанидского периода ее уже, видимо, не знало, и в Судебнике мы имеем дело лишь с личной ответственностью за деликт, совершенный полнолетним²².

Предложенная реконструкция древнеиранских представлений о наказаниях за проступок — точность ее и полнота ограничены, разумеется, имеющейся информацией — была необходима для лучшего понимания того, что дает нам Судебник по данному разделу права в сасанидский период. Ибо, во-первых, рецепция древнего деликтного права, в частности права Авесты, несомненна, это ясно уже и по имеющимся в Судебнике авестийским терминам; во-вторых, экскурс в древнее право позволяет лучше выявить основные тенденции развития иранского деликтного права. Среди наказаний, отмеченных в Судебнике, отсутствуют какие бы то ни было упоминания столь характерного для Авесты физического наказания: очевидно, эта форма полностью исчезла как мера наказания, присуждавшаяся гражданским судом²³. В делах о нанесении ущерба имуществу и о посягательствах на имущественные права (кража, грабех, злоупотребления и т.п.) суд всегда обязывал виновного к возмещению убытков (*гѣй* — ав. *гѣйѣа* — AI5, 2-5; *вѣу'ам* *вѣ*

viḍārtan — 28. 17 — 29. 3). Но присуждение наряду с этим наказания было неизбежным там, где имел место умышленный проступок, а не провинность, основанная на ошибке или некомпетентности. Формы наказания были разнообразны, как и степень их тяжести. Одна и та же форма могла применяться к проступкам различного характера, но были и формы, характерные для определенных проступков.

По-видимому, наиболее широко применявшейся мерой наказания было присуждение штрафа (ср.-перс. tāvān), который взыскивался с имущества осужденного. Вещь, переданная осужденным другому лицу по соглашению о передаче (вещь "традированная"), имевшему место до совершения им проступка, не могла быть отобрана у нового владельца на покрытие штрафа за преступление, совершенное дарителем, в отличие от тех передач, которые делинквент включил в свое завещание (30. 12-13; ср. 31. 2-3). При совершении одним лицом двух проступков штраф из его имущества взыскивался в соответствии с их последовательностью (98. 14-17). Если дело шло о сложном деликте, т.е. о таком, который можно "разложить" на два (или более) различных проступка, как, например, случай похищения чужой жены, штрафы суммировались (см. 73. 8-9: штраф в 500 драхм "за увод" + 700 драхм "за прелюбодеяние"). В деле о прелюбодеянии штраф не мог быть присужден, если иск был вчинен после того, как один из членов "треугольника" — муж, жена или "прелюбодей" — умер (A14. 4-5)²⁴.

В ряде статей Судебника указана сумма присуждавшегося штрафа: 600 драхм (за изнасилование несовершеннолетней; 73. 9-10), 300 сатеров (за прелюбодеяние с чужой женой; 73. 7; ср. 73. 8-9). Высота штрафа за "удар" могла зависеть также и от числа нанесенных ударов (A14. 13-15). В A15. 2-5, где говорится о нормах штрафов за грабеж и акты физического насилия, нормы эти указаны в бау'ах (см. выше). Согласно той же статье, сумма штрафа, устанавливаемого в одно судебное присуждение, не должна была превышать 300 сатеров, т.е. 1200 драхм, а это объясняет заниженные нормы штрафа (в частности, за прелюбодеяние), указанные в 73. 8-9: в случае суммированного штрафа (именно такой казус представлен в данной статье) общая сумма его не должна была превышать этой максимальной нормы в 300 сатеров.

Судя по всему, штраф уплачивался потерпевшей стороне²⁵, согласно A15. 2-5, потерпевшему передавалась сумма или стоимостный эквивалент присужденного делинквенту штрафа. Вместе с тем в связи с конфискацией имущества делинквента оговорена пе-

передача этого имущества в казну (A38, 16 - 39, 1). Судебник не дает возможности внести большую ясность в этот вопрос, а юридических или судебных документов сасанидского времени у нас нет. Возможно, что и в этот период продолжала существовать практика, зафиксированная в штрафных клаузулах юридических документов парфянской эпохи из Авромана и Дурра-Эвропос. По данным этих документов, стипулированная сумма штрафа передавалась стороне, потерпевшей убыток, и "равная сумма - в царскую казну", иначе говоря, штраф уплачивался в двойном размере²⁵.

Известное из Авесты присуждение отработок упоминается в статьях A39, 8-II; A39, II-17; A40, I-3; A40, 3-6, в частности, в связи с вазург-фраматаром Михр-Нарса, к которому была применена эта мера. По решению суда провинившегося передавали в царское хозяйство (остан) для отбытия там наказания.

Совершивший кражу или иной деликт, приравненный к краже²⁷, подвергался клеймению (arōm, arōmān; I, 3-15; 3, 5-6, 73, I-2; A15, 2-5; A35, 6-9). Видимо, каждый шахр имел свой тип или образец клейма; ср. A15, 2-5: "За кражу полагается клеймо шахра"; A35, 6-9: "Следует подвергнуть клеймению в соответствии с обычаем шахра". Клеймение было, разумеется, не единственной мерой, применявшейся в отношении вора. Но оно непременно сопровождало любую другую форму наказания (штраф, тюремное заключение и т.п.; ср. A28, 12 - 29, 5), когда дело шло о совершении кражи, будучи характерной и традиционной мерой наказания этого деликта: совершивший кражу становился "меченым" на всю жизнь²⁸. В случае повторения того же деликта виновному ставили новое клеймо. Но, как сказано в 73, I-2, "если он четырежды был подвергнут клеймению и после того совершил еще одно преступление этого же рода, то больше никогда он не должен быть выпущен из тюрьмы".

Тюремное заключение - обиходно Авесты его не знало - в Судебнике упоминается неоднократно, и в сасанидском государстве к нему прибегали, очевидно, нередко. В подробном перечне того, что входило в компетенцию судьи (A25, 16 - 26, II), говорится, в частности, о передаче им (по вынесенном приговору) документа с решением суда архивариусу, а приговоренного - начальнику тюрьмы и стражам. Две статьи (A28, II-12; A28, 12 - 29, 5) посвящены определению границ компетенции начальника тюрьмы (mānānārān): наряду с обязанностью держать арестанта (mānānārān) в тюрьме - за бегство последнего из тюрьмы он несет судебную ответственность (см. A13, 9-II) - начальник тюрьмы был компетентен в том, что касается физического отождествления

преступника, как и его имени и совершенного им преступления. Если лицо отбывало наказание в тюрьме по одному проступку, его неповиновение в другом не влияло на первое осуждение²⁹. Сроки заключения варьировались, вплоть до пожизненного (73, I-2). К тюремному заключению приговаривали за различные проступки: за кражу (73, I-2; A15, 9-II; A28, I2 - 29, 5), за религиозно-аттаческие преступления (A15, 9-II), за очень тяжкое преступление — 'смертную вину' (характер не уточняется; A28, I2 - 29, 5). Перечень этот, конечно, неполный.

Прежде чем перейти к вопросу о капитальном преступлении или, точнее, о 'смертной вине', необходимо остановиться на данных Судебника о действии проступка на правоспособность делинквента. Хотя имеющийся материал не отличается богатством, он показывает, как и следовало ожидать, различную в зависимости от тяжести совершенного проступка степень ущемления правоспособности — от временного или частичного поражения в тех или иных правах до полной потери гражданской правоспособности и изгнания делинквента из общины. Так, жена, повинная в непослушании, теряла все имущественные права и приобретения, дарованные ей мужем (A7, II-I3; A7, I3-I7; см. также разд. II, гл. 3), а дочь, совершившая прелюбодеяние, лишалась опеки и наследства своего отца, а отец — права на доход дочери (24, 7-10; A13, 5-7). Достаточно было одного лишь обвинения в совершении тяжкого преступления ('смертная вина'), обвинения, не подтвердившегося в ходе судебного расследования, чтобы отстранить от стурства (97, 7-9; 97, 9-10; 97, I3-I4).

Но здесь нам опять придется заглянуть в древность, в частности в авестийский канон. Входящий в него Афринакан (3, I-I3) дает очень четкую картину последовательного возрастания по мере увеличения тяжести проступка его отрицательного действия на правоспособность делинквента, вплоть до ее потери. Религиозный характер проступка (уклонение от участия в общих жертвоприношениях), о котором там говорится, не меняет сути дела. При первом отказе внести свой долг в общее жертвоприношение (а именно при первом в году пятидневном празднестве *ma-i-bi-bi.zarəmaua-*) *pač* отрешал уклонившегося от права участия в культовых церемониях, объявляя его *auavcuə-*, иначе говоря, имело место временное ущемление культовой правоспособности лица. В случае подобного же уклонения при втором *гаханбаре* наступало известное ущемление процессуальной правоспособности уклонившегося. Эффект того же проступка при последующих *гаханбарах* возрастал: вслед за конфискацией скота наступала потеря имуществ-

венных прав — провинившийся терял свое право на долю в имуществе своего рода (yātəm daēdānād; *Āgr.*), II). И, наконец, отказ от участия в жертвоприношении в последний, шестой гаханбар часто приравнивался к 'смертной вине', и провинившийся изгонялся из общины — полная потеря гражданской правоспособности. Этот критический приговор в Афринакане (З, 13) сформулирован следующим образом: "И тогда человек, за которым нет никакого греха (avaēwō), пусть устремится на него с криками (grāba graoūōit) и пусть прогонит (grāba wuazjāōit) его; и человек, на котором нет вины, да возлжит (aiwi.daiw'ita) на него смертную вину"³⁰.

Глагол *gratruasg-* 'прогонять; изгонять' был, видимо, употребителем в Авесте в узком значении "изгнание из общины". Он фигурирует и во *Yt. I oīm*, в разделе (XCV), где собраны термины деликтного права. Он стоит, как и большинство глаголов этого списка, в 3-м л. ед.ч. наст. вр. изъявит. накл. (*gratruas-jaiti*) и снабжен пехлевийским переводом *grāb wōk.ānīh* 'изгнание', поясненным: *āx bavēt ka mart-ō(v) grāb wōk.ānīh* "Это то, когда изгоняют ('изгоняет') человека". Ср. также *Dm Uš*, 699, 19: *Arag warkarjān gānak kartad* "Он изгнанник (из общины.—А.П.) лица, совершившего капитальное преступление (= 'смертная вина')". Таким образом, в обществе Авесты вынесение приговора по обвинению в тяжком преступлении ('смертная вина') влекло за собой полную потерю делинквентом его гражданской правоспособности и изгнание его из общины. Об этом свидетельствуют не только приведенные выше факты, но и анализ таких терминов, как ав. *abwadāti-* и арм. *rapdixt* (иран. **raptadixta-*), н.-перс. *gāh-dāde*, означавшие "выставление на дорогу", "выведение в путь-дорогу", "эспатриация"³¹. С другой стороны, сами термины, передающие понятие "смертная вина" в Авесте (*rābō.waga-*, *rābō.tama-*, *tama.rəgōda-*), как и в Судебнике и в других пехлевийских текстах (ор.-перс. *warkarjān*, *tapārūt*), указывают на древнюю практику смертной казни за проступок, сочтенный за тягчайший.

Уже в Авесте отмечается обусловленная развитием общества и обща для права древности тенденция заменять смертную казнь, т.е. смерть физическую, потерей места и прав в общине — смертью гражданской. Характерно в этом отношении и противопоставление термина *tam.rəgōda-* термину *dabma-* 'член гражданско-культурной общины' (*Va. 12, I, 1*; *P.Šgr. 38, 39*). Разумеется, к смертной казни все же прибегали — в Судебнике имеется даже ссылка на авторитет Авесты о приговоре к смертной казни за

тяжкое преступление (14, 17 - 15, 1), — и у нас нет недостатка в письменных свидетельствах о применении ее и в сасанидском Иране: тут можно указать и на данные армянских текстов этого периода³². Однако в дошедших до нас статьях Судебника, касающихся осуждений за тяжкое преступление (= 'смертная вина'), этот пункт отсутствует (за исключением упомянутой выше статьи 14, 17 - 15, 1), но зато в этом тексте отмечается, и неоднократно, полная потеря правоспособности делинквента в этом случае. В одном месте — контекст довольно неясный — говорится о необходимости подвергнуть наказанию и изгнанию (или: депортации — *rātofrās ut okāgīn kīlīn*; A35, 5-6). О тюремном заключении за 'смертную вину' см. A28, 12 - 29, 5.

Приговор о тяжком преступлении (= 'смертной вине') выносился по различным деликтам: за оставление семьи без опеки (28, 17 - 29, 3), за уклонение от обязанностей стурца (82, 12-14), за убийство (92, 2-6). Он, несомненно, мог быть вынесен и по делам о колдовстве, ереси и манихействе, хотя в Судебнике в этой связи упоминается лишь утрата имущественной правоспособности (с конфискацией имущества; A38, 12-16; A38, 16 - 39, 1)³³. Но в некоторых статьях наряду с упоминанием конфискации имущества осужденного (также и того, что было им депонировано; 98, 13-14) говорится и о потере им места в семье (следовательно, и в общине), об аннулировании его прав и обязанностей (например, стурства, опекуинства, отцовства, супружества), связанных с этим местом³⁴.

В 24, 4-7 речь идет о снятии с дочери стурства ее отца и о переносе этой обязанности по преемству на его вилучку. В статье упомянуты следующие три ситуации, при которых надлежало прибегнуть к этой мере: во-первых, в случае вступления дочери в полноправный брак еще при жизни отца; во-вторых, если дочь-эпиклера повинна в капитальном проступке (в связи с потерей ее места в семье эпиклерат переходил к ее дочери), и, в-третьих, в случае совершения ею проступка, обозначенного в тексте неизвестным авестийским словом, представленным в двух транскрипциях. За транскрипцией этого нигде более не засвидетельствованного термина — *ragatahāiti* (3 Sg. Praes. Ind. Act.) — авестийским письмом следует его передача пехлевийским, *rlt'ō'yt'*, которая предполагает, однако, иную форму этого глагола, а именно *ragatahāta* (3 Sg. Opt. Mod.). У нас нет вполне надежных точек опоры, чтобы установить, какой из этих форм следует отдать предпочтение и что скрывается за термином, выраженным глаголом *ragatahāta*. Можно, разве что, обратиться к аналогии.

Как видно на примере уже разбиравшегося выше ав. *ḡa-
-aunag-*, некоторые авестийские термины деликтного права из
 списка *Ft. I oīm* представлены в этом списке в "стандартизо-
 ванной", очевидно, форме 3-м л. ед.ч. презенса индикатива³⁵,
 без того, чтобы форма эта была уместна по сообщаемому ей смы-
 слу. Так, *ḡaunag-jaiti* буквально означает "(он) изгоняет",
 что довольно трудно вставить в правовой контекст. Но контекст
 с тем же глаголом сохранился в приводившемся выше пассаже из
 Афринакана (3, 13). Тут глагол стоит в 3-м л. ед.ч. оптатива,
 в полном соответствии с его местом в формуле приговора:
 "Пусть изгонит (его)!" Возможно, что и в статье Судебника пе-
 редача термина авестийским письмом дает нам "стандартизован-
 ную" форму, тогда как пехлевийская транскрипция раскрывает
 ту, которая стояла в формуле приговора: В качестве этимологи-
 ческой параллели ав. *raça+tāk-* можно указать др.-рус. потокъ
 'изгнание', поточити 'сослать, изгнать'. В таком случае, при-
 нимая за основу форму *raçatabaēta* 'пусть удалится/изгонится!' в
 учитывая, что термин, обозначающий кару (здесь — изгнание
 из общины), нередко переносился и на проступок, при котором
 данная кара применялась, можно предложить — разумеется, гипотетически — следующее толкование данному месту в статье 24,
 4-7: "Если... (дочь-эпиклера при жизни своего отца вступит в
 брак) или совершит проступок, влекущий за собой смертную ка-
 ру или такой, за который приговаривал к изгнанию (из общи-
 ны)"³⁶.

Приговор, вынесенный по обвинению в тяжком преступлении,
 как и в любом другом, мог быть более или менее суровым в за-
 висимости от решения судьи (A34, 13-16; ср. ДКМ Уш, 704,
 5-8). Суд принимал в расчет наличие смягчающих вину обстоя-
 тельств, каковыми считались, например, явка делинквента в суд
 по своей инициативе или признание в совершенном им убийстве и
 при отсутствии свидетелей (92, 2-6). Мягкость приговора в
 этих случаях была, конечно, относительной, ибо одного подо-
 зрения в тяжком преступлении, притом что подозрение было от-
 ведено судебным разбирательством, было достаточно для того,
 чтобы отстранить от стурства (97, 13-14) или не принимать от
 такого лица словесных обязательств (A35, 9-11). Судебные из-
 держки по таким процессам — оплата их присуждалась проиграв-
 шей процесс стороне — составляли 95 драхм, сумму, представля-
 ющую их высший предел (A15, 17 - 16, 5), и это неудивительно:

при судебном разбирательстве тяжких дел, тем более "смертного", было обязательным ведение протокола как следствия (допроса), так и самого процесса, требовалось также составление ряда других документов, что в совокупности представляло важную графу в расходах по процессу³⁷.

Р а з д е л У П
СУДОПРОИЗВОДСТВО

Г л а в а I. Организация и источники судопроизводства

Круг вопросов, подлежащих рассмотрению в данном разделе, чрезвычайно широк. Это организация судов в сасанидском государстве, общие принципы судопроизводства и установления, которыми руководствовались в судебной практике, судебные магистраты и различные формы юрисдикции, судебный процесс, его подготовка и ход, судебные документы, процессуальная правоспособность и представительство, апелляция, судебные деликты и многое другое. Хотя информация о судопроизводстве, поставляемая Судебником и Денкартом, довольно обширна, она весьма неравномерно освещает вопросы, входящие в этот комплекс, оставляя немало места для конъектур также и в том, что не относится к малозначащим частностям. Попытка воссоздать общую картину сопряжена поэтому со значительными трудностями.

Существующий текст Авесты содержит некоторые сведения, в общем довольно скудные, о юрисдикции у иранцев в раннюю эпоху. Отметим здесь те ее характерные черты, которые важны для дальнейшего изложения. Поскольку право выступало, с одной стороны, как часть социальной этики, с другой — как часть этики религиозной, оба эти аспекта нашли отражение в параллелизме в области юрисдикции двух "компетенций" — светской и иреческой. В праве Авесты первую из этих "компетенций" воплощает светский судья *ahī-* (букв. 'господин, правитель'), который многократно упоминается в сопоставлении или в формальном противопоставлении к *gataw-* ('рат'), судье из иреческого сословия. Параллелизм и взаимодействие этих двух "компетенций" — авторитета светской власти и престижа религиозного установления — переносятся также и в высшую сферу; так, Заратустра определен в Авесте как *ahī-* и *gataw-* материального мира, тогда как Ахура Мазда представлен как *ahī-* и *gataw-* мира духовного (нематериального)¹. Вместе с тем в обществе Авесты суд над правоспособными членами общины происходил обычно в форме (открытого) процесса между сторонами; ср. ав. *agrīja-*

'процесс' и его производные *агайга-*, *агайуа-* 'процесс', *агайа-* 'возбудивший процесс, истец', *агайаван-* 'ответчик'.

Положение, отраженное в Авесте, характерно для ранней стадии общественного развития, на которой судопроизводство еще не выделилось в самостоятельную сферу со специальным аппаратом и осуществлялось светскими правителями и жрецами в присутствии и, видимо, при участии представителей общины. С появлением государства — при Ахеменидах, во всяком случае, — судопроизводство стало прерогативой судебных органов, которые либо действительно являлись специализированными ответвлениями государственной (= царской) администрации, либо формально провозглашали себя ее представителями. Так, греческие источники сообщают нам о βασιλικῶν δικασταῖς, 'царских судьях'. Арамейские документы периода ахеменидской оккупации Египта также упоминают коллегий 'царских судей', *духу мик'*, под председательством перса из числа лиц, занимавших важный пост в оккупационной администрации; в документах это лицо определено как *гъ бул'* 'командующий войском' или как *ртгк* = др.-перс. *gratagača* — 'главный; начальник'². Вместе с тем юридические документы, происходящие из территорий, включенных в ахеменидскую державу, свидетельствуют о сохранении в каждом ареале и этнической среде местных правовых норм, а также об отсутствии единых общеперсских норм судопроизводства и общей нотариальной системы. Арамейские папирусы из Элефантины прекрасно иллюстрируют это положение³, известное, впрочем, и по клинописным правовым текстам; присутствие в них некоторого числа иранских слов не свидетельствует о заимствовании правовых реалий, а отражает лишь общеизвестный факт проникновения иранской лексики в так называемый имперско-арамейский язык. Поскольку мы не располагаем ни одним судебным или юридическим документом ахеменидского периода из собственно Ирана, нам неизвестно и об организации и процедуре иранских судов в это время.

О судопроизводстве в парфянский период мы информированы немногим лучше. Известно лишь, что в аршакидском государстве действовали светские судебные учреждения, именовавшиеся 'царскими судами', причем такое наименование получали также и суды эллинистических полисов, продолжавшие следовать в своей практике греческим (= эллинистическим) нормам предшествовавшего, селевкидского периода. Это видно на примере города Дура-Эвропос. По завоевании города парфянами его судебная магистратура стала называться τὸ βασιλικὸν δικαστήριον 'царский суд' (см. DFG. 2I, 81 г.н.э.; DFG. 3, 143 г.н.э.), а судебным магис-

стратам был присвоен титул "царские судьи" (*Βασιλικῆς Δικαστικῆς*) и ранг "первых и предпочитаемых друзей и телохранителей (дари)" (см. DPG 21; 87 г.н.э.; DPG 40; 88-89 г.н.э.), что говорит об их включении — формальном по крайней мере — в царскую бюрократию. Другой характерной деталью является стипуляция в документах — и, очевидно, присуждение судом — уплаты штрафа в двойном размере: одинарная сумма уплачивалась пострадавшей стороне и равная ей сумма вносилась в царскую казну (см. дурские пергамены, № 9, 10, 13, 40). То же мы находим и в авроманских документах I-II из собственно Ирана.

Сасанидское государство, как и аршакидское и ахеменидское, имело население пестрое в этническом и в конфессиональном отношении. Еврейское население империи пользовалось своей собственной общинной юрисдикцией, в основе которой лежало иудейское традиционное религиозное право, испытавшее, разумеется, известное влияние иранского права, особенно же в части обязательственных отношений, т.е. в области наиболее тесных контактов с окружающим нееврейским населением. Нормы, принятые в судебной практике в еврейских общинах, зафиксированы в Вавилонском Талмуде, в язык которого проникло немало иранских правовых терминов⁴. Автономией в области судопроизводства обладали также и христианские общины, в том числе христиане иранского происхождения. До нас дошел в сирийском переводе VII в. — среднеперсидский оригинал утерян — Судебник Ишобохта, служивший руководством в судебной практике иранцев-христиан. Этот памятник, на который мы уже неоднократно сослались, содержит большое число параллелей к пехлевийскому Судебнику и даже прямые указания на зороастрийскую правовую практику. Однако рассмотрение организации судопроизводства в этих общинах не входит в задачи данного исследования, в котором все внимание уделено формам судопроизводства, обслуживавшим иранское (= зороастрийское) население сасанидского государства. Равным образом здесь не рассматриваются арбитражные суды корпораций, а также чрезвычайные и специальные суды⁵, ибо эти органы стояли вне системы общего судопроизводства.

Принятие и рассмотрение исков, как и вынесение решений, являлось в основном прерогативой светских судей-дарибаров и совершалось в специальных судебных учреждениях, которые имелись во всех городах и административных центрах. Сеть этих учреждений особенно расширилась в результате судебной реформы, имевшей место в царствование Хосрова Анашервана. Отголосок ее с рядом интересных деталей имеется в Судебнике, в ко-

тором (78, 2-II) упоминается постановление ратов и должностных лиц округа Артамахр-Хварра, принятое, несомненно, в связи с царским рескриптом. В дальнейшем мы коснемся более подробно содержания этого постановления, один из пунктов которого предписывает учреждение в каждом рустаке данного округа своего судебного присутствия со штатом не более четырех писцов.

В судебных учреждениях имелись судьи двух категорий: младшие и старшие судьи (dātabar I kha, dātabar I mas; 3, 6-8, A12, II-13; ср. ДКМ 708, I-2). Иски в зависимости от их характера рассматривались либо младшими судьями, либо старшими; последние выступали также в качестве апелляционной инстанции при повторном разбирательстве дела. Обзор прерогатив судьи дан в двух статьях Судебника (A25, 16 - 26, II; A26, II-16). Помимо судей и писцов в штат судебного учреждения входил дарехван (darēhvān < darēhvārān, см. Глоссарий) — чиновник, исполнявший функции судебного следователя, как можно заключить из статей Судебника (A27, 9-II; A27, II-12; A30, 3-5).

Из судебных магистратов более высокого ранга упоминаются (главный) судья города, в частности судьи городов Гор (100, II-15) и Назерун (5, 5-8), а также 'судья судей' (šahr dātabar-gān dātabar; 110, 5-II) — по-видимому, глава судейского "сословия", а не общеимперского судебного ведомства. Существование такого централизованного ведомства в сасанидском Иране маловероятно. Если бы оно существовало, то, очевидно, именно этому ведомству и его главе была бы отведена роль высшей апелляционной инстанции. Но такой инстанцией был главный магупат, и судебное досье направлялось к нему на рассмотрение из суда магупата (города или округа) — менее высокой апелляционной инстанции, куда дела поступали после обжалования одной из сторон решения, вынесенного городскими судьями. Правда, в списке двора Арташира I (112) указан некто šērik dātabar, а судья по имени Сасан включен в список двора Шапура I. Однако упоминание в протоколе царского двора сановника-судьи еще не говорит о существовании "министра юстиции" и его ведомства. Придворным сановником мог стать и (главный) судья царской столицы или области, являвшейся царским доменом. Аналогичный факт приводится в армянской "Разрядной грамоте" (šahnamak) V в., в которой под номером 20 значится 'судья области Басэн'.

Наряду со светским судом датабаров в сасанидском Иране действовал также и жреческий суд магупатов, входивший вместе с первым в систему общего судопроизводства. О судейской деятельности магупатов сообщают статьи Судебника⁶. Этот же текст упо-

минает не дошедшую до нас "Книгу о функциях магупатов", в которой были указаны prerogative магупатов и говорилось, в частности, о том, что в делах, касающихся имущества храмов Огня, судья должен следовать слову магупата, который "компетентен во всем том, в чем компетентен судья", и вправе, если он не уверен в правильности решения судьи, задержать приведение в действие судебного приговора (A26, II-I6). Как и светский суд, суд магупата протекал в форме процесса (A12, II-I3). В 99, IV - 100, 5 приводится судебное решение, вынесенное Бурзаком, магупатом Арташахр-Хварра. Так же как и судьи-дatabарм, магупаты фиксировали в письменной форме свои решения и скрепляли документы своей официальной печатью. Так, в 93, 3-4 упоминается составление Зартуштом, магупатом Бишапура, документа с копией и передача последней в храмовую казну или, вернее, в храмовый архив; факт этот приводится составителем Судебника в качестве образца для практики светского судьи. Другой пример из судебной практики магупатов приведен в 99, 3-8, где упоминается постановление Фрех-Гушнаспа, магупата Арташахр-Хварра, и других лиц, обязывающее считать действительной печать ответчика, которой скреплен документ, представленный истцом. Наконец, как мы увидим далее, ордальный трибунал и принятие показаний под клятвой были полностью prerogative ирецов (а именно ратов) и они также играли активную роль в разработке общих вопросов судебной процедуры. Участие зороастрийского жречества в судопроизводстве — о конкретных формах этого участия речь пойдет впереди — имеет глубокие исторические корни в параллелизме двух "компетенций", светской и жреческой, о котором уже говорилось выше. Сейчас же остановимся на вопросе о том, чем руководствовались судьи — databарм и магупаты — в своей практике, иначе говоря, на источниках судопроизводства.

Кодифицированного права в Иране не было. Об этом красноречиво свидетельствует сам характер Судебника, представляющего не кодекс, а сборник юридических казусов с частыми указаниями на различия в судебной практике отдельных городов и областей⁷, как и на расхождения в решениях, принимавшихся или предлагавшихся по поводу одного и того же казуса разными авторитетами. Порою сам Фаррахварт-и Азатмартан, компилятор Судебника, выступает от своего лица, солидаризируясь с тем или иным авторитетом или предлагая свое собственное решение и даже просто сообщая читателю о решении, которое он нашел в одном из судебных или юридических документов, хранившихся в архиве города Гор (Фирюзабад), к которому он имел доступ⁸. Ответ на вопрос о

том, что лежало в основе судебной практики, понимая под этим как нормы права, так и нормы процедур, дан в самом Судебнике: в двух его статьях решения указаны с отсылкой непосредственно к Авесте (14, 17 - 15, I; 48, 13-16). В Денкарте же сказано (712, 20-21), что "судье надлежит выносить решения на основании Авесты и Зенда или же с согласия зороастрийцев (т wehān)", как и то, что "функции судьи можно возложить только на того, кто сведущ в Праве (ākāvdāt)"; здесь имеется в виду не осведомленность в праве вообще, а знание "Дат"а, собрания правовых насков Авесты и их пехлевийского комментария⁹.

Здесь следует остановиться на форме, в которой правовые наски Авесты дошли до судей сасанидского времени и могли быть ими использованы в судебной практике. Как известно из Денкарта (678, 6-10), правовая секция (dātīk) канона Авесты включала семь насков: пять основных - Nīkātum, ZLV' alnōt¹⁰, Nāvrāgan, Sakātum, Vidēvdāt и два дополнительных - Šīhrdāt, Vayān-yašt, присоединенных, видимо, к правовым усилиями классификаторов IV или даже VI в. н.э., стремившихся придать секциям канона симметричную структуру с семью насками в каждой секции¹¹. Из пяти действительно правовых насков канона сохранился только один - Видевдат "Закон, отстраняющий/отвергающий дэвов (= старых богов, демонов зороастрийского пантеона)"¹², о содержании же четырех других можно судить лишь по перечню тем, приведенному в восьмой книге Денкарта.

Время составления правовых насков неизвестно, как и последовательность их создания: указанный в Денкарте порядок их, по которому Видевдат идет последним, в этом отношении не доказателен¹³. Но поскольку у нас нет оснований полагать, что ученым иранцам парфянского периода, не говоря уже сасанидского, авестийский язык был известен в той же мере, в какой знали санскрит их ученые современники в Индии или латынь в средневековой Европе, а именно в пределах, позволяющих свободное изложение на этом языке, нужно думать, что даже самый "молодой" из этих насков был составлен не позднее III в. до н.э., в эпоху, для которой не лишено вероятности предположение сохранения более или менее активного знания авестийского языка в жреческих кругах Восточного Ирана или среди магов мидийского ареала.

Относительно примитивный уровень отраженного в насках права и мертвый язык делали необходимыми перевод с развернутым комментарием и дополнениями в последующие времена, когда и язык стал малопонятен (даже жрецам), и право эволюционировало. Авестийский оригинал, ставший священным, продолжал заучивать

наязусть, но практическое значение, особенно в судопроизводстве, приобрел именно перевод с комментарием (Зенд). Видевдат, в котором большое место занимают обрядовые предписания, дошел до нас как в оригинале, так и в переводе, что, возможно, объясняется тем, что в этом наске культовое содержание преобладает над правовым. Но первые четыре наска, судя по обзору их содержания в Денкарте, имели преимущественно правовое содержание. Характерно также, что обзор этот был сделан по Зенду — об этом автор Денкарта говорит в начале восьмой книги, — и вполне возможно, что ко времени составления Денкарта авестийский текст их был уже утрачен. Более того, источником изложения правовых насков в Денкарте служил не перевод — более или менее равноценный — авестийского оригинала, а "развернутая" редакция перевода, довольно далекая от оригинала этих насков. В этом нетрудно убедиться, несмотря на отсутствие авестийского текста. Уже сохранившиеся части Авесты дают достаточное представление об уровне развития авестийского общества и его права. Нам известен также авестийский оригинал Видевдата, пятого правового наска. В денкартовском же конспекте правовых насков архаические элементы, явно восходящие к авестийскому оригиналу, перекаются с правовыми реалиями, совершенно несовместимыми с примитивной степенью общественного развития, отраженной в Авесте (включая Видевдат). Особенно это проступает в реалиях, имеющих отношение к судопроизводству. Ими изобилует обзор Никатум-наска, четвертый раздел которого называется (в Зенде) *Нелбмагастъ* '(Книга) о процессе' (см. ДМ 698, 10 — 704, 22). В обзоре тем этого наска говорится, например, о равенстве перед судом гражданина и чужака (699, 7-8), о наличии у раба известной процессуальной правоспособности, в частности о его праве вести процесс с гражданином по искам из имущества (708, 10-12), о праве женщины самостоятельно выступать истцом в суде в качестве процессуального представителя своего мужа, как и давать свидетельские показания (706, 16-18; 18-20), о коллегиальных младших и старших судах и об апелляционном суде (708, 1-2), как и о праве главного магупата (титул, появившийся не ранее IV в. н. э.) отменить решение суда (711, 12-13). В денкартовском обзоре упоминаются детали о формах ведения процесса, принятых в сасанидский период и вряд ли имевших очень древнюю историю, как, например, письменное протоколирование процесса (718, 8-9): общество Авесты не знало письменности. Вряд ли к авестийскому тексту восходит рекомендация судье выносить решения на основании Авесты и Зенда (712, 20-21).

Авторы развернутых комментариев авестийских насков — "дастабары" — и сами эти комментарии, "чаптаки" ("Учения"), часто упоминаются в Судебнике вместе с предлагавшимися в этих текстах решениями того или иного правового вопроса. Сопоставление информации, поставляемой Судебником, с данными других пехлевийских текстов дает более ясное представление об истории сасанидского канона Авесты, особенно же его обширного экзегезиса. Оно также чрезвычайно обогащает наше представление о сасанидской правовой литературе.

В научной литературе давно уже выдвигаются гипотезы о времени первой письменной фиксации текста Авесты. Но независимо от того, когда и где была произведена первая запись Авесты, ее устный перевод и комментирование имели, несомненно, очень давнюю традицию, восходящую, видимо, еще ко второй половине V в. до н.э. Что же касается письменных комментариев (= чаптаков), то, хотя такие попытки¹⁴ могли делаться и при Ариакдах или даже до появления парфян на западе Ирана, документальные доказательства их существования имеются лишь для сасанидского времени. На протяжении этого периода разными лицами были написаны комментарии к интересующим нас наскам Авесты, и уже ко времени правления Хосрова Аношервана имелось множество чаптаков — к каждому из них.

Престиж этих сочинений и учения их авторов был достаточно велик. Поэтому когда при Хосрове Аношерване приступили к созданию официального канона, по настоянию главного магупата Вех-Шапура, возглавлявшего редакционную комиссию, к каждому из насков был составлен сводный комментарий, вошедший в новый канон (см. "Послания Манучихра", I, 4, I4-I8). В дальнейшем эти сводные пехлевийские тексты, включенные в канон и приобретшие в силу этого особый авторитет, стали распространяться во множестве списков и постепенно вытеснили принадлежавшие перу отдельных авторов ранние комментарии-чаптаки, которые легли в их основу. Именно по этим канонизированным текстам Вех-Шапуровской редакции и был составлен в IX в. конспект правовых насков в восьмой книге Денкарта. Ссылки на них не редки и в близком Денкарту по времени тексте "Šāyast-nē Šāyast"; можно привести здесь примеры того, как они сформулированы. Так, в ŠnŠ 10, 21 (относительно формулы усыновления ребенка от жены-чакар): "В четырнадцатом (фрагарде) наска Визрāган комментаторами (= дастабарами) указано (šāyt), что..."; ср. ŠnŠ 10, 22, 23: "В наске Nīkātun комментаторы указали...". Но в этом же тексте (2, 1) дана ссылка на комментарий к Видевдату, написанный Медомахом

(Vīdēvdāt ī Mēto<к>wāh, 'Видевдат Медомаха'), в частности на третий его фрагмент, из чего можно заключать, что в IX в. еще имелись некоторые из ранних комментариев. Любопытно также, что третий фрагмент Видевдата Медомаха соответствует по своему содержанию седьмому фрагменту известного нам (сводного) пехлевийского Видевдата (P. vd.). Как полагает отметивший эту деталь издатель текста Дж. Тавадия (см. его издание *Вд*, с. 30, примеч.), в Видевдате Медомаха было иное деление глав, чем в канонической (Вех-Шапуровской) редакции этого текста.

Ссылки на чаштаки и их авторов часты в Судебнике. Многие из упомянутых здесь имен сасанидских комментаторов правовых текстов встречаются также и в других текстах. Это, например, Апарак (см. индекс имен), который 32 раза упоминается в пехлевийском Видевдате, 57 — в Нирангистане, 8 — в *Вд*, 29 — в "Посланиях Манучихра" и один раз — в пехлевийской Ясне, комментаторы Медомах (см. индекс, в.ч. mēto<к>wāh) и Махвиндат (его имя засвидетельствовано также и в полной форме, с патронимом: Māhvīndāt ī Vazurgōštād, см. индекс), неоднократно упомянуты в тех же текстах, и добрый десяток других известных из пехлевийской традиции имен. Но в Судебнике встречаются и незнакомые имена комментаторов: Замасп, Рат-Ормизд, Вахрамшат, Вайшар, Пусанвех-и Бурзатур фарнбаган и его тезка Пусанвех-и Азатмартан, Фаррахв-Зерван и др. Можно также внести ряд уточнений. Так, из Судебника ясно следует, что *dirīg* — букв. 'Писец', упомянутый один раз в трактате *Вд* (2, 44; Вест принял это за самоназвание автора трактата), не что иное, как прозвище одного из сасанидских комментаторов, подлинное имя которого было Хватайбут (см. Судебник, индекс имен). Уточняется чтение имени комментатора Вех-Ормизда (в рукописях пехлевийской Ясны, Видевдата и Вахман-Ишта имя это представлено в колеблющихся написаниях и ошибочно читается "Винд-Ормизд").

Контексты Судебника позволяют также сделать ряд наблюдений о сравнительной хронологической последовательности комментаторов, ибо имеются случаи, когда один комментатор опирается на мнение другого, — несомненно, своего предшественника. Одно такое наблюдение уже было сделано Дж. Тавадией на основании трактата *Вд* (I, 3; см. его издание, с. 28-29, примеч.). По указанному параграфу этого текста устанавливается следующая хронологическая последовательность внутри каждой из двух выделяемых там групп комментаторов, а именно для группы А: Атур-Ормизд → Гогушнасп → Медомах; для групп Б: Атур-

фарьябаг-и Нарсеян → Сошанс → Апарак. Каждая из этих двух групп представляет самостоятельную традицию, причем Апарак является последователем Сошанса, Сошанс же — Атурфарьябага, тогда как Медомах — последователь Гогухнаспа, а тот — Атур-Ормизда.

Это хорошо видно и по пехлевийскому комментарию к Видевдату, в котором мнения этих представителей двух направлений обнаруживают соответствующие расхождения. Что же касается Судебника, то его компилятор четко различает две традиции, или две школы, комментаторов, которые у него названы — по имени самого яркого представителя каждой из них — Арагак'к'ан, т.е. "последователи Апарака", и М'э'б'к'м'ан'к'ан, т.е. "последователи Медомаха" (см. 50, 13, 15; 52, 15). Следует также полагать, что комментатор Вахрам, знакомый с чаштаком Пусавех-я Азатмартана, жил после него (ср. А16, 14 — 17, 1). Предшествующим Вахрама был также и комментатор Вех-Ормизд (А29, 9 — 30, 2). Вех-Ормизд же, Зервандат и Дван-Им, носивший прозвище Вахитбахр ('Блаженный'), были современниками и общались друг с другом (А10, 4-5). В одном случае (36, 9) имя комментатора Зервандата сопровождается патронимом — "Зервандат, сын Дван-Има". Если этот Зервандат идентичен Зервандату, упомянутому неоднократно без патронима, то комментаторы Дван-Им и Зервандат были отец и сын, а не только современники, общавшиеся друг с другом; ср. также формулировку в А10, 4-5: "В присутствии Зервандата я (= Вех-Ормизд. — А.П.) спросил (мнение) Дван-Има". Кстати, и сын Вех-Ормизда, Пероз, был комментатором (см., например, 108, 10), как и сын Атурфарьябага, Роман (Р'оман), известный из других текстов (Р. Va.; 515). Последователь Атурфарьябага — Гогухнасп жил, очевидно, до Дван-Има (А31, 9).

Компилятор Судебника обычно ссылается на мнение комментатора, указывая его имя. Иногда он выражает также свое личное отношение к приводимому им мнению или отмечает единодушие — как и расхождения — во мнениях различных комментаторов. Чаще всего он прибегает к следующей форме цитирования: *δ'ι'υ'β'η' η'α'δ' η'ι' (Dīrīg, Zūāwaxā' или иное имя) wē gōrēnā / wīrīšt / guft* "как говорят / сказано / написано со слов (оукв. 'из') η'ι", "как говорят / написали на основании мнения η'ι"¹⁵. Но имеются и общие, безличные отсылки к комментаторам (*η'α'δ' dastawagān...*), мнения которых по данному вопросу, видимо, полностью сходились (см. 6, 6; 13, 16; 28, 9; 76, 6 — 88, 6), или же к комментарию в целом (*pat bāštak guft ēstēt / gōrēnā; 26, 6; 98, 5; А3, 6*). Первая форма этих общих ссылок рассматривалась Х.Бартоломэ в

связи с разбором статьи 6, 6-9, но объяснялась им иначе (см. Зав П, 42, 47-49). Считая "грамматически невозможным" переводить встречающийся там оборот *hað dastavarān rat* (в рукописи: *va* = *vā*; эта явная и очень банальная ошибка переписчика была оставлена Бартоломэ без исправления) *guak-ē nirišt* как 'даста-барам в одном месте написано', Бартоломэ предложил следующий перевод: "В (книге) *dastavarān*" приведено одно такое место". Однако наряду с напрашивающимся исправлением предлога укажем на параллелизм данного выражения с уже упоминавшимся выше оборотом *hað ni vā nirišt / guft / gōšēnd*, как и на совершенно аналогичное параллельное употребление формул *rat guft i dastavarān nirišt* (55. I): *rat guft i vaquyār nirišt* (54. I). В статье 6. 6-9 компилятор Судебника цитирует другое сочинение, служившее ему источником (видимо, это был "Даставар-намак") и которое в данном случае основывается на мнении (единодушном) комментаторов-дастабаров. Данный пассаж переводится следующим образом: "В одном месте на основании мнения даставаров (= комментаторов Авесты) написано, что...". В подтверждение такого понимания можно привести аналогичную формулу цитирования чаштака одного комментатора с отсылкой к другому комментатору, на мнение которого основывается первый комментатор: *Vahram hað Pusanvāh i Azatmartān vā guft* "Вахрам (в своем Чаштаке. - А.П.) сказал, опираясь на суждение, высказанное в Чаштаке Пусанвех-и Азатмартана" или: "Вахрам сказал, пересказывая (мнение) Пусанвех-и Азатмартана" (букв. 'В. сказал из П.-и А.>'; см. 98, I; A16. I4 и сл.; ср. также A9, 5).

Чаштаки не были, однако, единственным руководством в судопроизводстве сасанидского периода. В некоторых статьях Судебника термин *šāstak* в значении религиозно-канонического установления, предписания зороастрийского закона формально противостоит другому термину, *kartak*, правовое значение которого "процедура", а также "процедурные установления" или "нормы, действующие в судебной практике". Яркий пример противопоставления *rat šāstak* - *rat kartak* имеется, в частности, в A13, 7-8. В другой статье (A13, 13-15) изложен следующий казус: некто (очевидно, раб) находится в тюрьме; судья является туда и по расследовании обнаруживает его невиновность. В статье указывается, что согласно процедурным установлениям (*rat kartak*) судья не вправе выпустить заключенного из тюрьмы. В другом месте подчеркнута соответствие действующей в судебной практике нормы с имеющимся по данному вопросу предписанием зороастрийского закона (55. 7-8).

Противопоставлению *сābtak* - *kartak* идентично засвидетельствованное в *A15*, *I2-I5* формальное противопоставление рекомендации *остабаров* (здесь *ōstābar* является синонимом термина *āstābar* и служит обозначением комментаторов *Авесты*; ср. также *A35*, *I3-I4*) действующим в судопроизводстве установлениям (*kartak*). Эти последние касались как различных сторон самой судебной процедуры (см., например, *A13*, *7-8*), так и правовых норм, которых следовало придерживаться в судебной практике, будь то по делу о стурстве (*49*, *2-5*), об имуществе осужденного за капитальное преступление (*97*, *15 - 98*, *1*) или когда дело шло о рекламации долга, об установлении высоты процента (*A13*, *I7*; ср. *Dkm* *767*, *4-7*). В сущности в "тематическом" охвате того и другого - *чаштака* и *картака* - не было разницы. Более того, совпадали в большинстве своем и нормы, ибо зафиксированными в канонических текстах установлениями руководствовались в судебной практике. Это ясно видно как из упомянутых статей *55*, *7-8*; *A35*, *I3-I4*, так и из множества других статей *Судебника*, изобилующего отсылками к *чаштакам*, и из сравнения норм, сформулированных в пехлевийских правовых текстах, основывавшихся на канонической традиции, с нормами *Судебника*. И все же отмеченное формальное противопоставление *чаштака* и *картака* не лишено реального смысла. Не все правовые предписания *чаштака* находили практическое применение в судопроизводстве: многие из них относились к давно минувшей реальности. С другой стороны, немалобезен был приток новых норм и официальных установлений, призванных направлять деятельность судебных органов. Это новое, разумеется, не могло получить адекватного отражения в комментариях к правовым нормам.

Об этом втором источнике судопроизводства *Судебник* представляет нам информацию исключительной важности. Одна из его глав (*A12*, *10 - A16*, *6*) носит название "Главы о некоторых инструкциях, которых, как говорят, следует придерживаться в судебной практике (*kartak*) и которые также и в Книге законов ('*Датастан-намак*') записаны". В ней изложены нормы без отсылок к источникам, в которых они зафиксированы; собственно говоря, компилятор тут брал материал из вторых рук, а именно из сборника "*Датастан-намак*". Упоминания же официальных текстов и предписания разбросаны по другим частям *Судебника*.

О деятельности главных магупатов в области общей организации судопроизводства свидетельствует неоднократно упомянутая в *Судебнике* инструкция - "*Памятка*" (*āfuyātkāg*) *Вех-Шапура*, главного магупата при *Хосрове I*, возглавлявшего при этом царь ко-

миссии по канону Авесты. В "Памятке" Вех-Шапура указывалось, в частности, об обязательности ведения протокола допроса при рассмотрении ряда деликтов, особенно же — требующих максимального наказания (= 'смертная вина'), и о присоединении этого протокола к документу, содержащему текст приговора. "Памятка" Вех-Шапура, записанная с его слов, была размножена в копиях (*hamrabēn*), скрепленных его печатью, и разослана по шахрам; на один такой экземпляр, хранившийся, очевидно, в судебном (?) архиве города Гор, и ссылается компилятор Судебника (см. A34, 6-9; A34, 10-13; A34, 13-16; A38, 6-12). В тексте цитируется и "Завещание" (*Nandaga*) Вех-Шапура, которое также было известно компилятору Судебника и не являлось, видимо, частным документом, хранившимся в архиве, к которому он имел доступ. Судя по цитатам (A35, 14-16; A36, 15 - 37, 1), это было сочинение наставительного характера, рассчитанное главным образом на лиц, занятых в судопроизводстве и в ведомственных канцеляриях, и носившее полуофициальный характер (в отличие от его "Памятки", которая была официальной инструкцией, "циркулярным письмом").

В сасанидский период — во вторую его половину, во всяком случае, — были составлены в помощь государственному аппарату и судебным учреждениям специальные сборники руководства, в которые наряду с общими сведениями о правах и обязанностях тех или иных ведомств, разрядов и должностных лиц были включены также и выдержки из официальных указов и постановлений. Из одного такого сборника — он назывался *Xvēškāgīh-pāmak ī kārgamādān* "Книга об обязанностях должностных лиц" — в Судебнике цитируется указ или инструкция о реквизиции в царскую казну имущества манихеев и лиц, проповедующих манихейство; текст этого указа или инструкции *rat* Махраспанд (возможно, отец Атурпат-и Махраспандана, прославившегося своей непримиримостью к манихейству) разослал в свое время по всем шахрам империи (A38, 16 - 39, 1). Судебник называет и другой сборник аналогичного характера — *Xvēškāgīh-pāmak ī magurātān* "Книга об обязанностях магупатов" (A26, 15). Для судебной практики важность таких сборников определялась не только присутствием в них выдержек из официальных документов: регламентация прав и обязанностей должностных лиц, как и духовных, также учитывалась в судопроизводстве, о чем свидетельствует и наличие в Судебнике специальной "Главы о прерогативах должностных лиц" (A25, 15 - A30, 5). В ней говорится и о компетенции должностных лиц, не имеющих прямого отношения к судопроизводству, как, например, *остандар*, или *амаркар*. Но судье в его профессиональной деятельности

необходимо было знать, какого характера документ или свраши то или иное должностное лицо правомочно выдавать, но иного рода делам оно может представлять юридическое лицо и т.п.

Предписания, более специально касающиеся судопроизводства, часто исходили от глав духовного сословия, и приведенный выше пример подобной деятельности главного магулата Вех-Малура не является единственным в нашем тексте, где имеется также ссылка на раздел инструкции, составленной в канцелярии магулата округа Артамахр-Хварра (A40, 9-II), равно как и указание на участие эхратов в разработке вопросов судебной процедуры (5, 9 - 6, 2). В этой же среде, видимо, была составлена в специальная инструкция о порядке обжалования — "Мистафӓг-пӓмак" (A5, IO). В тексте упоминается и документ под названием "Мирӓтак" ("Письмо"): скорее всего речь идет о сборнике инструкций или рекомендаций, сделанных в разное время судебным органам, сборнике, в который была включена и рекомендация рата Махраспанда по поводу клятв в процессах о рекампании долга у наследников должника (I3, 4-5; 59, 6-IO).

Законодательная деятельность светской власти также получила некоторое отражение в Судебнике. В нем сообщается, в частности, о приказах двух царей — Кавата, сына Пероза, в Хосрова, сына Кавата, — о введении официальных (деловых) печатей (*шахр I рат кӓг-гравӓд дӓйтӓп*). По приказу Кавата I (488-53I) были установлены официальные печати у магулатов и финансовых чиновников — амаркаров, а по приказу Хосрова I (53I-579) — у судей (93, 4-9). Своей официальной печатью, а не личной магулат и судья должны были скреплять судебные документы, направляемые в другой шахр или тасук (IOO, 5-7). Очевидно, те же царские приказы обязывали судью или магулата, оставленного от должности (или оставивших ее), сдать официальную печать с документальной фиксацией акта сдачи (A12, I3-I7). Два типа печатей — официальная и личная — представлены на дошедших до нас сасанидских печатях и будлах; показания Судебника ставят под сомнение ранние датировки, предложенные некоторым из них.

Как известно, правление Хосрова I совпало с периодом социального, экономического и политического кризиса в государстве Сасанидов, и этому царю приписывают — не без основания — множество нововведений в организации налоговой системы и бюрократического аппарата. Столь активная внутренняя политика Хосрова I не могла, конечно, обойти такую важную сферу, как судопроизводство, тем более что монархической власти пришлось столкнуться с маздакитским движением, борьба с которым в боль-

ной мере шла и по правовым каналам в форме борьбы с ересью, входившей, по иранским правовым представлениям, в число делитов, наказуемых по суду. О делите *mandikih* — этим термином обозначали не только манихейство, но и иные религиозные и религиозно-политические течения, противопоставлявшие себя ортодоксальному зороастризму, "ересь" вообще — речь уже шла выше (см. разд. V, гл. I). Приговор, выносившийся по обвинениям в этом проступке, мог быть сопряжен для делинквента с *caritis demilitio mahima*. Вполне возможно, что в полосу активной борьбы с маздакизмом (а до этого с манихейством) в многочисленных процессах, имевших тогда место по этому поводу, нарушения норм судебной процедуры были частым явлением, а это должно было оказывать отрицательное действие и на соблюдение судебной процедуры в процессах иного характера. Во всяком случае, частота нарушений судебной процедуры и соответственно большое число неосновательных приговоров — это, несомненно, та ситуация, которая вызвала датированное правлением Хосрова I постановление ратов и других должностных лиц об упорядочении судопроизводства в округе Артамахр-Хварра (78, 2-II).

Постановление включает пункты административно-организационного характера, как учреждение судебных присутствий в каждом рустаке и установление для каждого из этих присутствий максимальной штатной норм из четырех писцов. Но основной акцент в этом постановлении — в изложении Судебника, во всяком случае, — лежал в той его части, где говорилось о генеральном пересмотре судебных решений и о правилах судебной процедуры, которые надлежало строжайше соблюдать. Постановление обязывало к изготовлению на заседаниях суда ('в собраниях') новых протоколов на основании опроса свидетелей-очевидцев и граждан, а также к расследованию и к скреплению этих протоколов печатами очевидцев и граждан, явившихся в суд. Старые же протоколы и показания, исключая ордальные, надлежало считать недействительными. И хотя в цитируемом Судебником документе все это изложено применительно к округу Артамахр-Хварра, вряд ли можно сомневаться в том, что перед нами частный случай ратификации ратами и должностными лицами одного округа царского указа, распространявшегося на все государство.

В сасанидский период для удобства судей составлялись специальные сборники, в которых освещались как нормы права, так и вопросы судебной процедуры. В основе их лежали *чантахи* правовых насков, циркулярные письма главных магулатов, официальные указы, а наиболее характерной формой изложения того или иного

вопроса был правовой казус. Сборников такого типа — они назывались *dātaštān-pāmak* ("судебники") — было, видимо, очень много, ибо даже живший в IX в. автор сочинения *Датастан-и дини* пользовался "множеством судебныхников" (*vas dātaštān pāmak; Dd. LVII*). Дошедшая до нас "Книга тысячи судебных решений" *Фаррах-марта*, сына *Вахрама*, представляет образец этой некогда богатой литературы. При составлении подобных сборников пользовались также и более ранними сочинениями этого жанра. Компилятор нашего *Судебника* много заимствовал, видимо, из очень авторитетного в его время (VI-VII вв.) сборника "*Dātaštān-pāmak*", в который он неоднократно ссылается¹⁵.

Г л а в а 2. Судебный процесс

Наряду с термином *dātaštān*, служившим также и для передачи понятий "суд", "судебный казус", "решение правового / судебного казуса", в среднеперсидском языке имелось несколько специальных терминов, обозначающих судебный процесс и его ведение: *rafkār*, *rafkārān*, (*dātaštān*) / *kār gāyēnītan*, *hamēnārīn*, *hamēnār* (*ōānī*) *būtan*, *andavān būtan*.

Возбуждение процесса начиналось с представления в суд искового требования (*khābīn kartan*) или жалобы со стороны лица, обладающего необходимой процессуальной правоспособностью (см. раздел "Право лиц", а также главы о браке и опеке). Объем правоспособности, дающей право возбудить процесс или участвовать в нем, мог варьировать также и в зависимости от характера иска. Так, в случае акта жестокости господина в отношении раба последний имел право возбудить процесс против своего господина, и нам уже приходилось отмечать и другие случаи тяжб, в которых раб мог выступать истцом или ответчиком, притом самостоятельно. Аналогичные колебания в объеме процессуальной правоспособности в зависимости от характера тяжбы мы констатировали при рассмотрении правового положения женщины; обычно, как лицо подвластное, женщина выступала в процессе лишь совместно со своим опекуном. Как истец (*rēšmār/1*), так и ответчик (*rafmār/1*) могли вести процесс через своих уполномоченных представителей или поверенных (на этом мы остановимся более подробно ниже).

Суды принимали на рассмотрение иски, поступавшие от граждан-зороастрийцев, живших в городе или округе, который входил в юрисдикцию данного судебного органа, как и иски иногородних против них. В *Денкарте* упоминается "равенство перед судом граж-

дав (= членов данной общины) и чужаков (или: 'метаков') и юрисдикция в отношении (тех лиц), которые прежде жили (в данном округе)"¹⁷. Иногородний мог участвовать в процессе также и заочно, представив документ со своими показаниями (A28, 7-10). Курды и другие кочевники подлежали юрисдикции судебного органа, расположенного либо в местности их основного кочевья, либо в той, которую они часто посещают (99, 8-13). По искам, касающимся вешных прав, зороастрийцы могли вести процесс с иноверцами, граждане — с рабами (Dжм 708, 10-12). Христиане, имевшие, как и иудеи, свою общинную юрисдикцию, могли выступать в качестве одной из тяжущихся сторон в процессе, происходившем перед судом датабаров¹⁸.

На основании имеющихся текстов невозможно установить, имелись ли в вопросах судопроизводства какие-либо сословные привилегии, в частности у знати и жречества. Приведенное выше указание из Денкарта о равенстве перед судом граждан и чужаков не позволяет, конечно, делать далеко идущие выводы, как, впрочем, и упоминание в том же тексте (723, 21 - 724, 1) процесса между гражданином и судьей (судьи были приписаны к жреческому сословию). Если верно наше толкование статьи A13, 2-3, то зороастрийцы в отличие от иноверцев привлекались к судебной ответственности и по малым проступкам.

Истец мог вчинить несколько исков и вести несколько процессов одновременно. В этом случае с согласия ответчика он мог также попросить — до нового требования с его стороны — задержки вынесения решения по одному из процессов (90, 6-8). Ответчик же до окончания начавшегося процесса не имел права возбуждать против истца другой процесс (A32, 7-8; Ишбохт VI, I, § 7).

Отрывочные данные, разбросанные в Судебнике и Денкарте, позволяют воссоздать общий ход судебной процедуры. Она подразделялась на два основных этапа. Первый этап открывался поступлением иска и принятием дела к судебному разбирательству (rēšēnāgīh nahmānāitān, Dжм 706, II сл.). Согласно персидскому риваяту (см. Pape. Riv. Norm. Iran. 43-44), отражающему, очевидно, древнюю традицию, истец (или его представитель), послав человека за ответчиком, являлся в суд и ждал там до полудня появления ответчика¹⁹. Судебному чиновнику, пареквану, или судье надлежало установить личность (āšnākīh ī tān, tān-āšnāk) тяжущихся — истца и ответчика. Сюда входило физическое опознание (hamtānīh) лица, указание его пола (nāgīh ut mātakīh) и возраста (yūāh ut špētīh²⁰). патронима, а

также местожительства (*dah*); неточное отражение в досье хотя бы одного из этих данных расценивалось как серьезное нарушение судебной процедуры²¹. Судье (или парехвану) надлежало также удостовериться в подлинности представляемых суду документов. В суд полагалось представлять скрепленный печатью оригинал документа, а не его копию, которая принималась, только если оригинал похищен (*A30*, 7-9), ибо, согласно формулировке сасанидских пристов, документ — это единство текста и печати ('глины'; см. *A34*, 2-3).

По Судебнику Ишобохта, документы, принимавшиеся в сасанидском светском суде, подразделялись на "достоверные", или "действительные" (*Matrā Barīgā*), — это те, которые скреплены официальной печатью судей или должностных лиц, и на "нуждающиеся в проверке" (*az vāgīkā*), к числу которых относились документы, скрепленные печатями свидетелей; такой документ мог быть принят за "действительный" лишь после расследования (Ишобохт VI, 2, § I). Число печатей на документе не имело решающего значения в вопросе признания документа "действительным" и принятия его в дело без специального расследования его достоверности: для достоверности документа достаточно было одной печати (*A10*, 8-13). Более того, если одна из печатей, которыми скреплен документ (в данном случае судебный), имевший также подлинную печать участника процесса, оказывалась недостоверной, то в данном деле принимали ее за действительную (*99*, 1-3).

Вопрос об обеспечении процесса документами или свидетелями был чрезвычайно важен, так как показания сторон могли считаться достоверными (*ēvar, vāgīkān*) и заслуживающими быть принятыми во внимание со стороны судей, только если они могли быть подтверждены либо полноценным документом, либо показаниями трех свидетелей (*A10*, 8-13; ДКМ VII, 18-20). Согласно формулировке Судебника, "истец (или: 'ответчик') должен сделать свою декларацию достоверным образом, то есть на основании бесспорного доказательства"²². При необеспеченности иска документами или свидетелями, обнаруженной в ходе этого первого этапа рассмотрения дела, судья не имел права принять этот иск на разбирательство в обычном процессуальном порядке, т.е. в рамках ведомого судьями суда, построенного на конкуренции доказательств (*dāstān rat ēvarīh*), а должен был классифицировать данную тяжбу как *vagōmand* — подлежащую разрешению путем специального ордального суда (*dāstān rat var / vagōmandīh*) и вынести об этом решение²³. Это кардинальное в иранской судебной процедуре положение отмечает и Судебник Ишобохта. Одна из его ста-

тей гласит: "Если ни одна из сторон не имеет ни документа, действительного или нуждающегося в проверке, ни свидетелей, светские ('внешние') судьи не принимают дела на разбирательство ('не слушают') в суде" (Ишобохт УІ, I, § I).

Как мы уже видели, в соответствии с описанным выше положением в ходе этого первого этапа определялся также и состав свидетелей обвинения и защиты. Нормы, устанавливающие порядок свидетельствования, были изложены в пехлевийских правовых наслах (ср., например, Dkm 707, I-2), но мы имеем о них конкретную информацию из Судебника. Свидетелей должно было быть не менее трех (AIO, 8-13), и они должны были быть совершеннолетние. Но тут учитывался характер свидетельства и место происшествия: бывали случаи, когда невозможно было выставить более одного свидетеля, и тогда показания единственного свидетеля должны были быть приняты²⁴. Даже явка убийцы в суд по своему почину с признанием в совершении им убийства не снимала необходимости представить свидетеля, иначе суд не имел права вынести ему приговор с определением 'смертной вины'²⁵. При наличии полноценных документов необходимость в свидетелях отпадала.

По процедурным установлениям женщина выступала свидетелем только совместно с мужчиной свободного статуса, и Судебник приводит как исключительный случай, когда документ со свидетельскими показаниями двух женщин был изготовлен в магупатство MN (кня опущено), магупата Стихра, и принят затем андарзпатом магов (98, I-5). Но женщина, свободная от опеки (араг тап I хвѣй магдѣг), могла выступать свидетелем, как и процессуальным представителем, совершенно самостоятельно (Dkm 708, 18-20). Лиду, выступавшему свидетелем, разрешалось в том же процессе действовать в качестве процессуального представителя одной из сторон (76, I-3). Не могли быть свидетелями не-зороастрийцы, а также осужденные за такое ('смертная вина') преступление (Dkm 708, 12-20).

Как уже было упомянуто выше, тяжущиеся стороны (var < иран. ^avara- 'бок, сторона; грудь') могли вести процесс не лично, а через своего процессуального представителя (yāta-kū-dīš²⁶, yātavāš, иногда также dastāvar), одного или нескольких. Ситуации, заставлявшие истца или ответчика прибегнуть для ведения процесса к услугам другого лица, были разнообразны, как, например, его болезнь или нахождение за пределами той местности, где происходит суд. Можно привести в этой связи следующую эпитому из Денкарта (700, 7-9): "О судебном процессе по поводу преступления, который все задерживался из-за (физической) не-

способности истца (в нем участвовать. — А.П.) и который некое лицо, процессуальный представитель (yātavāḥ), по полномочию истца ведет. О назначении процессуального представителя в о нормах ('границах') процессуального представительства". Другой пассаж в том же тексте (717, 20-22) дает основание полагать, что одной из функций процессуального представителя — и, возможно, его первичной функцией — была защита (адвокатская) интересов тяжущегося, несведущего в вопросах права, и обеспечение его юридической консультацией. В пользу древности данной функции говорит не столько упоминание ее в комментированной разработке авестийского наса, сколько сама формулировка: "О (необходимости) того, чтобы судья и другие начальники и правители (patān ut varḍāgān), вплоть до царя царей, выступали процессуальными представителями (= защитниками, адвокатами, yātavāḥ) лица, невежественного в ведении судебного процесса (ōy ī adānak andag patkār), если у него нет своего процессуального представителя"²⁷.

Стороне, желающей вести процесс через своего представителя, надлежало поставить об этом в известность судью, который обязан был в этом случае проверить подлинность мандата представителя. Разумеется, документ, подтверждающий мандат процессуального поверенного одной стороны, не должен был быть скреплен ни его личной печатью (106, II-12), ни печатью противной стороны (76, I-3). Полноправная жена могла выступать представителем своего мужа, но не-зороастриец, как и varḍāgān, не мог быть процессуальным представителем (DkM 706, II-19; 708, 18-20). Как уже было отмечено выше, процессуальному представителю дозволялось выступать свидетелем в том же процессе (76, I-3). Процессуальный представитель, как, впрочем, и свидетели, должен был быть официально принят судьей для участия в процессе (75, 8; 93, 14 — 94, 2; A29, 7-9), но для его принятия наряду с уже указанными условиями было совершенно необходимо официальное согласие противоположной стороны в процессе. После того как судья объявляя о принятии ответчиком представителя истца, ответчик не имел права возражать против ведения процесса этим лицом (77, II-12).

По завершении процедуры всех указанных выше процедурных действий обе стороны обязательно в присутствии друг друга (см. 91, I-15) давали судье свои предварительные показания, фиксировавшиеся обычно в протокольной записи (vaḥvan-pāvak), которую стороны скрепляли своей печатью (9, 6-8). На этом заканчивался первый этап судебной процедуры.

За этим подготовительным этапом следует второй — сам процесс. Судья (или судьи) назначают заседание суда (*lamān dātan; lamān ō dōv kartan*), на которое обязаны явиться обе стороны (сами или их представители), а также их свидетели. Существовал определенный порядок извещения истца и ответчика о дне и часе их явки на заседание суда (ДКМ 710, 22 — 711, 1). В процессах по вещным искам заседание могло быть назначено с участием дастабара — лица, передавшего вещь ответчику и способного подтвердить его титул. Нередко дастабар принимал на себя обязанности процессуального представителя ответчика (роль дастабара подробно рассматривалась нами в связи с защитой владения; см. разд. III, гл. 2).

Интервал между принятием судьей иска на рассмотрение и заседанием суда (= процессом) мог быть различным в зависимости от обстоятельств, но он не должен был превышать одного года (В, II-13). Характерно также, что и максимальный срок полномочий представителей определен в Судебнике как равный одному году (A15, 8-9). В случае иска по имущественным правам предмет тяжбы депонировался в суде, возможно, еще до открытия процесса (в ходе первого этапа процедуры), как это имело место в древней Индии²⁸. На обычай выставления спорной вещи в зале заседания суда указывают и Судебник (91, 15, пункт 22; ср. A25, 16 — 25, 11), и Денкарт (700, 6-9; 746, 5-9). О древности этого обычая говорит не только индийская параллель, но и сохранившиеся в Авесте и в Денкарте следы древней классификации исков в зависимости от стоимости предмета тяжбы (ДКМ 702, 17-19; ср. 710, 13-9; Va. 4, 48). Согласно A30, 7-9, имущество ответчика должно быть описано ('объявлено') и депонировано в суде (депонировалась, видимо, соответствующая стоимость в виде залога) или у родственников для производства уплаты в соответствии с решением суда. По 7, 15 — В, 2, стоимость процессуального залога равнялась величине убытков, понесенных истцом; эту величину судья обязан был установить с максимальной точностью еще в ходе предварительного расследования дела (86, 2-15).

По традиционному установлению тяжущиеся во время процесса были отделены друг от друга и от судей расстоянием не менее чем в три шага (*andag 3 dām*; ср. ав. *Ūrī.dānu-*)²⁹.

В судебных учреждениях имелись судьи двух рангов — младшие (*dātabar ī kam*) и старшие (*dātabar ī maz*), но любопытной чертой иранской процедуры является разделение судей на 'судью истца' и 'судью ответчика', которые, очевидно, чередовались в

ведении процесса, так что приговор ответчику вносился на заседании суда под председательством судьи истца (A13, 15-16).

Процесс протоколировался — это было обязательно при рассмотрении в суде серьезных проступков, как, например, обвинений в "злоумышлении против богов", в ереси (A34, 9-10; A34, 10-13), и любых проступков, влекущих за собой суровую кару (магкагйан, A34, 6-9; A34, 13-16), как и если у подсудимого дурная репутация (A34, 17 - 35, 3). Протокольная запись процесса, рагайль-панах³⁰, в этих случаях должна была быть полной; так, нельзя было вести процесс о грабеже с неполной его записью (A15, 5-7). Протоколированию подлежали не только все декларации тяжущихся, но и показания свидетелей (98, 1-5). Записи скреплялись печатями лиц, декларации которых они фиксировали (78, 3-II). Существовали и специальные инструкции о формуляре протокола (78, 3-II; 93, 14 - 94, 2; A34, 17 - 35, 3), что, возможно, было связано с судебной реформой Хосрова Ано-нервана. Однако и ко времени компиляции Судебника (начало VII в.) сохранялись местные традиции (ср., например, A35, 4-5).

Суд предъявлял высокие требования в отношении точности показаний и их формулировок на процессе (см., например, 9, 14 - 10, 7; 91, 1-15). Если тяжущийся давал показания, расходящееся с тем, которое он дал в своей предыдущей декларации на том же процессе, то такая смена в показаниях (vibtak-вахвалън) считалась судебным проступком и подлежала наказанию. В Судебнике этому вопросу отведена специальная глава (8, 15 - 10, II). Из нее мы узнаем, например, что смена в показаниях не вменялась в вину, если она не была в ущерб интересам другой стороны (9, 6-8), как и в случае перехода от ложного показания к достоверному (9, 13; 102, 9-II; 102, II-12). Указываются и различные случаи фальсификаций и подмен в показаниях относительно происхождения и характера титула владения (например, 9, 14 - 10, 7), как и случай смены показаний в деле о физическом насилии, когда ответчик сначала отрицает факт совершения им насилия, а затем утверждает, что акт насилия был совершен им в "бессознательном" (очевидно, нетрезвом) состоянии (10, 9-II). Судебник упоминает и другие виды процессуальных проступков, подлежавших осуждению и штрафу; их список представлен в статье 91, 1-15. В число их входит лжесвидетельство (жър-викъульн; A15, 9-II), а также сутяжничество или клеветничество истца (vat-xvānън; 83, II-17; A32, 9-13).

Процесс протекал в форме конкурса титулов сторон, если рассматривался вещный иск, и сравнительной оценки показаний

сторон, их свидетелей и очевидцев, а также вещественных свидетельств при разбирательстве иных исков. Суд не принимал во внимание тех показаний обвиняемого, которые смягчали его вину, и отягощали вину других участников совершенного им проступка (73, 2-7). В статье о прерогативах судьи (A25, 16 - 26. II) указывается, в частности, что судья обязан был установить аутентичность печатей на документах (*hāshibūgīh*), которые стороны представляют суду³¹. Учитывались и репутация ответчика: дурная репутация (*duzgar* > арм. *dvgoṽ*) должна была быть отмечена в судебном протоколе (A15, 15-17; A34, 17 - 35, 3; A35, 4-5). При вынесении приговора принимали во внимание смягчающие вину обстоятельства, например явку делинквента в суд по своей инициативе с признанием в совершенном им преступлении и в отсутствие свидетелей (92, 2-6).

Решение суда (*viðīg* 'судебное определение') фиксировалось в письменном документе, *dīr ī rat viðīg*, к которому в случае тяжких проступков присоединяли и протокол суда. Этот документ вместе с другими судебными документами передавали архивариусу (*dīvāpārān*), а копии — сторонам. Осужденного к тюремному заключению (или к ссылке) передавала начальнику тюрьмы (*šōndāpārān*) и стражникам (*dīvīgān*)³². Судья не имел права изготовить задним числом документ о судебном решении, даже если существующий документ был составлен не по правилам (A14, 5-6). Все судебные документы скреплялись печатами судей (или магупатов, если судья магупат). Документы же, которые судья (или магупат) направлял в иной вахр или в иной тасух обязательно скреплялся 'печатью, имеющей исполнительную силу' (*shūh ī rat kāg-gramān āšt*), т.е. официальной, а не личной печатью³³. Эту печать судья (или магупат), смещенный с должности или покинувший ее, обязан был сдать, и составлялся документ о ее сдаче (A12, 13-17).

Наряду с судебным определением (= приговором) мог издаваться также и судебный приказ (*gramān*), обязывавший виновную сторону к удовлетворению требования. Такой приказ мог касаться также вопроса владения спорной вещью до вынесения судом окончательного решения; необходимость в этом особенно часто возникала в затяжных процессах³⁴ или в случае передачи дела в апелляционную инстанцию (76, 13-17; 83, 1-3), как и в ордалийный суд (см. следующую главу). Что же касается судебного определения, то для приобретения им абсолютной юридической силы требовалась декларация сторон об их удовлетворенности (*khastūkhīh; shāwānāh*) решением суда³⁵. Если в суде выступал не сам ответ-

чик, а его представитель и терял процесс, то ответчик имел право не принять этот приговор и требовать нового рассмотрения дела уже с его личным участием. Но тогда от него требовалось письменное обязательство явиться в назначенное время на заседание суда (7, 8-II).

При несогласии одной из сторон с постановлением суда назначалось вторичное разбирательство дела с участием старшего судьи (или: старших судей, *dātabar I mal*; см. 3, 6-8; 84, 5-10; *Dkm 708*, 1-2) или дело передавалось в следующую апелляционную инстанцию — в суд магупата (93, 9-II). На суд магупата дело направлялось судьями-датыбарами, и он также производился в форме процесса (A12, II-13). Опротестование решения суда, видимо, не принималось во внимание там, где наказание было легким или объект спора представлял малую стоимость (3, 5-6). Оно не влекло за собой пересмотра дела и в том случае, когда ему предшествовало согласие: отрицание ответчиком своей вины вслед за ее признанием считалось процессуальным проступком, подлежавшим штрафу (77, 9-10; ср. 107, 7-9). Поскольку передача дела в эту апелляционную инстанцию часто оказывалась сопряженной с путешествием в другую местность или в другой город, судебный приказ датабара, изданный по этому поводу, должен был содержать указание о сумме путевых расходов, которые ответчику надлежало оплатить (93, 9-II). Очевидно, и порядок обжалования не был оставлен без внимания авторитетами, разрабатывавшими вопросы права и процедуры (особенно не в связи с судебной реформой Хосрова Аношервана и после нее), ибо в Судебнике упоминается текст *Mistabag-lāvak* ("Книга об обжалованиях"; A5, II), специально посвященный этому вопросу.

Высшей апелляционной инстанцией — во всяком случае, во вторую половину сасанидского периода — был суд главного магупата. Разбор дела в этой инстанции в отличие от предыдущих не происходил в форме процесса: согласно Судебнику (A12, II-13), этот высший суд совершался 'в одиночку' (*pat tan-ēv*), т.е. главным магупатом единолично.

Судебный процесс был платным. Очень важная (возможно, главная) часть расходов по процессу шла на составление судебных документов. По процедурному установлению (A15, 17 - 16, 5) расчет издержек по составлению документов производился в соответствии со стоимостью оспариваемой вещи или с тяжестью проступка, а именно 2 драхмы за каждые 9, но не выше 95 драхм, как бы высоко ни был оценен предмет тяжбы. Эта же сумма — 95 драхм — была принята за максимальную и для процессов по са-

ным тяжким проступкам. Плата за процесс возрастала в связи с задержкой (обструкцией) процесса по вине одной из сторон (77, 15 - 78, 2).

До сих пор речь шла об обычной (общей) судебной процедуре. Рассмотрим теперь ту процедуру, к которой прибегали в случае обструкции нормального хода процесса. Такая ситуация — к ней применяют термин римского права *contumacia* 'контумация', в пехлевийских же текстах она обозначается термином *ḥaḍāyānān*³⁶ — возникала чаще всего в результате бойкотирования процесса ответчиком (или представителем ответчика), его неявки на заседание суда³⁷. Реже такое могло произойти по вине истца — лица, заинтересованного в процессе. Нарушить нормальное течение процесса могли также проволочки с представлением суду необходимых документов или свидетелей, но также и иные обстоятельства, в частности такие, как отказ одного из тяжущихся дать перед судом показания, совершенно необходимые для принятия решения, или противоречащие одно другому показания лиц, представляющих одну сторону в процессе, а в случае ордального трибунала отказ принести клятву или подвергнуться ордалии³⁸. Как только обычная судебная процедура вступала в фазу кризиса, судья обязан был зафиксировать в протоколе факт контумации³⁹, и с этого момента вступала в действие совершенно иная процедура, сильно отличавшаяся от описанной выше. Самой характерной ее чертой было то, что судья обязывал обе стороны к заключению процессуального пари (*rašt*; *raštak būtan*) и к представлению в суд каждой из них залога-ставки (*šgāb*⁴⁰; *šgāb*), высота которой равнялась стоимости объекта тяжбы (см. 12, 4-9). Сторона, повинная в контумации, обязывалась также к уплате штрафа в 12 драхм⁴¹.

В случае повторной контумации судья выносил аналогичное решение о залоге-пари и о штрафе; стоимость повторного залога равнялась стоимости предыдущего. После первой и даже после второй контумации за стороной, повинной в этом, еще сохранялась в принципе возможность выиграть процесс. Но обструкция процесса в третий раз решала его исход. Суд выносил окончательный приговор, по которому сторона, повинная в контумации, теряла процесс, а противная сторона приобретала не только предмет тяжбы, но и все ставки пари⁴². Приговор этот не подлежал обжалованию (3, 6-8). Если ответчик после своей первой неявки на процесс совершил такое преступление (*maḥkaḥān*), выставленный им залог присуждали истцу в этом манкированном им процессе, а не жертве (или семье жертвы) соверженного им

преступления, приобретавшей по суду все его имущество (98, 14-17). А из этого следует, что такое преступление, совершаемое после первой же обструкции процесса стороной, повинной в обструкции, уже решало исход манкированного ею процесса. Обвиняемому в преступлении *maṅkaṅgān* приговор выносился после первой же его невинки на процесс по этому обвинению (14, 17 - 15, 1).

Описанная судебная процедура очень древнего происхождения. Ее следы мы находим уже в Авесте, а также в текстах, восходящих к авестийской традиции⁴³. Мы имеем здесь дело с очень древним способом решения спора посредством заключения пари и выставления равных ценностей в качестве залога (= ставки пари): каждый из спорящих выставлял залог в знак своей уверенности в благосклонности к нему, как к правому в этом споре, бохества, к которому он обращался, призывая его в свидетели. Санскритское выражение *brāt kaṅ-* 'гарантировать (выставлением залога)', сохраняющее санскр. *brāt*, и ср.-перс. *brāb* (иран. **brād-/brāda-*) ведут нас к реалиям периода индо-иранской общности.

Глава 3. Ордалия и клятва

В иранском судопроизводстве рассматриваемого периода переживала еще и другая древняя практика - ордалия и клятва, входившие в компетенцию ордалийного трибунала, во главе которого стоял *pat* (ав. *gata-*).

В отличие от западного - греческого и римского - процессуального права классической эпохи, не знавшего ордалий (в подлинном значении этого термина: близкородственная ей клятва применялась при даче показаний), в Иране до принятия ислама такой архаический институт, как ордалия, был законной формой разрешения тяжбы, если в рамках обычного процесса принятие решения оказывалось невозможным⁴⁴.

Обычным в сасанидском Судебнике и в других среднеперсидских текстах общим термином, обозначающим ордалий, является *veg*. Его древняя форма - ав. *vaṅaṅ-* (ср.р.) - засвидетельствована в Авесте в том же значении⁴⁵. В дошедшем до нас тексте Авесты упомянуто несколько разновидностей ордалий. Это, во-первых, ордалия огнем (см., например, Y. 31, 3, 9; 43, 4; 47, 6; 51, 9; Yt. 12, 3). Отражение ее сохранилось в рассказанной Фирдоуси легенде о Сиявуше, очистившемся с помощью испытания огнем от клеветы Судабэ. В Y. 51, 9 упомянуто ордалий расплавленным металлом; см. также DkM 644, 14-22, где испытание рас-

плавленным металлом, наливаемым на грудь (*vitānt rōb arag var gēxtan*). фигурирует в качестве одного из 33 методов (*āhang*) ордальной процедуры, введение которых приписывается Зороастру. Согласно преданию, через этот вид ордалии прошел во имя триумфа зороастрийской веры Атурпат-и Махраспандан. Третий известный из Авесты способ — испытание кипящей жидкостью, водой или маслом (*Vd. 4, 46; Yt. 12, 3, 5*), или, наоборот, ледяной водой; ср. также деление ордалий на "горячую" и "холодную" (*av. garəmō.varah-*, *Alt. 3, 9*; ср.-перс. *garh ut varh var*, *Dkm 711, 9; 772, 5-8*).

Видимо, к числу "горячих" ордалий относилось испытание раскаленным железом, о котором сообщается в персидском тексте *Saogand-nāva* (*Perz. Riv. Noqa. Frag. 41-51; V a r t h o I o - n a e. Zend Naa., 145*), — форма испытания, применявшаяся также в у индийцев. Из других общих с индийскими форм ордалий отметим погружение в реку или в озеро самого обвиняемого или же предмета, над которым были произведены заклинания. У иранцев существовало поверье, будто воды озера *Frazdānav-* принимали то, что бросает в озеро правый, но выбрасывали "дар" неправого (*Vd. 22, 5*)⁴⁶. К авестийской традиции восходит также ордалия тремя сакральными ветвями *varəva-* (ветви граятового дерева или тamarиска), пехл. *varəw-^{var}, varəwō<k>varfē* (*Dkm 701, 5-7; 706, 20-22*) — термин, отражающий ав. *varəwō.varah-*. Издревле практиковалось также испытание путем приема (питья) ритуально приготовленной жидкости: в Авесте упомянуты ордалия соком растений, применявшимся для жертвенных возлияний (*Yt. 12, 3*), и ордалия "содержащей серу и золото водой, способной поведать правду (*ārəa azokantavaitīm varəduvāvaitīm vīdūhāvaitīm; Vd. 4, 54, 55*)".

В сохранившемся тексте Авесты сведения об ордальном суде скудны и отрывочны, но в правовых насках старого канона этому институту было отведено значительное место. Так, одна из частей наска *Vakāntam* — в Денкарте она носит название *Varavtān* — была специально посвящена ордалиям, и пехлевийский текст дает обзор ее содержания (*Dkm 771, II - 772, 8*). Регламентация ордального ритуала (*vīrang I var rəvānt*) была одной из центральных тем наска *Vairagav* (*Dkm 743, 12-13*). Несмотря на очень конспективный характер имеющегося в Денкарте изложения и наличие в нем неясностей, из него можно извлечь немало сведений об этой процедуре. И хотя у нас нет четких критериев, позволяющих определить, какие именно из сообщаемых в Денкарте фактов восходят к самим авестийским наскам (и, следовательно, отражают

более ранние формы), а какие — к более позднему комментарию этих насков, мы можем пренебречь этим обстоятельством в восстановлении общей картины этого института, включив в наше изложение также и данные, поставляемые сасанидским Судебником.

Как уже было отмечено выше, в Иране даже при последних Сасанидах ордаальный суд, *dātaastān rat var*, был одной из принятых форм судопроизводства, но формой "экстраординарной". Обычно тяжбы разрешались в гражданских судах, выносящих свое решение на основании процессуального рассмотрения дела (*hānānā-xīn, ratkār*) в рамках процедуры, описанной мною выше (разд. УД, гл. 2). Как следует из Судебника, только в случае, когда обычный судебный процесс заходил в тупик, судьями выносилось решение о предоставлении ордалии. Ордалия (или ее разновидности) — клятвы) присуждалась, как правило, только одному из тяжущихся, точнее, одной из сторон в процессе, имевшей, по мнению суда, преимущественное на это право (*ān ī rat var vebdātaastāntar*); чаще всего она присуждалась ответчику⁴⁷. Это положение отражено также и в Денкарте⁴⁸. Присуждение ордалии (как и права принесения клятвы) одной из сторон в процессе было обычным и для судебной практики других народов; аналогии имеются, в частности, в элефантинских папирусах ахеменидского времени⁴⁹.

Постановление суда о назначении тяжущемуся ордалии (*varō-nand kartan; var dātan*) фиксировалось в специальном документе, называвшемся *uzdāt-pānak* или *pānak-ravzāš* (так вместо ожидаемого *ravzāš-pānak*). Сторона, которой присудили ордалию или клятву, должна была объявить о своем согласии на нее и поставить свою подпись на этом документе⁵⁰. Согласно приведенному в Судебнике (78, 2-II) декрету ратов и должностных лиц округа Арташахр-Хваррэ, датированному царствованием Хосрова Аношервана, ордалия считалась законной, только если она была произведена по документально зафиксированному решению суда и в соответствии с этим документом, в котором, очевидно, указывалась и разновидность присужденной ордалии. Вместе с тем судьи, будь то дatabары или магупаты, не имели права присудить ордалию и назначить срок явки для прохождения этой процедуры без участия рата в принятии решения по этим вопросам (A12, II-13).

Ордаальной процедуре мог быть подвергнут процессуальный представитель тяжущегося, как и мандатарий, но в этом вопросе мнения сасанидских юристов расходились; если представитель не был специально уполномочен на принятие ордалии или отказывался от нее, в суд вызывали самого тяжущегося или манданта (74, 16-17; 76, 4-13; 78, 15-17). Права быть подвергнутыми ордалии

и, следовательно, права давать показания под клятвой не имели рабы и простолюдины (*vēšak ut galak*) — это было привилегией свободнорожденных (92, 6-10; 97, 3-7). Однако рабу дозволялось давать показания под клятвой, если дело шло о ревиндикации им его свободы (106, 9-11).

Целью и особенностью данной формы судопроизводства является, как известно, установление истины с помощью сакрального действия, в котором предполагается участие божественной силы, участие, которое специально призывалось обрядами и мньюкдиями⁵¹. Ордалия была, таким образом, сакральным актом со строго регламентированным ритуалом. В среднеперсидской технической терминологии о ней говорится, что она "устанавливается", "устраивается", "совершается (церемониально)", *var pādātan / axātan / ravāxātan / varāitak*. В силу этого своего характера ордалия процедура происходила не в зале судебного присутствия, а в специальном помещении, которое в Судебнике называется *xvāgastān*, букв. 'место клятвы'⁵². В Денкарте (771, 20 - 772, 5) также имеется упоминание (с рядом дополнительных сведений) о помещении для ордалияльного трибунала и сообщается косвенно другое его название — *varastān* 'место ордалии'. В этом отрывке говорится следующее: "О том, каким образом следует окружить бороздой (*ragdārtan*; *ragi + kar-, ср. ав. raigi-kar-; Aigrb. B63) и отграничить место совершения ордалий (*ravāxāt dān*), об устройстве помещения (*mān*), в котором совершается ордалия; о том, что следует внести в это помещение и что следует воздержаться в него вносить, что следует в этом помещении оставить и чего нельзя там оставлять и, если там оставляют, насколько велико от этого губительное влияние, оказываемое на (сакральное) действие. Относительно персонала ордалияльного трибунала-варастана (*varastānīkān*)⁵³ и других служителей (*kāgīkān*), которые там (имеются). И о церемониале и формах того культового обряда (*āuavāyān*), который в этом помещении надлежит производить, и о призыве богов на помощь".

Устройство этого помещения — в Денкарте (707, 3-12) оно называется также *var-gān*, букв. 'место ордалии' — могло, конечно, меняться в зависимости от разновидности предписанной к совершению процедуры. Но необходимым при совершении любой ордалии элементом был священный Огонь, перед которым давали клятвенные показания и призывали участие божества. В наске *Nikātam* (Dkm 709. 21 - 710, 1) имелась подробная инструкция о подготовке процедуры, в частности о том, "какие следует употреблять дрова (как горючее для огня. — А.П.) и какие виды

растений больше всего подходят, а также о некотором другом оборудовании и о том ритуале (или: 'о тех ритуальных формулах', *piḡand*), который надлежит совершать при ордалии". Согласно двенадцатому янгу Авесты, сохранившему описание ордальной процедуры (Yt. 12, 3, 4, 5), жрец, держа в руке три священные ветви барсмана, обращаясь к божеству (Ахура-Мазде, Рашину) со следующими словами: "Мы призываем, мы благословляем Ахура-Мазду (вариант: 'Рашину')! Я призываю (его) дружбу (? *uḡvaḡā-*) к этой ордалии приготовленной (*uḡdāta-*), к этому огню и к барсману, к переливающей через край полноте, к ордалии маслом и соку растений".

Любопытные детали можно найти в зороастрийском тексте *Sauçand-nāma* ("Книга о клятве"), в позднем персидском тексте, дающем нам описание ордального ритуала в том его виде, в каком он был сохранен в зороастрийских общинах Мрана к ХУІ-ХУІІ вв.⁵⁴ В соответствии с древней традицией (ее следы имеются в Авесте и в Денкарте) испытуемый (в данном случае речь идет о принесении клятвы) становился в очерченный бороздой круг (ср. ДЖМ 771, 20 и сл.), обратив лицо к священному Огню; в этот же круг ставили ступку, которой пользуются при литургии "Ясна", и пестик ее должен был быть повернут в направлении груди приносящего клятву. Мы еще будем иметь случаи говорить и о других деталях описанного в этом тексте обряда, в котором амальгамированы характерные элементы нескольких разновидностей процедуры. Вполне возможно, что такая синтезированной форма получила распространение в судебной практике уже сасанидского времени.

Регламентация распространялась не только на обряд ордалии, но и на число присутствующих и как-то участвующих в нем лиц и даже на сам порядок их входа в помещение ордального трибунала. Руководство процедурой возлагалось на специальное лицо — в Судебнике (A27, 7) оно называется *vaḡ-vaḡdāg* 'глава ордалии' (так же в пехлевийской Исне — см. P.Y. 34, 4; 43, 4; 47, 6), в Денкарте (ДЖМ 707, II) — *vaḡ-ōstikān* 'поверенный в ордалии'. Его избирали или назначали, по-видимому, из числа ратов (или можно заключить из A12, II-13, организация ордального суда входила в функции ратов), и в его компетенцию наряду с руководством ордальной церемонией входило также решение совершить ее, отложить или отменить, а по совершении — вынести приговор, как и его обязанность было скрепить своей печатью *uḡaiḡn-nālak* — ордальный документ, фиксирующий приговор ордального суда (A27, 7-9; ср. ДЖМ 707, 7-8: *vaḡaiḡn viḡiḡ*

arax bōxt ut ēgaxt 'ордальный документ об оправдании или осуждении'). Из статьи Судебника (AIZ, 7-8) следует, что скрепление печатью этого документа должно было иметь место в определенный день месяца: по предписаниям Авесты, это был день Артавахитт, по нормам же, установившимся в судебной практике, его скрепляли печатью в день Хордат. Все эти вопросы были изложены в наске *Nikašim* или, во всяком случае, в пехлевиjsком комментарии этого наска, на что указывает следующая эпитафа в Денкарте (707, 8-12): "А также о том, кому первым, кому вторым, третьим, четвертым, пятым, шестым, седьмым, восьмым, девятым и кому десятым следует войти в ордальное помещение (*vargāh*) и кто там дает распоряжения. И о правах и обязанностях *вао-остикана* (*wt 'wstyk'n*) в том, что касается вынесения приговора на основании признания (испытываемым его виновности. - А.П.) или на ином основании, и о (его) отречении⁵⁵ от этого и тому подобном".

Необходимой составной частью ордалии любой разновидности была клятва. Испытуемый должен был перед принятием ордалии сформулировать свое показание под клятвой. С другой стороны, будучи сопряжена с сакральной церемонией (клялись перед священным Огнем или держась за священный предмет-меджум, служивший как бы посредником между клянущимся и божеством), с призывом к божеству как к свидетелю, гаранту, судье и кшателю, клятва сама по себе была одной из форм ордалии. Поэтому клятва и ордалии отождествлялись еще издревле — обстоятельство, сказавшееся также и на иранской терминологии. Так, *xvāgastān*, наименование помещения ордального трибунала, этимологически означает "место клятвы", представляя сложение, первый элемент которого образован от корня **xvāg-* 'клясться' (и.-в. **xwag-*, ср. нем. *schwören*, *Schwur*, англ. *swear*), представленного также в ср.-перс. *xw-gwārt* 'ложная клятва' и в осет. *arǰ kǰw gup* 'клясться'⁵⁶. Обычное обозначение ордалии — ав. **vargāh*; ср.-перс. *var* — этимологически также означает "клятва" (см. примеч. 45), тогда как генерализовавшееся в значении "клятва" ср.-перс. *vōkand*, и.-перс. *vardand* первоначально обозначало одну из разновидностей ордальной процедуры, а именно ордалию водой, содержащей серу, иран. **aukanta-* (и.-перс. *aukanda xwān* 'клясться' буквально значит 'пить серную воду', а не 'есть клятву', как это истолковывается народной этимологией)⁵⁷. В Судебнике выражения *var vargāh / gābāhītan*, *dātātān rat var*, *vargāhād kartān* применяются как для обозначения ордальной процедуры, так и для обозначения клятвы.

Традиционный формуляр клятвы нам известен из *Видзад-нама*. Он состоит из трех частей, или клаузул, расположенных в таком порядке: 1) обращение клянущегося к Ахура-Мазде и к хватам; 2) показание клянущегося по существу обвинения; 3) призыв божьей кары за дачу ложной клятвы. Первая и третья клаузулы носили, таким образом, стандартный характер в отличие от второй, содержащей показание и, следовательно, составлявшей в юридическом отношении существо клятвы: ее формулировка, а также сам выбор пункта, по которому давалось показание, были важны для судопроизводства. Неудивительно поэтому, что именно эта клаузула формуляра нашла отражение в Судебнике. Так, в ряде приведенных там случаев подчеркивается, что клятва должна быть принесена "в том, что (утверждение истца) не соответствует действительности" (*Б.* 2-6), или в том, что клянущемуся "не было известно" (о существовании долга; см. *ІЗ*, 1-4; *ІЗ*, 4-5; *ІЗ*, 6-13), или же в том, что задолженность была аннулирована (*В*, 16 - *В*, 1). Свое показание клянущийся мог сформулировать по-разному, не меняя его правового эффекта (*ІЗ*, 10 - *ІЗ*, 11), а если в декларациях сторон на суде было несколько взаимосвязанных пунктов, нуждавшихся в подтверждении клятвой / ордалией, то можно было дать клятвенное показание по одному из этих пунктов, а именно по тому, который является узловым (*ІЗ*, 2-5; *ІЗ*, 5-7): такая клятва считалась "достаточной" (*бавандак*), т.е. исчерпывающей и юридически действительной. Рассмотрение этих вопросов в Судебнике дает основание полагать, что содержание клятвенного показания и его формулировка устанавливались по выбору судьи, выносившего решение о предоставлении ордалии, и заносились им в *плит-панах*⁵⁸.

Принесение ложной клятвы (ср.-перс. *nūr-kvaqt*; см. Глоссарий, с. 555) считалось не только тяжким грехом, лежившим также и на семье виновного (см. *Джм* 778, 20 - 779, 2), но и, как о том свидетельствует одна статья Судебника (*27*, 5-9), весьма тяжким проступком, влекшим за собой значительную потерю делинквентом его правоспособности, в частности потерю им права распоряжения имуществом.

Поскольку различия в ритуале ордалий разных типов не имели в общеправовом отношении сколько-нибудь существенного значения, в Судебнике обычно не указывается, о какой разновидности ордалии идет речь, и даже там, где подобные указания имеются, они носят случайный характер и не дают нам адекватного представления о репертуаре разновидностей ордалий, при-

менявшихся в судопроизводстве сасанидского времени. К тому же не всегда оказывается возможным установить, что стоит за тем или иным определением. Здесь следует также учитывать то обстоятельство, что в такой памятник, как Судебник, а тем более в Денкарт (список ордалий, отмечаемых в этом тексте, существенно отличается от имеющегося в Судебнике) упоминания некоторых ордалий могли проникнуть из более ранней традиции, практика же сасанидского периода этих процедур могла уже не знать вовсе или создать новые, синтезированные формы.

Обратимся сначала к данным Судебника. В двух статьях этого текста (5, 9 - 6, 2; 13, 13-15) имеется выражение *rat tābt*, в котором Х. Бартолома (Zav II, 16-17) был склонен видеть указание на разновидность ордалии, а именно той, в которой центральным моментом обряда являлось прикосновение к ритуальной чаше с посвященной жидкостью (ср. ав. *tābtəm naōtō. vaḡaḡam*; AivWb. 1655). Объяснение это можно считать вероятным, ибо применение в ордалиях ритуальных сосудов - чаш или котла с содержимым того или иного состава и температур - известно как за пределами Ирана, так и в самом Иране. Ритуальная чаша фигурирует, в частности, и в обряде, описанном в *Sargand-pāma*. Все же такое толкование не вытекает с несомненностью из контекстов Судебника. В первом случае (5, 9 - 6, 2) вообще отсутствует какое-либо иное указание на ордалию, а выражением *rat tābt* охарактеризовано показание истца, данное им на суде, что скорее исключает связь интересующего нас слова с ордальной процедурой. Во втором случае употребления (13, 13-15), хотя в статье и говорится об ордалии, *rat tābt* не является, по крайней мере формально, определением слова *vaḡ*, а скорее выступает в функции обстоятельства образа действия. Не в пользу предложения Бартолома говорит и написание *t'bt*, указывающее на долготу гласного, тогда как слово со значением "сосуд" имеет краткий гласный, не передающийся обычно в пехлевийской письменной традиции. Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что здесь мы имеем употребленную адвербиально причастную форму *tābt*, засвидетельствованную также в *ŠdV* XI, 140; XV, 62, где *rat tābt*, *tābtik* выступают в значении "определенно, достоверно"⁵⁹, хорошо вписывающиеся и в контекст статей Судебника.

Несомненно, о двух разновидностях ордалии - *vaḡ I dēnīk* (7) *ut ān I rāb niān* - говорится в 13, 1-4. Первая из них упомянута только в этой статье Судебника и была сопоставлена Бартолома (Zav II, 13-14) с *dēnīk vaḡ* в Денкарте (894, 2), но

об этой ордалии не известно ничего, кроме названия, в правильности чтения которого нет полной уверенности. Быть может, она была связана с совершением обряда, который в Денкарте назван *dānik nīgang* (771, 12-17) и, судя по контексту, применялся при ордальном суде по обвинению в колдовстве. Вторая форма ордалии, в Судебнике отмечается дважды (13, 1-4; 14, 2-5), и мне кажется возможным предложить следующее объяснение ее названия. В *rāb nīān* (Мн.: *raḥn nī'a*) — второе слово возводимо к иран. **nīāna-*, причастие на *-na-* от *nī-+hā(y)-* 'связывать, привязывать', и, следовательно, название это объяснимо как 'связывание ног' — можно усмотреть указание на обряд, описанный в *Sargand-nāma*. Согласно этому тексту, после того как испытуемый становился лицом к огню на окруженное бороздой место (*var-gāh* в узком смысле этого слова), его ноги связывали сплетенным из пальмовых листьев священным шнуром, которым обычно перевязывали ветви барсмана (в тексте он назван *ēvang-ān*, что соответствует ав. *aiwārānna-*). Шнур повязывался одним узлом на одной ноге испытуемого, вторым узлом — на другой, и делалось это во время чтения молитвы *ḅuāḅānān*. После этого испытуемый давал показание под клятвой.

В Судебнике названа еще *var ī rat wōkanā* — букв. 'ордалия серной водой' (см. 13, 6-13; 78, 15-17), и, по мнению Х.Бартоломе (Zav II, II), здесь мы имеем дело с указанием конкретной разновидности ордалии, а не с общим обозначением клятвы, каковое значение стало, как известно, характерно для термина *wōkanā* впоследствии. Такое понимание вполне возможно, но контекст как первой, так и особенно второй из указанных статей более склоняет к мысли о том, что этот традиционный в правовом тексте термин (*var ī rat wōkanā*) употреблен здесь уже расширительно — для передачи понятия 'клятва; показание под клятвой', без спецификации ордальной процедуры. Во второй статье он формально противопоставлен *var ī rat nāmak-rasāy* 'ордалии, указанной в ордальном письме', т.е. любой конкретной разновидности ордалии (= ордальной процедуры, ордального суда), присужденной по определению судьи и указанной в ордальном документе (ср. также 78, 2-11).

В Денкарте наряду с упоминавшимся уже в начале этой статьи делением ордалии на "горячую" и "холодную" (*gagv ut varv var*; Dkm 711, 9; 772, 5-8) засвидетельствовано деление на ордалии "большую" и "малую" (*masīh ut kasīh ī var*; Dkm 709, 19-21), а также на "тяжелую", суровую и "нетяжелую", несуровую (*arag var ī varv a-varv-īḅ*; Dkm 761, 18). И хотя в этом тек-

сте и сказано о существовании тридцати трех разновидностей (*āhang; abvēmk*) ордалий, их названия до нас не дошли, и вполне возможно, что сама цифра 33 не отражает исторической реальности, а имеет, как полагал Бартолома (ZвВ II, 9. примеч. 3), мистический характер числа, делящегося на 11; как мы уже видели выше, в Денкарте приведены лишь две разновидности — ордалия расплавленным металлом, а также та, в которой "недиумом" служили ветви барсмана. Классификация ордалий в Денкарте дает основание полагать, что между ними была определенная градация, возможно даже предполагать существование различных ступеней внутри ордалий одного и того же типа (ср., например, Дкм 712, 12: *garñō<k>vag ī nitom katār?*). При назначении ордалии выбор ее, видимо, как-то соотносился с тяжестью предъявленного обвинения ср. Дкм 709, 19-20: "О том, которая из ордалий применяется при (обвинении) в капитальном проступке" .

Ремень, принятое ордальным судом, имело такую же силу, как и постановление обычного суда. По свидетельству статьи А27, 7-9, судебские прерогативы "главы ордалии" (*vag vardāg*) были равны прерогативам судьи-дatabара, а в другой статье (А28, 5-7) сказано, что ордальный суд уступает в достоверности лишь суду верховного магупата. Из этого следует также, что постановление ордального суда могло в принципе быть опротестовано, но его пересмотр мог быть осуществлен лишь верховным магупатом, т.е. в самой высокой инстанции. Согласно свидетельству Денкарта (7II, 9-II), по одному судебному делу допустимо было лишь одно назначение ("требование") ордальной процедуры и только одно апеллирование к суду верховного магупата⁶⁰.

Нельзя было прибегнуть к ордалии в судебных делах, касающихся малых ценностей (стоимость ниже 48 драхм серебром) или легких проступков (см. *Vardand-pāma*), и от нее обычно отказывались в случае признания такущимся — по назначении ему ордалии — своей вины, как и при наличии у такущегося доброй репутации (Дкм 707, 15). Уклонение от ордалии приравнивалось к контумации (*ñabāññā*) со всеми вытекающими из этого последствиями: выставлением залога, а в случае третьей неявки на ордалию — вынесением приговора неявившемуся и присуждением всех ставок процессуального залога-пари выигравшей стороне⁶¹.

Как и обычный процесс, ордаальный суд был платным. По Виздгад-мине, плата за ордалию составляла 3 драхмы и 2 данга серебром, причем расходы делились между обеими сторонами. Из Судебника же мы узнаем, что в случае назначения ордалии подопечному или рабу издержки выплачивались соответственно опекуном или господином.

ПРИМЕЧАНИЯ

Раздел I

1) Лицо женского пола могло официально вступить в брак и до достижения пятнадцати лет (в связи с ранним наступлением половой зрелости, см., например, Riv. Кс. АЙ. LXXI, 12-14; Regg. Riv. Norm. Fram., с. 192-194).

2) Аналогичный закон против манихеев и донатистов был принят в Риме (L. 41.5.с. de haer. I, 5).

3) О положении иудейской общины в Иране в парфянский и сасанидский периоды см.: J. H e n e r. A History of the Jews in Babylonia. Vol. I-V. Leiden, 1966-1970. О положении христиан см.: E. S a c h n. Von den rechtlichen Verhältnissen der Christen im Sasanidenreich. - "Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin". 2. Abt., Jahrg. 10, 1907, с. 69-95; J. L a b o u r t. Le christianisme dans l'Empire perse. P., 1904; J. P. A m m e n. Das Christentum in Iran und sein Verhältnis zum Zoroastrismus. - "Studia Theologica". XVI. I, 1962 (отд. отт.); Судебник Исмохта вместе с двумя другими правовыми текстами иранских христиан - канонами по наследственному праву Симеона, архиепископа Персиды, и трактатом патриарха Мар Абд о недопустимости кровосмесительных браков - издания З. Захау: K. B e s h e n. Byzische Rechtsbücher. Bd III. В., 1914.

4) Например, Y. II, 16; 13, 2, 3; 19, 17; 40, 3; 53, 4; Yt. 13, 88, 89; 19, 8; Va. 5, 28; 13, 44-46; 14, 9, 10; 18, 20, 21.

5) В частности, в Денкарте. См. ДКМ 429, 5-10 (ср. Bv I, II-30; см. комментарий А. де Менаш в его издании текста, с. 31-32); 568, 8-9 (ср. Мх. XXXI, XXXV, LIX), 595, 3-8; 596, 2-14; 597, 12-16 и др.

6) E. B e n v e n i s t e. Les classes sociales dans la tradition avastique. - JA, 1932, с. 117-134; O n x e. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. I. P., 1969, с. 279-292; G. D u m e s i l. L'idéologie tripartite des Indo-Euro-

péens. Bruxelles, 1958; о н х е. La religion romaine archaïque. P., 1966.

7) M. S c h e l l e r. Vedisch priyá- und die Wortwurzel frei, freian, Freund, 1959; F. M e y e r. Germ. frijōnd- 'verwandte'. - "Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung". Bd 79. H. I/2, 1964, с.32-38; см. также: M a y r h o f e r. Etym. Wb. II, с. v. priyá; H. S t i m m. Die romanischen Wörter für 'frei'. Zu ihrer Herkunft und Bedeutungsgeschichte. Saarbrücken, 1967.

8) См., например: B e h r e d e r - B e h r i n g. Reallexicon. II, Lpz., 1929, с. v. Stände, § 3; B e n v e n i e t e. Vocabulaire. I, с.321-327.

9) См. также: ВЕАГМ. V, 1968, с.9-16. Предложенное мною впервые в этой статье объяснение из омонимии было принято К.С. Нюберг, см.: Н.С. Н у б е р г. A Manual of Pahlavi II. Wiesbaden, 1974, с. v. ālāt.

10) Это обязывает исследователей к известной осторожности в отношении имеющихся в трудах античных авторов передач иранских социальных терминов и социальных параллелей. Так, отношение "азаты" - "не-азаты" в силу указанных выше причин воспринималось ими как соответствие противопоставления "свободные" - "рабы". См. также гл. 4, примеч. 32.

11) О термине см. ВЕАГМ. V, 1968, с.16-23.

12) За административно-фискальный надзор над значительными земельными комплексами внутри остана им, очевидно, предоставлялось право присвоения какой-то фиксированной части поступлений в налоги или ренту. Об этой системе см.: А.Г. П е р м х а н я н. Древнеармянские востанки. - ВДИ. 1956, № 2, с.44-59.

13) См. ниже, разд. III, гл. 2.

14) G. W i d e n g r e n. Recherches sur le féodalisme iranien. - "Orientalia Suecica". Vol. V, 1956, с. 148-170.

15) См. там же, с.79-95. Отмечу также, что древнеармянские тексты содержат обильный параллельный материал, из которого Г. Виденгрэн приводит ряд примеров. Однако предложенная им в этой работе (с.94-95) интерпретация титулатуры лица по имени Аршат из надписи KIZ неверна. В версии парсик данную титулатуру (*ršt't ZY d'rug ZY str'n ZY MN ldu) следует раскрывать как Arštāt i dipīr i Mihgān i hač Ray "Аршат, эпистограф (видимо, глава царской канцелярии. - А.П.), Михранид из Рея", что соответствует в целом и парфянской версии: Arštāt Mihgān pat fravartak dipīr "Аршат Михранид, архивариус (букв. 'писец над документами')". У Виденгрена: Arštāt i dipīr i miġgān i man gādi "Arštāt, le secrétaire des contrats enverge moi" (!).

16) Я не имел в виду профессиональные (ремесленные, торговые) товарищества.

17) Помимо пехлевийских текстов это употребление отражает и араб. *ḍahīrabiya* (Бируни), как и заимствованное в армянский *ḍah-
ret/ḍaharet*, которое имеется лишь у Елише (У в.), в тексте ответного письма, якобы отправленного армянами Михр-Нарса. В манихейском среднеперсидском тексте космогонического содержания данный термин отмечается в ряду других терминов авестийской номенклатуры, а именно: *n'nbud w wsbud yndbud 'wd dḥubud* (см. *eIIRII* 2, 1-2; *MIM* I, 6).

18) Относящиеся к этому текст собраны в книге: М.М о 1 б. *Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien*, P., 1963, с.37-58.

19) Канон датирован временем правления Хосрова Апарвеза и императора Ираклия I, но фиксировал, вероятно, давно сложившуюся практику.

20) Я.А.М а н а н д я н. Феодализм в древней Армении. Ер., 1934, с.186-187 (на арм. яз.).

21) Значение "горожанин, житель шахра" → "гражданин" для термина *šahrīk* устанавливается из контекстов Судебника (78, 5, 6). Для данного слова засвидетельствованы, однако, и иные значения. Так, по Якуби, *šahrīj* — правитель шахра, области (= *kūga*); по Масуди, *šahrīja* — представители знати в Саваде, стоявшие над дехканами. В сирийских же текстах *šahrīgā* (греч. *Σραγανοί* вместо *Σκρηγανοί*) — христианин неортодоксальной секты, житель деревень в районе Мосула (около 640 г. н.э.); сходное значение имеет арм. *šahrīk* (= *šahrīk-k'*) у Фомы Арцруни (см.: *Waldke - Tabari*, с. 446-447; *Н и в а с х в а н п.* AG, 210).

22) См.: А.Р б г і к х а н і а н. *Sar agn. pandurt.* — *ВИАрм.* VI, 1969, с. 9-10.

23) См.: Глоссарий, с.в. *atvadāt*, *paratabaeta*.

24) См.: А н д р е а а - Н е п л и н к. *MIM*, III, e109 - IIО, с. 22.

25) Эти данные легли в основу ряда специальных исследований, среди которых по богатству привлеченного материала и по тщательности его обработки особо выделяется книга М.А.Дандамаева "Рабство в Вавилонии" (М., 1974). См. также: И.М.Дьяконов. История Мидии. М.-Л., 1956, с.323-336; он же. Рабовладельческие имения персидских вельмож. — ВДИ. 1959, № 4, с. 70-92; Ю.Б.Юсифов. Термины для рабов в Мидии, Эламе и Персии середины I тыс. до н.э. — ВДИ. 1961, № 4, с. 32-49; М.Дандамаев. *Foreign Slaves on the Estates of the Achaemenid Kings and their Nobles.* — "Труды XXV Международного
301

конгресса востоковедов". П. М., 1963, с.147-154.

26) Образование от иран. *band-* 'связывать'; передается также и гетерографически (^сBDk).

27) Букв. 'чужестранец'; заимствованное из парфянского в армянский слово *anāxarhik* сохраняло это первоначальное значение.

28) Н.-перс. *garī* 'слуга'. Точная этимология слова неизвестна, гипотезы см. Глоссарий, в. в.

29) Букв. 'тело'; ср. греч. *σῶμα*.

30) Засвидетельствован только один раз в Судебнике (92, 10) с возможными по контексту значениями "раб"/"челядь". Образование от иран. *vīv-* 'род' (*vīvāk/vāvāk* ^в*vīva-ka/vāva-ka* - букв. 'принадлежащий *vīv* у, роду). См. Глоссарий, в. в.

31) *Andreas - Nering*. *MIM*, III, с. 59. Об иран. *daḥa-* в других иранских диалектах и об этимологических связях этого слова см.: Н.В.В а 1 1 е у. - ТРЭ, (1959), 1960, с.107-115.

32) Не все сообщения античных авторов о рабах в Иране одинаково заслуживают доверия. В частности, имеющиеся в трудах Плу-тарха (Страв. 21, 7) и Дстина (XII, 2, 5) свидетельства о наличии якобы большого числа рабов в парфянской армии (даже в коннице), несомненно, основаны на отождествлении иранского социального термина *āzāt* с греч. *ἑλεύθερος* и на вытекающем из этой ложной посылки причислении всех 'не-азатов' (т.е. рамаков, представителей плебейского сословия) к рабам, что, в свою очередь, навеяно укоренившимся в представлении людей античного Запада противопоставлением *ἑλεύθερος* — *δοῦλος*. Если рабов и использовали в парфянской армии, то, вероятно, лишь в качестве обслуживающего персонала или в лучшем случае вспомогательных контингентов пехоты.

33) Достаточно вспомнить вазургфраматара Михр-Нарсэ, прозванного *Назārbāndak*, букв. '(обладавший) тысячей рабов'.

34) См. I, 6-7; 40, 16 - 85, 2; 94, 6-10; 94, 10-14; 101, 8-11; AII, 12-17.

35) По праву христиан Ирана брак свободной с рабом недействителен перед законом, а рожденные в таком браке дети являются рабами (см. Ишобохт III, I, § 5 во), но это положение полностью соответствует *Senatusconsultum Claudianum* от 52 г. н.э. и могло не совпадать с местным правом.

36) *Ut arag garān vīnāzīh ī mart nīrāk baš anāgān arāš di-šītan ka-š xwēš ruz*. Ср.-перс. *nīrāk* 'залог; заложник', ср. с согд. *nr'k(h)*, н.-перс. *nawā*, хорезм. *nr'k* 'залог' (Н.В.Н е п-

п и г. - ВСОАС. ХХУШ. 2, 1965, с.248, примеч. 37); согд-
пр'к(h) засвидетельствовано в документах с горы Муг (Nov. 3 V
II, 14; Nov. 4 в II) в значении "долговой раб", см.: В.А.Л и в-
ш и ц. Юридические документы и письма. - Согдийские документы с
горы Муг. Вып. II. М., 1962, с.34-35. Достоянно быть отмеченным и
присутствие этого слова как иранизма в древнеармянском в форме
перак. Так, в одной из титульных грамот (IX в.) о передачах "для
души" деревень и угодий сказано, что включенное в данную переда-
чу имущество "должно быть свободно от всякого мирского налогооб-
ложения, а также и от ипотеки" (...azat ualapaun abhaghakan har-
kas' ew i perakas'), см.: С т е п а н о с О р б е л я н. Исто-
рия области Сисакан. Тифлис, 1911, с.204-205.

37) Подоонный хронологический разрыв между нормами Денкарта
и нормами Судебника следует понимать очень относительно. Дело в
том, что дошедший до нас в восьмой книге Денкарта обзор содержа-
ния юридических насков Авесты был сделан не по авестийскому ори-
гиналу, а по пехлевийскому комментарию к этим наскам, который
был составлен уже в сасанидскую эпоху и, естественно, привнес
туда многое из более поздних, современных комментаторам норм.
Этим объясняются многие имеющиеся в самом Денкарте расхождения.
Так, предположительно более ранней норме DkM 717, 5-6, уже при-
веденной нами, противоречит, видимо, более поздняя и более со-
звучная Судебнику норма DkM 719, 13: arag dagan vlnakēgīh ī tan
ōr ē alēg arīrārtan 'o преступности передачи раба-зороастрийца
иноверцу'.

38) О значениях этого термина см. ВЕЛГМ. VI, 1969, с. 9-10,
а также Глоссарий, в.ч.

39) Здесь налицо, безусловно, и элемент наказания за попыт-
ку захвата имущества свободнородного.

40) Аналогичные сделки, также парфянского времени, пред-
ставлены в пергаменах DPg 3 и DPg 13. Последнее издание всех
трех документов см.: "Excavations at Dura-Europos. Final Re-
port". V, 1959, с. III-120.

41) См., например, 20, 7-10 - 31, 15 - 32, I; 54, II-15;
64, 9-15; 94, 10-14; A18, 2-7. В DkM 737, 20-23 рабы (bandak.
ragiatār) определены как вещь, имущество (xvāstak) и перечислены
в одном ряду с крупным и мелким скотом.

42) В отличие от римского права, не считавшего инвентарь
имения его принадлежностью (accessio).

43) В Судебнике указана и другая цена - 200 драхм (см. 54,
II-15; 72, 10-12). В одном из московских пехлевийских папирусов
(№ 620 г. н.э.) цена бежавшего раба определена в 64 демара (см. 1

А.Г.П е р и х а н я н . - ВДИ. 1961, № 3, с.86 и сл.).

44) См. 18, 9-10: передача дастакерта вместе с рабом и скотом; 33, 9-II: жене можно передать не боявв двух рабов; 54, II-15; 64, 9-15; A11, 12-17; A20, 5-8; A18, 2-7: две передачи дастакерта с рабом, одна - с суспензивным, другая - с резолутивным условием.

45) См., например, 2, II-14: передача другому лицу на три года дохода с раба.

46) Ср. с аналогичной, сформулированной Гаем нормой римского права, согласно которой общий раб приобретает для каждого из своих господ соответственно его идеальной доле собственности на раба (*Communem servum pro dominica parte dominie adquirere certum est.*, *Cal Inst.* III, 167; ср. *Just. Inst.* II, 28, 3). Так же и в Талмуде, см.: В и б и н . *Recht*, с.37-38.

47) В Греции и в Риме раб мог обязываться только от лица своего господина в качестве его представителя и отвечал по этим обязательствам господина (подобно тому как *pater familiae* отвечает по обязательствам сына). Но если раб, заключая сделку с третьим лицом, заключил ее к пользе господина (например, принял на себя заем и уплатил таким образом долг своего господина), то он получал право искового требования против своего господина (ср. *actio negotiorum gestorum*, *actio de peculio*, *actio de in rem verso*). Несколько иначе обстояло дело в талмудическом праве, где раб не мог выступать представителем своего господина перед третьим лицом, но он мог выступать представителем иного лица, чем его господин (см. об этом: В и б и н . *Recht*, с. 53-54). О право- и дееспособности у рабов в греко-римском Египте см.: В.Т а н б е н с х и л а г . *Das Sklavenrecht im Rechte der Papyri*. - "Орега minore". II. Магсава, 1959, с.242-249. Еще более широким объемом дееспособности обладали нововавилонские рабы, см.: М.А.Д а н д а м а е в . Рабство в Вавилонии, М., 1974.

48) См. II, 16 - 12, 4; 12, 4-9; 106, 9-II; 107, 9-12; A31, 15 - 32, 2.

49) И в греческом (аттическом) и в римском праве если кто-либо требовал в качестве своего раба человека, который фактически был на свободе, или, наоборот, требовал возвращения свободн лицу, которое фактически в рабстве у третьего лица, то процесс велся не между прямо заинтересованными сторонами, истцом и рабом, а только между истцом и неким третьим лицом, которое у римлян называлось *vindex* или *avertor libertatis*; раб, предполагаемый или *de facto*, не мог выступать в таком процессе. В эллинистическом Египте если кто предъявлял требование на раба, находя-

шегося во владении третьего лица, то такой иск шел по обычному пути требования вещи и вчинялся против этого третьего лица. Однако в случае *vindicatio ex libertate in servitute* иск вчинялся против самого предполагаемого раба, который представлял, таким образом, в качестве одной из табуируемых сторон (= ответчиком), как это имело место и на Крите, в Гортине (см.: В.Т.А.и.В.е.п.е.с.н.И.а.г. *Das Sklavenrecht im Rechts der Parugri*, с.241, примеч. 97; о н ж е. *The Law of Greco-Roman Egypt*, с. 85-86).

50) Его господин не привлекается к процессу; во всяком случае, статья его участия не упоминает.

51) Подробно эти статьи Судебника рассматриваются в разделе о судопроизводстве.

52) Те или иные формы защиты раба от крайностей произвола господина имелись во всех законодательствах древности. Достаточно привести здесь некоторые из этих мер. По Гортинской правде, в случае изнасилования господином рабыни последняя получает право иска против него и право принесения клятвы. В Афинах раб, с которым его господин жестоко обращался, мог требовать своей продажи другому лицу (так называемое право *πρόσιν αἰτεῖν*) в расчете на более гуманного господина; ср. аналогичное право у римского раба обязать господина продать его *bonis conditionibus*, *Just. Inst. I, 9, 2*. По нормам талмудического права за увечье, причиненное рабу его господином (например, если у раба были выбиты зубы), судья имел право требовать, чтобы господин отпустил раба на волю (см.: В.а.В.и.Н. *Recht*, с. 104-108).

53) Нам неизвестно, в какой форме взыскивалась эта половина штрафа с раба, не наделенного личным доходом; возможно, его передавали на отработку суммы штрафа лицу, потерпевшему ущерб. В Афинах каждая драхма штрафа с раба приравнивалась к удару бича, но у нас нет никаких данных, говорящих о применении телесного наказания в сасанидском судопроизводстве.

54) Это разделение проступков раба на содеянные с ведома и по наущению господина и на самостоятельные и соответственно дифференциация в ответственности имели место и в других системах права, ср., например, греческие нормы, отразившиеся и в надписи астиномов из Пергама (*D i t t e n b e r g e r*, 0818, N 483).

55) Мх 39³⁷: *ut an 3 pat vikāu nē patigīriān man ut +gētak* (Мн.: гавІк) *I arupnāu ut vandak mart* "И эти три (категории лиц) нельзя принимать в качестве свидетелей: женщины, несовершеннолетних и рабов".

56) В Риме, например, раб принимал участие в сатурналиях и мог также с разрешения господина или госпожи быть допущен к ак-

твенному участию в культах семьи ("Scito dominum pro tota familia rem divina facere", см.: Cato. De agri cultura, 143; ср. ут. соч., 8). Могла его была locus religiosus, и рабов часто хоронили в семейных склепах. Еще большим объемом религиозных прав пользовались рабы в Афинах, где они в принципе не были исключены из религиозных обрядов [Аристотель (Оэсопов. I, 5) даже подчеркивает их культовые права] могли (рабы-греки) принимать участие в элевсинских мистериях, но были отстранены от фесмофорий и не имели права входить в храм Цереры; однако они могли становиться тмасами, членами религиозной ассоциации, наряду со свободными. Нельзя не отметить в этой связи и такой факт, как посвящение рабов в семью и приобщение их к семейному культу (обряд *тй катхубрата*). У иудеев же не только рабы, рожденные в доме господина, но и приобретенные на рынке подвергались обрезанию и всем тем обрядам, которые производились над свободнорожденными прозелитами, - положение, зафиксированное как Талмудом, так и Библией (Бытие 17, 12-13, 23, 27); рабы не работали в субботу и в праздничные дни и могли быть даже призваны к Торе в синагогу. Раба иудейского вероисповедания нельзя было продать не-иудею (см.: В и в 1 п. Recht, о. 17-18, 55-59).

57) См., например, I, 4-6; II, 16 - II, 4; 33, 11-13; 58, 16 - 59, 1; 98, 1-5; 105, 16 - 106, 1; A4, 15 - 5, 2).

58) Вопрос о возможной зависимости Калликратиды от Аристотеля (см. об этом: F. W i l l e m. Die Oesoponica des Neuplatonikers Proklos, Kallikratides, Periklone, Phintus. - "Rheinisches Museum". LXX, 1915, с. 161 и сл.) не имеет в данном случае сколько-нибудь существенного значения, так как даже если имело место восприятие (речь может идти только о восприятии, ибо текстуального совпадения нет) Калликратидом взгляда Аристотеля, то не на абстрактный предмет, а на реально существовавший при Калликратиде и очень важный социальный институт, следовательно, это было активным восприятием чего-то, не вызывающего сомнения.

59) Iohannis Stobaei Florilegium. Vol. III. Ed. A. Meineke. Lpz., 1856, о. 140-142.

60) Ср. также заимствование в армянский *gerdastan* 'большая семья', *gerdastanik*(к') 'челдь; имущество гердастана', но также и 'члены семьи-гердастана'.

61) Санскритский композит *virabāh* [*vīra*-*bāh*- 'обладающий людьми (= рабами) и скотом'] и его производные обозначают в Ригведе "изобилие", но в санскритских текотах отмечается и пара *rabāh* - *vīrah* и даже триада *rabāh* - *vīrah* - *bhūmih*, см. подробно об этом: L. B l o o m f i e l d. - J. Bd 25, 1909, с. 192

и сл.; H. Liders. - SPAW. LXVI, 1917, с. 347-374; R. S o h n i t t. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden. 1967, с. 16-17, 215; В е н в е н и с т е. Vocabulaire, I, с. 47-61.

62) См. У. 4, 5; 9, 4; 31, 15; 45, 9; 46, 2; 58, 6; 62, 10; Ут. 10, 28, 112; 13, 10, 12, 52; 19, 52; Vd. 6, 32; 10, 18.

63) Не лишена интереса формулировка в строках 13-14 московского папируса: k'ny ' / hwt'k (и. с. Otāk или Hwtāk) [kny] k'k BVCWWT 'волею Отака (или: Хутака) рабыня отпущена на волю'. См.: А. Г. П е р и х а н я н. Пехлевийские папирусы собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. - ВДИ. 1961, № 3, с. 79-81.

64) R. T a u b e n s c h l a g. Geschichte der Rezeption des römischen Privatrechts in Aegypten. - "Oregos Minoga". I. Nagasawa. 1959, с. 236-237.

65) Согласно талмудическим нормам, частичное освобождение раба, принадлежащего своему господину безраздельно, не может совершаться через manumissio per epistolam, а лишь посредством выкупа, а именно в том случае, когда господину уплачена только часть стоимости раба. Per epistolam, не через выкуп, частичное освобождение имело место, если речь шла о рабе, находившемся в общей собственности, ибо тогда один из собственников раба полностью освобождал его от своей доли власти над ним. См.: В п - Ъ 1 н. Recht, с. 99-102.

66) См. Ивобехт, У, 13, § 5-7.

67) Положение невозможное по римским нормам, не признававшим вообще статуса частичной свободы. По ius civile освобождение одним из собственников раба его доли в рабе приводило к тому, что "освобождаемая" доля доставалась автоматически его сотоварищу на основании права приращения (ius adcrescendi), и никакого освобождения, таким образом, не наступало, просто один из совладельцев раба отказывался от своих прав на него. В императорский период (при Севере и Антонине) второму совладельцу раба стали предписывать предоставление рабу возможности откупиться и обрести свободу в форме продажи своей доли в рабе первому совладельцу раба, отпустившему его на волю. Это предписание римского права было воспринято поздним Талмудом, по установкам которого второй господин раба должен был освободить свою долю в рабе, получив от него долговую расписку на сумму, равную половине (или иной доле) стоимости раба. Раннеталмудические же нормы в этом вопросе, как и нормы христианских общин в Иране, полностью совпадают с положением сасанидского права.

Р а з д е л II

1) В пределах трех-четырех поколений, ведя счет от главы семьи.

2) Термин малоудачный, если учесть, что в греческом языке слово *πατριωνυμία* имело вполне конкретное значение "отчества" и как обозначение общественной группы нигде не засвидетельствовано.

3) См., например: В.В.Л е i s t. *Altarisches und dantium. Jena*, 1889; J o l l y. *Outlines; о н х е. Recht und Sitte*; с. 62-90; E. S ó n a r t. *Les castes dans l'Inde. P.*, 1927; J. H. H u t t o n. *Les castes de l'Inde. P.*, 1949; P. V. K a d e. *History of Dharmāstra. Poona*, 1941, II, I, с. 452-501; С. L ó v y - S t r a n a e. *Les structures élémentaires de la parenté. P.*, 1947; J. В г о u g h. *The Early History of the Gotras. - JAS.* 1946, № 1-2, 32-45, 1947, № 1-2, с. 76-90. Сводку данных об этой общественной форме и ее номенклатуре у индоевропейских народов см.: В о h r e d e r - М e h r i n g. *Wörterbuch, e. v. Auenkultur* (I, с. 18-39), *Familie* (с. 284-296), *Sippe* (II, с. 399-408), *Stamm* (с. 453-456), *Volk. Volksvergemeinschaft* (с. 606-611).

4) Разумеется, если отец его умер. Если же он жив, то список будет включать три имени, начиная с деда. Список начнется с деда и в случае, если глава семьи является *patrikāratna* — приемником деда через его дочь-эпиклеру.

5) Порядок наследования (по парентелам) следующий: 1) племянник (сын брата); 2) внук брата; 3) дед; 4) сын деда (отцовский дядя); 5) его сын (двородный брат по отцу); 6) внук отцовского дяди (двородный племянник); 7) правнук отцовского дяди (трородный племянник); 8) прадед, его сын, внук и правнук.

6) См.: J o l l y. *Recht und Sitte*, с. 84; ср. также: *Samdhāyana I, II, 9; Manu IX, 137, 186*. Имеются в виду те сапинды, которые являются агнатами (женщина по выходе замуж становилась сапиндой своего мужа и переходила в его готру, но она продолжала рассматриваться как сапинда своего отца в вопросах экзогамии: ее дети в этом отношении считались сапиндой детей ее сестер и братьев; особый случай представляет эпиклера — *putrikā*).

7) Такое положение отражает, в частности, параллельное в ряде случаев употребление в текстах терминов *śakulya* и *vaṅotra*.

8) У Панини называется *vaśbūya* (IV, I, 163) или *vṛāddha* (I, 2, 65). Главы отдельных семей, входивших в структуру, — *gṛhyaratī*.

9) Правоспособность наступала после прохождения мальчиками всех трех первичных сословий — брахманов, кшатриев и вайшьев —

обряд посвящения (pranayana) с инвеститурой священного пояса. Это посвящение или введение рассматривалось как "второе рождение" (отсюда - dvija 'дваждырожденный', наименование представителей этих трех сословий). В брахманской литературе термины pranayana получили и более специальное значение посвящения в учение к брахману.

10) А в более позднем Gotaragavamañjarī упомянуто пять тысяч.

11) Еще Лейст (Altarisches jus gentium, с. 174-176, 193-194) с полным основанием сопоставлял культ рини у индийцев с культом героев в древнегреческих общинах.

12) Так, Будда, который был царского рода и кшатрием, причислял себя к брахманской готре Гаутама, поскольку к ней принадлежал пурохита царской семьи, правара которого Будда принял. См.: J. V. G. N. - JBAS. 1947, в 1-2, с. 84.

13) Ср. также у Гесиода: (Τρὶτοπάτρις) οἱ δὲ τοὺς προπάτορας.

14) Исаия определяет прадеда здравствующего главы семьи как ἀρχὴ 'начало' γένους 'а (в узком смысле термина: "агнатической группы"), см. Исаяса VIII, 32: γονεῖς εἰσὶ μήτηρ καὶ πατὴρ καὶ πάππος καὶ τήνη καὶ τούτων μήτηρ καὶ πατὴρ ἕκαστος γὰρ ἀρχὴ τοῦ γένους εἰσὶν.

15) См. Festus. ed. O. Müller, с. 221.

16) У армяни поначалу господствовал строго агнатический порядок — как в правах и обязанностях, связанных с культом, так и в наследовании. По законам XII таблиц при отсутствии прямого наследника или родича-агната выморочное имущество наследует род в широком смысле ("si agnatus nec esset gentiles familiam habentes"). Ср. также Cicero in Varr. II, I, 115: "Iure hereditas ad gentem Minuciam veniebat". Появление завещаний нанесло первый удар этому строго агнатическому порядку, который впоследствии был вытеснен введенным в него когнатов (по Остиниановскому праву).

17) В. В. В е п в е п i а т а. - JA, 1958, с. 54.

18) В е п в е п i а т а. Titrov, с. 89. Э. Бенвенистом отмечены и другие имена собственные "социального" содержания.

19) Ср. — иран. tohm (иран. тахман-) переживает в арм. tohm (ср. также арм. tohmik 'сородич'), который наряду с арм. mad служит обычным обозначением описываемой организации у армян, известной еще по древним памятникам и сохраняющейся в горных районах Армении до наших дней и под тем же названием. Любая tohm со временем разрасталась и сегментировалась на "ветви" (арм. mad, ср.

арм. *azg* 'ветвь'), каждая из которых включала целый ряд больших трехколенных патриархальных семей — гердастанов (арм. *gerdastān* < ср.-иран. **gerdastān*, тождествен санскр. *gṛha*), находившихся между собой в родстве круга сапанда, т.е. представляла агнатическую группу, совершенно аналогичную структурам, составлявшим готру. *Azg*, в свою очередь, разрастался в *tohn* с последующей сегментацией. Разросшийся *azg*, объединяя семьи, находившиеся в более отдаленном родстве, включал множество семей-гердастанов. Так, Э.Т. Карапетян, исследовавшая эту организацию у армян, приводит пример *azga* Мамян, охватывавшего 95 семей. Таким образом, эти термины, *tohn* и *azg*, свободно заменяли друг друга (ср. также арм. *azgatohn*). Во главе *tohn*'а, или *azg*'а, стоял *paḥaret* (ср.-иран. **pāfarat* < иран. **pāfarati-*), ср. арм. *paḥaret azgīn*, или *azgarēt*. Подробно об этом институте у армян см.: Э.Т. Карапетян. Семейная община и патриархат у армян. Ер., 1966.

20) См. ВЕАГМ. V, 1968, с.12-14. Из приведенных там случаев употребления термина в его первоначальном значении следует исключить пример из Библии (Притчи, 25, 10), содержащий омоним 'свободный'.

21) J.V. P i t o h a g d. *Ancient Near Eastern Taxa*. Princeton, 1950, с. 316.

22) Этот список надписи, как и последующий, с именами лиц из двора Папака, Арташира и самого Шапура, отражает индоиранскую концепцию *pitruajna* и *manuajna*.

23) Т.е. обязанными платить вместе с ним (*hāda.šīša-*). Речь идет о солидарности в долге и в обязательстве и, следовательно, в разделении ответственности за совершенное агнатом преступление. Ср. осет. *ævgid* (иран. **abi+kaita-*) 'поручка', 'поручитель', см.: Абаев. ИЭСОЯ. I, 202; Е.В. Певелетс. — ВСт. LII, 1956, 47. Числительное (*šriš vatāiš*) как здесь, так и далее в этом пассаже Вигдевата (*hāvaš, harta etc. vatāiš*) стоит в социативе, исключение составляет *hāmadraḥ* — в аккумулятиве. Х.Лидерс, сопоставлявший этот пассаж Авесты с древнеиндийскими текстами (H.L. Lid e r s. *Eine agische Anschauung über den Vertragsbruch*. ZPAW. 1917, XXVI, 367-372), предлагал понимать *raha.begaiti* (букв. 'уносит, устраняет') в соответствии с инд. *hanti*, т.е. 'убивает, поражает' (сородичей). Если интерпретировать глагол *raha.bag-* не как "снимать, устранять (грех), отвечать за него", а, следуя Лидерсу, как "устранять, уничтожать родича, нарушившего обязательство", то, очевидно, в религиозно-этическом смысле: "поразить (души родичей)", "своим преступлением вовлечь и погубить их души"; ср. данный пассаж с Vd. I3, 3: *naḥa.hartuāē-*
310

dit hē ugvānēn pəgə. mərəmbāite. В таком случае сощмативы в Vd. 4, 5 и сл. возможно понимать как употребление сощматива вместо эккузатива (примеры этого см.: Н.Н и б а с h м а n n. Zur Sa-
vialehre. München, 1875, с.265-266). В связи с данным пассажем
Авесты небезынтересно следующее свидетельство Аммиана Марцеллина
(XXIII, 6): Leges apud eos impendio formidatæ, at abominatæ
aliæ, pəg quæ ob peccat plius omne propinquitas pəgit 'законом
у них очень страшные, подчас отвратительные; по этим (законам)
вследствие проступка одного лица гибнет весь круг его сородичей'.

24) Об этих терминах см.: Н а n n i а г. Zoroaster, с.44;
В о у с е. Num-Cycles, с.188; В а г е h e v i t o h. Mithra,
с.267; Глоссарий, с.469-474 (и.в. āgaxtan, āgan]-).

25) Видимо, образование от иранского корня ^hvga- 'огоражи-
вать', ср. ав. ^hvəgān- (Vid. 16, 2); ср. санскр. vṛjāna 'дерев-
ня, община' < 'обнесенное оградой место'. Ср. также н.-перс.
vāgān 'квартал'. Сюда же следует отнести др.-арм. aḡuagjan 'пред-
местье, пригород', которое восходит, видимо, к иран. ^hag(vā)+
vəgān-. К первому элементу реконструируемого иранского компози-
та ср. санскр. aḡvānt- 'соседство', aḡvānk- (прилагательное,
указывающее направление) 'обращенный, направленный сюда' и формы
без суффикса -va- в иранском: авгн. aḡ 'х, окохо', осет. aḡ-,
aḡi- (префикс направления) 'к, в сторону' (см. Н.В.В и 1 1 а у. —
ВСОАС. Vol. XIX, P. 3, 1958, с.535 и сл.). Ср. также (с иным
суффиксом) лит. artde 'близкий', arti 'около, рядом; по соседст-
ву'. Мы отказываемся, таким образом, от предположенной нами ранее
(ВДИ, 1963, № 3, с.38, примеч. 26) этимологией арм. aḡuagjan
(< ^haḡi-vəgān-).

26) Y. IX, 5; Yt. Yn, 16; XIV, 17; Vd. XIV, 15; Vd. III, 19.

27) Н. J и а к а г. Der misbegleitiger Sohn. Lpz., 1959,
с.27.

28) Присудия над домочадцами — pəgmonæ aliāi juria —
принадлежала в основном главе патриархальной семьи.

29) По Судебнику, капитальное преступление наказывалось
полной потерей имущественных прав, тюремным заключением и поте-
рей места в семье (ср., например, 97, 15 — 98, 1; A28, 2 — 29,
5; A35, 9-II).

30) См. AivWb., 1862; Н.Н и б а с h м а n n. Über die par-
sische Verwandtenheirat. — ZDMG. XLIII (1889), с. 308.

31) L. G r а у. Next-of-kin marriage. — "Encyclopedia of
Religions and Ethics". VIII, с. 456-459.

32) Diog. Laert., Proem. 7, II, 83; Strabo, p. 735, 1068;
Plut. De fortit. Alex. I, 5; Antisthen. apud Athen. V, 63.

33) Литературного героя Арташ-Вираза можно назвать "рекордсменом" видогамии: он был женат на своих семи сестрах.

34) Так, Денак — сестра и жена Артамира I, Атур-Авахит — дочь и жена Шапура I, Шапурдухт — двоюродная сестра и жена Варахрапа II (оба — патриархальные внуки Шапура I).

35) См. "Vurgis". XXXV, 1958, с. 324-325.

36) В е п ч а в и а т е. Titrov, с. II-17.

37) В надписи имеется еще три случая с патронимическим -на, аналогичные данному, когда суффикс этот присоединен к имени, оканчивающемуся на -ак, что создает ложное впечатление присутствия здесь суффикса -акан. Ср. стк. 31/25: Wrd'hbu ZY WBYT' ZY P'rk'n : Wldbu WBYT' P'rkn "Валари, принц, (сын) Папака"; Wghu ZY WBYT' ZY D'twrl'guka (?): Wghu WBYT' Shurw'gka "Нарса, принц, (сын) Шапурама (или: Дат-Шапурака)"; Wghu ZY WBYT' ZY P'luwaka : Wghu WBYT' P'gwaka "Нарса, принц, (сын) Перозака" (ср. двух сыновей Шапура, царя Мидана, — Ормизда и Ормиздака). Впрочем, в последних двух формах, Shurw'gka и P'gwaka, можно видеть и суффикс -акан, если полагать, что речь идет о ветвях дома Сасанидов и принц Нарса является правнуком Шапура, царя Парса, старшего брата Артамира, и, следовательно, представителем "шапуровской" ветви рода Сасана, тогда как его тезка — потомок Пероза, другого сына Папака. Во всяком случае, принятие внуком или правнуком имени деда или прадеда в качестве своего имени gentilitium (там, где родственная группа дает ответвления) — явление обычное. Ср. определение (в связи с правилами taddhita), даваемое Pāṇini (4.1.76 и сл.): aratyaṁ pautraprabhṛti gotraṁ.

38) См. ВЕАГК. III, 1966, с.17-29; УМ, 1971, с.169-174.

39) Ср. стк. 30/24: Wurlu ZY Pldk'n : Wurlu Pldka (перевод Марика: "Vifar fils de Farrak") и выше, в стк. 28/22, лицо из двора Папака: Pldku ZY Pldk'n : Pldk Pldka.

40) Katava — как один из канонизированных предков упоминается в Yt. 13, 114. Имя собственное *Katuka — засвидетельствовано в эламских таблетках из Персеполя; см.: В.В. В е п ч а в и а т е. ЖА, 1958, с.52; М.М. Ма у г н о ф о г. Oplomatikā Parsapolitana. Wien, 1973, с. 180, N 8.803.

41) См.: Н.Г. А д о н ц. Армения в эпоху Остиниана. СПб., 1908, с.236-297.

42) Так, должность венцевозлагателя (t'agadir avretut'ian) была закреплена за родом Багратуни.

43) № 2; ср. K12, стк. 31/25: 'arpt : 'arpty.

44) № 60; ср. правителей городских округ в K12, стк. 32-33: Wbu- 'nduk-Šprw'gy Štrp, Wdān'n Štrp, Gdu Štrp, Wnd Štrp, 'hnt'n Štrp.

45) № 61; ср. KIZ, стк. 30: *nhōuyrt*.

46) № 20; ср. KIZ, стк. 30, 35: *d'tbr*.

47) Ср. KIZ, стк. 30: *'hwgrt*.

48) В данном случае, возможно, родовое имя (ср. данные о роде *Aarabret* в армянских источниках), а не определение должности лица по имени *Raxh*; ср. также упоминание *Raxha Spaxneta*, очевидно внука, в надписи *Пайкули*.

49) Ср. в армянском должность *marpet* и *Marpetakan*, фамилия одной из ветвей рода *Арцруни*, в которой должность *мардпета* стала наследственной; ср. также армянское родовое имя *Marpetuni* от *marpet*, а также родовое имя *Naħberī, Sahnaħak*, № 59.

50) *'rtw'n ZY Dwnb'wabū* : *'rtbaw Dwnb'untā*; ср. армянские родовые имена, произведенные от названий местности, как, например, *Anjwac'i, Vanandac'i* и др., приведенные в *Гахнамаке*.

51) Этот суффикс был вытеснен в армянском другими, и в частности иран. *-akan*, и сохранился вне родовых имен только в единичных словах, как *ark'unī* 'царский', *tikunī* (в *дипл tikunī*, 'воинский отряд, охранявший царских жен'). Среди армянских родовых имен имеется также и образования с суффиксом *-akan* — как в прямых заимствованиях из иранского (ср. *Кавагакан*, № 12 *Гахнамака*, и, возможно, *Каинакан*, ср. *Vaħaz Kamīnakan*, *Фавст Бузанд*, 17), так и в собственных, ср. родовое имя *Jiwñakan* (по *Хоренскому*, этот род ведал доставкой снега, арм. *jwñ*, в летние резиденции царя). Особенно примечательны в этом отношении чередования *-uni* : *-akan* в тех же родовых именах, например: *gwnākn / 'gwnāka* : *Egwnānūnī* (№ 50 *Гахнамака*, ср. также список *Лазаря Парбского*), *Marpetuni* : *Marpetakan*, *Arñakuni* : *Arñakan* (список *Лазаря*), стяженная форма от **Arñakakan*, аналогично стяженная форма родового имени в KIZ, стк. 33/27: *Slwk'n* : *Sylwkn*, т.е. *Sīlū-kān* < **Sīlūkakān*, от имени собственного *Sīlūx* (= греч. *Σέλευκος*), основателя рода, ср. армянское родовое имя *Slkuni*.

52) Ср. *gogocakalk' ragsikk'* (при *Арташире I*) у *Момсея Хоренского*, II, 77.

53) Ср. у *Фавста Бузанда*, 147-148: *Vahriš i Vahrišm* (та-ко?) 'Вахрич из (дома/рода) Вахрич'.

54) С этим согласуется и греческая версия KIZ, в которой перечисление лиц списков идет в родительном падеже, управляемом выражением *εἰς τὴν μνείαν*. Если восстановить основную формулу списка в прямом падеже, то тип ее будет не *ὁ δ. τοῦ δ.* 'такой-то, (сын) такого-то', а *Σωκράτης ὁ φιλόσοφος* [для KIZ: *Θρηξὸς ὁ ἀρχιγυμναστὴς* и *Μεερλουαστὸς Βερηλιτῆαν* (γένει. - А.П.)], т.е. конструкция с определенным

артиклом, вводящим в том же падеже определение к имени собственному лицу; перед аппеллиативами артикль часто опускался (при отсутствии эфазиса) — явление обычное и для данной надписи (в обоих вариантах формул).

55) Любопытно отметить, что если Папак, отец Арташира I, назван в надписи царем (MLK'), то Сасан, "родоначальник", предок Шапура, определен как MN'NY = $\mu\eta\gamma\eta\upsilon$ = $\mu\eta\gamma\eta\upsilon$ = $\mu\eta\gamma\eta\upsilon$, т.е. "владыка (рода)".

56) Данные армянских источников о гахямаках Сасанидов и армянских царей, об обычаях утверждения разрядных грамот армянского двора сасанидскими царями и хранении копий в царской канцелярии в Ктесифоне собраны и рассмотрены Н.Адонцом ("Армения в эпоху Остиняна", с.265-277).

57) См.: A. S. O w l e y. - JBAS, 1919, с.147-154; J. M. U n - v a l e. - BSOS. I. 4, 1920, с.125-144; Н.В.Н у б е г е. - МД. ХУП. I, 1923, с.182-230; Н.Н а г а f e l d. Paikuli. B., 1924, с.83; ср.: И.М.Дьяконов, В.А.Лившиц. - "Передне-азматский сборник". П., 1966, с.149, примеч.36. Издание аврамских документов на греческом языке см.: E. H. M i a n. - JHS. Vol. XXIV, 1915, с. 22-65.

58) Приписной вав глагольной гетерограммы здесь, как и в других случаях, рассматривается мною как условный детерминатив системы презенса. К м.с. $\nu\alpha\rho\gamma$ ср. древнеармянскую знатную фамилию Rataraganı от м.с. ее "основателя" Ратираг (< парф. Rati- $\nu\alpha\rho\gamma$; ср. арм. rataragan 'защищать, давать убежище', иран. *arag-, ср.-перс. arag 'щит', арм. arag).

59) В.А.Лившиц ("Переднеазматский сборник". П. М., 1966, с. 146, примеч. 36) читает $\nu/\nu\gamma\delta\upsilon$. Первый знак, несомненно, бет, второй возможно читать и как реш, и как вав; в последнем случае название виноградника может быть раскрыто как Bōdī 'ароматный; цветниковый'. Чтение слов $\nu/\nu\gamma\delta\upsilon$, $\nu/\nu\gamma\delta\upsilon$ КЗГ принадлежит В.Б.Хеннингу ("Mitteliranisch", с. 28-30).

60) Данное имя собственное (Bēnak) сопоставимо с ав. Sañpa-

61) Отглагольное прилагательное $\nu/\nu\gamma\delta\upsilon$ ($\nu/\nu\gamma\delta\upsilon$) может также означать "годный для обработки (букв. 'вспахивания'); подлежащий обработке".

62) Написание $\nu/\nu\gamma\delta\upsilon$ возможно рассматривать как производное — с префиксом ν - или с ν -privat. — от корня $\nu/\nu\gamma\delta\upsilon$ 'устанавливать, трудиться, обрабатывать, заботиться, приспособливать', но также 'находиться в покое', 'переставать' (санскр. $\nu/\nu\gamma\delta\upsilon$, $\nu/\nu\gamma\delta\upsilon$ 'id.', $\nu/\nu\gamma\delta\upsilon$ 'покой', $\nu/\nu\gamma\delta\upsilon$ 'дикий' и др.; см.: M a u g h e n. Etym. Wb. III, с.328 и сл.), хорошо засвидетельствованного

в иранском, ср. хот.-сак. *vān-* : *vōnda-* 'приспосабливать' (В а 1-1 е у. *Prolexis*, с.356-358), н.-перс. *vānān* 'порядок; покой'; сюда же следует отнести и н.-перс. *vāna*: 1) 'покой'; 2) 'спокойное место'; 3) 'прибежище для людей' (*Boḡnān-e Qāṭī*, I, с. 1076; Д е н х о д а. *Loghatnāma*, № 69, с.198). Лексикализованное прилагательное (*a-vānāk/āvānāk*) от этого корня могло применяться для обозначения "пустыря" или "целины". Возможно, здесь речь идет о пустырном или целинном участке, примыкавшем к винограднику Бард/Бōд(и), а этот последний, в свою очередь, представлял обработанную часть пустыря, некогда входившего в комплекс виноградника Дадвакан и составлявшего предмет сделки в Авроман II (*ἡ ἐν τῷ ψελλοφύτῳ ἄμπελος*).

С предложением В.А.Лившица (см. примеч. 59) рассматривать в *vādu* название деревни, из которой якобы происходил Патиспар ("продавец"), трудно согласиться. Во-первых, название деревни ("Кōрāд/Кōр) известно из грекоязычных документов (оно сохранилось по сей день, см.: С.Ј.Еδαοῦλα. - *BSOAS*, XIV, 3, 1952, с. 480 и сл.). Во-вторых, ввиду того факта, что в названиях виноградника определение стоит в препозиции к определяемому (*газ*) как в грекоязычных документах из Авромана: *Δαδβακάνρας : Δαδβακάνρας* - *Дадвакāн газ* : *Дадвакāн вāу* 'виноградник/сад, участок Дадвакан' (очевидно, названный так по фамилии основных владельцев - семьи Дадвакан, фамилии, образованной от личного имени "основатель" Дадва или Дадвака), так и в иранском тексте, см. стк. 7: 'вāкн кам' = *āvānākān газ*. Заключительная формула (стк. 7-8) подтверждает предлагаемую здесь трактовку. Вся конструкция стк. 2 - она суммарно воспроизведена в заключительной формуле - является прямым дополнением к сказуемому (*МЗВН-и*) и вводится относительным местоимением, переданным гетерографически (*ZY*) и восходящим к иран. *ya-* (об иран. *ya-* см.: Е.В в п ч в п i в т в. - *BSL*, 53, 1957-1958, с. 39-54); возможно, оно выступает здесь в роли определенного артикла.

63) В стк. 4 за словом *vānān* В.А.Лившиц читает 'туңгс - предположительно 'доход; прибыль; излишек', что в данном контексте лишено смысла: арендаторам земли от ее "собственника" (лица, владеющего основным титулом на землю) не мог поступать "доход" или "излишек (дохода)". Хотя середина строки и несколько попорчена дакṭной, в четвертом слове после *ḡleḡa* достаточно четки очертания *pe* и можно также разглядеть следы головки *ḡōda*. Чтение: 'p(y) 'вода'; слово это женского рода, в ареале же Авромана категория рода сохраняется по сей день, в данном слове с окончанием -i, -e в прямом и в косвенном падежах (см.: Д.И.М а о к в а -

в 1 е. *The Dialect of Anglova.* Кюбенинг, 1966. в. 14, 89). В районах орошаемого земледелия контракт о продаже или аренде земельного участка немалым без клаузулы о пользовании водой. Клаузула о совместном пользовании водой имеется в обоих греческих пергаменах. Отметим также, что в чтении В.А.Лившица фраза стк. 4 лишится субъекта, которым здесь является *hgw* 'каждый (из них)', т.е. и Авид, приобретший аренду половины участка, и Цатиспар, сохранивший за собой аренду другой половины. К *hgw* ср. *hamē(v)* перед глаголами в среднеперсидском для передачи повторяемости и постоянства глагольного действия; орфография *hgw* указывает на раннюю утрату конечного -w, что нормально для слова, объединенного с последующим в общую синтагму. *KI-W, гетерограмма глагола *xvartan*, каузатив которого засвидетельствован в пехлеви в техническом значении 'орошать землю', ср. Вд. 85, 6; 87, 2, 6 (см.: В и 1 1 е у. ЗР, с. 99, примеч. 5). Распространенность данного семантического развития *xvart- в иранском доказываются фактами осетинского языка, ср. осет. *donxvartæg* : *donxvartægæg* 'орошение', а также осет. *axvart-axvartæg* (*ā + xvart-*) с тем же значением (см.: А б а в в. ИЭСОЯ, I, с. 370).

64) Помимо самой формулировки "как брат", "в качестве брата" продавец и покупатель — сыновья разных отцов.

65) А б а в в. ИЭСОЯ. I, с. 205-206.

66) Параллельный термин — *xvāyāvand*.

67) *ōōhr* (употребляется и в переносном значении "род, происхождение" > "свойство, качество, сущность"), ср. согд. *uōh*, восходит к иран. **gaōhra-*, образованному от основы **gaō-*, представленной также в ав. *gava-āyana-*, *gava-āiti-* 'поселение общинами', в ср.-перс. *ōōrat* (*ōōrat-āah*, Вд. 197, 5; *ōōrat būm*, Вд. 89), ср. согд. *uōrt* < **gaōra-rati-* — титул одного из сыновников двора Девантича, Муг А-5, стк. 22 (возможно и чтение *ōōrt*). и в осет. *qœu* : *uōu* 'деревня'. См.: Н.Ш.В а 1 1 а у. — ВЭОАБ. VI, 1932, с. 950-952; о н к в. — ТПС, 1945, с. 14; о н х в. — ЖРАБ, 1953, с. 115; Н.В е п в е л и е т е. — ЖА, 1954, в. 308 и сл.; О е т в б е в и т о н. *Mithra*, с. 176.

В тексте Авесты Варне (*Varna*), общине или городу, в котором родился легендарный Фретон (*ōraōtaona-*), дано определение *ōāōra*. *gaōra* — 'четвероухий' (Вд. I, 17; Ут. 5, 33). Нелепость такого определения применительно к поселению была ясна уже пехлевийским комментаторам, пытавшимся дать ему какое-то объяснение. Однако оно оказалось столь же маловразумительным (в пехлевийском переводе: *zāhar-gōōh* 'четвероухость' с вариантами пояснения, согласно которым речь идет либо о четырех воротах города, либо о

расходившихся от него четырех дорогах). Между тем определение это сразу обретет смысл, если допустить, что *gaoṣta-* стоит в авестийском тексте вместо **gaoṣta-*: тогда *Vagna* предстанет перед нами как город или поселение, включавшее четыре готры. В подтверждение этого объяснения можно привести определение *Ūrīzantī-* *taṣ-*, данное в Авесте городу Рага, в Мидии (Va. I, 15: *Vaṣam Ūrīzantīm*); согласно этому определению, Рага предстает перед нами как город, включающий три племени, *kaṣta-*, или как центр конфедерации трех племен. Полную аналогию данному образованию представляет др.-греч. *τριχάικες* '(живущие) по трем весьям, общинам', засвидетельствованное у Гомера (Od. XIX, 177) и у Гесиода (Hgm. UP), как и в этнониме *Θρή-Γικες*. К данной конъектуре ав. *h*-I на *-ŷ-* (группа, давшая *-ht-* в северо-западных среднеиранских диалектах) ср. передачу ав. *h*-I сочетанием знаков *-uṣh-* в названии дня авестийского календаря (*gṣuṣh* = *gṣōš*) в одном парфянском документе из Нисы (см.: И.М.Дьяконов, В.А.Лившиц. — "Переднеазийский сборник". II, с.153-157).

68) См.: Лившиц, с.17-45.

69) Вслед за И.Гершевичем (САУ, 1962, UP, № 2, с.93).

70) Можно привести также ср.-перс. *kār-framān* 'gestor, ἐπιμελητής или среднеперсидский юридический термин *atgamān*, эквивалентный греч. *ἄκυρος* (употребляется для обозначения потерян тем или иным правовым актом его юридической силы). Ср. ав. *fra-mānu-* 'авторитет, власть над кем-то' (AigSh. 987), санскр. *ṛgāṃṣṭva* 'авторитет'.

71) В.А.Лившицем эти пассажи переведены следующим образом: (1) "и в доме своем держи (или: "следует держать") своих детей и свою жену (в качестве) постоянно живущих"; (2) "и если в доме детей (и) жену не делают постоянно живущими". Ситуации, в которых могут даваться подобные рекомендации, немислимы для эпохи и общества, которому принадлежит данный текст.

72) См.: А.П.Гославский - Неплюев. ММ II, с. 308.

73) В издании *v'g* переведен как "семья", в *'wuatw'g'na* — "опекуны" — толкование, невозможное уже потому, что главой семьи *Mar-Amno*, естественно, должен был быть живший еще тогда его отец, и иным опекунам в семье, где жив *patarfaillia* и имеется еще полнолетний сын (*Mar-Amno*), не могло быть места. Характерно и множественное число.

74) H.В.Федерлов. *Les Fravaahia. I.* — ВВЗ. LXXIX, 1899, с.229-260; II. — Там же, с.373-418; J.D.и S.H.и N.и — O.и I.и I.и M.и I.и. *La religion de l'Iran ancien.* P., 1962, с.327-331; M.В.о.у.о.е. *A History of Zoroastrianism. Vol. I.* Leiden — Köln, 1975, с.117-129.

75) В тексте *м'ку'к'м* (= ав. *мвалум-*) — собирательное обозначение духов предков и домашнего очага.

76) Ср. правовое определение брака у римлян: *maritas sunt coniunctio maris et feminae et consortium omniae vitae, divini et humani iuris coniunctio* (Inst. I.D. de rit. nupt. 23, 2).

77) Именно такая концепция сформулирована у Демосфена в "Речи против Неэри" (I22): *τάς μὲν ἐταίρας ἡδονῆς ἕνεκ' ἔχομεν, τὰς δὲ παλλακὰς τῆς καθ' ἡμέραν θεραπείας τοῦ σώματος, τὰς δὲ γυναῖκας, τοῦ παιδοποιεῖσθαι γυνήσιως καὶ τὸν ἔνδον φύλακα πιστὴν ἔχειν.*

78) Ср. Demosth. Contra Neaerum. 75: *ὁ ἀρχὼν ἐπιμελεῖσθαι τῶν οἰκῶν τῶν ἐξερημοσιμῶν* "Архонт должен следить за тем, чтобы ни один дом не опустел".

79) Связь семейной собственности с культурными обязанностями справедливо отмечали еще историки прошлого столетия (Фостель де Куланж, Боне, Моммзен и др.), хотя их можно упрекнуть в известной недооценке других аспектов.

80) См. § 9 пехлевийского брачного контракта: "И такой-то, отец такой-то, явившийся в качестве ее представителя (*pat danta-rag-ih*), принял гарантийное обязательство такого-то (= жениха) без оспаривания". Формально договор скрепляют жених и опекун невесты (ср. также § 10). Полная аналогия этому в согдийском документе. Библиографические указания см. в примеч. 81.

81) См.: А.Г.П е р и х а н я н. Образец пехлевийского брачного контракта. — СЗ. 1960, № 5, с.67-75; Д.Н.М а с К е н и а. А.Р е г и к х а н и а н. The Model Marriage Contract in Pahlavi. — E.R. Sams Oriental Institute Golden Jubilee Volume. Bombay, 1969, с.103-112; Л и в ш и ц, с.17-45.

82) Так, на согдийском брачном контракте имеется приписка: "экземпляр Чаты (= имя собств. невесты)". См. Л и в ш и ц, с.20.

83) Далее (§ 7) приводится сама декларация жениха о наделении жены личным доходом, из которой явствует, что, хотя он и выделяет ей ("делает ее правомочной") половину во всем имуществе, принадлежащем ему в настоящем и в будущем, т.е. делает ее как бы своим совладельцем-сотоварищем, здесь наделение это носит скорее символический характер как гарантия материального обеспечения женщины в браке (ср. сходные клаузулы в греческих папирусах из Египта, см.: Т а и б е н е с h l a g. The Law, с. 127), как право требования, которым жена сможет воспользоваться в будущем, в случае если муж ее не будет выполнять должным образом обязательство по содержанию жены либо в случае какого-нибудь иного обстоятельства.

84) Подробнее об этом термине см. ниже, разд. IY, гл. 3, а также *ВВАГП*. V, 1968, с.16-23.

85) См. 4, II-13; 32, 16 - 33, I; 101, II-15; 106, 7-9; A2, 7-11.

86) Тогда его отцу (или деду) принадлежало как главе семьи преимущественное положение в делах, касающихся отправления культа, как и праве управления и распоряжения неразделенным семейным имуществом, а также юрисдикция в рамках семьи над подвластными.

87) Пример такого положения дает образец пехлевийского брачного контракта (§ 2).

88) См. "Главу о непослупании" текста Судебника, A4, 12 - B, 2.

89) При этом мужу возвращается и имущество того из детей, который родился после акта неповиновения жены (A6, 2-5; A7, 2-7).

90) Подробно об этом см. в главе о передаче (разд. III, гл. 3).

91) См. ниже о разводе. Характерно, что противоположный акт, а именно передача, совершенная женой мужу, отмене не подлежит: права и в этом случае остаются у мужа, см. A2, 14-15; ср. A2, 17-3, I.

92) После смерти мужа, даже став стуром семьи, она неправомочна выступать в суде без участия опекуна (I5, 9-10; I6, 5-10), но может выступать самостоятельно, в качестве ответчицы, по некоторым искам, см. I6, 12-14.

93) Если муж ее выделен от своего отца.

94) См. *ВВАГП*. V, 1968, с. 16-23.

95) 4, II; 43, 2; 101, 14; 106, 8; A2, 8, 10.

96) Муж мог также специальной декларацией, получившей юридическое оформление, предоставить жене право отчуждения вещи третьему лицу по ее усмотрению. Об этой форме передачи и о возможностях, которые она открывает, см. разд. III, гл. 3.

97) Жена в случае вступления ее в половое сожитие она лишается опекуна (становится *a-wagdāg*; ср. также *DkM* 718, 6-7), который тогда назначается над остальными членами этой семьи (женщинами и несовершеннолетними), см., например, A13, 5-7.

98) См. I3, 4-5; I3, 6-13; I5, 9-10; I5, 10-11; I5, 12-14. Она вправе выступать самостоятельно, как ответчица, по некоторым искам: I6, 12-14.

99) См. разд. III, гл. 5.

100) Подробно этот вопрос рассматривается в связи с законом наследования (разд. IY, гл. 3).

101) 3, II-14; 4, I-4; 4, 13-14; 87, 3-7; 95, 7-10; *Вив.* Вн. А1. VII, 5-7.

- 102) Riv. Est. As. VII, 5-7.
- 103) См. также: Zaddar Mandaknah, 34, но ср. Fara. Riv. Noga. Fara., с. 204.
- 104) 49, 3-6; 50, 7-12; см. также разд. II, гл. 5, и разд. IV, гл. I.
- 105) 4, 9-10; 4, 14 - 5, 3; 21, 10-14; 87, 3-7; 87, 7-10.
- 106) 3, 10-11; 3, 15 - 4, I.
- 107) Составлялся специальным "протоколом деклараций" (saqvan-nāmak) о расторжении товарищества, см. 4, 4-9.
- 108) 4, 4-9; 4, 13-14 (ср. 25, 6-10); 95, 7-10; 42, 17 - 3, I. Ср. DKM УШ, 714, 20-22: Arah arāš gahītan I xwāstak I kanīk gāb bē dahēt ka kanīk rat nahīn (I) ōu xwāstāk⁺ nē dahēt.
- 109) В Судебнике приводится любопытный казус, когда женщина дважды была выдана замуж за одного и того же человека, см. 104, 15-17.
- 110) Так, согласно традиции, сохранившейся в Бундахише (Grvda 235, 14-15), Зороастр имел наряду с двумя женами-rātiḫbāu-īhā жену-чакар, родившую от него двух сыновей - Урватат-нара и Хваро-читру (Urvatatnar ut Xwarōšīhr nah san I čakar arāšīk nah san I rātiḫbāuīhā būt nah). А его сын от полноправного брака Исат-вастра состоял в браке чакар с вдовой некоего Михрайара, из рода Багратаи (краш. Bagratāta- букв. 'посвященный Баге' или 'дарованный Багой'); родившийся от этого союза сын принадлежал первому мужу своей матери, но затем на него было возложено стурство Исат-вастры, его отца-чакар, не имевшего сына от полноправного брака (см. Grvda 235, 15-17: ut nah Isatvāstr nāt ras ōv Urvavā-šak u-šān arāš I Baḡrātān xwānd ān gāb ka nah san I čakar būt⁺. Adak-šān rat stūrīh I Isatvāstr bē gumārt).
- 111) SBV., с. 5-8; Zāh I, с. 32; A. F e r i k h a n i a n. On some Pahlavi legal terms. - Henning Mem. Vol., с. 355-357.
- 112) См. U n v e l a I, 180; D h a b h a g, 195.
- 113) См. Nov. 3, 17 и комментарий издателя к указанной строке - Лившиц, с. 30-31.
- 114) G. K l i n g e n s c h m i t t. Neue Avesta-Fragmente. MSB. N. 29, 1971, с. 124-125.
- 115) О браке у зороастрийцев в XIX в. см.: A. H o n t u n - S o h n d l e r. Parsen in Persien, ihre Sprache und einiger ihrer Gebräuche. - ZDMG. Bd 46, 1892, с. 54-88; о н ж е. Mitteilungen über die Eheverhältnisse der heutigen Parsen in Persien. - ZDMG. Bd 36, 1882, с. 87; J. J. M o d i. Marriage Customs among the Parsees. Bombay, 1903.
- 116) См. Riv. Est. As. VII, II; XXXI, 7.

- 117) Ferg. Riv. Nozv. Fram., с. 192.
- 118) Там же. См. также Судебник, 3, 10-11.
- 119) Между тем как дети от брака чакар приходились братьями "по закону" и сонаследниками детям первого ("полноправного") мужа своей матери от его полноправного брака с другой женщиной. См. разд. IV, гл. I, 2.
- 120) Если это не могло иметь места по линии агнатического призвания, то он, очевидно, принимал опекунские обязанности в качестве опекуна "назначенного" (*gumārtak*) или же "учрежденного" (*kartak*), если его определение в опекуны имело место по завещательному распоряжению покойного мужа женщины.
- 121) См., например, Riv. Em. Aš. XIII, 3.
- 122) Дети чакар признавались к несению стурства отца-чакар, только если у него не было детей от полноправного брака.
- 123) Riv. Em. Aš. XIII, 23.
- 124) См. A4, 13-14; A4, 15 - 5, 2; A5, 2-6; A5, 8-15; A7, 17 - 8, 2.
- 125) A30, 9-11; A40, 11-14; ср. 70, 3-12.
- 126) ЗаВ V, 27-41.
- 127) A.-A.M a n a h é r i. La famille iranienne. P., 1938, с. 92-102.
- 128) J.-P. de Menasce. Feux, с. 34 и сл.
- 129) Так, пехл. *dlwōwktm'n* = ав. *drajō.damāna-*, пехл. *mrīšmkt't* = ав. *mī grāmo.ādaya-*, пехл. *mtlwkdlmō* = ав. *mīrgō.drag-*, пехл. *mtwkzlm* = ав. *maīduō.karāmu-*. Примеров можно привести очень много.
- 130) Подобно тому как лат. *de sujus*, начальное слова выражения *de sujus successionis agitur*, приобрело значение "наследователь".
- 131) В отличие от сына субъекта, его личного наследника и универсального преемника.
- 132) A.F e r i k h a n i a n. Henning Mem. Vol., с. 351-353; i d. apud D.H.M e s k e n a i e. - K.R.Sam Oriental Institute Jubilee Volume. Bombay, 1969, с. 110-112.
- 133) O.K l i n g e n s h a i t t. Die Erbtöchter im sog. kontrastischen Recht nach dem Mādīyān ē hazār dādīstān. - MSB. N. 21, 1967, с. 59-69; о н ж е. Neue Avesta-Fragmente. - MSB. N. 29, 1971, с. 168.
- 134) 22, 13-14; 23, 10-11; 22, 3-6; 22, 14 - 23, 1; 23, 4-10; 23, 17 - 24, 2.
- 135) Riv. Em. Aš. I, 3: *pat ayūyēnīh ut stūrīh I brāt ē-tēt*; II, 1: *ayūyēnīh ut stūrīh I dūtak*; II, 2: "Все принадлежащее

брату имущество из началх эпкилерата брата должно достаться указанной сестре, и она будет владеть им в качестве эпкилери и стурца брата (u-š pat aujūših at stūrīh ī brāt dārišn)". См. также ХУИ, 18-21; ХХХI, 8-9.

I36) Riv. Em. Aš. I, 3: Puv ī-š sāt andar dūtak ī has brāt sāt bavēt.

I37) Pagan. Riv. Noqa. Iran., s. 195, 198-199.

I38) 2I, 5-8; 2I, 8-10; 2I, 10-15. См. также Riv. Em. Aš. I, 4-6, где рассматривается вопрос о необходимости перевода полноправного брака в брам айна малл (= šakarīh), если женщина, состоящая в полноправном браке, призывается в эпкилери своего отца или брата.

I39) См. 2I, 10-15; 2I, 15 - 22, 1; 22, 1-2; 23, 1-4; 24, 3-4; 4I, 15.

I40) Тогда происходила смена опекуна эпкилери и им становился си опекун ее матери или один из агнатов брата (22, 9-12).

I41) Riv. Em. Aš. XVIII, XXIII.

I42) Там же, XXII, 19-28. Усмысление единственной дочери от брака чакар (а следовательно, и превращение ее в эпкилеру отца-чакар) могло иметь место только при жизни ее матери, ибо жена (= вдова) имела право передать стурство своего покойного мужа его агнату. Личного имущества матери дочь, ставшая эпкилерой отца-чакар, не наследовала: оно присоединялось к фонду стурства первого мужа ее матери (стурство передавалось его агнату).

I43) A. G. R e g i k h a n i a n. - Hanning Mem. Vol., s. 349-351.

I44) W. B. H e n n i n g. A Sogdian God. - BSOAS. XXVII. 2, 1965, s. 242-254; M. S e h w a r t z. "Altorientalische Forschungen", I, 1974, s. 259 и сл.

I45) Первоначальная пехлевийская орфография слова, дошедшего до нас в несколько искаженных вариантах написания, может быть восстановлена как 𐭠𐭣𐭠𐭣 (раннее $\text{b}g'ar'n$ или позднее $\text{b}u'ar'n$). Оно было, таким образом, омографом другого слова, а именно $\text{b}u'ar'n$ = $\text{b}ēuavrān/\text{b}āerān$ (парфянизм), ср. ср.-перс. dāvarān 'курьер, посланник', засвидетельствованного в нескольких пехлевийских текстах и в маних.-ср.-перс. $\text{b}u'ar'n$, но несколько отличного по звучанию и имеющего совершенно иное значение и этимологию (<крав. $\text{d}avai\text{-avr-ān}$). О нем см.: В а і і в у. ЗР, с. 46-47, примеч. 4.

I46) Из $\text{w}rantī\text{-}$. См.: А б а е в. ИЭСОЯ. I, с. 485, где приводятся и некоторые производные этого корня в индоевропейских языках, например: англосакс. $\text{w}rappan$ 'запрягать', нем. $\text{w}rappen$ 'ид.', латыш. $\text{w}randā$ 'веревка (для привязывания плуга к ярму)',

ахб. *rāndā* 'упряжка из пары быков'. См. также: Аббаев. Скифо-европейские изоглоссы. М. 1965, с. 7-8.

147) Иная этимология была предложена И. Гершевичем, см.: *Вегвехевич. Mithra*, с. 275; см. также: G. M. O. G. e. d. e. t. i. e. g. v. - *IIFL*. II, 194, 383, 550.

148) Ливинц, с. 33.

149) Слово *katāg* выступает и как имя действия в значениях: 1) "половое сожителство, супружество *aipe math*"; 2) "прелюбодеяние", и как имя деятеля: 1) "сожитель, муж"; 2) "прелюбодей". В правовых контекстах оно обычно противопоставит термину *šōu* 'муж' (в полиоправном браке).

150) Подобные передачи могли быть законными, конечно, лишь если они не ущемляли интересов необходимых наследников передающего. В соответствии с основными принципами иранского имущественного права такие передачи должны были производиться из фонда благоприобретенного имущества отказодателя (*xvāstak ī handōxt*), а не из фонда унаследованного (*aragmānd ī pitagār*).

151) См. *4I*, 9-II: *Duxt ī vaṣavrandāt kē duxt ī rat kvāvgā-bēdīh zāt ēv'ēt...* '(Что касается) дочери, рожденной в браке багаспан/женой-багаспан, то есть дочери, рожденной в браке *kvāv-gābēdīh* (своих родителей)...'.

152) См. Глоссарий, с. 546 (с библиографическими указаниями); см. также *Més. J. de Manasse*, 1974, с. 315, примеч. 12.

152) Ср., например, гот. *wadi* 'залог', лат. *vadimonium* 'поручка; гарантия (явки в суд)' и гот. *gawadjan* 'обручить', англосакс. *weddian* 'id.', *wedd* 'брачное соглашение', греч. *ἐγγύη*, *ἐγγύησις* 'поручка; ручательство', но также 'обручение', лат. *aropāvo* 'давать обет; ручаться', *aropāvo* 'обет; поручка', *aropāvo* 'поручитель; поручка', *aropāvia* 'помолвка', *aropāvia* 'жених', *aropāvia* 'невеста', ср. также рус. поручка, ручательство и обручение. Такое семантическое развитие объясняется тем, что в глубокой древности заключение брака представляло правовую сделку обмена между родом жениха и родом невесты.

154) Индийский термин буквально означает "свой выбор" (= самостоятельный выбор невестой жениха). Об этой форме брака (только у кшатриев), засвидетельствованной еще в Ригведе, см.: *J o 1-1 u. Vacht und Sitte*, с. 50-57. Согласно Смрити, этот брак заключался девицами, достигшими зрелости, но не выданными замуж родителями. Они выбирали себе супруга сами, но без права на приданое от родителей, и жених не платил в таком случае *donatio* (ср. приведенные выше данные о браке *vaṣavraṇ* = *kvāv-gābēdīh*). Motivировано это тем, что отец оттяжкой брака дочери лишается сво-

его опекуна над нею. Но это, видимо, более позднее толкование, так как при *avaunvaga*, описанных в эпических текстах, родители невесты принимали участие в заключении брака (*avaunvaga dattā*) и имело место свадебное пиршество.

155) См.: В а р т н о л о м а е. *Zand Nve.*, с. 131; *Para. Riv. Vogm. Ugam.*, с. 195-202.

156) 87, 2-3; 87, 17 - 88, 2; 101, 4-8; 106, 7-9; A1, 6-12; A2, 7-II; A8, 17 - 9, 5.

157) *Para. Riv. Vogm. Ugam.*, с. 195, 199.

158) Возможно, однако, что в этом вопросе не было единообразия и что эмансипация полнолетних сыновей была скорее общей тенденцией права, чем твердой и повсеместной нормой. Так, в одном из греческих папирусов из Египта (BGU 996; 107 г. до н.э.) фиксируется акт продажи восемнадцатилетним вдовой персидского происхождения (Πέρσης τῆς ἐπιγυονῆς) и его сестрой (25 лет) при участии опекуна, что выходило за рамки права в эллинистическом Египте, где в 18 лет вдова, становясь совершеннолетней, выходила из-под власти отца. Очевидно, здесь следует предполагать особое право для οἱ Πέρσαι τῆς ἐπιγυονῆς. Но в другом папирусе (BGU 232; 108 г. н.э.), где также фигурирует перс, в 21 год он выступает в сделке без опекуна. См.: Я. Т а ч е в а н а с о н 1 а г. *Patria potestas im Nachh der Parugi.* - "Орага Милога". I, с. 267-268.

159) 33, 6-9; 33, 13-17; 69, 17 - 70, 2. См. также: В а р т н о л о м а е. - ИР. XII, 1901, с. 118-122; Р 6 г 1 к н а н 1 а н. - ВЕАга. VI, 1969, с. 1-14.

160) Относящийся к этому материал подробно рассматривается в главе о рабах.

161) См., например, 69, 17 - 70, 2; 70, 2-3. См. также следующую главу.

162) См., например, 28, 9-II; 28, II-12; 28, 12-13.

163) Видимо, имеется в виду лицо азиатского сословия, но не обязательно, ибо существовали также и подразделения конницы, состоявшие из простолыдинов-рамиков (ср., в частности, арм. *gavik avugji*), получавших за службу наделы от казны в условное владение.

164) 32, 12-14; 33, 1-3; 33, 3-6; 33, 9-II; Da. 55, 8. Глава семьи обязан также содержать и несовершеннолетнего ребенка от брака-чакар, если тот не может получить содержание из средств семьи своего законного отца (32, 15-16).

165) *Riv. Ka. Añ. V. 7*; ср. 24, 4-5. Огонь, учрежденный специально как частно-целевой фонд, имел особый правовой режим, и попечительство над ним будет рассматриваться отдельно.

166) В Riv. Em. Añ. V, 14 цель опеки формулируется следующим образом: "Ведение дел (gābēnitārīh 'gestio') семьи наиболее полезным и выгодным для семьи образом и в соответствии с нормами зороастризма, как если бы эти дела вел сам paterfamilias".

167) См. 26, 1-3; 71, 4-7; Riv. Em. Añ. V, 8-9, 19-23; Dd. LVII, 5 (ān I hād martōxwān nabānawdištān nardīktārīh gāh gumāgī-hēt); см. также Dd. LX, 3 (с отсылкой к фрагардам Визрāgāh-наска и к "многочисленным сборникам законов", van dātastān-pānak).

168) Об утверждении "назначенных" опекунов магунатом см. A26, 11-16.

169) О "естественном" опекуне см. 26, 5-7; 26, 7-8; 26, 10-12; 26, 12; 28, 15-17; 69, 9-10; Dd. LVII, 2, 5; Riv. Em. Añ. V, 5.

170) Формулы декларации при передаче следующие: ān dūtāk rat nardārīh tō dār 'ты имеешь/держи эту семью под (своей) опекой!'; ān dūtāk rat nardārīh I tō dāt 'эта семья передана тебе в опеку!'; ān dūtāk nardār kart hād 'ты сделан (или: провозглашен) опекуном этой семьи'. См. 25, 11-13; 25, 13-15.

171) Об опекуне "по завещанию" см., в частности, Dd. LVII, 5: /ān I kā-š xvat rat nardārīh kāg kart 'тот, которого он (= глава семьи. - А.П.) сам сделал/провозгласил официально опекуном' (неправильный перевод у де Менава - Fouh, с. 35); Riv. Em. Añ. V, 3-4, 27-29.

172) Ср. 26, 1-3, где приводится случай, когда к моменту назначения опекуна семье умершего отца один из подопечных сыновей его, достигнув совершеннолетия, умирает; тогда производится пересмотр намеченной ранее кандидатуры в опекуны, исходя из того, что главой семьи являлся этот сын, т.е. новый расчет порядка агнатического родства должен был вестись от умершего сына, поскольку тот перед смертью оказался, хоть и на короткое время, на положении главы этой семьи.

173) Dd. LVII, 5; Riv. Em. Añ. V, 6.

174) См. 26, 15-17; 28, 17 - 29, 3; Riv. Em. Añ. V, 27-29.

175) См. 27, 2-4; Dd. LV, 8-9; Riv. Em. Añ. V, 15; XXII, 30.

176) См. 16, 14-17. Вряд ли сопоставимо с tutor ad actum педергинского права, назначавшимся женщиной, вообще свободной от опеки, в специальном случае ведения дела, требующего auctoritas tutoris.

177) 26, 1-3; A32, 9-13; Riv. Em. Añ. V, 17.

178) Подробно об этом см. выше, в главах о формах брака. См. также A13, 5-7; A31, 5-8.

179) Родной же отец усыновленного, когда он противопоставляется приемному отцу, определяется в Судебнике как pit I ratīh-kāyīhā.

180) См.: G. K l i n g e n s c h m i t t. - ИВВ. Н.29, 1971, с. 129-150.

181) ДДМ 773, 22-774, 2: $\delta\iota\upsilon\omicron\pi$ $k\acute{a}n\acute{a}k$ I $m\acute{a}rt\acute{o}h\acute{a}$ ut $\acute{a}n-1\delta$ I $v\acute{i}t\acute{a}rt\acute{a}k\acute{a}n$ $k\acute{u}v\acute{a}n$ $p\acute{a}m\acute{a}k\acute{a}n\acute{i}h$ I $g\acute{e}t\acute{i}k$ ut $u\acute{a}n\acute{i}\acute{h}$ ut $n\acute{i}y\acute{u}y\acute{i}\acute{h}$. Термин $p\acute{a}m\acute{a}k\acute{a}n\acute{i}h$ (абстрактное имя от прил. $p\acute{a}m\acute{a}k\acute{a}n$ 'относящийся к имени, именной') в контекстах, связанных с преемством, имеет широкое значение "продолжение имени, рода (человека)" и является почти эквивалентом слова $p\acute{a}m\acute{v}a\acute{t}\acute{t}\acute{a}r\acute{i}h$. В таком же смысле в подобных контекстах употреблялось и греч. $\delta\upsilon\omicron\mu\acute{o}\varsigma$, ср. $\acute{\alpha}\nu\acute{\omega}\nu\upsilon\tau\acute{\mu}\omicron\varsigma$ у Исаи (Isaei De Menes. pag. 36). Узкое значение иранского термина — "поминальные обряды по душам умерших предков" (так называемого "именного" списка). См. также разд. IV, гл. I, примеч. 13.

182) Leg. Gott. 10, 42: $\tau\acute{\epsilon}\lambda\lambda\epsilon\tau$ $\mu\acute{\epsilon}\nu$ $\tau\acute{\alpha}$ $\delta\acute{i}\nu\alpha$ $\kappa\alpha\acute{i}$ $\tau\acute{\alpha}$ $\acute{\alpha}\nu\tau\acute{\rho}\acute{o}\pi\acute{i}\nu\alpha$ $\tau\acute{\alpha}$ $\tau\acute{o}$ $\acute{\alpha}\nu\gamma\acute{\alpha}\mu\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron$ "он должен выполнять как культовые ('божественные'), так и человеческие (= мирские) обязанности в отношении своего усыновителя".

183) 69, 1-3; 69, IV - 70, 2; 70, 2-3; 70, 14-16; 77, 1-3.

184) Усыновление родным отцом его сына от жены-чакар было возможно, лишь если покойный муж матери этого мальчика уже обеспечен преемником. В случае усыновления по этой формуле можно было усыновить и единственного сына жены-чакар, ибо такая форма усыновления открывала ему возможность быть преемствообязанным одновременно двух лиц — как первого мужа своей матери, так и своего усыновителя. Поскольку женщина в отличие от мужчины не могла по нормам иранского права быть преемствообязанной двух лиц, усыновление девочки по этой формуле исключалось, как это ясно сформулировано в указанных выше пассажах текста $\delta\acute{a}y\acute{a}st-p\acute{a}-\delta\acute{a}y\acute{a}st$ (мал $\tau\acute{o}-\delta$ $p\acute{a}v$ $\delta\acute{a}y\acute{e}t$ ut мал $\acute{a}n\acute{t}$ $\tau\acute{o}-\delta$ $\acute{a}n\acute{t}$ $n\acute{e}$ $\delta\acute{a}y\acute{e}t$).

185) Ср. 69, 17 - 70, 2, где передача сына в усыновление юридически приравнена к продаже, наследство родного отца объявляется фондом стурства и назначается стур. стур же "назначенный" выбирался в соответствии со степенью близости агнатического родства.

186) В этих случаях стимулом могли служить также и экономические соображения.

187) 16, 2-5; 42, 9-14; 69, 12-14; 69, 14-17; 70, 2-3; 70, 3-12; 71, 2-4; A40, II-14.

188) См. 26, 10-12; но ср. 69, 9-10; 71, 4-7 (расхождение в нормах легко объяснимо как следствие разных способов усыновления).

189) См., например, 40, 9-II; 40, II-14; Riv. Et. Añ. XIII, 13-16.

190) M. B o u s s e. The Letter of Tansar. Roma, 1968, с. 224.

191) См., например: *S o n g a d a g - N e h r i n g. Reallexicon, I. s.v. Ernährung.*

192) Образование от иран. *dāy- 'заботиться; вскармливать'; см.: *В.В. В е н т е п і в т е. - JA, 1955, с. 196.*

193) KIZ (версия парск, 31): S'v'n ZY BRBYT' ZY PWB Fldk'n d'(š)ty, (S)'a('n ZY) B(R)B(Y) [T' ZY] PWB Ktwk['](n) [d]'šty; (версия пахлавик, 25): S'an BRBYT' MH rty Prdkn HESnt, 'HRM S'an BRBYT' MH rty Ktwkn HESnt; (греческая версия, 60-61): *Σαγάνου τοῦ ἐν βασιλείῳ τοῦ εἰς Παρικῶν τραφέντος, Σασιάνου τοῦ ἐν βασιλ[έ]ωυ τοῦ εἰς Κιδουκῶν ἀνδραφέντος.*

Статус вскармливатель в иранских версиях надписи определен конструкцией pat... aāēt, составленной с глаголом aāētan 'держат; содержать'. Обычный в среднеперсидском глагол для передачи понятия "вскармливать" — ragvarān, "кормилец" же передается термином ragvarātāg, имеющим широкое употребление, не обязательно связанное с данным институтом; ср., например, Судебник, 33, 4; A4, 10, II.

194) *W a l d e k e - T a b a g i, с. 86.*

Р а з д е л III

1) Производное от иран. *hvān- 'желать; искать'; 'стремиться (достичь, приобрести)'.
2) Написания 'yl, hyl = 'эг, hār (со вторичным h-), гетерограмма *BEW* 'вещь'; маних.-ср.-перс. хут, х'ут, парф. 'ут = āg/īg, эхмств. в врж. īg 'вещь', см.: *В.В. В е н т е п і в т е. - BSL, т. 53 (1957-1958), с. 57. К этимологии (< *arua-, иран. *ar- 'достигать, приобретать') см.: В.В. В а і і в у. - TPS, 1959, с. 71-74.*

3) Можно привести в качестве примера параграф 96, 13+16: распоряжение (запретительное), сделанное по поводу вещи, распространяется и на ее плоды.

4) См. 55. 7-8: дарится треть земельного участка; стоимость выделенной дарованной части должна равняться одной трети стоимости всего участка.

5) Имеется в виду приобретение титула на основное вещное право (= в "собственность"). Те или иные права из лично-правовых оснований (например, из договора об аренде и т.п.) на отдельные объекты, входящие в комплексную вещь, могли приобретаться отдельно, совершенно независимо от титула на саму вещь, но при смене владельца титула все имевшиеся у прежнего владельца документы о правовых сделках, распространяющихся на отдельные элементы комп-

личной вещи, передавались вместе с ней новому владельцу титула (см. 18, 10-13; 18, 13-17).

6) Инобохт У, 5, § 6. В данной связи может быть не лишней интереса факт, отмеченный Э.Захау в его комментарии к указанной статье Судебника Инобохта, а именно то, что налогом облагалась каждая финиковая пальма в отдельности, но не отдельно взятая виноградная лоза.

7) Или, как определял эти категории Потье, *ius in re* (= "droit que nous avons dans une chose") и *ius ad rem* (= "droit que nous avons par rapport à une chose"); М.Р е т и е г. *Traité du droit de domaine de propriété. - "Oeuvres". t. IV. P., 1781, с. 343-344.*

8) Ср.-перс. *xwē* < др.-перс. (h) *hwaīraīya-* 'свой', 'личный' < иран. **hwaīraīya-* (ср. ав. *xwā-raidya-*), парф. *xwēwān*, маних.-парф. *xwubwān*. К этимологии см.: В.В е н ч е л и а т е. *Problèmes de linguistique générale. I. P., 1966, с. 301-307.*

9) 61, 12-14; 61, 14-16; 61, 16 - 62, 2; 62, 6-7; 62, 8-10; 90, 15-17.

10) Наряду с другим возможным переводом: "... (когда он) передает (вещь) за деньги или ("и")/и в собственность".

11) См., например, 41, 16 - 42, 1; 44, 16 - 45, 1; 45, 1-6; 47, 7-11; 47, 12-14; 51, 16 - 52, 13; 62, 8-10; 69, 6-9; 94, 10-14; 96, 3-8; 101, 1-4; 105, 1-3; 117, 2-7; 120, 15 - 22, 1.

12) А именно: а) право пользования вещью как она есть; б) право пользования плодами; в) право свободного распоряжения вещью вплоть до ее разрушения.

13) Согласно формулировке Ульпiana (Dig. 41, 2, 12, 1), *nihil commune habet proprietatis cum possessione* "собственность не имеет ничего общего с владением".

14) См., например: Л.В е а и с h e t. *L'Histoire du Droit privé de la République athénienne. III. P., 1897, с. 45-57, 99-101; А.В.В а г г и е о н. The Law of Athens. Ox., 1968, с. 201-205; В.Т а и б е л с c h l a g. The Law, с. 230-232.*

15) См.: М.А.Д а н д а м а е в. *Рабство в Вавилонии. М., 1974, с. 89-90.*

16) См.: J. J o l l y. *Recht und Sitte. с. 90-93; Б.Р и т с c h l, М.С c h e t e l i c h. Zu einigen Problemen der Eigentumsverhältnisse (арен. an Grund und Boden) in Kuntilla Arthashastra. - "Mitteilungen der Institut für Orientalforschung". В., 1966, с. 301-337; J. D. M. D e r g e t. An Indian Contribution to the study of Property. - BSOAS. XVIII. 3 (1956), с. 475-498.*

17) Захват как основание владения был допустим только в отношении бесхозяйных вещей.

18) Отчасти также и из характера самой вещи.

19) Следовательно, даже если факт неправомочного владения вещью со стороны какого-то лица влиял косвенно, при рассмотрении судом иного дела, надлежало принять решение об изъятии у него этого владения.

20) Масса имущества, находившегося во владении семьи, состояла из компонентов с различным правовым режимом. Подробно этот вопрос рассматривается ниже, разд. IV, гл. 2.

21) К этимологии этого термина см.: *B. Veneniste. Vocabulaire. I, с. 328-333.*

22) См. *ВВЛГМ. V (1968), с. 16-23.*

23) Что же касается другого римского термина собственности — лат. *procuria/procuritas*, засвидетельствованного в этом значении лишь с текстов Варрона и Цицерона, то предпринималось несколько попыток объяснить его происхождение. Согласно В.Шульца (*Abhandlungen der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, phil.-hist. Kl., N.F. Bd V, № 5, 1904, с. III*), латинское слово возникло из **pro-p(a)trios* (ср. греч. *τροπῆτορες*) 'унаследованное от предков', что, однако, сомнительно по фонетическим причинам (синкопа, не имеющая надежных параллелей). М.Бреаль (*MSL. V, 1889, с. 29*) видел в *procuria* прилагательное, возникшее на базе конструкции **pro p(ri)uō(d) > *pro p(ri)uō 'à titre particulier'*, что можно подкрепить наличием противопоставления общественное — частное, индивидуальное (*publicōd : p(ri)uatōd*) в надписи III в. до н.э. Но и данная этимология сопряжена с фонетическими трудностями (ожидалось бы **procuria*; ср. *deivom > deus, *oleivom > oleum*).

Недавно О.Семеремь (*O.S. Semerem. Studies in the Kinship Terminology of the I-E Languages. - "Acta Iranica". Sér. IIIe. Vol. VII. Téhéran - Liège. 1977, с. 117-125, особенно с. 119*) предложил заменить *p(ri)uō(d)* данной этимологией на **p(ri)uō(d)*, Abl. от раннелат. **p(ri)uos* (ср. м.-е. **p(ri)uō-* 'друг' → 'агнат'). Это снимает фонетические трудности деривации Бреаля и представляется приемлемым также и в семантическом отношении, ибо **p(ri)uō(d)* означало бы '(владение) по праву принадлежности субъекта к агнатической группе' → 'законная личная доля в семейном имуществе'; к другим (вторичным) значениям *procuria* ср. вторичные значения ср.-перс. *vāpurihkañ* и арм. *yerhakan*. Гипотеза Семеремьи имеет и слабое место: отсутствие в латинском словаре другого — и надежного — примера переживания м.-е. **p(ri)uō-*; сомнительно также производство индоевропейского аффикса на предположительного **p(ri)u-* 'дом; постройка', не засвидетельствованного за пределами хеттско-лувийского. К иной этимологии — **p(ri)uō-* 'ближний' на базе

израчия *rca1/rca1 'при, возле' (Г.М. В а г е г. - КЗ. ВД 79. Н. 1/2, 1964, с. 32-38; М.В. О б а г а т к. - Monumentum Nuberg. П. 1975, с. 207, примеч. 31) — ср. германские 'ближний; агнат', германские применительно к агнатическим структурам у германцев (О. Цезарь, Тацит).

24) Ср. три основные категории имущества в древнеармянском праве: *haugeniak* ('вотчинное'), *ragawakanak* ('пожалованное, бенефициарное'), *k^cakagiak* ('купленное').

25) Совершенно аналогично категории "благоприобретенного" (*γα̅ α̅δοκτηγα̅/ε̅πακτηγα̅*) в древнегреческом праве.

26) В отношении недвижимости возможны были, однако, некоторые ограничения, как, например, необходимость согласия агнатической группы на совершение сделки, сопряженной с переводом права. Подробно об этом в главе о семейном имуществе.

27) Если его рассматривать как вещное право, противостоящее собственности.

28) См., например, 47, 15 - 48, 2; 84, 10-17; 99, 17 - 100, 5; A5, 8-15; A8, 4-7.

29) См., например, 9, 14 - 10, 7; 83, 3-6; 95, 10-12; 102, 9-11; A25, 16 - 26, 11; ДКМ 748, 5-9.

30) При рассмотрении исков такого рода в первую очередь возникал вопрос о праве фактического владельца (= ответчика) и лишь во вторую — о праве претендента (= истца), если фактический владелец не был в состоянии доказать свое право.

31) 18, 10-13; 56, 12-15; 65, 9-11; 93, 3-4; A3, 6-13; A15, 8-9; A18, 15 - 19, 2; A34, 3-6.

32) См. в этой связи разд. II, гл. 2 (об авроманских документах).

33) Об этой процедуре в Афинах см., например: Н а г г 1 - в о п, с. 210-214 (с указанием источников и литературы вопроса).

34) Д а с т а б а р — термин многозначный, на что обратил внимание уже Бартоломе (Zav II, 42-50). Об этимологии слова и его значениях см. Глоссарий, в.ч.

35) См. 5, 5-8; 6, 6-9; 7, 3-4; 7, 4-6; 7, 15 - 8, 2; 8, 11-13.

36) В данном случае выступают трое — истец, ответчик и дастабар. Неясно, однако, кто был истец — собственник ли вещи, отсуживающий ее у ответчика, приобретшего вещь у лица, которому она не принадлежала (случай авикции), или же он — второй покупатель, требующий возмещения ему убытков за скрытые недостатки вещи (тогда ответчик — первый покупатель, продавший вещь истцу).

37) См.: J o l l у. Recht und Sitte, с. 92.

38) О положении в греческом праве см., например: В е -
а н с н е т. III, с. 142-150; Н а г г і в о п. с. 245-248.

39) См., например, 61, 12-14; 61, 14-16; 62, 6-7; 83, 3-6;
102, 9-11.

40) Варианты формулы передачи (декларация передающего): *tō*
xvēs 'tibi proprium (sit)' - 17, 6; 18, 5; 66, 4, 6; 67, 1, 2 и
др.; *tō xvēs hēs bavēt 'tibi proprium fuat'* - 17, 7; 66, 9; A7,
14 и др.; *Mihren xvēs hēs bavēt 'Mihreni proprium fuat'* - 100,
16; 109, 6; A8, 4; A16, 12, 14 и др.; *ō pus dāt 'filio datum*
(sit)' - 62, 6. См. ЗаВ III, 5-28. О втором акте и его формулах
см. также специальную главу Судебника "О выражении согласия (с
выбором вещи) и об одобрении волеизъявления (передавшего)" (66,
6 - 68, 17).

41) В этом одно из отличий передачи от завещания (см. сле-
дующую главу).

42) Ср. также 64, 2-9 (в силу декларации о передаче вещь
выделяется из массы имущества передающего, которое может быть
включено впоследствии в его завещание); 64, 9-15.

43) См. 53, 15 - 54, 2; 68, 14-17; A8, 13-17; A8, 17-9, 5;
A9, 5-7.

44) 20, 11-13. До наступления срока или условия передачи
доход принадлежит передающему, даже если передача была принята
сразу же (108, 8-11; A1, 13 - 2, 1; A8, 7-12).

45) Пределом оттяжки являлась обычно смерть правоспособного
приобретающего: если он умер, не сделав ответной декларации,
эта последняя могла быть в ряде случаев перенесена на его преем-
ников.

46) 66, 6-8; 66, 8-11; 68, 10-13; 68, 1-4; 68, 4-6; 68, 6-
8; 68, 9-12; 95, 12-15.

47) См. 19, 7-10; A4, 5-10. Выше, в главе о браке, уже от-
мечалось такое ограничение в имущественной правоспособности (при-
обретательной) женщины, даже наделенной этим правом, как неспо-
собность приобретать недвижимость и более двух рабов (33, 9-11).
Передача в нарушение этого лимита, естественно, считалась ни-
чтожной.

48) Подробное изложение этого вопроса см. в главе о рабах.

49) Как следует из A20, 15 - 22, 1, передача без указания
разновидности вещного права приравнивалась к передаче в личное
наследственное владение (= в личную долю). При передаче же части
вещи, если отсутствовало упоминание о разделе, часть вещи счита-
лась переданной в идеальной доле. См. 53, 13-15; 53, 15 - 54, 2;
54, 2-5; 54, 15-17; 55, 2-6.

50) 19, 16 - 20, 1. Возможно, имеется в виду случай, когда умерший трагент не оставил ни естественного правопреемника, ни иного имущества.

51) 27, 15-16; 30, 10-11; 30, 12-13; 31, 6-8; 64, 2-9; 90, 1-4; 94, 14 - 95, 4; 105, 10-12; 105, 12-14; 109, 16 - 110, 1; 119, 9 - 120, 8; 110, 8-13; 115, 12-15; 135, 14-16; 136, 3-6; ср. также 139, 3-7.

52) Об этих терминах см. Глоссарий.

53) При отсутствии у завещателя необходимого наследника он мог определить своим наследником любого согражданина в обход агнатического призвания (см. 61, 9-12).

54) Завещательные распоряжения такого же характера упоминаются в позднем пехлевийском Ривайте Змета (Riv. Бл. АМ. УП, 1-4): Учреждение завещателем целевого фонда из части своего имущества и передача этого фонда под попечительство определенного лица; отстранение жены от стурства мужа.

55) *Handara ... rātiḫāy vartēnītan* - 110, 9; *handara vaīt bavēt* - 110, 1.

56) Ср. также *uāmak* 'сосуд; депозит'; 126, 4, 8; 127, 11; 130, 12, 13. Такое развитие термина кажется возможным, учитывая то распространение, которое имели сосуды из металла как предмет депозита и залога. См., например: J. H a g h a t t e. - "Acta Antiqua Academiae Hung.", 1959, с. 337-410. Иллюстративную параллель можно усмотреть и в употреблении др.-арм. *apant* 'сосуд', в частности в засвидетельствованных в Библии конструкциях *uapant* 'брать взаймы' (букв. 'брать как сосуд', 'брать на началах сосуда'), *uapant tam* 'давать взаймы'.

57) ВДИ. 1961, № 3, с. 85-86.

58) ДКМ 710, 9-10; 713, 15-16, ср. 17-19; 716, 16-18.

59) ДКМ 713, 15-16: *Arag (ā)uān nihātan ut (ā)uāndār (ā)uān-ē(v) rēš bē nihātan ut arag patkārtan ī pat (ā)uāndār* 'Относительно депонирования и о передаче депозитарием депонированной вещи далее (в депозит другому лицу. - А.П.) и о возбуждении процесса против депозитария'.

60) См. анализ этих документов в главе об агнатических группах. Ср.: T a u b e n a s h i a g. *Opera Minora*. I, с. 124; О н ж е. *The Law*, с. 260-261.

61) J. H a h n. *Sassanidische und spätromische Besteuerung*. - "Acta Antiqua Academiae Hung.". T. VII. Fasc. 1-3 (1959). с. 149-160.

62) Корень представлен в арм. (из парф.) *partawem, partawim* 'утомлять(ся)', хорезм. *prc'aw-* 'id.', согд. *t's* 'distressed',

евр.-перс. *tāwīdah* 'устадий'; см.: Н.В.В а 1 1 е у. - ТПС, 1956, с. 123-124; Д.Н.М а с К е п я 1 е. *Khw. Gloss.* III, с. 318.

63) Ср. 72, 14-15; 72, 15-16: *ēn xwāstak gāb t... 50 b tō dahom* "за эту вещь я буду платить ('давать') тебе арендную плату в 50 драхм"; A25, 8-II: *ka ān t... nē vīdāgt* "когда арендная плата не уплачена"; *haḏ t... hāmbul-iḏ nē vīdāgt* "даже малая толика арендной платы не была выплачена".

64) Норма арендной платы варьировала от одного региона к другому в зависимости от условий землепользования, стоимости годной к обработке земли, продуктивности хозяйства, тяжести налогового обложения и т.п. В целом для каждого региона обычно устанавливал ту норму платы, при которой арендатор среднего участка мог обеспечить существование своей семьи в год средней урожайности. За средний участок принимается такой, который возможно обработать усилиями одной малой семьи.

65) К образованию иранских названий дробных чисел см.: К.Ноттманн. - КЗ. Вд 79 (1965), с. 247-254; Н.В.Н е п н 1 п г. ВаI. Рар. II, с. 665, примеч. 40. Переход *ṣ->t-* в результате диссимилиции в среднеперсидском имеется в *tasōk/tasūk* 'округ', *tasom* 'четвертый' (<др.-перс. **ṣabāna-*, иран. **ṣāvṣāna-* или из **ṣābāna-/ṣāvṣāna-* по аналогии с **daḏāna-/dāmana-* и т.д.; изменение тембра *a > o* перед губным обычно для среднеперсидского), *manh.*-ср.-перс. *tasvāu* 'четвероногий' (<**ṣavṣvāda-*) *tis* : *ḏim* 'вещь'; см.: Р.Т е д е в о о. - МО. XV (1923), с. 209-211; О н и е. - "Language". Vol. 21 (1945), с. 128-141.

66) Упоминается арендная плата в 400 и в 50 драхм.

67) Основное издание: Е.Н.М и н я. *Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan.* - JES. LXXV, 1915, с. 22-65.

68) Вряд ли речь идет о пустыре в полном смысле слова: греч. *ψειλόφυτον* может иметь оба значения; в пользу понимания слова как "поле" говорит упоминание хлеба и ячменя среди натуральных поставок.

69) О термине см.: Е.М и н я. *Parchments*, с. 58-59.

70) Одна котла вина примерно соответствует четверти литра.

71) Образовано от *συνεκδέωμι* 'совместно выдавать что-то', *ἐκδέωμι* 'сдавать в аренду, внаем' (*τὴν αὐλήν* 'подворье', *ἀνδράποδα* 'раба'); в Евангелии от Марка (12, 1) глагол этот употреблен (в медивальной форме) для обозначения сдачи в аренду виноградника [*ἐξέδοτο (ἀμπέλωνα) γεωργοῖς*]. См.: L i d d e l - В о о t t. *Greek-English Dictionary*, с. 504, 1706.

72) Различия в написании - *Γαῦάκης* : *Γαάκης* - при греческой передаче иранского имени *Gāwāk* не могут служить основанием

для предположения здесь двух разных имен (ср.: M. J. A. G. — *Mémoires J. de Menasse. Louvain, 1774. с. 211*). Ср. аналогичные колебания в тех же документах в передаче имен *Mihrdāt* (Μειρδάτης : Μιρδάτης) в *Arštāt* (Ἀρδαστάτης : Ἀσδάτης), а написании второго имени даже в пределах одного и того же документа (Авр. П).

73) В 83, 3-6 в ряду таких "разновидностей владения" (*adwānak ī dāyt*), как депозит и залог-антикреза, назван *raz(ə)andāgīh*. Это слово можно толковать как "эмфитевтическое владение", производя его от ирам. **ratī+and-* + *dāg-* (корень **and-* 'efficere, perficere'; *AiWb. 1559*), но уверенности в такой интерпретации нет из-за неоднозначности контекста, допускающего и иные возможности толкования, как, например, "владение по *raz(ə)and'y*" (см. Глоссарий).

74) Написание **rauk*; отмечается также в конструкции **arawāk ī rītagān* 'унаследованная от отца задолженность по уплате ренты' (A38, 3, 4), ср. также **rauk'wīnā* (= **arawākōwand*) 'обремененный рентой' (об эмфитевтическом владении). Раскрываемый как крав. **pra-saik-*, термин этот не является изолированным. Его парфянское соответствие, **arawāk*, засвидетельствовано в **wrauk* парфянских документов из Нисы, где встречается и вариант **ratsāk* (*ptauk*) **rati-saik-*: оба они обозначают ежегодные регулярные взносы, поступающие от отдельных лиц — виноградарей (*garpn*) — с земельных угодий, большую часть которых составляла царские фондовые имения "для души". Парфянскому *ratsāk* отвечает древнеперсидский термин **ratišaika-*, **ratišaišana-*, обозначавший разновидность регулярных взносов и известный нам в эламской передаче (*battišekaš*, *battišenana*; см.: *R. T. N. в I l o c k. Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969, № 259, 1953, 1954, 2006; W. H. I n a. — Festschrift für H. Lents. Göttingen, 1970; с. 37*).

75) См.: И. М. Дьяконов, В. А. Ливинц. Документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работы. М., 1960, № 22, 32, 68, 292, 636, 764, 813 (**wrauk*), 867, 907, 1068, 1089, 1651, 1525 + 1722.

76) M. B o u s e. *On sacred Fires of the Zoroastrians.* — BSOAS. Vol. XXXI. Pt. I (1968), с. 52-68; о н а ж е. *The pious foundations of the Zoroastrians.* — Там же, pt. 2 (1968), с. 270-289.

77) Почти все относящиеся к этой теме статьи Судебника собраны в работе Е.-П. де Менаса (*J.-P. de Menasse. Feux et fondations pieuses dans le droit sassanide. P., 1964*), а некоторые из них приведены и в статьях М. Бойс (см. примеч. 76). Еще

раньше несколько статей Судебника о культовых фондах были опубликованы в транскрипции и в переводе Х.Бартоломе (WZKM. Bd 27, 1913, с. 369-373). Однако предложенные мною чтения, переводы (см. "Сасанидский Судебник") и толкования во многом — и существенно — расходятся с предложенными в указанных работах.

78) К тождеству *pat tuvān* = *pat ahvaydāt* ср. 34, 12-15; 60, 1-2; 61, 14-16; 71, 12-16.

79) См. 24, 17 - 25, 2; 25, 2-5; A36, 6-12; A39, 7-8.

80) Ср.-перс. *ātur(r)ōk* или *atar(r)ōk*, представленное в вариантах написания *'twrlwk* (повсюду в рукописи Судебника), *'tlrwk*, *'tlwk* (Денкарт) 'алтарь огня', восходит, видимо, к иран. **ātṛ-* + *tauka-*, букв. '(место) возгорания огня', образованию, совершенно аналогичному вв. *ātra.tauka-* 'Feuerbrand' (Ahrb. 319), которое в пехлевийском Вхедвате переведено как *ātaxē ī wōlak* и глоссировано словом *ātur(r)ōk*. Ср. также арм. *atruhan* 'алтарь священного Огня (зороастрийский)' < ср.-ир. **ātrōšān* < иран. **ātṛ-* + *wišāna-* '(место) горения огня' (см.: В.В. Епичев — Ж. Т.252. Равс. I, 1964, с. 45-58), как и арм. *patrouk* 'фитиль' (иран. **ratītauka-*). Вряд ли удачно предложенное М.Бойс (ук. соч.) и принятое Д.Н.Маккензи (*A Sasanian Pahlavi Dictionary. L., 1971, с. 5*) чтение *ādarōg* (= *ādarōk*) и объяснение данного слова как "маленький огонь": уменьшительный суффикс (*-ōk* < **-auka-*) в термине, обозначающем священный Огонь (в устах зороастрийцев, для которых священный Огонь любой категории был божеством!), маловероятен, ибо такой суффикс придавал бы слову пейоративный оттенок. Показательна и орфография (*'twrlwk*) Судебника.

81) Священные огни трех категорий — домашний Огонь (*ātaxē ī katakīk*), алтарь Огня (*āturgōk*) и высший — карахранов — Огонь (*ātaxē ī Varahgān*) — различались как по способу составления, так и по ритуалу посвящения. См., в частности: М.Бойс. — *BSOAS. Vol. XXXI. Pt. I (1968), с. 52-68*.

82) Пошлина за пользование мостом упоминается, в частности, в одном из согдийских документов с горы Муг (A-13): см.: В.В. Епичев — "Orientalia". Ж.В. Уш, 1939, с. 89; Лившиц, с. 69.

83) Т.е. фондом субститутивного или дополнительного преемства. О стурском преемстве см. разд. IV, гл. I.

84) См. 27, 15-16; 46, 2-4; A14, 1-4; A39, 3-7; A39, 7-8.

85) Такой излишек, как правило, образовывался, ибо доход с посвященной в фонд "основы" обычно значительно превосходил расходы, потребные на поддержание "основы" и на определенные учредителем цели. Это особенно хорошо видно на примере учреждений царя Шапура, о которых речь пойдет ниже.

86) Невыполнение или сокращение попечителем того или иного обряда, названного в учредительном документе, допускалось лишь в случае недостатка средств, вызванного объективными причинами (35, 9-17; 35, 17 - 36, 1).

87) Наиболее распространенные варианты формулировки волеизъявления учредителя, нашедшие отражение в Судебнике, следующие: и-м (хвāстак) ӯ Ғ. рат дāйт/дāйтан бē дāt "И я (вещь) фаррахву на попечение передал"; и-м ӯп хвāстак м. дāйтан гāб ғшаап дāt "И я распорядился о том, чтобы эта вещь (= учрежденный фонд) находилась на попечении Михрена"; и-м ӯп āтахъ мардāрīh ӯ тō карт дāt "И я распорядился о передаче тебе попечительства над этим Огнем"; ӯп хвāстак Ғ. дāгīāп "Этой вещь пусть владеет (= осуществляет попечительство) Фаррахв"; и-м рат ӯп хвāстак Ғ. даатарар карт "В отношении этой вещи (= фонда) я уполномочил Фаррахва".

88) См., например, 28, 5-7; 34, 9-12; 34, 12-15; 34, 15-35, 6; 94, 3-6; A16, 8-II; A35, 16 - 36, 3; A36, 3-6.

89) Например, в силу совершения учредителем деликта, влекущего за собой ту или иную потерю правоспособности, вследствие чего его распоряжение об определении попечителя могло оказаться недействительным (27, 5-9). К такому же результату могло привести совершение проступка лицом, определенным на роль попечителя. Выше упоминалась также невозможность вступления в силу распоряжения учредителя о назначении двух и более коллегиальных попечителей, если один из них отказался от принятия на себя этих функций.

90) См. статьи 24, 12-13; 24, 16-17; 24, 17 - 25, 2; 26, 14-17; 26, 17 - 27, 1; 27, 4-5; 29, 6-9; 29, 9-II; 34, 15 - 35, 6; 35, 7-9; 45, 8-17; 46, 4-9; A37, 1-15.

91) A 1 - X w ā r i m ī. Mafāṭīh al- ulūm. Ed. Van Vloten. 1895, с. 118.

92) Далее следует просьба к пользующимся местом не оставить своим благословением учредителя (Михр-Нарса) и его сыновей. См.: W. B. N e n n i n g. The Inscription of Firuzabad. - "Asia Major". IV. I (1954), с. 98-102.

93) Hildeke - Tabari, с. 109-112.

94) J. H a r m a t t e. Die sassanidischen Siegelinschriften als geschichtliche Quellen. - "Acta Antiqua Academiae Hung.". XII. I (1964), с. 229-230.

95) E N e r g e n l d. Archaeological History of Iran. N.Y., 1940, с. 91 и сл.; A. G o d a r d. - "Āthār-e Irān". III, 1938, с. 169-173.

96) W.B. Henning. The great inscription of Šarūg ... - BSOAS. IX (1939), с. 845-847; о н ж е. Notes on the inscription of Šarūg I. - Jackson Mem. Vol. Bombay, 1954, с. 40-54 = Sel. Pap. II, с. 415-429.

97) В греческой версии (стк. 52): ἕως ἐξαρκεῖ ... 'вот достаточно; сколько хватит'; ср. формулировку волеизъявления учредителя фонда в Судебнике: *уалин банд бәуэт һәб кшәт* 'счастливы в день годовщины моей смерти культовые обряды, насколько возможно, пусть совершает' (35, 9-17).

98) О выборе лиц, "для дум и имени" которых Шапур учредил эти жертвоприношения, см. выше, разд. II, гл. I.

99) W.B. Henning, с. 845: по мнению В.Б. Хеннинга, вторая часть надписи представляет a deed of settlement, учредительный документ. См. также: A. M. Argus. *Classica et orientalia*. P., 1965, с. 60.

100) A. M. Argus. *Classica*, с. 60-61. В контексте перевода Марик: "И то, что мы передали этим Огням, и какой установили обычай - все это мы записали в (этом) документе-ручательстве (оказанной) чести". А. Марик полагал, что речь идет о дашти ведикс.

101) О предполагаемой Мариком (*Classica*, с. 60, примеч. I) связи этого слова со ср.-перс. *rdūxt/rdxr* : парф. *rdūxt* 'почет, почта' (<²*ratīdīnar-*, √ *hvar-*; В а г т н о л о м а е. - Zair'ib. 85) не может быть речи: хотя слова эти и имели в среднеперсидском сходное звучание, они различаются как по смыслу, так и этимологически; см. также: Н а н н и н г. *Sel. Pap. II*, с. 416-417.

102) См., например: Та ц в а а с н л а г. *The Law*, с. 54, 296.

103) В парфянском тексте 'бдуку урūt - ардбн бūt. Техническое значение употребленной здесь конструкции слова ардбн "обычай, порядок, правовая норма" со вспомогательным глаголом "быть" хорошо раскрывается ее калькой в др.-арм. *artēn ē* (арм. *artēn* < парф. *ardbn*) "иметь право; полагаться по праву (юридическое значение); приличествовать, подобать (этимическое значение)"; ср. также греческий перевод - τῶν χειρίων τρωμάτων τῶν κτῆσις κλητικῶν ἐπίμοι ἡμεῶν οὐτῶν. Это клише профессионального языка юристов засвидетельствовано в Судебнике, где *ardbn būtān* имеет то же значение "полагаться, быть установленным по обычаю или договору"; см. A22 7, 9, 12, 15, 16.

104) H. H. Souda. - *EMM*. Bd 96. 1942. с. 14. A. M. Argus. *Classica*, с. 60, примеч. 3.

105) См.: Párikhanian. - *ВЕАГм. Т. V (1968)*, с. 22-23. Нет, однако, достаточных оснований полагать, что этим зданием-архивом была сама Кааба Зороастра. Об ином назначении — храм — этого здания см.: В.Г.Д у к о н и н. *Культура сасанидского Ирана*. М., 1969, с. 12-13.

106) И.М.Д ъ я к о н о в, В.А.Л и в ш и ц. *Документы из Иисы I в. до н.э.*, с. 20-21.

107) См. разд. II, гл. I. Ср. *manāyāna* у индийцев в, в частности, входящие в него ритуалы *pitruyāna* (культ умерших предков), *manuṣyaṅyāna* (культ людей) и *vyūtmāyāna* (культ всего сущего и живого) с жертвенными обрядами *śradhā*, *śraḅḅā* и *balī*.

108) См.: И.М.Д ъ я к о н о в, В.А.Л и в ш и ц. — "Переднеазиатский сборник". П. М., 1966, с. 152-153.

109) См. *ВЕАГм. Т. VI (1969)*, с. 1-6; *ВДИ. 1973, № I*, с. 12-16 (однако предположеное там толкование слов 'trh и trkwr, возможно, следует пересмотреть).

110) См., например: *J. J. o l l y. Recht und Sitte*, с. 104-106, 114; *P. V. K a n e. History of Dharmasāstra. Vol. II. Pt. II. Poona, 1941*, с. 889-916.

111) Имеется, в частности, эпиграфические свидетельства о подобных учреждениях царем Ашокой; см. *Epigraphia Indica. II. Calcutta, 1894*, с. 270-274.

112) Последний термин засвидетельствован в *M 74 V 13*; ср. с *āivān I kartakān* — "канцелярия по культовым учреждениям" в сасанидском государстве.

113) См.: *C. S a l z m a n n. Manichäische Studien*. - *ЗИАН. Истор.-филол. отд.-ние. Т. Уш, № 10. СПб., 1908*, с. 13.

114) См.: *А n d r e a s - H e n n i n g. MIM II*, с. 309, примеч. 1.

115) См.: *E. V e n v e n i e t e. "Mélanges Linossier". I, 1932*, с. 155-158; *W. V. Henning В: А n d r e a s - H e n n i n g. MIM II*, с. 317, примеч. 2.

116) О византийских учреждениях см.: *A. S a r r a i n. Études aux les fondations. P., 1909*; *F. W. D u f f. Charitable foundations of Byzantium*. - "Cambridge Legal Series pres. to Bond, Buckland and Kenny". Cambridge, 1926, с. 83-99; *о н ж е. Personality in Roman Private Law. Cambridge, 1938*, с. 166-205; *J. M. C a s o r i a. De personalitate juridica priam causam. Napoli, 1937*. Исторически эти учреждения восходят к фондам "для души" классического и эллинистического времени, о которых имеются также и многочисленные эпиграфические свидетельства из Греции и Малой Азии. Обстоятельную информацию об этом см.: *E. P. В r u e k. Totenteil und Seelgerät in griechischen Recht*. - "Münchener Bei- 338

träge zur Parutisforschung und antiken Rechtsgeschichte". Н. 9. München, 1926 (особенно с. 157-330). Нельзя не отметить наличия сходных черт между учреждениями этого типа в различных ареалах. Для постулирования рецепции, однако, необходимо установить совпадения более конкретного характера как в их структурах, так и в номенклатуре.

II7) С. С а н е н. Quelques réflexions sur la waog ancien. - "Труды XXV Международного конгресса востоковедов". П. М., 1966, с. 38-40.

II8) Этот факт, уже отмеченный Э. Бенвенистом (ук. соч.) в связи с манихейским титулом *givaḥagān vrawag*, был совершенно справедливо сопоставлен с зороастрийскими фондами д.-П. де Менашем (J.-P. de Menasce. *Feux et fondations pieuses*, с. 60), но без подкрепления этого сопоставления реальным анализом соответствующих институтов.

Р а з д е л IV

1) Общее его описание уже было дано нами в статье, опубликованной в "Hennig Mon. vol. 1.", с. 353-357.

2) Сделанное нами ранее (см. примеч. 1) сопоставление этого слова с арм. *strak* (< *stirak*?) 'раб' - оно было сделано до выхода в свет Ривайата Атурфарнбага - отпадает в свете ав. *stūrīn* из *stūrīya-*, формы, образованной из иран. **stūri-* или **stūra-*, т.е. основы на -i- или на -a-; впрочем, и происхождение арм. *strak* пока не поддается установлению. Г. Клингшмитт (см. примеч. 3) считает возможным сблизить иранского слова с санскр. *stūri-* 'одноупряжный; упряжка, состоящая из одного животного', фигурально 'не в паре, одинокий', но оно представляется нам неубедительным по семантической причине.

3) Этот фрагмент сохранился в Ривайате Атурфарнбага, опубликованном Б.Т. Анклесарией в Бомбее в 1969 г. Детальный анализ этого фрагмента был предложен Г. Клингшмиттом - см.: MSS. 29 (1971), с. 136-142.

4) SBE, XUS. OX., 1882, с. 183 и сл.

5) Так, например, в Dd. 54 говорится о необходимости называть стура (= *stūr* I *gumartak*, - А.П.) для покойного, не оставившего "ни жены или детей от полноправного брака, ни приемного сына (*patigraftak*), ни брата-сотоварища, ни стура, определенного в завещании (*stūr* I *kartak*)".

6) См. *Rege. Riv. No. 1. Gram.*, с. 198, 203 (возможно толкование "приемный сын"), 186, 195, 199, 201, 202 (такая возможность исключена).

7) См. WZKM 27, 1913, с. 371; Mit Mand. II, II; Kay. III, 48; IV, 51; S, 5-II, II-24. Главы да., где идет речь об этом институте, Бартоломе не были доступны в оригинале (они отсутствуют в Мюнхенской рукописи); им также не могли быть использованы выписки Эмента и Атурфарбега, опубликованные сравнительно недавно.

8) J. v. A. M. Verwaltungsbegriff im assyrischen Recht. Wiesn, 1929; A. P. e. g. l. i. a. t. e. - NSO. XIII (1948), с. 63-64; J. de M. e. n. a. s. e. Feux, с. 56-57.

9) При этом Ж. де Менам соликает институт стурства с левира-том. Хотя левирагу в Иране соответствует брак чакар, как будет ясно из дальнейшего, это сопоставление не лишено известных оснований.

10) См., например, 41, 16 - 42, 2 - 44, 16 - 45, 1; 52, 2-4; 3-8; 105, 5-10; A17, 16 - 18, 2.

11) В одной из статей Судебника (44, 3-6) приводится казус передачи мужем (на случай своей смерти) стурства жене, но со специально оговоренным и выпадающим из общего правила условием, по которому она не должна иметь опекуна. Согласно же общему положению женщина-стур обязательно имела опекуна и не могла действовать (в юридических сделках или в процессе) иначе, как через него или вместе с ним; см., например, 15, 9-10.

12) В тексте: *pa-ka-ka-ka* - чтение и значение этого слова неясны.

13) Ср.-перс. *pa-maka-ka-ka*. Этому слову, многократно засвидетельствованному в пехлевийских текстах, принято приписывать два технических значения: 1) продолжение линии преемства умершего; 2) совершение поминальных обрядов по душе умершего. Соответственно этот термин анализируется как производное от *pa-mak-* 'имя' с двумя семантическими коннотациями: 1) имеющее отношение к имени умершего, в частности к сохранению его имени на земле (ср. *pa-maka-ka-ka rat deti*), к продолжению его рода; 2) 'именной', т.е. поминальный обряд, при котором называют имя умершего. Возможно, однако, что первое значение термина ('продолжение рода') возникло из второго ('культ души умершего'), которое может быть принято за основное: оно чаще встречается, а зависимость 'почитания душ умершего' с 'продолжением его рода' настолько тесна и очевидна, что подстановка этих понятий представляется вполне естественной (см. также: K l i n g e n b e r g i t. Ук. соч., с. 144-150).

Если рассматривать слово *pa-maka-ka-ka* как производное от иран. *pa-mak-* 'имя', то основным (= первоначальным) следует полагать значение '(то, что имеет отношение к) обряду почитания душ умерших предков так называемого именового списка' (см. выше, гл. "Аг-

вотивческие группы") в противоположность обрядам почитания душ более отдаленных предков, обрядам, совершавшимся без поминных мненоканий. Но поскольку термин этот не имеет противовеса и употребляется применительно ко всему диапазону культа умерших предков, нам кажется возможным предложить ему альтернативный анализ. Принимая за основное значение "обряды/жертвоприношения, относящиеся к почитанию (душ умерших)", можно трактовать *pāmakānīh* как дериват формы с подъемом от корня ^hпam- 'почитать; воздавать/уделить должное', представленного в ав. *pəmah-* 'почитание; молитвенный обряд' (санскр. *pāman*), *pəmahvant-* (санскр. *pāmahvant-*), *pāmahua-* (санскр. *pāmahuāti*) 'совершать обряд почитания (божества)', парф. *pam* 'почитание, культ', *pambar* 'offering homage', ср.-перс. *pamāb* 'почитание, молитва', осет. *пум* (< ^hпam(a)ta-) 'почтительность' (Абаев. ИСОЯ. II, с. 204-205). И.-иран. ^hпam- в этих словах не связано с ^hпam- 'сгноить(ся)', а восходит к м.-е. ^hпam-/pom- 'выделить в долю', 'воздавать должное' (и, в частности, божеству и на культовые цели); см.: K. Hoffmann *Iranica et Indologica*. Etymologisches Wörterbuch. III. 743. О давнем индоевропейском корне см.: E. Lagrèze. *Histoire de la racine *h*am-* en grec ancien. P., 1949; E. Benveniste. *Vocabulaire*. I, с. 83-85.

К среднеперсидскому слову ср. греч. τὰ νόμιμα, τὰ νόμιμα ζόμενα 'Sealgerät; обряды заупокойного культа', τὰ τοῖς θεοῖς ὑ. 'обряды почитания богов', 'жертвоприношения богам'. Однако каково бы ни было происхождение термина *pāmakānīh*, омонимия ^hпam 'культ' и *pām* 'имя' должна была привести к восприятию термина говорящими как производного от более употребительного и обычного для них слова *pām* 'имя'. Ср., например, надпись KIZ (*šāhrān*), где PNH... *lwb'n* и *rtw'n* версии парсии (рту... 'rtw'n и р'āw'n версии пахлавик) отвечает εἰς ... *μνεῖαν* καὶ *ὀνόμα*: *τος συντήρησιν* в греческой версии. Ср. также Инобохт IV, § 5, где о цели зороастрийского левиратного брака сказано: "... чтобы имя умершего не исчезло среди живых".

14) Данный пассаж неверно переведен Клингенмиттом (ук. соч., с. 146), а также Дхабаром (*Perz. Riv. Nova. Gram.*, с. 186) и Уэстом (*EBZ XUI* (1882), с. 188).

15) Следовательно, не подвергшийся *capitis deminutio*, вполне правоспособный.

16) Ср. *pat atīgīh ī mān* 'для моего стурства' - 96. 3-8; *pat atīgīh ī kvāī* 'для своего (= учредителя) стурства' - 96. 10-13. Ср. также формулы учреждения стурства: *atīgīh ī mān kām* 'неси мое стурство!' - 82. 12-14; *atīgīh ī mān hāp kāmān* 'да будут мои стурства!' - 82. 12-14.

стурами! (букв. 'да будут выполнять мое стурство') — 82, 14-16; 82, 16-17. Ср. также выражения: *stūr īān mart* 'стур того чеховика' — 87, 3-7; 97, 9-10; *stūr ī kas* 'стур некоего лица' — 48, 4-7; 97, 11-12; *stūr ī pit/brāt* 'стур отца/брата' и т.п.

17) Иноверцев не делает стурами (см. 60, 16 — 61, 1).

18) См. 440, 6-9; 43, 8-11 (женщина замужняя подходит в стур, а та, которая уже является чьим-то стуром, нет); 44, 14-16; 49, 2-3 (вдова-чахар, очевидно обеспечившая преемство своему первому мужу и освобожденная от его стурства). См. также Dd. 56.

19) Šnš XII, 14; cf. X, 21.

20) В тексте: *šē stūr arāyīānīk*.

21) См. главу об усыновлении (разд. II, гл. 8).

22) *vās hēnd 'kē (Mš. MN) mēpō(š)ān stūr nē gumāgēnd ku-nān frāzand ī šakar rat ruvīh ratigrift havt*.

23) См. 42, 2-4; 43, 8-11; 43, 11-13; 45, 1-6; 46, 4-9; 47, 2-4; 81, 11-17; 82, 12-14; 88, 5-6; 88, 7-14; 109, 6-8 (следует учредить стурство и назначить стура, если покойный ссудил эту сумму другому лицу); 41, 13 — 2, 1.

24) См. 109, 6-8. В этой связи заслуживает внимания положение о возможной перемене характера вечного права при передачах в собственность: если лицо, передавшее вещь (передача = дарение), умирает, не оставив преемника, и смерть его наступила до акта принятия передачи приобретающим, то передача считается завершённой, но вещь приобретается им на началах стурского фонда и приобретающий становится (= назначается) стуром дарителя; см. 19, 16 — 20, 1; ср. 47, 2-7.

25) 21, 15 — 22, 1; 22, 2-3; 44, 8-12; 62, 2-4; 62, 8-10; 62, 10-12; 96, 3-8.

26) Dkm 750, 12; Dd. 56, 8; Riv. Em. Aš. XVIII, 7-13; XIII, 30.

27) См., например, 4, 1-4; 15, 9-10; 94, 10-14; 97, 9-10; 97, 13-14; 109, 4-6; 440, 6-9; 440, 16-17.

28) Ср. *ayōyēn stūr*, Dd. 55, 8; *ayōyēn ut stūr ī dūtak*, Riv. Em. Aš. I, 2; *ayōyēnīh ut stūrīh ī brāt*, id., I, 5; *tāh ī ayōyēnīh ut stūrīh ī dūtak*, id., II, 1 и т.д.

29) См. 49, 2-3, где термин *ayōyēn* употреблен вместо *stūr*; ср. также 23, 1-4 — пример параллельного употребления этих двух терминов, а также Šnš XII, 14, где термин *stūr* передает статус эпиклерн.

30) См., например, 21, 15 — 22, 1; 22, 2-3.

31) См. 21, 5-8; 21, 10-15. См. также и другие статьи, где дочь (эпиклера) получает стурство отца: 41, 16 — 42, 1 — 44, 16 — 45, 1; 44, 14-16; 81, 11-17.

32) См. 21, 10-15; 22, 2-3; 47, 7-11; 47, 11-12; 69, 3-9.

33) См. 62, 10-12; ср. 62, 8-10. Даже передачи отца дочери, сделанные до того, как она стала стуром его семьи, подлежали включению в стурство семьи (100, 16 - 101, 1; 101, 1-4). Ср. 94, 10-14, где говорится о передаче рабыни в собственность женщине уже после принятия ею стурства: ее право собственности сохраняется.

34) См. 43, 13-16; 87, 12-15; A15, 12-15. При отсутствии у покойного агнатов "естественный" стур мог передать стурство любому лицу по своему усмотрению. Но если после декларации о передаче стурства у него родится ребенок, который умрет до достижения им совершеннолетия, и сам стур не оставит завещания, то объявленная ранее передача стурства считается ничтожной (90, 1-4).

35) 21, 8-10; 21, 10-15; 21, 15 - 22, 1; 22, 1-2; 24, 3-4; 41, 15; 82, 14-16; 97, 13-14; 109, 9-11.

36) Ср. 96, 10-13: учредитель определял двух стуров, которым фонд его стурства передается в нераздельном виде; производить раздела они не вправе, у каждого из них идеальная половина.

37) См. 96, 3-8; ср. 47, 12-14; 50, 1-3; 69, 6-9; 105, 5-10.

38) Остальное, выполнив свои обязанности по стурству отца, он приобретал в свою личную долю наследства.

39) См. 45, 17 - 46, 2; 46, 9-12; 82, 12-14; 109, 9-11.

40) См. 48, 12-13; 49, 3-6; 49, 7-8. В отличие от приобретения стурства в рамках необходимого ('естественного') призвания, при котором требование стурства должно было исходить от самой женщины (21, 5-8; 21, 10-15; 41, 15; A31, 10-15).

41) В 99, 17 - 100, 5 представлен казус, в котором учредитель стурства является должником лица, которое он отстранил от стурства. По решению, вынесенному Бурзакон, магупатом Артамахр-Хварра, отстраненному от стурства кредитору предоставлено было право держать выделенное в стурский фонд имущество учредителя в залоге-антикредите для удовлетворения своих претензий по долгу. Решение магупата должно было иметь место еще при жизни учредителя, т.е. до открытия его стурства (см. также об иммунитете стурского фонда по отношению к долгам покойного учредителя, законтракованным им у частных лиц).

42) В ранний период стурство "по назначению" не вступало в интерференцию с "завещательным" и не служило ему заменой в "кризисных" ситуациях, ибо само стурство "по завещанию" возникло позднее. Любопытно в этой связи отсутствие упоминания *stur i kartak* в обеих статьях Судебника (3, 14-15; 44, 6-8), содержащих общее определение положения, открывающего стурство "по назначению" (упо-

мняется только отсутствие законного преемника и "естественного" стур). Это определение Судебника, несомненно "архаизирующее", восходит, видимо, к ранней традиции (к правовым наскам Авесты?).

43) См. 41, 2-5; 41, 5-8; 41, 8-9; 44, 2-3; 45, 8-17; 87, 16; 88, 2-4; A31, 3-5; A31, 9-12; Dd. 56, 2-5; 58, 5; Riv. Em. Añ. XXIII, 17.

44) При этом произносилась формула: "Стурство мне не нужно" (stūrīh andar nē arāyēt; 41, 5-8; ср. 45, 8-17). Выше уже отмечалось отсутствие у женщины права уклониться; ср. также 43, 1-4. По поводу неявки ближайшего агната к судье или магупату для восстановления стурства и получения назначения в Судебнике цитируются следующие записи из судебных документов (подобные записи делались, видимо, на основании информации, полученной от старейшины агнатической группы того рода, которому назначался стур): "(сеи) муж (находится) в той области Хорасана, и явиться он не может"; "(сеи) муж не на родине (nē rat bad "не на своем основном месте жительства"), и в каком он месте — неизвестно" (см. A31, 3-5).

45) См. Riv. Em. Añ. XXIII, но ср. Судебник, A14, 9-13.

46) Это обстоятельство оговорено и в Судебнике; ср., например, 45, 17 - 46, 2.

47) Riv. Em. Añ. XVIII, 17: stūrīh nē rat raft dārišn 'стурство не должно считаться прекратившимся'.

48) См. 46, 14-15; 48, 10-12; 87, 17 - 88, 2; Riv. Em. Añ. XXIII, 30.

49) A15, 9-11; Dd. LX, 3; Riv. Em. Añ. XXIV, 2; Purg. dturfgr. I42, 2. Этот проступок был одной из тем, фигурировавших в авестийском наске Хуспарам (Hwsp'rm), о чем свидетельствует открытый недавно фрагмент этого наска. Судя по перечню содержания этого наска в Денкарте, вопросам преемства, и в частности стурства, там было уделено немало места. См. также: K l i n g e l - v e h n i t t, ук. соч., с. 136-142.

50) Неизвестно, распространялась ли иммунитет также и на область п. личного права (подати и налоги).

51) Как уже отмечалось выше, фонд "учрежденного" стурства не обязательно включал всю массу имущества учредителя. Не включенное в фонд отходило в "доли" необходимым наследникам (женщинам — только "совместно" с другим, т.е. если имелся также и наследник мужского пола, иначе все наследство учредителя отходило в фонд стурства).

52) 46, 2-4; A39, 1-3; A39, 3-7; A39, 7-8.

53) Женщина могла распоряжаться доходом, либо находясь в со-товариществе с мужем или братом, либо будучи специально наделена этим правом. См. выше, главы о полноправном браке и о патриархальной власти и опеке.

54) См. 90, 15-17; A2, 3 (апарманд); 62, 6-7; 62, 8-10; 62, 10-12; 63, 1-3 (bahṛ); 45, 1-6; 47, 7-11; 51, 16 - 52, 15; 62, 8-10; 62, 10-12; 69, 6-9 (stāh); 47, 7-11; 69, 6-9 (yō hē rāa-bāta).

55) См., например, 51, 16 - 52, 15. О границах имущественной правоспособности подопечных см. разд. II, гл. 7, и разд. III, гл. 3.

56) 59, 16 - 60, 1; 61, 14-16; 61, 16 - 62, 2; 62, 6-7; 62, 8-10.

57) 61, 3-5; 61, 14-16; 61, 16 - 62, 2; 62, 6-7; 67, 10-13.

58) 29, 12-17; 59, 16 - 60, 1; 60, 7-10; 60, 10-16; 61, 3-5; 61, 14-16; 69, 14-17; A33, 9-11; A33, 14-16.

59) 60, 5-7; 60, 7-10; 61, 9-12; 62, 2-4.

60) Платежеобязанными считались даже наследники, перешедшие (после приобретения наследства) в другую религию (60, 16 - 61, 1). Принятие долгов наследодателя его наследниками не зависело от их платежеспособности: долги наследовались ими в любом случае (60, 7-10). В Судебнике приводятся указания о порядке покрытия дефицита по уплате долгов, если имеющегося у преемника имущества недостаточно и если им до призвания к уплате были произведены отчуждения из имущества (60, 10-16). Тогда объявлялись недействительными его сделки в пределах той стоимости, которая составляет дефицит по покрытию долга, и в первую очередь его сделка в отношении той вещи, "которая ушла последней" (артон бē āvēt).

61) О праве приращения более подробно будет сказано в дальнейшем.

62) 28, 5-7; 42, 5-9; 42, 9-14; 42, 15-17; 42, 17 - 43, 1; 71, 4-7.

63) См., например, 16, 2-5; 69, 14-17; 70, 2-3; 70, 3-12; 70, 16 - 71, 2.

64) В древнеиндийском праве шгаван - сын от полноправного брака противопоставляется как ближайший претендент на наследо-преемство усыновленным и др. По Смириту, за шгаван следует кат-гажа, сын от мены-пйуса, индийский коррелят иран. рва I бакар. См.: J o l l y. *Ascht und Vitta*, с. 72.

65) Параллель иранскому наследованию женщиной *pat gān ī ā kasāh* имеется в древнеиндийском праве, в котором эпиклера-*patrikā* могла притязать на долю в наследстве, оставленном ее отцом, только совместно с его сыном-преемником (*patrikāratra, dauhitra*), ро-

длинныя у нее после призвания в эпилерм (см.: J o l l y. Outlines, с. 181).

66) См. 21, 15 - 22, 1; 22, 2-3; 41, 16 - 42, 1; 43, 8-II; 44, 16 - 45, 1; 44, 8-II; 45, 1-6; 62, 8-10; 62, 10-12; 96, 3-8; 97, 9-10; 101, 1-4; A6, 5-14.

67) Возможно, именно это право главы семьи имеется в виду в довольно расплывчатой формулировке Денкарта (ДжМ 773. 14-15): *Arag rātiḫāyih I pit rat dāt ō frazadān xwāstak šiyōn-ai kāmak* "О праве отца на передачу детям имущества по своему усмотрению".

68) Ср., например, 96, 5: "... поскольку дочь не вправе, а сын вправе не принимать ('не исполнять') стурства (отца)".

69) О последнем см.: J o l l y. Outlines, с. 167, 168, 185.

70) То, что в данной статье речь идет о приемном сыне, не имеет значения, ибо здесь усыновленный является полноправным приемником (нет конкуренции родных детей наследодателя); см. также 69, 10-12; 69, 14-17.

71) См. 59, 16 - 60, 1; 61, 12-14; 61, 14-16; 61, 16 - 62, 2; 62, 6-7.

72) См. Звн V, с. 19.

73) Об аналогичном положении в индийском праве см.: J o l l y. Outlines, с. 171-172.

74) Ср., например, сдачу в бессрочную аренду участка, представлявшего такую сыновнюю долю, *ḡō 'ōbōv mērcs = bahg I xwēš* в Авр. I; см. выше, разд. III, гл. 2.

75) См. 41, 16 - 42, 1; 44, 16 - 45, 1; 45, 1-6; 47, 7-II; 47, 12-14; 51, 16 - 52, 15; 62, 8-10; 69, 6-9; 94, 10-14; 96, 3-8; 101, 1-4; 105, 1-3; A7, 2-7; A20, 15 - 22, 1.

76) ДжМ УШ, 749, 4-6: "Об имуществе, которое в личную ('своей') долю, и о том, которое в стурство агватам достается. О наследопреимстве, имеющем место на началах 'не-личного' приобретения (*rat gāh I axwēših*)".

77) См.: 43, 8-II; 51, 16 - 52, 15; 52, 15-17; 88, 7-14.

78) См.: Harrison, с. 125.

79) См.: J. J o l l y. Outlines, с. 90-91.

80) Документы из Авронава, которые рассматривались выше (разд. II, гл. I; особенно же разд. III, гл. 2), фиксировали не продажу, а сдачу в бессрочную наследственную аренду.

81) См. "Историю области Сисакан" епископа Степаноса Орбеляна. Тифлис, 1911, с. 206-208, 219-220 (на др.-арм. яз.).

82) Арм. кан. ср. ср.-перс. *kāmak* при переносе вещных прав.

83) В оригинале: *yis hawgēn yis hritak hawēal ēr* (см. также: Орбелян, с. 217: *yis hritak hawēal, ew is hawgēni žagan-*

dat-iwā ēr). Точное значение и происхождение арм. *hritak* не установлено (см.: А ч а р я н. ЗСАЯ. III, с.136). Термин встречается и в восьмом каноне Двинского собора (649 г.), а также в предложении этого канона в Судебнике Геша (XII в.). Фонетический облик слова выдает иранизм, отражающий ср.-иран. (парф.) *grētak, возможно, из иран. *grauataka-, образованного из gra+uam- (ср. санскр. grauati 'дар, пожалование') или же из gra+ī-/uā- (санскр. gra+ī/uā- 'приобретать').

Значения "пожалование"/"приобретение" удовлетворяют контекстам. В восьмом каноне Двинского собора сказано, что "(клирик или его вдова) вправе передать кому пожелает движимое имущество и *hritak*, и если пожелает продать или передать в фонд души, то и это вправе" (в отличие от недвижимости, полученной во владение из церковной вотчины). Именно передачу в фонд "души" фиксирует рассматриваемый здесь документ. Возможно поэтому толковать *hritak* как "пожалование", "бенефиций" или как "завещательный дар; отказ", что согласуется с композитом *hritakatar*, букв. 'несущий *hritak*', возможно 'бенефициарий' или 'отказополучатель; легатарий', а также с тем, что Степанос Орбелян дает (с. 124) определенные деревне Татэв, фигурирующей в этом документе, как *zərhaḳān* (- *vāzraḳḳān*) князя Филиппа, т.е. как составляющую часть личной доли наследства этого князя: в личную долю наследства могли передавать и пожалования, как и отказы.

84) Арм. *anxējk' agē*, ср. ср.-перс. *xwējkāgīn* 'обязанность, обязательство'. Возможно, здесь имеется в виду свобода передаваемого владения от ипотеки, налогов или ренты.

85) Арм. *hamawtēn* < парф. *hamawdēn*, ср. аналогичное употребление ср.-перс. *hamawdēn* в Судебнике.

86) См.: J o l l y. *Nacht und Sitta*. с. 86.

87) Идея о праве верховной собственности у царя столь же мало может быть обоснована фактом налогового обложения и повинностями в пользу царя, поскольку налоги (и повинности) порождаются, как известно, не имущественным правом, а публичной властью; имущественное (вещное) право порождает ренту в ее различных формах — натуральной, денежной и отработочной.

88) Любопытен казус (см. 65. II-12), свидетельствующий о том, что описанный принцип применялся и при приобретении по передаче, если передающий формулировал передачу следующим образом: "Эта вещь пусть принадлежит моим жене и сыну, которые у меня уже имеются, и жене и сыну, которые у меня появятся"; тогда вещь делилась на восемь частей.

89) Аналогичное определение норм наследования в персидских *ришаватах*, см. Рагв. Riv. Ногн. Ргав., с. 202-203. Также и у

иранцев-христиан вдова и сын получали по целой доле, а дочь (незамужняя) — по половине. Замужняя дочь не получала ничего, ибо она получала уже приданое из отцовского имущества и являлась наследницей в семье мужа (Имбохт IY, § 1-4), но она наследовала, если у отца не было других детей (там же, IY, § 5e).

90) Ср. 51, 12-16; 51, 16 - 52, 15; 90, 8-14. В 90, 8-14 мать и сын — сонаследники и супруги (иждивенный брак); сын передает свою долю в стурство и умирает. Рожденный его матерью-женой сын наследует долю матери, а не стурство отца (ибо имеется учрежденный его отцом стур). Обычно же при разделе имущества *pa-citagus* получает 'сыновью' долю.

91) См. 4, 11-13; 32, 16 - 33, 1; 101, 11-15; 105, 7-9; A2, 7-11.

92) В Судебнике сотоварищество наследников упоминается многократно (см. отсылки в Глоссарии под словами *hambāu*, *hambāuīh*). С этим мы встречаемся и вне Судебника, например в Авр. I. Можно указать и свидетельство Денкарта (Джм УШ, 749, 1-2); оно приводится в следующей главе.

93) См. 22, 13-14; 23, 4-10; 23, 17 - 24, 2; 88, 7-14 и др., но ср. 63, 4-5.

94) См.: С.В.М е l l e n. The Excavations at Dura Europos. Final Report. V. New Haven, 1959, с. 104-109.

95) *Mémoires J. de Manasse*, с. 306-309 (арагманд); *BEAra*, V (1968), с. 16-23 (*vānprabrahān*), с. 9-16 (*āsātīh*).

96) Н.М.Баiley. - *BEOAS*, VI, I (1930), с.81 ('privilege').

97) Н.С.Н у б е р г. *Hilfsbuch, Gloss. n.v. antistaragmānd* ('Vortrecht'); иначе: *Manuel*, II, 134 ('compulsion, force').

98) А.Раgliaro. - *RSO*, XXIV (1949), с. 123-124 ('*ciò che spetta a pro, in spettabila; eredità, privilegio*').

99) Н.С.Заehner. - *JRAS*, 1940, с. 35-42.

100) Бартоломе не понимал значений встречающихся в тех же статьях терминов *stūr*, *stūrīh*, *ayūēn*, *yō hē ravbāēta* и института преемствообязанности, стоящего за ними.

101) Джм УШ, 710, 9-10; 749, 1-2; 749, 4-6.

102) То же в Денкарте (УШ, 869, 14): *Arag kvatāyīh arīānī-kīh I Kay Vištaar vas nūnar ut kartārīh rāb yut-iš haš aragmānd*. Термин был верно переведен Дармстетером как "droits héréditaires" в его первом варианте перевода (второй, "sans orgueil, sans oppression", следует отбросить), см. ZA I, с. 336.

103) Об этом слове и его диалектных формах имеется обширная литература. См., в частности: С.В а r t h o l e m a e. - *WZKM*, 25 (1911), с. 251-254; Н е п л i n k. *BWB*, 579, с. 73; с м 348

к е. — "Indo-Iranica. mélanges Morgenstierne", 1964, с. 95-97; E. В е н ч е н і с т а. Titres, с. 22-26; H. W. В а і і е у. ProIexis, с. 245; А. Р ó г і к н а н і а н. — ВЕАгв. V, 1968, с. 16-23; H. S. Н у б а р г. Mammal. II, с. 205, 214-215.

104) О формах этого слова в различных иранских диалектах см.: E. В е н ч е н і с т а. Titres, с. 23-25.

105) См.: D. M. М а с К е н і е. Kurdish Dialect Studies. II. L., 1961, с. 376 и сл.

106) См. 4, II-13; 32, 16 - 33, 1; 101, II-15; 106, 7-9; A2, 7-II.

107) О разновидностях титула, *abvapakān* і *xvāših*, см. выше, разд. III, гл. 2.

108) ДКМ УШ, 733, 20-21: *Arax xvāših ī vāvrūhrakānik (ut) ān ī avarakānik; bē abvapak ān ī avarakānik'ō vāvrūhrakān xvāših met* "О личном наследственном владении/титуле и об общем (= неразделенном, совместном); о том, каким образом имущество общего титула поступало во владение из лично-наследственного титула".

109) В. Б. Хеннинг (см. Введение к СИ. Pt. III. Vol. II. L., 1957) переводил *rat vāvrūhrakān 'in particular'*, отделяя от следующего за ним РК(-Q)DWH, которое он воспринимал как именную часть составного сказуемого РКDWH 'VIDWH, переведенного им как 'assigned'. С этим анализом мне трудно согласиться. Глагол *kartan* выступает здесь в своем самостоятельном техническом значении "декларировать свои воли о передаче или назначении; распорядиться" (см. Глоссарий, с. v. *kartan*), а не как глагол предикации. Впоследствии ("Mélanges Morgenstierne", 1964, с. 97), по-прежнему отделяя прилагательное-определение от определяемого, Хеннинг предложил альтернативное толкование *rat vāvrūhrakān 'as own-land'*, что совершенно невозможно в контексте данной надписи.

110) См. также Глоссарий, с. v. *dastavar*.

111) Предложение О. Семереньи (O. S e m e r e ŋ i. — "Ст-
bia". 19, 1970, с. 506, примеч. 2) объяснить арм. *verah* из иран.
**visua-radga-* не может быть принято уже по фонетическим причинам:
др.-иран. *-ua-* > *-i-* во всех западных среднеиранских диалектах, а
ср.-иран. **visīrah* дало бы в армянском **arah*, а не *verah*. Иран.
**visuaradga-* (с прилагательным в первом компоненте) нигде не за-
свидетельствовано. В христ.-согд. *wurāw* первое [w] — результат
позднего уподобления [a] последующему [w] (< **ur-*), как ясно сле-
дует из согд. ("Старые письма") *wurāw*, будд.-согд. *wurudg* **u*
(< **vis-radga-*). Равно и хот.-сах. *waivirai* соответствует ав-
**visō.radga-*; см.: E. В е н ч е н і с т а. ВЕВ. 579, с. 73; H. W. В а і і е у.
ProIexis, с. 245. Гласный [a] армянского слова указыва-

от — и с несомненностью — на присутствие краткого гласного тембра [e] в парфянском или в среднеиндийском оригинале, форма которого — *viserāh — была восстановлена Хеннингом ("Māhābhārata Morghastiege", 1964, с. 96, примеч. 4) и возведена к иран. *vi-
 sah-ruhga- с генитивной конструкцией в композиции, форме, засвидетельствованной также в ав. viśō.ruhga-, в отличие от варианта *viś-ruhga- с корневым словом в первом компоненте. Развитие в композитах на рубеже двух его элементов краткого [e] < -ah- имело место, как это уже было отмечено Хеннингом (там же), не только в восточных диалектах, но и в некоторых западных. В примерах нет недостатка, укажем хотя бы пехл. *wšub'e = pšebān < *pšah-bāan.

II2) Елише УИ (М., 1892), с. 178.

II3) См., например: Н.И. В а с о н а н п. МД, с. 99.

II4) Е.В. Е п в е п i e t a. Titres, с. 17.

II5) Там же, с. 97: "... a royal demesne of the Sassanian crown". Термин применялся, однако, не ко всему царскому домену, имевшему другое название — ошан, а лишь к той его части, которая была личной долей монарха.

II6) Мне не представляется возможным принять интерпретацию издателя текста Я. де Менана 'perfection' (очевидно, из 'noble' > 'parfait?').

II7) Так, от синонимичного и.-в. *srbh- 'лишаться' мы имеем греч. ὀρφανός 'лишенный; пустой; сирый', дат. orfan 'жизненный; сирота' и арм. srb 'сирота', но также и гот. arbi 'наследство', нем. Erbe 'наследник', erben 'наследовать', а от и.-в. *gñē(i)-, к которому восходит рассматриваемый иранский корень, — греч. χήρα 'сирота; вдова', χωρίς 'кроме, отдельно', χηρωστής '(кожлатеральный) наследник', дат. hēgēn 'наследник; преемник'; см.: В е н г а д е г - Н е н г i п к. Reallexicon. I, s.v. Erbschaft; Е.В. Е п в е п i e t a. Vocabulaire, с. 83-85.

II8) Под "учрежденным" братом следует понимать усыновленного покойным главой семьи.

II9) ВЕАга. V (1968), с. II.

II0) Предложенный Х.С. Нюберггом ("Unvala Memorial Volume". Bombay, 1964, с. 105) перевод этого отрывка совершенно неверен.

Р а з д е л У

I) Подробный анализ данного пассажа Видевдата с привлечением древнеиндийских параллелей дан в работе Х. Людгера (H. L ü d e r g e r. Eine arische Anschauung über den Vertragsbruch. — ZPAW, 1917, XLVI, с. 347-374).

2) H. L. и др. Ук. соч.; см. также выше, разд. II, гл. I.

3) *Mir. Mand.* II, с. 3-15; *Zav I*, с. 5-20.

4) См. Глоссарий, в.ч. *rašt*, *ratmān*, ²*viđīr*, где даны отсылки к контекстам. Статья 105, 12-14 содержит термин *daatīk*, который, видимо, также означает "договор, контракт": имеется в виду соглашение, фиксирующее предоставление ссуды.

5) Достаточно указать на частое присутствие в Судебнике таких выражений, как *ret 3 gōvīān gōbet* 'трижды произносит декларацию', *ka gōbet ki-m andar nē arāyet* 'если он заявляет: "Мне не нужно" или "dāt rašt?" - 'хва!}', что вполне отвечает формулам римской стипуляции типа 'Spondeo?' - 'Spondeo!'.

6) В Судебнике документам посвящена специальная глава (АЭО, 5 - 32, 2), но сведения о них рассыпаны по всему тексту.

7) Документ, на котором отсутствовала печать, считался недействительным. В Судебнике (АЭО, 2-3) документ определен как единство письменного текста и печати ('глины').

8) 56, 5-8; 56, 17 - 57, 2; 59, 1-10.

9) См. 2, 8-10; 2, 11-13; 56, 8-12; 56, 17 - 57, 2; 59, 1-10.

10) Слова *guhārikān*, *guhārik* имеют в текстах также и значение "возмещение" и "эквивалент": *rat guhārik* 'против', 'в обмен на' (например, *Ratm. katak-xv.*, 7-8: *rat guhārik I 3000 drāhm* 'против / в обмен на 3000 драхм'). Термин переживает в н.-перс. *guhāri* 'обмен; возмещение', *guhāritān* 'совершать обмен'. Гипотезы об этимологии слова см. Глоссарий, в.ч. *guhārik*, *guhārikān*.

11) ДКМ 738, 14 и сл.: (*arag ... han-iđ vas-dātastān andar aragākānīh ut gōvand guhārik* "... а также о других нормах-максимумах, (установленных) касательно преимуществ (при обмене) к относительно обмена (мелкого) скота".

12) См., например, 32, 1-4: муж не имеет права отобрать у жены или сына в целях продажи вещь, переданную им в дар. Не могла быть предметом продажи фондовое имущество (34, 15 - 35, 6) и имущество, находящееся под ипотекой (38, 11-13). Ср. также ДКМ 737, 18: "О том, кто продает вещь, которая ему не принадлежит". По Илобохту (У, II, § 5), передача 'не-своей' вещи приравнивается к краже или к грабежу. Так же и в древнеиндийском праве: продажа чужого имущества (*avānivikṛāya*), без мандата со стороны собственника приравнивалась к краже; см. Законн Ману УШ, 197-200.

13) IV, 1, § 5a; V, 6, § 9a; V, II, § 6.

14) Этимологическим гипотезы см. *Zav I*, с. 43 (< *ā/pra* + *yāna-*, иран. ²*yān-* 'держать, брать'); Н.В.В а і І а у. - "Occasional Paper". IO (1971), с. 27 (*ā/pra* + ²*vāy-* 'платить').

15) PVA. 4. I: *nē arān gīr dē kō arān arāb nē dat rat ān I*
ānā havēt I-ā arāb arāyēt dāt ut nē guhārit dē guhāritān rat ān I
351

диш бават "Не бари ссудн, ибо тот, кто не возвращает ссуженной вещи ('ссудн'), совершает деликт, равноценный краже; и следует ее (= ссуженную вещь) вернуть, не заменяя, ибо (даже) эквивалентная замена (при ссуде. - А.П.) приравнивается к краже".

16) Ср., например: *pat āraṃdān viḥīḥ āvaḥt* - 107, 3-4; ср. также 2, 1-4; 38, 7-9.

17) Аналогичное положение в древнеиндийском праве (см.: J o l l y. *Recht und Sitta*, с. 100).

18) К примеру, приведенное в 38, 13-17 соглашение о займе, при котором своевременность возвращения кредитору долга обеспечивается залогом-ипотекой земельного участка с рабом: если должник не уплатил своевременно, он обязуется передать кредитору участок с рабом в собственность. Статья предусматривает и случай ущерба залога (смерть раба); тогда кредитору предоставляется право выбора между приобретением участка в собственность (долг, таким образом, будет погашен) и получением его в залог-антихрезу (до погашения должником долга); последнее равноценно превращению беспроцентного займа в процентный (ср. 67, 3-10).

19) С правом брать по частям, но без права брать половину в вежах, половину в деньгах; см. 67, 3-10; 68, 1-4; 68, 4-6.

20) В Судебнике Инобохта (У, 9, § 2) упоминается максимальная высота в 20% годовых. Возможно, тут имеется в виду максимум, принятый в сасанидском Иране, ибо в христианских законодательствах того времени максимальная норма составляла 12% годовых.

21) См. 2, 1-4; 2, 6-8; 55, 11-13; 55, 13-17; 55, 17 - 56, 5; 56, 8-12; 59, 1-10; А30, 10-12 (муж и жена выступают как корреляльные должники; жена отвечает по всему долгу и самостоятельно); ср. Инобохт У, 7, § 19.

22) См. 76, 4-13; 76, 13-17; 89, 10-11; 89, 11-15; ср. Инобохт У, 7, § 11, 16.

23) 37, 15 - 38, 1: получив от кредитора залог обратно, представитель должника вправе держать у себя этот залог в обеспечение своего права регресса к манданту (= должнику); см. также 38, 1-3.

24) Согласно *Рва.* 4, 1, невозвращение долга приравнивалось к краже.

25) Ср. также контрактные документы о ссуде из Дурра-Эвропос парфянской эпохи, *DRg.* 10 (121 г. н.э.), 13 (133/4 г. н.э.), 32 (134 г. н.э.): все они содержат такой пункт. Ср. также Инобохт У, 7, § 15: об удовлетворении кредиторов из имущества должника; § 1-4: о порядке удовлетворения множественных кредиторов одного должника.

26) О некоторой способности раба вступать в обязательственные отношения см. выше, разд. I, гл. 3.

27) Долги наследодателя должны быть взысканы с наследника, даже если он отрекся от наследства; см. 89, 8-9. (Противоположное решение у Инобохта У, 6, § 13, 4, 5.)

28) Наряду со статьями, уже упомянутыми, см. 2, 4-6; 13, 4-5; 15, 8-9; 15, 12-14; 16, 1-2; 16, 2-5; 16, 14-17; 29, 12-17; 30, 1-3; 30, 4-8; 30, 13-15; 30, 15-17; 31, 2-3; 31, 8-15; 31, 15 - 32, 1; 37, 15 - 38, 1; 38, 1-3; 50, 3-4; 53, 4-6; 53, 6-10; 59, 12-16; 60, 1-2; 60, 2-3; 60, 3-5; 60, 5-7; 60, 9-10; 60, 10-16; 61, 1-3 - 61, 8-9; 61, 5-7; 61, 7-9; 61, 9-12; 62, 2-4; 62, 12 - 63, 1; 63, 3-4; 63, 4-5; 70, 16 - 71, 2; А1, 16 - 2, 1; А32, 5-8.

29) A. Pagliaro. - *RSO. XV (1935), с. 286.*

30) К семантике ср. франц. 'saiale'.

31) Далее говорится о том, что человек вправе не передавать вещь из своего имущества, если кредитора удовлетворяет иная форма погашения долга. Но и при отсутствии иного соглашения такие вещи, как одежда или предметы, определяемые термином *daivaga*, т.е. 'находящиеся в обиходном употреблении', 'орудия' (ср. н.-перс. *daivaga*), сам должник (и его наследник) вправе не передавать кредитору в уплату долга, если у него имеется другое имущество; если же у должника его нет, то такие предметы он вправе не передавать кредитору до конца своей жизни.

32) См. 60, 9-10; 60, 10-16; 99, 15-17; А1, 13 - 2, 1 (специальный случай: невозможность взыскания по долгу покойного с передачи, не вступившей пока в силу).

33) Ср. др.-арм. (из парф.) глаг 'залог', глагакан 'залог; заложной договор; заложной документ'.

34) Иранское залоговое право (в частности, антихреза) рассматривается в специальной статье: A. P a g l i a r o. L'antichresi nel diritto iranico. - *RSO. XV (1935), с. 275-315.*

35) По Инобохту (У, 7, § 5, 13), должник мог продать или передать залог-ипотеку, но такая передача/продажа вступала в силу лишь после погашения долга. При этом той частью ипотеки, которая была равна стоимости долга, он не мог распорядиться (У, 7, § 7, 8). Такое положение характерно для римского права: здесь предмет залога мог быть отчужден собственником-должником, но исковое право кредитора действовало и в отношении нового собственника.

36) См. Инобохт У, 9, § 4; Ману 8, 143-144.

37) Древнеиндийское право в отличие от иранского не знало ипотечки; оно знало только депонированный залог и антикреду.

38) См.: J o l l y. Recht und Sitte. с. 101.

39) См. 37, 13-15; 38, 3-6; 38, 17 - 39, 2; 39, 2-5; 39, 9-12; 40, 5-13; 40, 13-17; 40, 16-17; ср. 99, 17 - 100, 5.

40) Ср. Ишобохт У, 7, § 9, 18.

41) 40, 5-13; 85, 2-4; 85, 5-6; 89, 6-7; 101, 17 - 102, 3; 104, 1-4.

42) По древнеиндийским нормам должнику после наступления срока погашения долга предоставлялся льготный период в 10 или 14 дней, после чего кредитор продавал в присутствии свидетелей залог и присваивал сумму, равную стоимости долга; см.: J. J o l l y. Über das indische Schuldrecht. - SPAW, philol.-philolog. Klasse, Dezember, 1877, с. 301-303.

43) Интересный казус представлен в 31, 5-9. Раб, находящийся в залоге-антикреду, отправлен кредитором на работу в другой махр. Во время пребывания там раба должник-залогодатель погашает свой долг. Тогда до возвращения этого раба эквивалент его стоимости должен быть передан кредитором залогодатель, погасившему свой долг, в обеспечение возвращения ему раба. В статье рассматривается и другой вариант ситуации: раб вернулся из другого махра, а кредитор пока не вернулся: жена и дети этого последнего вправе до возвращения его домой не принимать от должника платы и не выпускать раба из своего владения.

Р а з д е л VI

1) Vd. IV, 17, 18, 21; AirWb. 310; Дагместетер. ZA, II, с. 54; Dhahhar. Kha, II, с. 129-130.

2) Vd. IV, 17, 26; Fr. I oim 25b; AirWb. 194; Дагместетер. ZA, II, с. 54; Dhahhar. Kha, II, с. 130.

3) Vd. IV, 37; Дагместетер. ZA, II, с. 58; Dhahhar. Kha, II, с. 130-131; AirWb. 214, 1867. К этимологии ав. uñta- (производное от иран. *uñ- 'нанести вред; совершить насилие') см.: F. B. J. K u i r e r. - IJ. XV (1973), N 3, с. 179-190.

4) Vd. IV, 40, 42; V, 37; XIII, 12; XIV, 1; S. V a r t h o l o m a e. - IF. Bd 10 (1899), с. 6; AirWb. 919-920, 1005.

5) Pers. Riv. Norm. Frag., с. 288-289.

6) Производное от иран. *man-; ср. хот.-свк. man- 'to strike, beat; injure'; В a i l e y. Prolegia, с. 273 и сл. Ср. также лат. minor 'выступать вперед; угрожать', minatio 'угроза', mi-

пах, minator: 1) 'наступающий'; 2) 'угрожающий', промінео 'выступать'. Дж. Тавадиа (*ŠnŠ*, с. 13 и сл.) считал этот термин интерполированным в тексте и не относящимся к данной группе.

7) *92*, 14-16; *92*, 16-17+*97*, 1-3; *97*, 3-7.

8) См.: С. В а г т н о л о м а е. - *IF.* Bd 12 (1901), с. 118-122; А. Р é г і к н а л і а н. - *REArm.* VI (1969), с. 9-11.

9) *AI5*, 2-5; Ишодохт У, II, § 5.

10) В пехлевийской Авесте служит переводом ав. авта-; в *Wg.* 41 имеется глосса: ka gōβēt ē(t): dān nēst. Нериосанг переводил аваткаг в Р.У. 44, 14 посредством санскр. *pātikatvam* (но ср. *D h a b h a r.* *KhA*, II, Gloss., с. 36); см. также *AVN*, 90, 97: *drōt ut anast.*

11) См. *AI5*, 9-11; *AI5*, 11-12; *AI5*, 15-17; *A38*, 12-16; *A38*, 16 - *39*, I.

12) См. *D h a b h a r.* *KhA*, II, с. 128, примеч. 7.

13) E. В e n v e n i s t e. *Coutumes funéraires de l'Agachonie ancienne.* - "A Locust's Leg", с. 39-43.

14) Чтение предположительное; точное значение не установлено.

15) См. *8*, 2-10; *83*, 8-11; *83*, 13-17; *AI5*, 9-11; *A25*, 16 - *26*, II.

16) См. *24*, 7-10; *73*, 7; *73*, 8-9; *83*, 7-8; *83*, 13-17; *AI4*, 1-4; *AI4*, 4-5.

17) Букв. '... (акт) физического ущерба не будет (подлежать в целях его искупления) оплате, как и перенесению (на делинквента ударов, принятым им на себя физического наказания. - А.П.)'. Имеется в виду недостаточность физического наказания и необходимость совершения делинквентом очистительных религиозных обрядов и иных актов благочестия для полного искупления своего греха. Здесь *šīwī-* (в дат. пад.) как форма расплаты за проступок имуществом, штрафом противостоят *urawāgati-* (также в дат. пад.) - подвержению делинквента физическому наказанию. К значению последнего термина ср. греч. *ὑποφέρω* 'перенести (на себя, или на кого-то); подвергнуть(ся)', ср., в частности, *πληγὰς ὑποφέρειν* 'подвергнуть ударам' (*Plut. Eum.* 7). Смысл авестийского слова был верно передан Бартоломэ ('*Leibestraf*', *AgrWb.* 391) и неточно Бенвенистом ('*aggression*', *Les infinitifs avestiques*, 54).

18) При присуждении провинившемуся полевых работ или, точнее, отработок (очевидно, на общественном поле или "священном") мврой служил срок отбытия: в Авесте указаны сроки отработок от одного дня до одного года (*Wg.* 42, 43, 69, 83, 109).

19) ва. 4, 20, 24, 28, 32, 35, 38, 41; 5, 43; б. 4, 8, 16, 47; 7, 71; 13, 24, 37; 15, 1-8; 16, 13.

20) Этот акт приравнивался, очевидно, к легчайшему из проступков — *шайа* — наказанием за который служили 3 *шаабобгага*.

21) См., в частности, комментарий Дж. Тавади в его издании текста *Šnš*, с. 13-16, а также *Rev. Riv.* (ed. Dhahher), с. 288-289.

22) И подопечное лицо — женщина сама отвечала за свой проступок; ответственность женщины за кражу переносилась на ее мужа, если он изгнал ее из своего дома и не кормил, т.е. если он сам совершил преступление *адвадат* и тем вызвал деликт жены (135, 6-9).

23) Применекне в сасанидском Иране истязаний и жестоких пыток во время политических и религиозных гонений широко засвидетельствовано в источниках, особенно в армянских и сирийских. Но эти факты не имеют отношения к деятельности судебных учреждений и к нормам правосудия, применявшимся к иранским гражданам-зороастрийцам.

24) В силу личной ответственности за деликт обязанность уплаты штрафа не могла лечь на преемника делинквента. Из этой статьи можно также заключить, что подобный иск, будь он вчинен опекуном овдовевшей женщины, не повлек бы за собой присуждения штрафа, даже будучи принят к судебному рассмотрению ("приобрести" штраф могла только пострадавшая сторона, в данном случае муж, но он умер).

25) См., например, 9, 3-6; 36, 16-17; 102, 3-9; A14, 4-5.

26) Стипуляция двойного штрафа характерна для всех дошедших до нас правовых документов, оформленных в парфянских судах; суд, действовавший в это время в Дура-Эвропос, был "царским", *τὸ βασιλικὸν δικαστήριον*; см. DPG. 10 (Welles, № 20), DPG. 13 (Welles, № 22), DPG. 26 (Welles, № 24), DPG. 40 (Welles, № 19); *Avrohad I, II*. Максимальная высота штрафа, указанного в этих документах, составляет 1000 драхм.

27) Решением суда к краже могли быть приравнены незаконная торговая сделка, неуплата долга и т.п. (см. I, 13-15; 3, 5-6).

28) За столь близкий, казалось бы, к краже проступок, как грабёж, не подвергали клеймению. В иранском праве эти два проступка были четко отграничены один от другого, и, видимо, шэдревле. При этом в религиозно-этическом плане воровство считалось, несомненно, более тяжким проступком, ибо неразрывно связано с обманом, ложью, грабитель же, совершая насильственный закат, действует открыто.

29) См. А13, 13-15; ср. интерпретацию А.Пальяро — ВСО. ХХХИ (1948), с. 54-55.

30) Согласно пехлевийскому комментарию, ав. *pāgāñi būaōdā* означает "смертная вина" (*tanārihr*).

31) Об этих терминах см.: А.Р. Ё г и н а н и а н. — ВСАгм. У1 (1969), с. 9-14; Глоссарий, в.ч. *atvadāt*.

32) Так, Елише (У в.) приводит приказ царя Иездигерда II (439-457), по которому любой армянин, сопротивляющийся насаждению зороастризма в Армении, подлежал суровому наказанию, а именно "сам он должен быть подвергнут смертной казни (*šahm ratubas ardūnī*), а жена и сыновья такого человека должны быть подвергнуты изгнанию/депортации (*anāšxahnik eštal*) и отправлены в царский остан (*yašk'unis art'io'sen*)". См. московское издание 1892 г., с.66. Если возможен — и даже правомерен — известный скепсис в вопросе подлинности текста приказов и писем сасанидского царя и его представителей в труде Елише, вряд ли можно сомневаться в достоверности самих реалий, которые Елише, как современнику, были хорошо известны.

33) А38, 16 - 39, 1 упоминает указ, исходящий от рата Махраспанда и разосланный по шахрам. Согласно этому указу — его следует, видимо, датировать между 276-290 гг. н.э. — за принадлежность манихейству и пропаганду этой религии имущество осужденного должно было быть отобрано и передано в царскую казну.

34) 24, 4-7; 97, 13-14; 97, 15 - 98, 1; 98, 13-14.

35) Ср. в том же списке ав. *avābhuēiti* (3 Sg. Prasa. Ind.), букв. 'сбрасывает' (of *avā²ah-*, ср. санскр. *āvṛati*).

36) Мне не кажется возможным принять предложенное Бартоломэ (Зав V, 33-35) объяснение этого термина, а также всей статьи, не понятой им в целом вследствие неверного толкования таких важных ее терминов, как *auōrēn*, *atūr*, араг *nārdan*. Согласно Бартоломэ — он исходил из авестийского написания *ragatabaiti* 'убегает'/'уходит', — проступок, о котором идет речь в данном пассаже Судебника, состоит в бегстве женщины от мужа. Однако уже одного вступления ее в брак при жизни отца было достаточно для того, чтобы стурство ее отца было перенесено на ее дочь, в силу чего упоминание возможного бегства ее от мужа было бы лишено смысла в данном правовом контексте. Показательно также, что проступок, выраженный авестийским словом, непосредственно следует за упоминанием о 'смертной вине' и выступает в качестве однородного члена.

37) См. А15, 11-12; А26, 5 - 26, 11; А34, 6-9; А34, 9-10; А34, 10-13; А34, 13-16; А34, 17 - 35. 3.

Р а з д е л У П

1) См. Y. 19, 12; 27, 1, 13; 29, 6, 6; Yt. 13, 91, 92, 152; Vbpr. 2, 4; 11, 21; Fr. I oīm 4c; AirNb. 281-282.

2) См.: R. Y a r o n. Introduction to the Law of the Aramaic Papyri. Ox., 1961, с. 27-28; A. V e r g e r. Ricerche giuridiche sui papiri aramaici di Elefantina. Roma, 1965, с. 179-185; о н ж е. L'amministrazione della giustizia nei papiri aramaici di Elefantina. - "Atti della Accademia naz. dei Lincei". Rendiconti. Vol. XIX. Fasc. 3-4, 1964, с. 75-87.

3) См.: R. Y a r o n. Introduction, с. 114-128.

4) Об иранизмах в Вавилонском Талмуде см.: S. T e l e g d i - J a. Т. 226, 1935, с. 223-256. К значению этого памятника для изучения иранской действительности сасанидского периода см.: Н е п в н е р. ук. соч.

5) Так, согласно греческой версии Агафангела, существовал специальный армейский суд: этот текст упоминает армейского судью, *σπαδαβουαρ* - ср.-перс. *spāhdābārag*.

6) 93, 3-4; 93, 9-11; 99, 3-8; 99, 17 - 100, 5; 100, 7-11; 100, 11-15; 110, 13-15; A12, 11-13; A26, 11-16.

7) См., например, ссылки на судебную практику, принятую в Дарабкерт (70, 3-12) и в Гиркании (44, 2-3). На отсутствие унификации в процедуре, принятой в различных областях государства, указывает и следующая формулировка (относительно внесения в протокол допроса пункта о репутации тяжущегося или свидетеля): "Во многих шахрах и местностях и теперь в протоколах допроса пишут: 'Сей муж пользуется вокруг дурной славой, как совершивший этот проступок'" (A35, 4-5).

8) 7 14-15; 20, 9-10; 56, 13; 57, 12; 76, 8-9; 104, 6-8; A1, 4-5; A3, 4; A6, 13-14; A29, 17; A40, 5-6.

9) Ср. также Dkm 773, 5-8; Fr. I oīm. V и равнозначный термин *dātākēvīn* - Dkm 713, 5-7; 733, 3-8.

10) Название этого наска раскрывается как **dumd var pijat*, что передает, по-видимому, авестийскую синтагму, означавшую приблизительно "the thief's head downtricken" (см.: E. West. - SBE. XXXII, 1892, с. 74, примеч. 2). В первой части этого наска речь шла о кражах, см. ее обзор в Денкарте (721, 1-722, 15).

11) Чихрдат, судя по эпитоне этого наска в Денкарте (688, 6 - 690, 11), был скорее легендарного содержания: в нем говорилось о первоначальных родах и о племенах, населявших "хванирас", о первой супружеской паре и ее потомстве, о родословных леген-

дарных героев и т.п. Другой наск, Баган-янт, был литургическим (см. ДКМ 692, 15 - 693, 2).

12) Так согласно Э.Бенвенисту (см. *Herding Mem. Vol.*, с.37-42).

13) Возможно, порядок этот был установлен в IV в. н.э. Атурпнатом, сыном Махраспанда (ср. ДКМ IV, 27), но он мог восходить и к более ранней традиции.

14) Их совсем не обязательно ставить в зависимость от наличия письменной Авесты, каким бы важным стимулом к созданию экзегетической литературы ни служила письменная фиксация священного текста.

15) См. 2, 5; 49, 14; 65, II; 67, 8, 15; 69, 16; 70, 13; 98, I; A9, 5; A12, 14; A16, 14-15; A28, 5-7.

16) См. II, 2; 36, 2; 44, 3; 44, 14; 62, 10-II; A12, II.

17) ДКМ 699, 7-8: *Apar ādehik ut uzdehik pat hāvand dāta-stānīh ut dāta-stān I-ī rēš bun kart.*

18) Ср., в частности, нередкие указания на различные детали из практики светских ('внешних') судей у Ишобохта (например, VI, 1, § I; VI, 2, § 5, 7).

19) В случае невки ответчика до этого времени та же процедура повторялась в следующие два дня, судья же регистрировал уклонение ответчика от явки в суд.

20) Букв. 'чернота и белизна'. Очевидно, речь идет о "черноте" и "белизне" волос как о возрастном признаке.

21) См. 91, 1-15; A22, 16 - 26, II; A29, 9 - 30, 2; A30, 2-3; A30, 3-5; ср. A28, II-12.

22) *Rēšmār/razmār pat ēvarīh raytākēnišn*; см., например, 13, 3; A13, 8-9.

23) ДКМ 723, 17-19; см. ниже, главу о клятве и ордалии.

24) ДКМ 707, 1-12; *Perz. Riv. Noqa. Fran.*, с. 41-42.

25) Но такой приговор мог быть ему вынесен и при отсутствии у него свидетелей, если он явился в суд по принуждению (см. 92, 2-6).

26) Термин *yāta<k>gōš*, обозначающий "процессуального представителя", в тексте Судебника формально противопоставлен термину *yātakvar*, употребленному в значении "основной табущийся" (75, 14-17; 75, 17 - 76, 1; 76, 4-13; 77, 12-14). Ср. также противопоставление *mātak - daatafar* (2, 3-4; 8, II-13).

27) Ср. почетный титул *yāta<k>gōš I drīyōmān* 'защитник интересов бедных', дававшийся магупатам и засвидетельствованный как в Судебнике (93, 4-9), согласно которому он должен был по приказу Хосрова I фигурировать на официальной печати (главного)

магупата Парса, так и на оттисках печатей магупатов Стахра и Арташахр-Хварра (dīgwi'n u'tkwy N d'tebly), обнаруженных в Каср-и Абу Наср (издания: В.Ф.Г.У.С. Sasanian remains from Qasr-i Abu Nasr. Cambridge, 1973 (Harvard Iranian Series, I), с. 61а, 63а; Р.Д.И.Г.И.О.Х. - Мém. J. de Mémoires, 1974, с. 177, 179, 183).

Титул этот продолжает (или воскрешает) древнюю социально-этическую концепцию представительства и защиты людей бедных, но преданных идеалам религии. Он имеется в Авесте, ср. ав. gāuō.dri-
 yav- (в пехлевийском переводе: vḡāuēnītār ī dṛiγōbān) и данное Заратустре (У. 27. 13) определение как "покровителя (vāstar-) благочестивых нищих (driγu-)". Из Ирана эта концепция проникла в Армению: Фавст Бузанд (IV, 3), рисуя нравственный облик католикоса Нерсеса (IV в.), приписывает ему полный набор качеств, входящих в эту зороастрийскую этическую концепцию (они известны нам по пехлевийским текстам), и характеризует его как Jatagov amandun arkeloc 'адвокат всех обездоленных'. См. также литературу вопроса: В а г т h o л o ш а е. Mír. Mand. II, 16-24; W.B.H e n n i n g. - "Asia Major". II. I (1951), с. 144; Mitteliranisch, с. 46; J. de M e n a s e. - Mélanges H. Masanié. Té-héran, 1963, с. 282-287; H.L o s s e l. "Fratidāna", 1969, с. 127-133; К.В в р г. - "Studia Orientalia I. Pedersen... dicata". Copenhagen, 1953, с. 21-40; W.B.B a i l e y. - "Studies in Indo-Asian Art and Culture". Vol. 2, с. 16-18; M.B o u s e. A History of Zoroastrianism. Vol. I. Leiden - Köln, 1973, с. 261.

28) См.: J o l l y. Recht und Sitte, с. 132.

29) См. Fr. I o l m 27, в.в. arāḡāvanō; Reichelt. - WZKM. Bd 15 (1901), с. 125.

30) Вытекающее отсюда техническое значение термина ragsiān ("судебное расследование через процесс") выступает и в древнеармянском тексте Елише (V в.): aḡxarhaw r'agsiān i vaxay uaxayjir ew ḡkawt'ak araxjir uaxkoov k'an vḡagan "Учини над ним публичный процесс и сошли его по ту сторону Курана". Арм. ḡkawt'ak 'сосланный' - иранизм, производное от иран. *vkar/b-; ср. арм. ḡkareh 'изгонять, выгонять', ср.-перс. oḡkāftak (Dk) 'сосланный', хот.-сак. naltsiḡrḡ- 'to remove' (< *niš-vāmbaya-; Emerick. - SGS, с. 49, 76, 128, 150). Объяснение, данное этому слову в "Этимологическом словаре" Ачаряна из предположительного пехл. *ḡkaftak 'увечный (в результате понесенного наказания)', не может быть принято.

31) О документах, принимавшихся судом датабаров, см.: Ишобохт VI, 2, § 5, 7. Сирийский перевод Судебника Ишобохта (VI, 3, 360

§ 2) сохранил нам среднеперсидское обозначение поддельного документа — фальшивки, *zwīgā* ^{zwīgkart}, иран. ^{zīgah + karta}-. В этом же тексте (VI, 3, § I-4) говорится о наказаниях за фальсификацию документов.

32) См. 92, 2-6; A15, II-12; A25, 16 - 26, II; A28, 7-10; A34, 6-9.

33) 100, 5-7; 100, 7-11; 100, II-15; A28, 7-10.

34) Примеры формул судебных приказов о владении в случае задержки процесса из-за контумации: "Пока процесс не завершится (*tāk dāstān var bavēt*), не ливай (его владения вещь)!" (10, 12 - 11, 7); "До окончания процесса пусть (ответчик-раб. - А.П.) несет рабскую службу у истца, как если бы он являлся его рабом!" (11, 16 - 12, 4; 12, 4-9).

35) Аналогичное положение существовало и вне Ирана, например в местном праве птолемеевского Египта (см.: Таблепсхлаг. Лал, с. 522).

36) Подробный анализ этого термина и всего материала, относящегося к данному вопросу, см.: А.Р. Ёгикханян. Le contumace dans la procédure iranienne et les termes pahlavis *hašāhānd* et *egāb*. - Мém. J. de Menasse, с. 305-318.

37) В текстах: *ut haš razānār/rēbānār hašāhānd bavēt* "и имеет место контумация по вине ответчика/истца" (10, 11 - 11, 7; 11, 8-3); *haš razānār nē šut hašāhānd bavēt* "из-за неявки ответчика имеет место контумация" (73, 10-12; 73, 13 - 74, 5) и т.п. См. Мém. J. de Menasse, с. 309.

38) См. 12, 9-13; 13, 13-15; 15, 3-7; 73, 13 - 74, 5; 74, 5-9; 75, II-12; A30, 12-16.

39) Этой констатации судьей факта нарушения обычного процесса могла предшествовать декларация явившейся в суд стороны о неявке другой. См. 7, II-15; 73, 10-12; 73, 13 - 74, 5; A25, 16 - 26, II.

40) Ср.-перс. *egāb* (al'a) < иран. ^{egād(a)}- 'ставка пари; залог'. Об этимологии см. Глоссарий, в.ч. *egāb*; Мém. J. de Menasse, с. 314 и сл.

41) Там, где сторона была представлена несколькими лицами, как, например, в деле о грабеже, совершенном тремя людьми, залог, выставлявшийся в данном процессе стороной ответчика, делился на три доли, и каждый из этих людей должен был выставить залог в соответствии со своей долей, тогда как штрафную сумму в 12 драхм должен был уплатить каждый из них, если эта сторона была повинна в контумации (11, 8-13).

42) См. 10, 12 - 11, 7; 11, 8-13; 11, 13-15; 11, 15 - 12, 4; 12, 4-9; 12, 13-16.

43) См. *Mém. J. de Ménéasse*, с. 317-318.

44) Об ордалиях в древнем Иране см.: "Encyclopaedia of Religion and Ethics". Т. 9, с. 524 и сл. (Edwarda); J. M o d i. Oath among the Ancient Iranians and the Persian Zaogand-Namah. - "Journal of the Anthropol. Soc. of Bombay". 1922, № 2, с. 204-224.

45) Ав. *varah-*, ср.-перс. *var* (ср. также ав. *urvāta-* 'заповедь; приказ', орм. *var* 'клятва', Видга *vor* 'клятва') образованы от иран. **var-* 'торжественно заявлять' (н.-е. **var-* 'возглашать', греч. *ἔρω*, *ῥήτορ*, церк.-слав. *gota* 'клятва', др.-прусс. *wertammi* 'мы влянемся'); см.: В а i l l e y. *Prolegia*. с. 78-79, III.

46) Легендарное отражение этой ордалии имеется в рассказе о семи чудесах Дхамшида (= Яма-Хмасты), а именно о шестом чуде: неправый из тахущихся идет ко дну, тогда как правый остается на поверхности воды и подходит к символизирующей судьбу фигуре на мосту, перекинутом через реку (см. *Рига, Riv. Notiz. Frae.* 437; В а r t h o l o m a e. *Zend Nam.*, 152).

47) См. 6, 2-6; 13, 4-5; 13, 6-13; 13, 14-15 (хозяйке дома и ее опекуну, представляющим совместно сторону ответчика); 13, 15 - 14, 2; 14, 2-5; 14, 5-7; 14, 7-12; 92, 14-16 (двум лицам, обвиняемым в преступлении, т.е. стороне ответчика в процессе); 92, 16-17; 97, 1-3; A32, 5-7 (всем сонаследникам, солидарно ответственными по долгам наследодателя).

48) В эпитоме (709, 19-21), гласящей: "Которого из мужей (выступающих противниками в процессе. - А.П.) следует считать компетентным в принесении клятвы (= принятии ордалии)". Слово, читаемое мною как *parīkān* 'мужи', Х.Бартоломэ читал *varīkān*, толкуя его как специальный термин, *varīk*, якобы обозначающий лиц, которым была определена ордалия. Однако такая интерпретация создает логическое противоречие внутри данного пассажа (уж если ордалия была определена двум или более лицам, то каждое из них "компетентно") и расходится с вытекающим из Судебника положением, согласно которому ордалию определяли только одной стороне. К предлагаемому мною чтению *parīkān* ср. *Vd.* 4, 46: *ham.tartibyō ai-yō bāhgate parēbyō* '(ордалию) горлчей водой устраивают они мужам'.

49) См.: A. V e r g e r. *L'amministrazione della giustizia nei papiri aramici di Elefantina*. - "Atti della Accademia nazionale dei Lincei". Ser. VIII, Rendiconti (Cl. di Scienze morali, stor. e filol.), Vol. XIX, fasc. 3-4. 1965, с. 87-94.

50) См. Судебник, 76, 4-13; 78, 2-II; 78, 14-15; 78, 15-17; ср. A19, 6-9; A23, 6-10; A23, II-15.

51) В Денкарте (771, 17 и сл.) ордаальной процедуре приписывается способность "с участием божественной силы (шѣпöк>-кögĭ-nā) оправдать, как и осудить (böxtan ut ēgaxtan), тяжущегося", сделать так, что в том или ином проступке "скрытое становится явным". Ср. также 893, 16 и сл.: "При совершении ордалии благодаря божественной силе сомнительное становится достоверным, темное - светлым".

52) Об этом слове см. Глоссарий, с. 545.

53) Или же: "Относительно главы ордалии (= var-östikān) и других слугителей", ибо не исключена возможность видеть в написании wrst'nyk'n искаженное wr'wstyk'n, засвидетельствованное в ДКМ 707, 10-12.

54) Darab Normazyar Rivayat. Vol. I. Ed. M. Unvala. Bombay, 1922. с. 47-54; Pers. Riv. Norm. Fragm., с. 41-51.

55) В тексте араб āstavānīh haš-iš, ср.-перс. āstavānīh (пехл. 'wstwb'nyh) означает "признание, исповедь", ср. маних.-ср.-перс. 'wtw'n 'признающий(ся), исповедующийся'; к значению "отречение" данного слова в сложении с предлогом араб ср. ав. awatav- 'отречься'.

56) Осетинское выражение восходит к иран. *artan xvar- 'клясться Артой' (см. Глоссарий, с. 545), сопоставимому с санскр. rtaṃ va-.

57) Подобное отождествление терминов "клятва" ⇔ "ордалия" известно и в других языках. Например, санскр. śarātha- 'проклятие; клятва' (śarati 'клясть', в среднем залоге 'клясться') нередко употреблялось также в значении "ордалийный суд", заменяя более обычный для ордалии термин divya-, который, в свою очередь, мог выступать в значении "клятва"; см.: J o l l y. Recht und Sitte, с. 144.

58) Сходное положение существовало и в других правовых системах. Так, в птолемеевском Египте (местное право) судья сам составлял формулу клятвенного показания и вручал ее тяжущемуся; см. T a n b e n s c h l a g, The Law, с. 516.

59) Этимология (< иран. *stāta- 'отрезанный') см.: H. W. Bailey. - BSOS. VII. 2 (1934), с. 280-281.

60) Но ср. ДКМ 709, 15-16: "О судебном процессе, в ходе которого трижды совершают ордальную процедуру".

61) 13, 13-15. О контумации в судопроизводстве древнего Ирана см. предыдущую главу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Абаев.** ИЭСОЯ - В.И.Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. I-II. М.-Л., 1958-1979.
- ВДИ** - "Вестник древней истории".
- Глоссарий** - А.Г.Перхьян. Сасанидский судебник "Книга тысячи судебных решений" (Mātakdān ī hazār dātaatān). Ер., 1973, с.430-559.
- Дивизиц** - В.А.Дивизиц. Юридические документы и письма. - Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. М., 1962.
- СЭ** - "Советская этнография".
- Āfr.** - Āfrīnakān.
- AirWb.** - C. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Straassburg, 1904.
- "A Locust's Leg" - A Locust's Leg. Studies in honour of S.H. Taqizadeh. L., 1962.
- Андреас - Хеннинг.** MIM - F.C. Andreas, W.B. Henning. Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan. I-III. - SPAW, 1932, X, 173-222; 1933, VII, 292-363; 1934, XVII, 846-912.
- Bailey.** Prolexis - H.W. Bailey. Indo-Sogthian Studies. Prolexis to the Book of Zambasta. Cambridge, 1967.
- Bailey.** ZP - H.W. Bailey. Zoroastrian Problems in the Ninth-Century Books. Ox., 1943.
- Bartholomae.** Mir. Mund. - C. Bartholomae. Zur Kenntnis der mitteliranischen Mundarten. I-VI. - "Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften". 1916-1925.

- B a r t h o l o m a e.** Zend Hss. - C. B a r t h o l o m a e. Die Zendhandschriften der K.Hof- und Staatsbibliothek in München. München, 1915.
- Bd.** - Bundahišn.
- Beauchet** - L. B e a u c h e t. L'histoire du droit privé de la République athénienne. Vol. I-IV. P., 1897-1901.
- B a n v e n i e t e.** Titres - E. B e n v e n i e t e. Titres et noms propres en iranien ancien. P., 1966.
- B e n v e n i e t e.** TS - E. B e n v e n i e t e. Textes sogdiens. P., 1940.
- B e n v e n i e t e.** Vocabulaire - E. B e n v e n i e t e. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. Vol. I-II. P., 1969.
- BGU** - Aegyptische Urkunden aus den königlichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden.
- B o y c e.** Hymn-Cycles - M. B o y c e. The Manichaean Hymn-Cycles in Parthian. Ox., 1954.
- BSL** - "Bulletin de la Société de linguistique". P.
- BSOAS** - "Bulletin of the School of Oriental and African Studies". University of London.
- CAJ** - "Central Asiatic Journal". The Hague - Wiesbaden.
- CII** - Corpus Inscriptionum Iranicarum.
- D a r e e s t e t e r.** ZA - J. D a r e e s t e t e r. Le Zend-Avesta. Vol. I-III. P., 1892-1893 ("Annales du Musée Guimet". T. 21, 22, 24).
- Dd.** - Dāstān ī dēnīk.
- D h m b h a r.** KhA - B. D h e b h a r. Zand-i Khrtak Avistāk. I-II. Bombay, 1927-1943.
- D i t t e n b e r g e r.** OGIS - W. D i t t e n b e r g e r. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Lpz., 1903-1905.
- DkM** - Dēnkart. Ed. D.M. Madan. Bombay, 1911.
- E m m e r i c k.** SGS - E. E m m e r i c k. Saka Grammatical Studies. Ox., 1968 ("London Oriental Series". Vol. 20).
- Fr. I oīm.** - Frahang ī oīm.
- Fr. I P.** - Frahang ī Pahlavīk.
- G e r s h e v i t c h.** Mithra - I. G e r s h e v i t c h. An Avestan Hymn to Mithra. L., 1959.
- GrBd.A.** - The Graft (or Iranian) Bundahišn. Ed. by T.D. An-klesaria. Bombay, 1908.

- H a r r i s o n** - A.R.W.H a r r i s o n. The Law of Athens. Ox., 1968.
- H e n n i n g**. BBB - W.B.H e n n i n g. Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch. - AFAN. 1936, N 10.
- Hennig Mem. Vol.** - W.B.Hennig Memorial Volume. L., 1970.
- H e n n i n g**. Mitteliranisch - W.B.H e n n i n g. Mitteliranisch. - HOr. IV. 3. 1958, 20-129.
- H e n n i n g**. Sel. Pap. - W.B.H e n n i n g. Selected Papers. Vol. I-II. Leiden, 1977 ("Acta Iranica", 14, 15).
- H e n n i n g**. Zoroaster - W.B.H e n n i n g. Zoroaster - Politician or Witch-doctor? Ox., 1951.
- H ü b e c h a a n n**. AG - H.H ü b s c h m a n n a. Aramäische Grammatik. I. Lpz., 1895.
- IF** - "Indogermanische Forschungen".
- I I J** - "Indo-Iranian Journal". Leiden.
- JA** - "Journal asiatique". P.
- JES** - "Journal of Hellenic Studies".
- J c l l y**. Outlines - J.J c l l y. Outlines of an History of the Hindu Law. Calcutta, 1885.
- J o l l y**. Recht und Sitte - J.J o l l y. Recht und Sitte. Strassburg, 1896.
- JRAS** - "Journal of the Royal Asiatic Society, of Great Britain and Ireland". L.
- K12 Šāhpuhr/Kartīr** - Ka'be-yi Zardušt (Šāhpuhr, Kartīr).
- Kn.** - Kernānak I Artāšīr I Pāpakān.
- K r a e l i n g** - E.G.K r a e l i n g. The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B.C. from the Jewish Colony at Elephantine. New Haven, 1953.
- KZ** - "Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen". begründet von A.Kuhn.
- MacK: K a n a i e**. Khw. Gloss. - D.N.M a o K e n s i e. The Khwarezmi glossary. I-IV. - BSOAS. XXXIII. 3 (1970), 540-557 (I); XXXIV. I (1971), 74-89 (II); XXXIV. 2 (1971), 314-328 (III); XXXIV. 3 (1971), 521-535 (IV).
- M a y r h o f e r**. Etya.Wb. - W.M a y r h o f e r. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd I-III. Heidelberg, 1956-1979.

- Mélanges Lincosier - Études d'orientalisme à la mémoire de R.Lincosier. I. P., 1932.
- Mélanges Morgenstierne - Indo-Iranica. Mélanges G.Morgenstierne. Wiesbaden. 1964.
- Mém. J. de Menasce - Mémorial J. de Menasce. Louvain, 1974.
- J.-P. de Menasce. Feux - J.-P. de Menasce. Feux et fondations pieuses dans le droit sassanide. P., 1964.
- MO - "Le Monde Orientale". Uppsala.
- Monumentum Nyberg - Monumentum H.S.Nyberg. Vol. I-III. Leiden, 1975 ("Acta Iranica", 4-6).
- MSL - Mémoires de la Société de linguistique de Paris.
- MSS - Münchener Studien zur Sprachwissenschaft.
- Mx. - Mēnōk ī xrat.
- Neuenner - J.Neuenner. A History of the Jews in Babylonia. Vols. Vol. I-V. Leiden, 1966-1970.
- Nir. - Nīrangistān.
- Nöldeke - Tabari - T.Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leyden, 1879.
- Nyberg. Hilfsbuch - H.S.Nyberg. Hilfsbuch der Pahlavi. II. Glossar. Uppsala, 1931.
- Nyberg. Manual - H.S.Nyberg. A Manual of Pahlavi. Pt II. Glossary. Wiesbaden. 1974.
- Pers. Riv. Horm. Fras. - The Parthian Rivayats of Hormasdar Framars and others. Transl. by B.N.Dhabhar. Bombay, 1932.
- P.Nir. - Pahlavi Nīrangistān.
- Pars. Āturfarn. - The Pahlavi Rivēyat of Āturfarnbag and Farnbag - Brōš. Ed. by B.T.Anklesaria. Bombay. 1969.
- P.Vd. - Pahlavi Vīdēvdāt.
- P.Y. - Pahlavi Yasna.
- REAs. - "Revue des Études Arméniennes".
- REH - "Revue de l'histoire des religions". P.
- Riv. Es. Aš. - Rivēyat ī Esēt ī Ašvahištān.
- RSO - "Rivista degli Studi Orientali". Roma.
- Rubina. Recht - S.Rubina. Das talmudische Recht I. Die Sklaverei. Wien, 1920.
- SBP - "The Sacred Books of the East". Ed. F.Max Müller.

- S o h r a d e r - M e h r i n g. - Reallexicon - O. S o h r a -
d e r, A. N e h r i n g. Reallexicon der indo-
gersanischen Altertumskunde. I-II. B.-Lps., 1917-
1929.
- SPAW - "Sitzungsberichte der preussischen Akademie der
Wissenschaften", phil.-hist. Klasse. B.
- SRb. - C. B a r t h o l o m a e. Über ein sasanidisches
Rechtsbuch. - "Sitzungsberichte der Heidelberger
Akademie der Wissenschaften". 1910, II Abh.
- ŠQV - Škand Gumānīk Vičār. Ed. J.-P. de Manasse. Fri-
bourg, 1945.
- Šnš - J. T a v a d i a. Šāyast-nā-Šāyast. Hamburg. 1930.
- T a u b e n s c h l a g. Opera minora — R. T a u b e n -
s c h l a g. Opera minora. Bd I-II. Warszawa,
1959.
- T a u b e n s c h l a g. The Law - R. T a u b e n s c h l a g.
The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the
Papyri. Warszawa, 1955.
- TPS - "Transactions of the Philological Society". L.
- Vd. - Vidēvdāt.
- Viepr. - Vieprat.
- Wallen - C. B. W e l l e s, R. O. F i n k, J. F. G i l l i a m.
The Parchments and Papyri (The Excavations at Du-
ra Europos. Final Report. V, pt. I). New Haven,
1959.
- WZEM - "Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlan-
des".
- Y. - Yasna.
- Yt. - Yašt.
- ZAIRWb. - C. B a r t h o l o m a e. Zum altiranischen Wör-
terbuch. Nacharbeiten und Vorarbeiten. Strassburg,
1906.
- ZDMG - "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Ge-
sellschaft". Lps., Wiesbaden.
- ZsR - C. B a r t h o l o m a e. Zum sasanidischen Recht.
I-V. - "Sitzungsberichte der Heidelberger Akade-
mie der Wissenschaften", 1918-1923.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- I. Авестийский.
древнеперсидский
ā. dahyav-	7,22,191	bāsu.jata-	248,254
ā.dranga-	(*drng) 60	bistaora-	253
ašwadāti-	23,29,60,249,259	čagoman-	96
āgarapta-	248	čavru.gaoša-	316
ā + grab-	240	čiṽā-	252
airyō.staora-	253	dahma-	259
ahm-	263	daiṇhšuš daiṇhmpaiti-	19
airyaman-	63	daiṇhu masa-	61,226
aiwyāphana-	63,296	driyu-	360
aortō.nāaan-	59	duš.sasti-	251
āparati-	252	duš.xratav-	251
arəduš-	248,253,254	duš-daēnā-	251
¹ arəṽa-	263	duš-urta-	251
² arəṽa-	264	duš-yešti-	251
arəṽavan-	264	fra-ayəng-	259,261
arəṽra-, arəṽya-	264	frataraka-	264
astō.bid-	248,254	fravaši-	80
aštra-	253	frasā.baodah-	248
ātra.saoka-	335	gaēṽa-, gaiṽa-	42,60-62
āṽravan-	12,18	-gaoša-	316-317
¹ ayaoyaēni-	101	garəmə.varah-	289
ayasnya-	258	² garda-, av. garəda-	41,42,58
āsāta-	14,15,42,58	gava-šayana-/šiti-	316
bāya-	255	hada.šīṽa-	310
bandaka-	26	hadō.šīṽa-	60
baodō.jati-	248	hadō.gaēṽa-	60,61
baodō.varāta-	248	³ hana-gaiṽa- (hngyt)	60
barəman-	289	haaa-nafaēna-	58
⁴ barəmaō.varah-	289	hanjamana-	64
		haxəaan-	63,74-75
		hūiti-	12,18

hmyāna- 61
 kāra- 42
 katō.jati- 248
 māliya- 41,42
 miṣṣo.a 'miṣṣo.urta- 251
 *miṣṣo.paitim (?) 251
 miṣṣo.māsta- 250,251
 miṣṣa- 226
 miṣṣo.drug- 226,251
 miṣṣo.kyā- 226
 nabānasādiṣṭa- 42,57-61
 nāfa- 52,58,62,63
 *nafaina (nfyn) 58
 nāfya- 57,58
 nar- 42
 *nasu.nikana- 251
 nasu.pāka- 251
 nava.naptya- 81
 niuruzda- III
 nmāna- 41,60,62
 paitita-, paititi- 252
 para.bar- 60,310
 para-tāk- 24,260-261,357
 pasu.maza- 226
 *pasuṣ.haurva- 153
 psu.vīra- 41,42
 *patiṣaika-, *patiṣaiṣana- 334
 pāyav- 228
 pāratō-tanū- 253
 pāraṣa- 252
 pāṣō.sara- 259
 pāṣō.tanu- 253,259
 piṣṭra- 12
 raṣṣa- 60,255
 raṣṣah- 75
 ratav- 263,288
 raṣṣāṣṭā(r)- 12,14
 saṣṣa- 248,253,356
 sraoṣṣō.carana- 252-253,356
 sraoṣṣyā- 252
 staorō.maza- 226
 stūirya- 177,339
 ṣyaodna- 253
 taḍat.vohuni- 248
 tanu paraṣa- 253,254
 taumā-, taomam- 58,309-310
 ṣrigāmya- 283
 ṣrisantav- 317
 upabṣṣati- 355
 upāzana- 252
 urvaiti- 226
 urvan- 80,83
 urvāta- 362
 urvaṣṣa- 292
 urvaṣṣ-urti- 251
 usdāta- 292
 vaḥahina- 61,226
 varah- 288,293,362
 vardana- 22,63
 varasāna- 22,61,63
 vastryo.fṣuyant- 12,14,17,18
 vīrō.maza- 226
 vis-, viṣ- 41,42,60-62,213,218
 visō.puṣṣa- 349-350
 vixrumant- 248
 *vohu-tbaṣṣah- 250
 xvaṣṣ-paiṣya-. (h)uvaipaṣṣiya-
 328
 xvaṣṣtav- 42,57-58,63,64
 xvaṣṣvedaṣṣa- 64,65
 xvara- 248,254
 1yāta- 248,254
 2yāta- 259,354
 yō hē pasṣaṣṣa 100,185,188,345
 zastā.marṣṣa- 226
 zastō.maza- 226
 zame nikan- 251

2. Парфянский,
среднеперсидский

abart, abartikih 127, 215, 223
 ašdēn būtan 337
 *abika(r)šakān ('bykškn) 72, 314
 ādehik 7, 22-24, 191, 359
 aframān 205, 317
 sydēn 9
 āgraš(ih) 240
 āgrift 248, 253, 254
 ahramōyih 250, 251
 ahrawdāt 142, 161, 195, 241, 335
 ākāsdat 268
 amarakānik (rvēših) 134, 221,
 349
 anast-gōšišnih 250, 251, 355
 anattān 239
 anayārīh 251
 anbasān 134, 278
 andar apāyistan 146
 andar dūtak sāt 102
 andarz-nāmak 227
 andarspat 222
 anēr, anērīh 9, 22, 221, 302, 303
 anšamrīk 25-26, 45-47, 302
 apāš ēatatan 231
 apāš kartan 11, 213
 apāš vēxtan 242
 āpān, āpāndān 234, 236, 351-352
 aparnānd 100, 130, 185, 195-199,
 204-208, 216-218, 223, 323, 348
 apar wāndan 217
 apar sātān 223
 apasēk ('psyk) 160, 334
 apaspārtan 30, 32
 āpātīh, āpātānīh 159
 apēzār kartan 190
 appar/appar 249
 apurnāy(ak) 6, 305
 ardāš 253, 254

Armēnān-šāh 16
 armēšt 215
 artēštar(ān) 18
 artēštarānsardār 18, 19
 arš 32, 130, 136, 197, 207
 asašar(ān) 17
 *āsāmak ('amk) 314
 asardār 319
 as(pa)pat sppt(y) 312
 āsravan/āsrōn 18
 āstavān(ih) 363
 astōbid 254
 āšnākīh I tan 279
 atarsakāyīh 88, 98, 215
 ātaxš/ātur bandak 46-48
 ātaxš I Varahrān 161, 335
 ātaxš I katakīk 335
 ātaxš sardār 165, 336
 ātur 46-48, 169
 ātur I Farnbay 48
 ātur(r)ōk 161, 335
 āturvaxš 48
 ašvadāt 23, 29, 114, 249
 āvaštan, āvaštōmand 152, 352
 avistšār (wystw r) 78, 317
 āxvarpat (hwrpt) 313
 arvēš(ih) 129, 130, 346
 (ā)yām nihātan 152, 332
 (ā)yāmdārīh 137, 142, 152, 332
 āyazan 173
 *ayōyēn/ayūyēn 99-103, 106, 113,
 184, 185, 217, 321-322, 342
 I āzāt 6, 14-16, 22, 26, 179, 211,
 302
 2-āsāt (nipēk I ā.) 'Торъ' 224
 āsāt-daatašar 224
 āsāt-hišt 43, 223
 āsāt hištān/kartan 43, 223
 I āsātīh 'свобода' 47, 223
 2-āsātīh 'трансмиссия, преемство'
 223-225, 348

āsāt-nāmek 43, 223, 227
 bāṭ 255, 256
 bayaspān/bayaspān 104-110, 322
 bayaspāndāt 109, 323
 bahr 130, 131, 142, 164, 198, 207,
 208, 214, 216, 217
 bahr ī duxtīh 93, 196, 214
 bahr ī katak-bāmūk(īh)/maāīh
 92, 196, 214
 bahr ī pus(īh) 130, 196, 208,
 214
 bahr ī xvāstakdārīh 130
 bahr ī xvēš(īh) 93
 bandak 25, 26, 36, 46-48, 302, 303,
 305
 bandakīh 26, 47
 bar 126, 144, 161, 244
 bār sm. hark ut bār
 barsom-var, barsmō(k)varīh 289
 bar-xvēš 134, 137, 184
 bartīkīh 126, 214, 223
 bāsak samīšnīh 248
 bāsūk masād 118
 bāsusat 254
 bōḥō(k)sat 248, 255
 bōxt ut ērart 293, 363
 bōšīšn 132, 134, 243
 brāt 74-75
 brāt-hambāy 50, 75, 116, 179, 186
 būxvatāv (bwmhwtw) 72, 74, 315
¹bun ('основа') 162, 163, 172,
 184, 244, 126, 144, 155
²bun 'владелец основного титу-
 ла' 146
³bun ('основной экземпляр до-
 кумента') 228
⁴bun ('резиденция') 344
 bun-xānak 221
 bun-xvēš(īh) 129, 134, 243
 būtak(īh) 79, 194, 203, 223
 ḡahar-gōšīh 316-317

ḡak 227
 ḡakar; takke zan, ḡōy, pit,
 duxt, pus ī ḡakar 93-98,
 113, 204, 220, 320, 342, 345
 ḡakardāt 109
 ḡāšn 162, 165
 ḡāštak 270-274
 ḡiḡ, tie 126
 dāhōft (d'hyft) 25, 302
 dārīšn, dāštān 129, 132, 134,
 138, 160, 167, 223, 224, 334, 336
 daataḡar(īh) 133, 134, 138-141,
 165, 218, 224, 231, 272-274, 281,
 318, 336, 359
 daatīk 351
 dastvar 353
 dāštārīh 164
¹dāt ('закон', 'право') 12
²dāt ('передача') 12, 143, 147,
 198
 dātaḡar 18, 142, 265, 266, 283,
 286, 313
 dātān 142, 143, 144, 159, 217, 320,
 331, 335, 346
 dātāstān 24, 280, 290, 293, 359,
 361
 dātāstān pus/duxt/brāt/xvāh
 203
 dātīk 268
 deh 280
 dehpāt, dhybyd 19, 301
 dip 88, 227, 285
 dipīr 18, 300
 dīvān ī kartakān 168, 338
 dīvān ī oštāndārīh 168
 dīvānpān 285
 dōšītan 144
 driyōšān 359-360
 drōy-ḡāš 250, 251
 drōn 170
 drōš, drōšīšn 257

dravist dāštan 233,243
 duarav(Īh) 9,285
 dūtak 50,102,136,321,323
 duxtdāt 102,109,166,185,206
 dus 249,250
 ēhrpatān ēhrpat 19
 ēmōḍān (pat ē.) 142
 ēr, ērĪh 9,22,220,302,303
 ēvar(Īh) 280
 ēvkartakĪhā 127
 frāč vṛōḥiḥ 259
¹framān ('власть') 113
²framān ('распоряжение; судеб-
 ный приказ') 159,285,336
³framān (ступень провинности)
 98,248,253,354-355
 framān-burtārĪh 77,88
 fravart/fravahr 80
 fravartak 227,300
 frōxtan 30,232
 gāl 58
 gān 283
 gātār 107-108,251,323
 gil-xvatāy 58
¹gitāk (GT'k) 149
 gišr 285
 gōḥ 283
 gōḥiḥ 144,351
 gōhr(ak) 76,179,316
 gōpat 316
 graḥ, graḥakān(Īh) 138,142,
 242,287
 graḥdār, graḥakāndār 242
 griftār kartan 31,32
 guharēn, guharĪk 231-232,351
 haḍaḥmānd 287,297,361
 haahl 214
 hamarkār 11,12,160
 hambāy 208,209,214,223,348
 haabrāt(ak) 74-75,214
 hamāsal/r 142,212,278
 hangēh(ān) 60,75
 hamuhrĪh 285
 hamnār 22,58,76,179
 hampadēn 228,275
 hampāyandān(Īh) 230
 hamaāyānĪk 22
 hastanĪh 279
 hamxvāstak 238
 (h)andars 149,332
 handōxt I xvēš 136,196-198,
 208,218
 hangārtan 131,207
 hark ut bār 163
 (h)ēr 126,136,327
 hiliḥn 242
 hiliḥn-nāmak 92,227
 hūdēn, hūdēnĪh 9
 hunsandĪh 285
 hutuxš(ān) 18
 kāmak (dōḥĪtan) 144
 kanēzak 307
 kāpēn 95,90-91,94,246
 kār 32
 kārdār(Īh) 11,69
 kār-framān 275,276,285,317
 kārĪk 291
¹kartak 116,221,223
²kartak 273-274
 kartan ('упреждать') 217
 katak 50
 katak-bānūk (cm. raxxe bahr I
 katak-bānūkĪh) 50,90
 katak-xvatāy 2,50,58,113
 kātō(k)mat 248
 kustĪk 63
 mānpet (m'nyd) 75
 m'ny'k'n 318
 markaršān 24,115,241,253,259,
 282,284,287,288
 mart I šahr 6,36,198,200,210
 marzpan 16

¹mātak ('основной капитал/ссуда') 126,236,243
²mātak ('основной экземпляр документа') 228
³mātak ('основной тяжущийся') 140,359
mātakvar ('основной контрагент') 239,359
saddān 9
Mēšān-šāh 16
mihrdruših 251
mizd 163
mizd i dūtak-sardārīh 118
moγ 18
moγān andarapat 168
muhr i pat kār-framān 276,285
Mustaṣar-nāmak 276,286
nabānāndīšt(ih) 57,75,76,79, 130,325
nāf(ak) 76-78,81,317
nāfapat 58,77
nāmak 227
nāmak-passāš 290,296
nāmakānīh 82,179-180,326,340-341
nāmburtārīh 82,84,326
nāncīšt 163,171,235
narīh ut mātakīh 279
naxvadār 16
naxčērpāt (nhēyrpt) 313
nihātak (nihātan) 163,171
nipāk 302-303
nipēk 227
nipištak 227,276
nīrang 289,292,296
nirusd(ih) 111
nivēšpat 69
ōkārīšn 260
ōstaṣār 78,116,274
ōstān 48,222
ōstāndār(ih) 11
ōškāftak 360
ōšīt(ak)/ušīt(ak) 223-224
raḥēn 228
rāb nišān (?) 295-296
rargartan 291
pariatār 25,26,48,303
parvartār 108,327
passānār/1 278,359,361
pa(s)and 238,334
pa(s)sandārīh 142,334
passārt(an) 289,291
passārt-gāh 291
pašt, paštak 227,287,351
pat 282
patbāšk 160
pat ... dāšt 67,327
patigriftak: pīt i patigriftak, patigriftār 120,203
(pus/duxt) i patigriftak 120, 179,339,342
patigriftan 146
patigrīšn (paytākēnītan) 144
²pat¹vēk (pṭsyk) 160,334
patixšahr 169-171,227
¹pātixšāyīh ('власть, правомочие') 32,43,133,138,346
²pātixšāyīh ('орак') 84-94,95, 96,97,102,106-108,113,114, 203,320
patkār, patkārtan 107,142,278, 282,332
patmān 227
patnām 169,341
pātofrās 260
pat tan-ēv 286
pat xvēš tan sardār 92
pāyandān(ih) 31,229
paytāk kartan, paytākēnītan 13, 144,147,161
pēšak 12,18
pēšak i āsravanēn 19

pēšak ī dipīrān 18
 pēšak sardār 19
 pēšēnār/I 278,279,359,361
 pešīkān (?) 90,93,111,112
 pēštōšīšn(īh) 240-241
 pīt ī pētīšāyīhā 325
 purnāy 6
 pursišn 360
 pursišn-nānak 284
 pusakān(īh) 120,123
 rāh ī dō-kasīh 186,195,204
 rahīk 25,302
 ras(ak), rasīk 17,291
 rat II
 rāyēnītan (dātastān/kār/var)
 278,293
 rēš 254,255
 rēxn 75
 rōčīk 163
 rōčkārīk 184
 ruvān (pat r.) 80,142,160-176,
 195,211,335,341
 ruvānekān dipīr 168,176
 ruvānāyān/ruvānēn (kardāyān)
 174,175
 ruvānagān spāsag 339
 sahišn 144
 sāk II
 sakān-šāh 16
 sar brītan 8
 sardār(īh) 115-118,165,178,
 179,281,282,325
 sardār ī būtak 91,116,166,187
 sardār ī gumārtak 91,97,117-
 118
 sardār ī kartak 97,98,117,166,
 194
 sarvan-nānak 282,320
 sēnīk sasāš 118
 sōkand 293,296
 *spāhdātašar 358
 spāsag (ruvānagān s.) 175
 srād 287-288,361
 stahm 247
 stūr, stūrīh 100,112-113,116,
 130,138,177-195,204,205,208,
 217,320-321,341-342,344,345
 stūr-ašvēn 193
 stūr ī būtak 184-186
 stūr ī dūtak 91,102,185,342
 stūr ī gumārtak 180,184,186,
 187,191-193,339
 stūr ī kartak 137,179,182,184,
 186-191,198,339,343
 stūrīk pas 180,184,185,188,
 192,194,206
 stūr-škand 193,251
 syāh ut spētīh 279
 šāhān šāh bandak(īh) 6,22,26;
 45,179
 šāhīkān 11,47
 šahr 32
 šahrap (štrp : xštrp) 16,70,
 312
 šahrdār 16
 šahrīk 2,22
 rat
 tan 25,30,302
 tanāpuhr 116,253,254,259
 tan-ašnāk 279
 tan-stūr 193
 tarkāpišn/tarkāfišn 169,171
 tarsakāy(īh) 88
 *task/tasak 154,333
 tasōk, tasūk 333
 tāšt, pat tāšt, tāštīk 295,363
 tāvān 228,236,256
 tōšak 184
 tōxn 309
 tuvānīk I
 *upasāk (wpsyk) 160,334
 usbar 160

undātan 291
 undāt-nāmak 290,294
 undah(ik) 23-25,359
 usēnak 163,184
 usīt(ak)/ōsīt(ak) 223-224
 vahāk II,136,197,232
 vālūnik 22,74
¹var ('ордалия') 280,288-293,
 295-297,362
²var ('сторона в процессе')
 281
 varastān 289,291
 varastānik 291,363
 var-gāh 291,293,296
¹varōmand 280
²varōmand 290,293
 var-ōstikān 292,293,363
 var-sardār 292,297
 vars 159
 varsītan 291,293
 vāspuhr/vīspuhr (BRBYT) :6,
 218-220,312,327,349-350
 vāspuhrakān 85-86,90,93,III,
 II2,134,135,172,218-223,348-
 350
 vāstryōšān 18
 vāstryōšānsardār 19
 vaštākīh, vaštāk-sarvarīh 141,
 284
 vat-āhangīh 251
 vatxvah 251,284
 vāvarīkān 280
 vard 126,236
 vart 126,161,236
 vaarakān 16,68,69
 vadōdakān (wāwdg'n) 104
 veidātestān(īh) 238,290
 vehdān, vehiēnīh 9,22
 vēsāk/vēsak 20,25,38,41,2
 302
 viđīr 227,285,352
 vikāy 305
 vinān, vinānakārīh 247,250,251
 vindiēn 114,126
 viadurt 218
 visand 155
 vxēbēh (wxybyh) 328
 xrit, xritan II,232
 xvāh
 xvāhiēn III,190,278
 xvar 253-255
 xvārastan 291,293
 xvariēn ut dāriēn 115
 xvāsrādān(īh) 109-111,323
 xvāstak 32,126,140,142,144,
 146,160,220,223,303,320,333
 xvāstak I handōxt 323
 xvāstakdār(īh) 199-201,211,
 212,216,142
 xvaatūkīh 250,285,320
 xvatāy/xvatāv (MB^cHY) 69,71,
 314
 xvatāy-dušmānīh 250
 xvēševand 79,213,316
 xvēš, xvēšīh 32,42,93,129-136,
 138,142,145,185,197,204,206,
 208,217,220,221,224,328,331,
 349
 xvēškarīh-nānak 275,347
 yānak 332
 yāt 254
 yāta(k)gōš I driyōšān 359-360
 yāta(k)gōš 37,281,282,359
 yātavāš 281,282
 yātūkīh 250
 yasdān-dušmānīh 250
 yaziēn 163,171,337
 yas¹n-nāmak/viđīr 292
 saēm 247- 9
 samān (dātan, kartan) 140,283
 sandīkīh 250,277
 setak 223

zēndānik 257
zēndānpān 257,285
zūr-vīkāy(Ih) 284
zūrkart 360-361
zūr-xvart 293,294
zīvandak(?)-stūr 193

3. Согдийский

ʾytk (?) 86
ʾnspʾnh 105
ʾspʾsykh 95
βγʾnyrā(qty) : β nβp 104-106
δʾr 95
γwpt 316
γwš 316
γwrd st 86
nʾβ, nʾβc 62,76
nʾβδʾr 64
npʾkh 302-303
prnʾn 76-77
prnʾnδʾr 77
wyrδr, wyrδrʾk, wyrδy 220,
349

4. Хорезмийский. Хотаносакский

angēʾ 60
bāšīvārai 349
bīaa 41
nbʾk 302-303
naltolmsh- 360
pīndaa 53

5. Осетинский

æ nauvæg : æ vaumæg 75
æ vǵid 310
bajæddag 224
caɣar 95
donxærgæg : donxwærgæg 316
faonɣ
qæu : ɣæu 316

rvad 75
ææxk-axoxyn 316

6. Новоперсидский

āvān, vāa 234
barsān 311
bayōgānī 104
čakar 95
dāh 26
kābīn 90
māl-i haṣa 222
navā 302
rāh-dāde 24,259
rahī 302
saugand xurda 293

7. Санскрит

ādhibboga- 243
ardhika- 155
ārṣa-gotra- 55,56
asvāmīvikraya- 351
aurasa- 345
ayugū- 101
balī- 338
bhoga- 132
bhogolabha- 243
bhogya- 243
bhūmī- 306-307
bhūtayaājñā- 338
daśā- 25
dauhitra- 345
dāyāda- 54,61
devanthān- 174
dvijs-, dvijati- 63,309
dviptṛ- 122
dvyamūṣyāyana- 122
gana- 55,56
goṣṭhi-, goṣṭhijana- 174
goṣṭhika- 174
gotrā- 52-56,76
grha- 52,54,58,310

grhyapati- 308
 jīrnoddhāra- 174
 kṣātra vivāha 94
 kṣetraja- 94,345
 kula- 54
 laukika gotra- 52
 mahayajña- 53,338
 manusyayaajña- 310,338
 mula- 54
 nibandha- 173
 niyoga- 94,345
 pakā- 56
 paśu- 306-307
 pataka- 55
 pāyā- 228
 pinda- 53,54,84
 pitāra- 81
 pitryajña- 53,310,338
 prāmānya- 317
 pratisthā- 174
 pravara-, sapravarā- 56
 putrikā- 101,308,345
 putrikāputra- 102,308,345
 purohita- 56
 pūrtā- 174
 ratheṣṭhā- 14
 ṛṣi- 55
 ṛtam am- 363
 sabhā- 55
 sagotra- 55,94,308
 sakulya- 308
 samānodaka- 54
 sanābhi-, samāna nābhi- 58
 sapinda- 53-56,58,61,94
 sapravarā-, samānapravarā- 56
 śrat kar- 288
 śraddhā- 338
 svāmīn- 132
 svatvā-/svāmya- 132,135
 svayamvara- 324
 śāsana- 173

tarpapa- 338
 tripuruṣāgātā- 141
 upadhoga- 132
 upaneyana- 309
 upapataka- 55
 utsarga- 173,174
 vāśya- 308
 vīrah 306-307
 virapā- 306-307
 viśvagotrya- 52
 vṛddha- 308
 vṛjana- 311

8. древнегреческиѣ

ἀρχιστεῖς 56
 ἄκυρος 317
 ἀνάγειν ἐπὶ τὸν πρατήρα
 139-140
 ἀνῆρωποι 41
 ἀντροπίνα 326
 ἀποικία 24
 ἀσφάλεια 170-171
 αὐτοκτητά / ἐπικτητά 196,
 209,330
 βατλικοὶ δικασταί 264,
 265
 βασιλικὸν δικαστήριον
 264,356
 γενεάρχης 69
 γένος 52,309
 δειπνοκλήτωρ 69
 δεσπότης 71
 διαδικασία 133
 δίκη βεβαιώσεως 140
 δίκη εἰς ἐμφανῶν κα-
 τάστασιν 141
 δουλικὰ χρεία 32,239
 δοῦλος 32,40,41,302
 ἐκδίωμι 333
 ἔκδοσις 85
 ἐλεύθερος 15,16,40,41,302

ἔμβρυον 74, 156
 ἔνγραφος (τοῦ ἀσφαλισματος
 τῆς τελεμῆς) 170-171
 εὐσεβεῖς αἰτίαι 175
 εὐαγεῖς οἴκοι 175
 εὐσεβῆς πράξις 175
 ἔχειν 132
 Φοκεύς 41
 ἴδιος 12
 ἴδινα (τά) 326
 Ἰρή-Φίκες 317
 Ἰνυγατριδοῦς 102
 ἴδιος, ἴδιον μέρος 73,
 135, 156, 346
 ἱππεῖς 14
 ἱππηλάται 14
 ἱπποβοῦται 14
 καταχύσματα 306
 κοινόν 12
 κρατεῖν 132
 κτήμα 32, 40, 41, 132
 κτήσις, κτᾶσις 40, 41, 132
 κυριεῖν 132
 κύριος 71, 115, 314
 μετοικεσία 24
 ναυτική συγγραφή, ναυτικόν
 δάνεισμα 236
 νόμιμα, νομιζόμενα 340-
 341
 οἰκέτης 41
 οἰκία 40, 41
 οἶκος 41, 82
 οὐσία 132
 παιρεπίδημος 24
 παροίκησις 24
 πάροικος 24
 πάτρα 52
 πατρώα / παππῶα 196, 209
 πατῶοι ἴσοι 81
 πατρονόμιον (γένος) 58
 πέρας τῆς ἐπιγονῆς 324

πληγαί 247
 πρᾶσις ἐπὶ λύσει 30, 244
 προπάτωρ 309, 329
 Σιραχανοί 301
 σπαδαδουαρ 358
 συγγένεια 52
 συγγενεῖς, συγγενέες 41
 συνέχδοτος 158, 333
 συνκλήροι 73, 157
 σῶμα 302
 τελεμή, τελεμή 170-171
 τριπάτωρες, τριτοπατέρες
 57, 309
 τριχάικες 317

9. ΛΑΤΙΝΣΚΙΑ

accessio 303
 actio de in rem verso 304
 actio de peculio 304
 actio negotiorum gestorum 304
 a(d)gnatio 56
 a(d)gnatus 14, 309
 avus 57
 bona adventicia 144, 149
 contumacia 287
 datio in solutum 236
 detentio 129, 137
 dominium 32, 42, 128, 131, 135
 familia 52
 foenus nauticum 237
 fundus instructus 127, 244
 gens 81
 gens 52
 ius accrescendi 208, 307
 ius representationis 205
 iura in re 128, 328
 iura in re aliena 128, 328
 iura in personam 128, 328
 longi temporis praescriptio
 141

manes 81
 pecudes viresque 41
 pecunia trajecticia 237
 potestas 32,42
 prosvus 57
 privus, praiivatōd 329-330
 propinquitās 56,330
 proprius proprietās 32,128,
 131,328,329-330
 solutio 230,242
 stirpe 52
 successio per universitates
 201
 traditio 85,143
 n(e)iro pequo 41
 usucapio 141

10. Древнеармянский

anaḫarhik 302,357
 anart' (yanart' aḡm) 332
 anderjapet 222
 anxuḫk'arā 347
 ark'ayio' ark'ayi saḡay 26
 arguarjan 311
 aspet, t'agadir a. 69,312
 astruḫan 335
 asrēn 337
 ayruji 17,324
 I¹azat ('агнат, благородный')
 17,59,211-213
 I²azat ('свободный'), azatut'iwn
 ('свобода') 223
 asatani 17
 asatut'iwn ('наследопреемство,
 вотчина') 223-225
 asg 309-310
 azgapet 69,310
 bdeḫx 16
 datawor 69
 dayeak 125
 dahpat, dehapet 301
 380

darov 285
 gahmḫak 67-72,266
 gerdastan 306,310
 gerdastanik 306
 gorcakal 68,69,313
 graw, grḫakan 353
 haminaḫ 212
 hayrenik' 330
 hritak 346-347
 ir 327
 jatagov 359-360
 kaḫ 346
 kapen-k' 90
 k'akax'apat 69
 k'makaginik 330
 kaḫkaḫ 68,69
 marḫpat 313
 marapan 16
 marapet 313
 mesmes(k') 68,69
 nahapat 58,64,68,69,77,310
 naharar 16
 nepak 302-303
 nuirakapet 69
 nēdah 24
 orsapetn ark'uni 69
 panduxt 23,24,259
 pargewakank' 330
 pargani 77
 patḫen 96
 patḫapet 314
 patḫayk 335
 patḫir 170
 payazat 224,225
 payk'aren 212
 pind 53
 p'ursiḫn 360
 ranik 17,324
 sepuh, sephakan 135,221-223,
 347,349-350
 spanak 105

šahap 16,68,69
šahrik 301
šahxořapet ark'unī 69
šēn, šinakan 17
škapem 360
škwat'ak 360
tamtēr 68,69
tēr 69.71
tohm, tohnik 309-310
xostakdar 199.211,212
zat, satanem, satnum 223

II. Арамейский, сирийский

(benajjā) bə-kajjānā 203
(benajjā) bə-namūā 203
(benajjā) bə-quplā 203

хзы 'нх 72-75,158
nānā 152
raḡrabānē 69
šahrīgā 301
šatrā šarīrā/də bafnōkē 280
tasqā 154

12. Арабский

dahūfaḡīya 301
mutawallī 176
nādir 176
qādī 176
qāyim
šahrīj 301
tasq 154
waqf (hairī, ahlī) 175-176
wāqif 175

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Раздел I. Право лиц	5
Глава 1. Лица физические и юридические	5
Глава 2. Сословия	12
Глава 3. Граждане и не-граждане	21
Глава 4. Рабы	25
Глава 5. Меродулы	46
Раздел II. Общественные структуры: агнатическая группа и семья	50
Глава 1. Агнатические группы	50
Глава 2. Семья и брак: вводные замечания	79
Глава 3. Брак <i>patixāyūih</i>	84
Глава 4. Брак <i>ḥakarīh</i>	94
Глава 5. Эпиклерат и брак эпиклеры	99
Глава 6. Прочие формы брака	104
Глава 7. Патриархальная власть и опека	113
Глава 8. Усыновление. Вскормленничество	128
Раздел III. Имущественное право	128
Глава 1. Понятие о вещи и вещном праве	128
Глава 2. Собственность и владение. Способы приобретения имущественных прав и защита владения	129
Глава 3. Передача	142
Глава 4. Завещание	149
Глава 5. Депозит. Сервитуты. Аренда	152
Глава 6. Частные целевые фонды "для души"	160
Раздел IV. Семейное имущество и закон наследования	177
Глава 1. Обеспечение преемства: стурство	177
Глава 2. Семейное имущество, положение о преемстве и закон наследования	195
Глава 3. Пехлевийские термины наследопреемства	216

Раздел V. Обязательственное право	226
Глава I. Общие замечания	226
Глава 2. Поручительство	228
Глава 3. Обмен (мена)	231
Глава 4. Купля-продажа	232
Глава 5. Заем	234
Глава 6. Залог	242
Раздел VI. Деликты	247
Глава I. Проступки. Их разновидности	247
Глава 2. Наказания. Действие деликта на правоспособ- ность. "Смертная вина"	252
Раздел VII. Судопроизводство	263
Глава I. Организация и источники судопроизводства..	263
Глава 2. Судебный процесс	278
Глава 3. Ордалия и клятва	288
Примечания	299
Список сокращений	364
Указатель терминов	371

Анаст Георгиевна Перякина
ОБЩЕСТВО И ПРАВО ИРАНА
В ПАРФЯНСКИЙ И САСАНИДСКИЙ ПЕРИОДЫ

Утверждено в печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор М.М. Хасмаев
Художник А.Г. Кобрин
Художественный редактор Э.Л. Эрман
Технический редактор Л.И. Градобоева
Корректор Е.В. Анохина

ИБ №14748

Сдано в набор 16.06.82. Подписано в печать 05.04.83.
А-11340. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Изд. №5238. Усл. п. л. 24,0. Усл. кр.-отт. 24,25. Уч.-изд. л. 23,78.
Тираж 2200 экз. Зак.1360 Цена 2 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1.

Отпечатано в тип. №8 Совзнаполграфпрома
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров СССР
Москва 109033, Волоколавская ул., 40.

3-я типография издательства "Наука"
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28.